КАПИТАЛИЗМЪ
И
СОЦІАЛИЗМЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ РАЗЛИЧНЫМЪ ВИДАМЪ ИМУЩЕСТВА И КОМЕРЧЕСКИХЪ СДѢЛОКЪ

Т. I

ЧТЕНІЯ О ПРИМИРЕНІИ

ПРОТИВОРѢЧІЙ МЕЖДУ ЗАРАБОТНОЮ ПЛАТОЮ И КАПИТАЛОМЪ

Д-РА АЛЬБЕРТА ЭБЕРГ. ФРИДР. ШЕФЛЕ

Професора политическихъ наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи М. Хана, Болотная № 5

1871

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга составлена изъ пяти лекцій, читанныхъ мною въ началѣ этого года въ австрійскомъ музеѣ промышленности. При обработкѣ этихъ лекцій для печати и при тщательномъ сравненіи обширной литературы, я убѣдился, что мнѣ возможно составить цѣнное литературное произведеніе не иначе, какъ по *уразумѣніи всѣхъ сторонъ богатаго содержаніемъ вопроса, во всей ихъ единичной цѣлости.* Я рѣшился слѣдовать этому взгляду на предметъ и такимъ образомъ изъ пяти, дѣйствительно читанныхъ мною, составилось пятнадцать безъискусственно написанныхъ лекцій, въ формѣ устнаго изложенія, безъ великихъ претензій. *Результаты* изслѣдованія резюмированы въ общемъ обзорѣ въ концѣ послѣдней лекціи; великое разнообразіе отдѣльно разработанныхъ темъ видно изъ обозрѣнія содержанія книги.

Мое сочиненіе расчитано прежде всего на всю *образованную публику*, на сколько она пожелаетъ серьезно и всесторонне подумать объ этомъ необыкновенно серьезномъ вопросѣ, затрогивающемъ такъ много жизненныхъ отношеній. Поэтому я не предполагалъ заранѣе ни въ комъ спеціальныхъ знаній и развилъ въ самой книгѣ необходимыя понятія о національно-экономической теоріи.
[illegible] по разнымъ *спе-*
[illegible] вниманія *юри-*
[illegible] словской *этики.*
[illegible] *асоціаціи*, по
[illegible] руденціи и этики.
[illegible] ѣйшимъ выводамъ.
[illegible] давать свои изслѣ-
[illegible] за что нибудь

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга составлена изъ пяти лекцій, читанныхъ мною въ началѣ этого года въ австрійскомъ музеѣ промышленности. При обработкѣ этихъ лекцій для печати и при тщательномъ сравненіи обширной литературы, я убѣдился, что мнѣ возможно составить цѣнное литературное произведеніе не иначе, какъ по *уразумѣніи всѣхъ сторонъ богатаго содержаніемъ вопроса, во всей ихъ единичной цѣлости*. Я рѣшился слѣдовать этому взгляду на предметъ и такимъ образомъ изъ пяти, дѣйствительно читанныхъ мною, составилось пятнадцать безъискуственно написанныхъ лекцій, въ формѣ устнаго изложенія, безъ всякихъ претензій: *Результаты* изслѣдованія резюмированы въ общемъ обзорѣ въ концѣ послѣдней лекціи; великое разнообразіе отдѣльно разработанныхъ темъ видно изъ обозрѣнія содержанія книги.

Мое сочиненіе расчитано прежде всего на всю *образованную публику*, на сколько она пожелаетъ серьезно и всесторонне подумать объ этомъ необыкновенно серьезномъ вопросѣ, затрогивающемъ такъ много жизненныхъ отношеній. Поэтому я не предполагалъ заранѣе ни въ комъ спеціальныхъ знаній и развилъ въ самой книгѣ необходимыя понятія о національно-экономической теоріи. Изъ людей, принадлежащихъ къ кругу ученыхъ по разнымъ *спеціальностямъ* я, кромѣ экономистовъ, прошу вниманія *юристовъ* и представителей философской и богословской *этики*. Изслѣдованія объ *экономическихъ формахъ асоціаціи*, по моему мнѣнію, очень близко касаются юриспруденціи и этики. Эти двѣ науки даютъ мнѣ ключъ къ существеннѣйшимъ выводамъ. Однако же я очень далекъ отъ того, чтобы выдавать свои изслѣдованія относительно формъ хозяйственнаго союза за что нибудь

большее, чѣмъ серьезныя начала и стимулы національно-экономической морфологіи.

Съ тѣхъ поръ какъ рукопись этой книги отдана была въ печать, въ Австріи произошелъ политическій кризисъ, заставляющій меня положительно объяснить, что ни моя жаркая защита равенства частнаго и государственнаго права, ни капиталъ не имѣютъ никакой связи съ австрійскимъ „централизмомъ," ни мой „экономическій федерализмъ не имѣетъ ничего общаго съ федералистическою агитаціей партій. Впрочемъ это замѣтитъ тотчасъ же каждый серьезный читатель.

Читатели, знакомые съ моими прежними сочиненіями, найдутъ въ моей книгѣ мои прежніе основные взгляды. Если они замѣтятъ болѣе сильный оттѣнокъ антиоптимистическаго возрѣнія, то я прошу ихъ приписать это тому, что я въ теченіе этого времени оставилъ свое отечество съ его здоровымъ низшимъ классомъ, дающимъ тонъ его политическому, соціальному и экономическому строю, и, находясь среди болѣе широкихъ отношеній, пріобрѣлъ болѣе глубокій взглядъ на противорѣчія и дисгармоніи нынѣшняго общества.

Хотя я не оспориваю ни одного обола изъ честно пріобрѣтеннаго имущества и никакимъ образомъ не рекомендую передѣлки права новаго времени на старый ладъ, но нѣкоторымъ я могу показаться радикаломъ и опаснымъ для государства, потому что я не трачу ни одной драхмы нравственнаго негодованія противъ теоретиковъ соціализма и не стѣсняясь говорю о темныхъ сторонахъ существующаго общества. Другіе примутъ меня за консерватора, потому что я не въ состояніи видѣть никакого спасенія въ полной и безцеременной ломкѣ существующихъ экономическихъ общественныхъ формъ и противопоставилъ дѣйствительному соціалистическому радикализму новыя начала, результаты новыхъ изслѣдованій.

Можетъ быть также не малозначительно число тѣхъ, которые отнесутся ко мнѣ безъ предубѣжденія и не откажутъ мнѣ въ откровенности, чистосердечіи и неустрашимости. За всякую критику съ этой стороны я буду благодаренъ и останусь совершенно равнодушнымъ къ охужденіямъ и порицаніямъ, изложеннымъ въ общихъ фразахъ и колкихъ словахъ. Я еще въ 1864 году публично при-

зналъ важность агитаціи работниковъ, и думаю, что въ настоящее время слова мои оправдались, потому что „международная асоціація“ работниковъ, основанная 28 сентября 1864 г., говорятъ, насчитываетъ уже болѣе полумиліона членовъ.

Въ своей книгѣ я повсюду поставилъ на первомъ планѣ организацію *заработной* платы, какъ *практическій* вопросъ *первостепенной* важности. Заработная плата есть въ настоящее время преобладающая форма сдѣлокъ, въ ней рѣшается та доля, которую получаетъ работникъ при раздѣлѣ національнаго дохода. Поэтому, безъ возвышенія заработной платы *немыслимо* образованіе капиталовъ въ рабочемъ классѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможенъ общій переходъ отъ *господствующей* системы заработной платы къ *самостоятельной* системѣ товарищества, при возвышеніи наемныхъ работниковъ въ званіе пайщиковъ капитальнаго имущества.

Поэтому я не отрицаю также большой важности стремленія къ составленію товариществъ, но поставленное мною сравненіе формъ разныхъ сдѣлокъ укрѣпило во мнѣ то убѣжденіе, что, въ болѣе отдаленномъ будущемъ, возникнувшее изъ плодовъ улучшенной организаціи заработной платы производительное товарищество можетъ и должно пріобрѣсти величественные размѣры. Силы, порывающіяся къ этимъ позднимъ цвѣтамъ, я вижу въ возвышеніи нравственнаго развитія рабочаго класса, поднявшагося среди самой системы заработной платы, въ *потребности капитала*, ощущаемой промышленною и поземельною мелкою собственностью въ виду постояннаго усиленія *крупнаго производства*, наконецъ въ ощущаемой господствующимъ *крупнымъ владѣніемъ нуждѣ въ работѣ*. Ни что не кажется мнѣ безумнѣе, какъ навязывать *колективную* эксплуатацію мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ, которыя чувствуютъ себя покамѣстъ хорошо, или требовать, чтобы нынѣшніе крупные владѣльцы частной собственности добровольно отказались отъ исключительнаго владѣнія ею; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего правдоподобнѣе того, что съ постепеннымъ развитіемъ необходимости въ раціональной эксплуатаціи крупной поземельной собственности, частію нужда крупныхъ землевладѣльцевъ въ хорошихъ работникахъ, ча-

стію нужда мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ виду преобладанія крупнаго капитала проложатъ путь къ сельско-хозяйственнымъ товариществамъ по добровольному согласію обоихъ заинтересованныхъ классовъ и съ помощью законодательства.

Весьма естественно, что *теперь* мелкіе ремесленники и мелкіе сельскіе хозяева такъ охотно хватаются за систему товарищества, которая *восполняетъ* и укрѣпляетъ мелкую *частную эксплуатацію*. Эта система имѣетъ большое значеніе, какъ элементарная школа пользованія на правилахъ товарищества, хотя это „восполняющее товарищество" есть только введеніе къ болѣе обширному развитію, и можетъ служить только мостомъ для перехода отъ господствующихъ мелкихъ сдѣлокъ къ крупнымъ оборотамъ асоціаціи. Въ этомъ смыслѣ я высоко цѣню дѣятельность Шульце и признаю блистательную „логику" исторіи въ томъ, что система товарищества для мелкихъ частныхъ дѣлъ въ первый разъ достигла почтенныхъ размѣровъ. Мое убѣжденіе въ томъ, что за симъ съ такою же логичною необходимостію послѣдуютъ дальнѣйшія фазы развитія, доказывается подробно въ самой книгѣ. Принимая въ соображеніе непредвидимыя помѣхи, никто не въ состояніи предсказать какъ продолжительны будутъ періоды времени, въ которые совершатся эти процесы.

Д-ръ А. Шефле.

Вѣна. Іюня 1870 г.

ЧТЕНІЕ I.

Предварительныя указанія.

Мнѣ нѣтъ надобности распространяться въ оправданіяхъ относительно выбора предмета для моихъ настоящихъ чтеній.

„Нынѣшнія противорѣчія между наемнымъ трудомъ и капиталомъ“ еще такъ недавно бросались вамъ въ глаза на улицахъ Вѣны. Едва мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ этихъ мѣстъ между Гофбургомъ и Шотландскими воротами [1]), 15,000 работниковъ вздумали заявить высшимъ государственнымъ учрежденіямъ свою опозицію противъ капитала. Впрочемъ уже давно соціально-демократическое движеніе, доказывающее ту же самую опозицію, распространилось въ Вѣнѣ, Брюннѣ, Рейхенбергѣ, и огромныя сборища работниковъ, также какъ стачки (strikes), свидѣтельствуютъ о сильномъ броженіи, происходящемъ въ средѣ промышленнаго класса работниковъ.

Эта агитація есть первый къ берегамъ добродушной Австріи прибой того всеобщаго движенія, котораго водоворотъ съ давнихъ поръ, и въ новѣйшія времена все чаще и сильнѣе, волнуетъ всю Европу. Куда мы ни взглянемъ, повсюду—сходки рабочихъ, демонстраціи, стачки. Старое „патріархальное отношеніе“ между наемными работниками и капиталистами исчезло безвозвратно. Даже изъ Россіи приходятъ вѣсти о распространеніи аграрнаго соціализма. Въ Базелѣ конгрессъ „интернаціоналовъ“ (международныхъ)

---

[1]) У Шотландскихъ воротъ находится зданіе палаты представителей. 13 дек. 1869 г., въ день открытія рейхсрата, въ этомъ мѣстѣ произошла большая демонстрація работниковъ.

осенью 1869 г. постановилъ резолюцію объ уничтоженіи поземельной собственности. Наемные работники умѣютъ пользоваться правомъ собраній и сходокъ, а равно средствами сообщенія для того, чтобы составлять между собою союзы. Нѣкоторые коноводы ихъ питаютъ смѣлую надежду, что 1889 годъ принесетъ четвертому сословію освобожденіе отъ ига „денежной аристократіи капиталистовъ,“ подобно тому какъ 1789 г. принесъ соединенной тогда въ третьемъ сословіи буржуазіи освобожденіе отъ эксплуатирующаго господства двухъ первыхъ сословій—аристократіи духовной и свѣтской. Разрывъ между имущею аристократическою частію мѣщанскаго міра, „буржуазіею“ и неимущею, работающею за плату, частью ея, пролетаріатомъ, не только обнаруживается во внѣшнихъ фактическихъ явленіяхъ богатства и бѣдности, но и коренится глубоко въ сердцахъ, и сѣмя ненависти между промышленными классами занесено въ Австрію и пустило здѣсь ростки не единственно какимъ-то неосязаемымъ „злымъ духомъ,“ или “безпечностью полиціи, или „заграничными эмисарами;“ высокое индустріальное развитіе въ предмѣстіяхъ Вѣны и въ средоточіяхъ блистательной богемско-моравской промышленности дало фактическій матеріалъ для броженія соціально-демократическихъ идей. Почва въ Австріи была достаточно подготовлена для того, чтобы принять въ себя тѣ самыя несогласія между классами, которыя въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ существуютъ уже въ теченіе двухъ поколѣній, и тамъ, посредствомъ законодательства страны, управляемой поземельными и денежными аристократами, появляются безпрестанно въ видѣ все болѣе и болѣе бурнаго потока.

Въ виду этихъ фактовъ и обстоятельствъ значило бы толочь воду, если бы я сталъ оправдывать предъ вами выборъ предмета для моихъ чтеній.

Постараемся же уяснить себѣ всю глубокую серьезность и смыслъ движенія новаго времени.

Да, *всю серьезность!* Мы увидимъ ее уже изъ этого перваго чтенія, когда предложимъ и разрѣшимъ слѣдующіе вопросы:

Что утверждаетъ соціальная агитація относительно нынѣ существующаго общественнаго порядка человѣческаго хозяйства?

Какого лучшаго порядка желаетъ она?

Какъ, и *посредствомъ кого* проводитъ она свою критику и заявляетъ свои требованія?

И такъ, во первыхъ: *что* утверждаетъ относительнo существующаго общественнаго строя „соціальная“ опозиція, которую, со всѣми ея оттѣнками, мы съ опрометчивою безразборчивостью называемъ соціализмомъ?

Относительно опредѣленности своего отвѣта на этотъ вопросъ соціализмъ не оставляетъ ничего болѣе желать. Послѣ того какъ еще въ 1780 г. одинъ французъ [1]) соединилъ собственность и воровство въ одну умственную комбинацію, другой, исполненный ума и оригинальности французъ, *Прудонъ*, далъ простой, неприкрашенный отвѣтъ: „*собственность есть воровство.*“ Въ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1840 г., въ которомъ онъ на заглавномъ листѣ поставилъ вопросъ: Qu'est ce que la propriété? онъ отвѣчаетъ: „la propriété c'est le vol.“ А одинъ „пророкъ“ нѣмецкихъ работниковъ,—котораго въ настоящее время одни превозносятъ до небесъ, а другіе ненавидятъ какъ сатану и который, уже по этому самому, не можетъ принадлежать къ числу незначительныхъ умовъ,—Лассаль высказалъ ни болѣе, ни менѣе какъ слѣдующее положеніе: собственность есть чужая принадлежность (Eigenthum ist Fremdthum). Еще за годъ до своей агитаціи онъ въ ученомъ сочиненіи на половину юридическо-философскаго, на половину юридическо-историческаго содержанія, подъ заглавіемъ: „Система пріобрѣтенныхъ правъ,“ научнымъ образомъ доказывалъ эти основныя мысли своего агитаторскаго соціализма.

И такъ „собственность есть воровство!“ Дерзкіе безумцы,—тѣ, которые хотятъ „раздѣлить,“ тѣ, которые девизъ справедливости: Suum cuique переводятъ словами: возьми у каждаго принадлежащее ему,—утверждаютъ также, что честно владѣющій собственностью гражданинъ есть воръ. Но позвольте! Прудонъ или Лассаль, или другіе, которые до нихъ или послѣ нихъ, объявили собственность воровствомъ, не смотря на этотъ тезисъ не держатся того мнѣнія, что всѣ „граждане“ достигли обладанія собственностью съ помощью

[1]) Brissot, recherches philosophiques sur le droit de propriété et le vol. 1780.

потайныхъ фонарей или поддѣльныхъ ключей, или посредствомъ очистки чужихъ кармановъ. Они скорѣе думаютъ, что *объективный* нынѣшній порядокъ гражданскаго общества, состоящій въ преобладаніи капитала въ области народнаго хозяйства, служитъ самъ по себѣ причиной, которая даже благонамѣренныхъ собственниковъ привела,—мало того, вслѣдствіе конкуренціи принудила,—давать наемнымъ работникамъ плату гораздо ниже дѣйствительной стоимости ихъ работы и такимъ образомъ, ежедневно оттягивая у нихъ часть заработка, накоплять для себя капиталы изъ плодовъ чужаго труда. Въ этомъ смыслѣ капиталъ для нихъ есть нѣчто въ родѣ губки, постоянно „всасывающей въ себя излишки чужаго труда,“—возрѣніе, которое изъ нѣмецкихъ соціалистовъ съ наибольшею настойчивостью проводитъ богатый умомъ и знаніями Карлъ *Марксъ*. Капиталъ, образовавшійся изъ чужихъ заработковъ, господствуетъ также въ шаткихъ комбинаціяхъ товарнаго, денежнаго и кредитнаго рынка. Онъ умѣетъ пользоваться этими комбинаціями какъ для постояннаго захвата наемнаго труда, доведеннаго до низшей заработной платы, такъ и для ограбленія небольшихъ состояній, уничтоженныхъ крупными оборотами и совершенно очищенными на биржѣ. „Какъ вы опредѣлили бы соціализмъ?“—спрашиваетъ Лассаль своихъ противниковъ [1]).—Очевидно такимъ образомъ: *раздѣленіе собственности общественнымъ путемъ*. Но, видите, это положеніе вещей *существуетъ* какъ я показалъ вамъ, *именно въ настоящее время*. Именно теперь господствуетъ, подъ видомъ просто индивидуальнаго продукта, раздѣленіе собственности, непрерывно измѣняющееся по разнымъ случайностямъ,—вслѣдствіе чисто объективныхъ движеній общества (вслѣдствіе гегемоніи капитала, конкуренціи, комбинаціи)—раздѣленіе собственности *общественнымъ путемъ*. Именно теперь господствуетъ *анархическій* соціализмъ. Этотъ *анархическій соціализмъ* есть *гражданская* собственность. Слѣдовательно, соціализмъ желаетъ—не уничтожить собственность, а напротивъ, прежде всего ввести *индивидуальную* собственность,

---

[1]) Bastiat Schulze v. Delitzsch oder Kapital und Arbeit, p, 210.

основанную на *трудѣ*. И когда мы только отвратимъ взоры отъ уже разъ образовавшейся собственности капитала — находящейся въ точномъ соотвѣтствіи съ существующими обстоятельствами — то во всякомъ случаѣ мы имѣемъ неоспоримое право, *необразовавшуюся еще собственность будущаго времени* сдѣлать *собственностью труда*, давъ другую форму производству. Наши господа граждане, вѣроятно, не станутъ поддерживать феодальное мнѣніе, что̀ работники ихъ суть glebae adscripti, ихъ крѣпостные, и что, — по сущности нынѣшняго производства, — народъ долженъ продолжать этотъ способъ производства, работая изо всѣхъ силъ для капитала. Въ этомъ смыслѣ, не дѣлая никакихъ обвиненій противъ отдѣльныхъ капиталистовъ, не нападая ни на Петра, ни на Павла, ораторы соціальнаго движенія считаютъ собственность воровствомъ. Нынѣшній имущественный порядокъ для нихъ есть анархическій, несправедливый соціализмъ.

Этотъ „дурной" соціализмъ долженъ быть замѣненъ лучшимъ соціализмомъ какой нибудь соединенной собственности:

или посредствомъ *свободнаго товарищества въ собственности*, изъ чего происходитъ соціальный федерализмъ или товарищескій соціализмъ („асоціализмъ");

или посредствомъ сосредоточенія *капитальной собственности* въ лицѣ *государства*, что̀ ведетъ къ системѣ государственной соединенной собственности, или къ чистому *комунизму*;

или посредствомъ *организаціи* труда, кредита, капитала на предпріятія, конечно *путемъ государственнымъ, однако же безъ* комунистической отмѣны всякой частной собственности, безъ нивелировки до равенства, а съ участіемъ отдѣльныхъ лицъ въ цѣнности общаго продукта „пропорціонально вкладу каждаго *талантомъ, капиталомъ* и *трудомъ*," что̀ имѣетъ своимъ результатомъ „полукомунизмъ" или собственно такъ называемый соціализмъ, въ *узкомъ* смыслѣ этого слова;

или, наконецъ, посредствомъ *либеральнаго* союза свободно соединяющихся между собою любви, братства и гуманности, что̀ ведетъ къ *христіанскому* или *гуманному* соціализму.

Въ какой бы изъ этихъ формъ ни были поставлены общность и колективное владѣніе на мѣсто частной собственности, но всѣ

соціальные идеологи желаютъ новой имущественной организаціи, болѣе пропорціональной дѣйствительнымъ заслугамъ отдѣльныхъ лицъ и нововводители—даже относительно критическихъ формулъ и терминологіи—совершенно согласны въ томъ, что нынѣшняя собственность составилась изъ непрерывнаго ежедневнаго урѣзыванія заработковъ пролетарія и постоянно ими питается; или, другими словами, что частная собственность есть чужая собственность, что она есть воровство съ объективной точки зрѣнія.

Такимъ образомъ эпитетъ воровства дается не отдѣльному собственнику, а цѣлой организаціи собственности. Марксъ, въ предисловіи къ своей замѣчательной книгѣ, говоритъ: Я представляю образы капиталиста и поземельнаго собственника вовсе не въ розовомъ свѣтѣ. Но здѣсь дѣло идетъ о лицахъ только въ той мѣрѣ, въ какой они служатъ *олицетвореніемъ* экономическихъ категорій и выражаютъ собою опредѣленныя *сословныя отношенія и интересы*. Моя точка зрѣнія, съ которой развитіе экономической организаціи общества представляется *естественно-историческимъ* процесомъ, менѣе чѣмъ всякая другая дѣлаетъ отдѣльное лицо отвѣтственнымъ за тѣ отношенія, соціальнымъ созданіемъ которыхъ онъ остается, до какой бы степени онъ ни возвысился надъ ними въ качествѣ особаго субъекта.

Нападая, согласно этому, на частный капиталъ, какъ на родовое понятіе, а не на личность отдѣльныхъ капиталистовъ, соціализмъ, взамѣнъ того, подвергаетъ спору *всѣ* виды частной собственности, приносящей доходъ, и это обстоятельство несомнѣнно дѣлаетъ его еще тѣмъ болѣе серьезнымъ явленіемъ.

Война объявляется не только той,—награбленной, пріобрѣтенной посредствомъ хитрости и обмана биржевыми волками высокаго, высшаго и самаго высшаго разряда,—собственности, которая внушаетъ достойное презрѣніе честнымъ людямъ, даже между самими торговцами. Каждый честный гражданинъ въ концѣ концовъ охотно бы согласился принести этихъ прожорливыхъ созданій въ жертву бушующему морю, требующему жертвоприношенія [1]). Соціализмъ

---

1) Сравн. сочиненіе банкира *Буррона*, Guèrre au crédit. 1869.

презираетъ въ особенности этотъ родъ собственности, но онъ кромѣ того въ *принципѣ* возстаетъ противъ нынѣшняго капитала, а слѣдовательно и противъ честно пріобрѣтеннаго крупнаго сельскохозяйственнаго, ремесленно-промышленнаго и торговаго частнаго капитала. И не только противъ капитала, въ тѣсномъ смыслѣ, движимаго имущества.

Противъ *недвижимой поземельной собственности* ведется особенно энергическая борьба. Я уже упоминалъ о броженіи аграрнаго соціализма въ Россіи и о резолюціи базельскаго „международнаго" конгресса, состоявшейся осенью 1869 г. Теоріи поземельной ренты, представляемыя самими гражданскими національными экономистами, помогаютъ нападенію противъ частной недвижимой собственности. Въ Ирландіи цѣлые десятки лѣтъ происходитъ броженіе аграрнаго соціализма, который напоминаетъ собою — даже до отдѣльныхъ колкихъ словъ — рѣчи Гракховъ, сохранившіяся у Плутарха [1]). Даже въ *старой веселой Англіи* пламя соціалистической критики и аграрнаго движенія охватило уже не только движимое имущество „высшихъ 10,000", но и поземельную собственность тѣхъ 27,000, которымъ досталась въ частную собственность почва англійской націи. Тамъ возникаютъ *сельскохозяйственные союзы работниковъ* (trade unions); и на первый, уже образовавшійся союзъ подобнаго рода, Марксъ весьма справедливо указываетъ какъ на явленіе, составляющее эпоху.

Броженіе аграрной агитаціи можетъ сопровождаться нынѣ болѣе быстрымъ и энергическимъ успѣхомъ, чѣмъ во времена Гракховъ и крестьянской войны. Теперь въ этой агитаціи участвуетъ *научная закваска*, такъ какъ денежная аристократія, при своей опозиціи противъ аристократіи поземельной, въ своихъ теоріяхъ о поземельной рентѣ, составленныхъ въ духѣ ея собственныхъ интересовъ, подвергла сомнѣнію *частную собственность* отличительныхъ естественныхъ основъ пріобрѣтенія имуществъ. Самые серьезные умы нападаютъ на частное отношеніе сельско-хо-

---

1) Срав. Rodbertus Schrift über die Grundrente.

зяйственнаго чистаго дохода или поземельной ренты, приписываемой преимущественному положенію и качеству почвы. Въ средствахъ къ оживленію этой агитаціи нѣтъ недостатка въ настоящее время, въ которое даже массы умѣютъ пользоваться телеграфами, почтами, желѣзными дорогами и печатью. *Индустріализмъ*, для котораго тѣсно сжатыя массы работниковъ служатъ естественнымъ гнѣздомъ соціалистическаго движенія, захватываетъ землю не только *внѣ*, въ горныхъ заводахъ, плавильняхъ, прядильныхъ фабрикахъ, но и непосредственно въ большомъ сельскомъ хозяйствѣ *внутри*, такъ какъ эти громадные запасы свекловицы, картофеля, хлѣба, дровъ и минераловъ, могутъ быть обращены въ деньги только посредствомъ устройства свекловично-сахарныхъ заводовъ, винокуренъ, мукомольныхъ мельницъ, лѣсопиленъ и плавильныхъ заводовъ. Дворянство, предавшись винокуренію, сдѣлается вѣстникомъ соціальной пропаганды по всей странѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что аграрное броженіе неизбѣжно наступитъ, — скорѣе всего тамъ, гдѣ земля со многими помѣстьями, прилегая къ большимъ городамъ и желѣзнымъ дорогамъ, вслѣдствіе экономической необходимости представляетъ выгоды для сельскохозяйственной промышленности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ крестьянское сословіе уже не будетъ существовать, и „воинство сельскихъ работниковъ" будетъ стоять противъ крупной поземельной собственности подобно тому, какъ теперь лассалевскія и другія воинства рабочихъ стоятъ противъ движимаго крупнаго капитала. Тогда уже нельзя будетъ сдѣлать противъ соціализма того, — нынѣ еще съ политической точки зрѣнія благовиднаго, но съ научной уже и теперь неосновательнаго, — возраженія, что фабричные работники не составляютъ „*большинства народа*," и поэтому не имѣютъ никакого права зазнаваться въ качествѣ большинства.

При этомъ случаѣ, я въ первомъ же своемъ чтеніи не могу пропустить одного политическаго замѣчанія.

Изъ числа многочисленныхъ словоизверженій относительно соціальныхъ вопросовъ, самыми подозрительными мнѣ кажутся тѣ, которыя дѣлаются ораторами двухъ старыхъ сословій, съ цѣлію натравить соціализмъ на ненавистную имъ буржуазію. Я не говорю, что всѣ сторонники духовной и свѣтской поземельной

аристократіи держатся этой близорукой политики, или, что при отдѣльныхъ близорукихъ рѣшеніяхъ соціальныхъ вопросовъ съ феодальной и клерикальной точки зрѣнія, господствуетъ только злорадство противъ буржуазіи: я встрѣтилъ и съ этой стороны серьезныя и благонамѣренныя разсужденія. Во всякомъ случаѣ, не будетъ неумѣстнымъ замѣтить, что было бы грубою ошибкой допускать, что соціализмъ ограничится нападеніемъ на частную собственность гражданъ и остановится предъ собственностью феодально-клерикальною. Стоитъ хоть немного познакомиться съ сочиненіями духовныхъ предводителей движенія работниковъ, чтобы предсказать дурныя послѣдствія извѣстнымъ феодально-клерикальнымъ пособникамъ соціализма. Они скоро очутятся въ положеніи новичковъ чародѣйскаго искуства, по примѣру своихъ учителей, вызывающихъ духовъ, отъ которыхъ уже потомъ они не въ состояніи отдѣлаться, и эти учители, хотя бы имъ удалось посредствомъ каноническихъ заклинаній сладить еще съ болѣе сильнымъ приливомъ демократическаго духа, будутъ впослѣдствіи не въ состояніи остановить соціальный потокъ, хлынувшій на ихъ собственность, или помѣшать паденію староевропейскаго хозяйства, не менѣе угрожающему ихъ поземельной рентѣ. Обладающіе имуществомъ и образованные классы во всякомъ случаѣ попадутъ изъ Харибды соціализма въ Сциллу тираніи. Капитальное и поземельное владѣніе, которое ищетъ защиты у Цезарей, гибнетъ также неизбѣжно вслѣдствіе тираніи, какъ вслѣдствіе побѣды грубаго комунизма. Тогда лучшей части владѣльцевъ придется довольствоваться развѣ тѣмъ утѣшеніемъ, къ которому прибѣгнулъ одинъ изъ маленькихъ нѣмецкихъ князей, тѣснимыхъ демократіею. Онъ грозилъ, что уступитъ свою землю какому нибудь большому государству; въ виду того, что такъ какъ ему волей-неволей должно быть съѣденнымъ, то онъ желаетъ лучше, чтобы его сожрали орлы, чѣмъ свиньи.

Если нападенія соціализма достойны всякаго вниманія по своему внутреннему содержанію и *объему* затрогиваемыхъ имъ интересовъ, то еще болѣе они заслуживаютъ его вслѣдствіе *личнаго* значенія *руководящихъ имъ умовъ* и вслѣдствіе *организаціи*, которую успѣло уже создать для себя соціальное движеніе.

Какія же личности служатъ представителями соціальныхъ идей? Я не колеблясь утверждаю, что такіе люди, какъ Прудонъ, Карлъ Марксъ, Фердинандъ Лассаль, Карлъ Марло — [1]) личности *даровитыя*, обладающія *многостороннимъ* образованіемъ и, отчасти, основательною ученостью. Еще при первомъ появленіи лассалевской агитаціи, сверкнувшей подобно метеору, я называлъ близорукою и несправедливою, обыкновенную въ тогдашней либеральной прессѣ, характеристику этого агитатора, какъ полуобразованнаго, невѣжественнаго бѣшеннаго демагога. Впослѣдствіи я имѣлъ грустное удовольствіе видѣть, что даже тѣ, которые въ то время находили неумѣстною и поносили мою безпристрастную оцѣнку Лассаля, потомъ заимствовали изъ моей критики его ученія, помѣщенной въ „Нѣмецкомъ трехмѣсячномъ журналѣ“ доказательства въ защиту капитала [2]). Кто только безъ предубѣжденія прочелъ брошюры Лассаля и его „Экономическій календарь,“ тотъ не откажетъ этому пророку лассалевской школы въ блестящемъ умѣ, въ острой и колкой, высшаго сорта, полемикѣ и въ ѣдкой критикѣ. На ученыя сочиненія Лассаля, каковы: „Философія мрака“ и „Система пріобрѣтенныхъ правъ,“ даже спеціалисты указывали мнѣ какъ на произведенія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Карлъ Марксъ, въ своемъ сочиненіи „Капиталъ,“ котораго покамѣсть вышелъ еще первый томъ, обнаруживаетъ рѣдкое знакомство съ національно-экономическою литературой, въ особенности съ англійской, и является человѣкомъ обширнаго ума и многосторонняго историческаго, философскаго и классическаго образованія. Никто глубоко вникнувшій въ сочиненія *Прудона* не найдетъ ихъ незначительными; на ряду съ множествомъ парадоксальныхъ капризовъ Прудонъ имѣетъ много глубокихъ и плодотворныхъ мыслей. Карлъ *Марло*, спокойный научный представитель соціальнаго федерализма, безспорно принадлежитъ не къ низшимъ разрядамъ профессоровъ Германіи. И старые французскіе соціалисты — Сенъ-Симонъ, Ан-

1) Профес. Винкельблехъ (псевдонимъ Карлъ Марло), сочинитель: «Системы всемірной экономіи».

2) D. B. J. I. Sch. 1864. См. статью подъ названіемъ: «Bourgeois- und Arbeiternationalökonomie».

фантэнъ, Базаръ, оригинальный Фурье—относительно ума, смѣлой концепціи, свободнаго паренія надъ широкимъ потокомъ господствующаго направленія времени, такъ же мало заслуживаютъ пренебреженія, какъ прежніе политическіе романтики, въ родѣ Томаса Моруса. Позднѣйшіе корифеи экономическаго либерализма и крупнаго капитала во Франціи, напр. Мишель *Шевалье*, научный представитель новѣйшихъ торговыхъ отношеній и оба *Перейры*, которые впослѣдствіи такъ плохо эксплуатировали свои обширные умственные таланты, употребивъ ихъ на манію основанія движимаго кредита, были во время своей юности вовлечены въ кругъ сенъ-симонистическаго соціализма, выступившаго съ своею оппозиціей еще во времена реставраціи и іюльской монархіи. Чтобы отдать долгъ истинѣ, я обязанъ признаться, какъ въ своемъ личномъ мнѣніи, въ томъ, что умственныя дарованія предводителей движенія могутъ вполнѣ быть поставлены на ряду съ дарованіями вождей *какой бы то ни было* современной имъ большой партіи въ Европѣ. Мало того, не одинъ изъ ихъ противниковъ, отзывающійся объ нихъ свысока, кажется мнѣ „скудоумнымъ бѣдняжкой, который могъ бы продовольствоваться ихъ умомъ въ теченіе цѣлаго года.“ Я могу высказать это тѣмъ съ большею откровенностью, что признался въ такомъ мнѣніи еще шесть лѣтъ тому назадъ, когда въ Германіи едва обращали вниманіе на агитацію работниковъ.

Этихъ вождей называютъ дурными людьми и злодѣями, — это рѣшительно несправедливо относительно *Прудона*. Жизнь его замѣчательна не зависимостью, неподкупностью, смѣлыми нападеніями на силу, мученичествомъ, изгнаніемъ, тюремнымъ заключеніемъ,— и онъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ не смотря ни на что,— по крайней мѣрѣ, я не знаю ни одной худой черты его характера. Англійскаго соціалиста Роберта *Оуэна*, который, будучи самъ гражданиномъ, отдалъ свое большое имущество работникамъ, никто не осмѣлится коснуться; не многіе люди обладаютъ и могутъ сравниться съ нимъ благородствомъ ума и характера. Частная жизнь и характеръ Карла *Маркса* мнѣ неизвѣстны; его сочиненія свидѣтельствуютъ только о серьезномъ изученіи, а также о самостоятельности и непоколебимости принциповъ. Кончину *Лас-*

саля въ Женевѣ, гдѣ онъ игралъ роль въ любовномъ романѣ, я нахожу мало достойною „пророка труда," а относительно его поведенія въ Кассетовскомъ процессѣ я не могу составить приговора. Но если бы даже онъ въ обоихъ случаяхъ былъ еще виновнѣе, чѣмъ предполагаютъ его не стѣсняющіеся враги, то темныя стороны характера не отнимаютъ умственныхъ дарованій у человѣка, и было бы несправедливо примѣнять къ павшему въ Женевѣ вождю работниковъ болѣе строгую мѣрку, чѣмъ къ вышедшему оттуда провозвѣстнику идей свободнаго гражданства, Жанъ-Жаку *Руссо*, который всѣми признанъ за историческую знаменитость, хотя всѣмъ извѣстно, что онъ запачканъ грязью и пошлостью [1]).

Этотъ соціальный нововводитель обладаетъ не только стремительнымъ умомъ, часто блистательнымъ въ критикѣ и отрицаніи, не только независимостію характера, но и тою переставляющею горы вѣрою въ свое собственное ученіе, которая составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ истинныхъ и ложныхъ пророковъ, въ близость всемірнаго переворота, результатомъ котораго будетъ побѣда ихъ убѣжденій въ соціальный прогрессъ и перемѣны гораздо важнѣйшія чѣмъ тѣ, которыя были произведены первою французскою революціей. Эта увѣренность ихъ въ себѣ самихъ и въ своемъ ученіи *пробуждаетъ* въ другихъ слѣпую фанатическую опасную вѣру и создаетъ секты. Ихъ вѣра сообщилась уже сотнямъ людей, новое ученіе получаетъ значеніе какого-то евангелія, которое, можетъ быть именно вслѣдствіе многихъ запрещеній и преслѣдованій, будетъ пріобрѣтать для себя все болѣе и болѣе апостоловъ. Кадры и взводы того воинства работниковъ, котораго шумъ доносившійся изъ близкаго будущаго слышался Лассалю и о которомъ онъ говоритъ въ концѣ своего экономическаго

---

1) Блунчли, являющійся въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ научнымъ представителемъ возрѣній буржуазіи и поэтому неподозрительный въ своемъ приговорѣ о Руссо, разсказываетъ о немъ вещи, которыя гораздо хуже дѣлъ о лассалевскихъ любовныхъ приключеніяхъ и участія его въ кассетовскомъ дѣлѣ.

календаря, до послѣдняго рядоваго проникнуты вѣрою въ свое дѣло. По одному знаку вождя уже тысячи устремляются на сборный пунктъ. Представители новаго ученія употребили всѣ мѣры для того, чтобы до глубины взволновать массы.

И развѣ соціализмъ не пріобрѣлъ уже и извнѣ внушительную *организацію*, какъ партія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы видимъ въ *союзахъ ремесленниковъ*.

Эти союзы, извѣстные подъ названіемъ trade unions, давно уже развились въ Англіи. Тамъ сотни тысячъ работниковъ соединяются въ одну организацію, которая имѣетъ цѣлію посредствомъ хорошо расчитанной тактики, дать вѣсъ интересамъ соединенныхъ въ одну корпорацію работниковъ, противупоставленнымъ эксплуатирующему ихъ капиталу. Европейскій континентъ уже десять лѣтъ покрытъ этими союзами работниковъ. Strikes, т. е. стачки большихъ массъ работниковъ, дѣлаемыя съ цѣлію добиться болѣе значительной заработной платы, возникаютъ во всѣхъ углахъ и концахъ Европы и ими руководятъ вожди рабочихъ союзовъ. Право работниковъ составлять эти стачки и организовать между собою союзы было допущено подъ именемъ „свободы союзовъ" сперва въ Англіи, потомъ въ Бельгіи, Франціи, сѣверной Германіи; Австрія намѣревается также ввести эту свободу посредствомъ особаго закона на этотъ предметъ. Все это движеніе не можетъ быть сдерживаемо на долгое время. Исторія англійскаго индустріализма за послѣднія 50 лѣтъ внушаетъ каждому знакомому съ этимъ дѣломъ убѣжденіе, что полицейскими и административными распоряженіями нельзя остановить напоръ этихъ рабочихъ массъ городской промышленности. Въ періоды реакціи и гнета, ожесточающихъ народъ, союзы рабочихъ, подъ видомъ обществъ поддержки и благотворительности, приняли тѣмъ болѣе опасный характеръ и доходили даже до тяжелыхъ преступленій, какъ это было, напр., въ Ирландіи и Англіи. Результатомъ невыносимыхъ стѣсненій было то, что несогласіе между наемнымъ трудомъ и капиталомъ снова выступило на сцену, доходя до революціонныхъ размѣровъ. Тѣмъ, которые съ полнымъ убѣжденіемъ высказываютъ мысль, что будто въ Австріи не существовало бы никакого

рабочаго вопроса, если бы о немъ тамъ не говорили и если бы выгнали оттуда иностранныхъ агитаторовъ, служитъ опроверженіемъ даже самое малѣйшее знакомство съ исторіею развитія индустріализма въ другихъ странахъ. Скорѣе можно ожидать, что не только индустріальный, но — въ земляхъ со многочисленными крупными землевладѣніями — и аграрный соціализмъ разовьется въ теченіе десятилѣтія. Съ каждымъ шагомъ къ увеличенію населенія, къ развитію хозяйства, къ распространенію политическаго смысла между массами, съ волненіями партій возрастаетъ вѣроятность въ усиленіи броженія между всѣми разновидностями пролетаріата. Офиціальныя разслѣдованія, сдѣланныя по распоряженію англійскаго правительства, о соціальномъ экономическомъ и санитарномъ состояніи земледѣльческаго пролетаріата обнаружили страшную запущенность въ этомъ отношеніи. Съ развитіемъ мышленія и самосознанія въ соотвѣтствующихъ слояхъ пролетаріата нигдѣ не будетъ недостатка въ матеріалѣ для жалобъ.

Поэтому я считаю агитацію работниковъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающею полнѣйшаго и своевременнаго хладнокровнаго обсужденія со стороны всѣхъ „образованныхъ и владѣющихъ собственностью“ людей. Кто думаетъ, что европейское движеніе можно уничтожить въ Австріи посредствомъ гробоваго молчанія, полицейскихъ мѣръ уголовной юстиціи, и исключительнаго положенія, тотъ пусть оставитъ безъ вниманія всѣ дальнѣйшія разсужденія мои по этому предмету. Пусть онъ доноситъ кому угодно, что нераздѣляемыя имъ мнѣнія опасны для государства и общества. Бываютъ люди, которые кричатъ: „пожаръ!“ какъ только самомалѣйшее нападеніе на ихъ интересы не считается болѣе важнымъ, чѣмъ преступленія противъ короны, закона и алтаря:

Qui méprise le Cotin, n'estime point son roi
Et n'a, selon Cotin, ni foi, ni roi, ni loi.

И такъ пусть пропитанные либерализмомъ и гуманизмомъ тузы капитала краснѣютъ отъ гнѣва, слыша разсужденія о томъ: имѣютъ ли „рабочіе классы“ право желать улучшенія своей участи.

Эти люди скорѣе откажутся отъ девяти изъ десятка поземельныхъ правъ, чѣмъ дозволятъ подвергнуть спору одинъ процентъ прибыли съ капитала. Всегда бывали люди, которыхъ исторія не научила ничему; которые, подобно феодальному дворянству, отождествляли себя съ трономъ и божествомъ и въ своемъ паденіи увлекали съ собою короны и алтари. Къ счастію, теперь есть много людей, по мнѣнію которыхъ противъ соціализма надлежитъ дѣйствовать посредствомъ хорошо обдуманныхъ реформъ. По крайней мѣрѣ я встрѣчалъ между капиталистами людей съ безпристрастнымъ и гуманнымъ образомъ мыслей и знаю, что теперь тысячи личностей принадлежащихъ къ образованнымъ и владѣющимъ собственностью классамъ доступны для безпристрастной научной оцѣнки несогласій между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Для нихъ-то и написаны мои чтенія.

Я намѣреваюсь защищать собственность посредствомъ разсмотрѣнія самыхъ вѣскихъ нападковъ соціализма. Я не могъ бы предпринять эту защиту, если бы моею исходною точкой было предположеніе преступныхъ намѣреній въ своихъ противникахъ, если бы я былъ принужденъ противопоставить отчасти основательной и серьезно научной соціалистической критикѣ краснорѣчивую апологію и скрывать крупные недостатки нынѣшней капиталистической системы производства. Пусть отъ меня не ожидаютъ ничего подобнаго. Я не хочу поучать и не могу обратить на путь истинный тѣхъ псевдоконсерваторовъ между владѣльцами собственности, которые вопреки своему либерализму въ другихъ вещахъ, держатся относительно рабочаго вопроса того мнѣнія, что ружейныя пули суть логическіе аргументы. Мои чтенія касаются только тѣхъ, которые желаютъ справедливости, примиренія и устраненія соціальной революціи посредствомъ соціальной реформы.

ЧТЕНІЕ II.

Научныя основныя понятія.—Имущество.—Трудъ.—Капиталъ.—Производство и потребленіе. Основной законъ хозяйства.

Чтобы облегчить для васъ ясное пониманіе и вѣрное сужденіе относительно „нынѣшнихъ противорѣчій между наемнымъ трудомъ и капиталомъ,“ для этого я долженъ сперва повести васъ по не совсѣмъ пріятному и не очень веселому пути, именно по пути соглашенія относительно нѣкоторыхъ основныхъ возрѣній науки.

Я представлю вамъ нѣсколько штукъ изъ инвентарія тѣхъ основныхъ понятій, которыми, какъ собственными своими орудіями „*пониманія*,“ дѣйствуетъ національная экономія, подобно всякой другой наукѣ. Къ этому побуждаетъ меня не страсть къ доктринерству. Необходимо познакомиться съ научными инструментами мышленія, узнать ихъ сущность, прежде чѣмъ намъ будетъ возможно положиться на нихъ и съ ихъ помощью приходить къ какимъ нибудь убѣжденіямъ. Безъ соглашенія относительно „*понятій*“ капитала, хозяйства, цѣнности, имущества, народнаго хозяйства и т. д., мы не въ состояніи разрѣшить нашу задачу удовлетворительнымъ образомъ. По выраженію одного заслуженнаго ученаго, понятія суть научные разсчетные пфенниги, которыхъ цѣнность должна быть строго опредѣлена. Если мы будемъ употреблять ихъ не въ опредѣленномъ, соотвѣтствующемъ существу вещей и постоянно одинаковомъ смыслѣ, то наше ученое разсужденіе превратится въ пустой споръ о словахъ. А между тѣмъ въ спорахъ, вызванныхъ соціальнымъ движеніемъ, аргументація весьма часто бываетъ построена на крайне произвольномъ употребленіи основныхъ понятій національной экономіи и въ такомъ видѣ превращается въ зажигательныя слова, брошенныя въ народныя массы. Если мы возьмемъ сочиненія гражданскихъ или соціально-демократическихъ агитаторовъ, напр. „Катехизисъ для рабочихъ“ Шульце Делича, или „Капиталъ и трудъ“ Лассаля, или „Капиталъ“

Карла Маркса, или „Систему экономическихъ противорѣчій" Прудона, или выдержки изъ рѣчей соціально-демократическихъ ораторовъ къ народу, то намъ нигдѣ нельзя будетъ избѣжать основныхъ понятій народной экономіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ до какого вавилонскаго смѣшенія доходитъ эта путаница словъ, перемалываемыхъ безъ разбора. Даже академическіе представители науки, къ большому вреду этой послѣдней, не достигли еще и приблизительнаго соглашенія на счетъ основныхъ понятій. Не моя вина, если я принужденъ утомлять ваше вниманіе установленіемъ прочной терминологіи. При этомъ мои указанія будутъ короче даже того изложенія основныхъ понятій, которое встрѣчается въ агитаторскихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, я не намѣренъ составить сухой скелетъ школьныхъ опредѣленій, а постараюсь развить основныя понятія политической экономіи именно такимъ образомъ, чтобы они служили къ уразумѣнію соціалистическихъ нападковъ противъ „капитала."

И такъ прошу васъ имѣть терпѣніе и не уклоняться отъ нѣсколько тяжелаго пути, который введетъ насъ въ територію главнѣйшихъ споровъ между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Краткій политико-экономическій указатель, который я сообщу вамъ въ теченіе слѣдующихъ четырехъ чтеній, можетъ быть, послужитъ вамъ и для другихъ полезныхъ цѣлей.

Вы прежде всего спрашиваете: въ чемъ состоятъ *предметъ и законъ человѣческаго хозяйства?*

Опытъ научаетъ каждаго, что въ безконечной цѣпи бытія, человѣкъ какъ отдѣльное лицо, подобно всякому другому члену естественнаго союза, можетъ проводить, развивать и поддерживать свою жизнь только во взаимнодѣйствіи съ другими членами. Подобно тому какъ притяженіе и химическое сродство перемѣщаетъ элементы природы въ ихъ взаимнодѣйствіи, человѣкъ въ видахъ своего жизненнаго развитія вступаетъ въ отношенія взаимнодѣйствія съ неразумными силами и предметами, связанными съ областью *природы* и съ разумными, себѣ подобными, существами, связывающими *себя съ обществомъ.* Для своего развитія человѣкъ нуждается во *внѣшнихъ* естественныхъ и личныхъ *существованіяхъ.* Онъ имѣетъ *внѣшнія потребности.*

Лежащіе внѣ его предметы природы и сношенія съ людьми дѣлаются для него—первые неодушевленными, а другіе одушевленными—орудіями жизни и въ качествѣ они становятся и называются *внѣшними имуществами* [1]). Внѣшнія имущества бываютъ или неодушевленныя,—такъ называемыя *вещныя* имущества, каковы хлѣбъ, мясо, воздухъ,—или одушевленныя, служащія ему люди, такъ называемые *услуги*, — орудія, средства жизни, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Внѣшнія имущества или орудія жизни двояки: или они суть такія вещныя блага, которыя даются сами собою и не стоютъ людямъ никакихъ пожертвованій личною жизненною силой, какъ напр. по общему правилу, воздухъ, который мы вдыхаемъ безпрепятственно, вода, которую мы пьемъ изъ источника, дикіе плоды, которые мы можемъ срывать безъ труда. Эти такъ называемыя „свободныя" имущества вовсе не составляютъ предмета хозяйственной оцѣнки и дѣятельности до тѣхъ поръ, пока мы можемъ свободно пользоваться ими.

На ряду съ этими свободными имуществами, съ теченіемъ времени развивается, все съ большимъ и большимъ разнообразіемъ, разрядъ тѣхъ внѣшнихъ средствъ жизни, *которыя требуютъ труда*, которыхъ достиженіе сопряжено съ пожертвованіемъ жизненныхъ силъ и обладаніе которыми сберегаетъ эти силы. Хлѣбъ, мясо, одежда, мебель и т. д. суть продукты пожертвованія труда. *Трудъ* же есть *жизненная сила человѣка, употребленная для достиженія средствъ къ существованію.*

Орудія жизни,—которыя относятся къ этому второму разряду, и которыя имѣя цѣлью давать, поддерживать, развивать, освѣжать и увеселять жизнь, въ тоже время производятся посредствомъ пожер-

---

[1]) Слово Güter, которое по нѣмецки значитъ имущества и блага, мы будемъ вездѣ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, переводить словомъ имущества, какъ для постоянства терминологіи, такъ и по невозможности пріискать выраженіе, которое могло бы такъ удобно какъ по-нѣмецки, быть примѣнено ко всему. Мы предпочитаемъ слово имущество слову блага, потому что не смотря на большую обширность заключающагося въ этомъ послѣднемъ понятія, оно на общеупотребительномъ языкѣ не имѣетъ политико-экономическаго характера.

Примѣч. перев.

твованія имѣющеюся уже на лицо жизненною силой, — называются *хозяйственными экономическими* имуществами. Только относительно нихъ являются экономическія мысли, между тѣмъ какъ не существуетъ никакого повода къ экономіи въ небесномъ воздухѣ.

Хозяйственныя имущества — и это одинъ изъ принятыхъ соціализмомъ основныхъ понятій политической экономіи — съ момента ихъ происхожденія, т. е. съ той минуты, когда они получаютъ существенно хозяйственный характеръ, могутъ быть разсматриваемы какъ эквиваленты (равноцѣнности) *количества труда*. Тюленьи кожи и корсеты, китовый жиръ и одеколонъ, пирожное и трюфли имѣютъ одно общее происхожденіе въ трудѣ; и въ хозяйственномъ отношеніи существенно-важно знать, какое количество пожертвованной посредствомъ труда жизни представляетъ собою каждое изъ средствъ жизни, столь разнообразныхъ въ своемъ внѣшнемъ проявленіи. Въ имущественныхъ сдѣлкахъ количества труда переставляются и тотъ теряетъ жизнь, кто въ обмѣнъ на какое нибудь имущество отдаетъ больше силъ и надеждъ жизни, чѣмъ сколько получаетъ съ этимъ имуществомъ въ видѣ эквивалента. Такъ напр. работники, которые въ уплату за свои одушевленные продукты, то есть за услуги работою, постоянно получаютъ меньше денегъ на средства къ жизни, чѣмъ сколько они должны употребить на средства къ поддержанію трудовой силы, проданной за заработную плату, мало по малу будутъ доведены до окончательнаго истощенія тѣми, которые пользуются чужимъ трудомъ, не вознаграждая его соотвѣтствующимъ эквивалентомъ. Подъ маскою мѣновой сдѣлки въ вещныхъ имуществахъ и услугахъ можетъ происходить антропофомія, ужасный, медленно пожирающій свои жертвы каннибализмъ, въ которомъ участвуютъ всѣ, который присвоиваетъ себѣ чужія хозяйственныя имущества на счетъ жизненныхъ силъ и жизненнаго развитія отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, безъ полнаго за нихъ вознагражденія. Филантропическая Европа посредствомъ южной аристократіи плантаторовъ растратила порядочную массу чернаго человѣческаго мяса на дешовый сахаръ, табакъ и хлопчатую бумагу.

Я настаиваю на этомъ взглядѣ на экономическія имущества какъ на эквиваленты труда, потому что конкретныя свойства иму-

ществъ: крѣпость желѣзнаго молотка, сладкій вкусъ сахара, въ хозяйственномъ отношеніи суть ни болѣе ни менѣе какъ количество человѣческой силы, потраченной для того, чтобы произвести эти полезныя качества. Вы поймете безъ всякихъ дальнѣйшихъ толкованій, почему экономисты соціализма такъ сильно хлопочутъ о томъ, чтобы отнять у отдѣльныхъ имуществъ ихъ конкретную форму, почему во всѣхъ имуществахъ они видятъ только выполненный трудъ и цѣнятъ его только какъ количество труда, срывая съ него всякую конкретную „маску имущества". Если мы обмѣниваемъ одинъ центнеръ желѣза на два аршина матеріи, то мы не знаемъ кто теряетъ и кто выигрываетъ чрезъ эту мѣну; но намъ извѣстно, что одинъ центнеръ желѣза есть эквивалентъ пяти, а два аршина матеріи трехъ дней работы, и такимъ образомъ получающій желѣзо пріобрѣтаетъ въ свою пользу лишніе два дня работы, очевидно сокращая выгоду другаго лица, получающаго матерію. Соціалисты говорятъ, что въ денежной платѣ скрывается постоянное урѣзываніе наемнаго работника въ цѣлой и дѣйствительной стоимости плодовъ его труда, что это лишь предосудительная хитрость либеральной національной экономіи—восхвалять экономическія чудеса *мѣны*, не разслѣдывая того, равны-ли возвращаемые за количество труда мѣновые эквиваленты — поденная плата рабочему дню, денежная цѣна труду, реализированному въ товарѣ,— или слишкомъ неравны. Вы можетъ быть знаете насмѣшливое возраженіе Лассаля либеральнымъ политико экономистамъ: „купите себѣ лучше барана и пріучите его говорить: мѣна, мѣна, мѣна."

Всѣ соціальные нововводители, начиная отъ Платона до нашихъ соціальныхъ демократовъ, одинаково косо смотрѣли на деньги, какъ на всеобщую маску цѣнностей, которая скрываетъ въ себѣ количественное отношеніе стоимости труда каждой отдѣльной цѣнности

Экономическія имущества суть или *уже готовыя* средства къ наслажденію, которыя служатъ для личной жизни человѣка, или только предназначенныя для перехода въ продуктъ *капитальныя имущества*, средства къ производству.

Капитальныя имущества: сырой матеріалъ, полуфабрикаты, товары — инструменты, машины, зданія заводовъ и проч. могутъ быть разсматриваемы какъ предварительное скопленіе тру-

да, къ которому долженъ быть приложенъ наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ дальнѣйшій трудъ; напр. дерево, срубленное въ дѣвственныхъ лѣсахъ, появилось вслѣдствіе труда. Капитальныя имущества могутъ по своему *происхожденію* быть разсматриваемы какъ предварительныя осуществленія части той производительной суммы труда, изъ которой возникаютъ совершенно оконченныя полезности. Они представляютъ собою уже выполненный трудъ, сдѣлавшійся осязательнымъ въ продуктахъ, „сгустившееся (или свернувшееся какъ молоко) трудовое время,“ какъ выражаются Лассаль и Марксъ; „накопленный, заготовленный“ трудъ, какъ выражались старые либеральные экономисты. Чѣмъ болѣе разчленяется сумма производительной дѣятельности по пространству и времени, тѣмъ въ бо́льшое число капиталистическихъ формопревращеній и тѣмъ въ бо́льшое разнообразіе видовъ капитала преобразуются свойственные предметамъ природы труды различныхъ членовъ соціальной производительной общины, чтобы постепенно перейти въ готовыя полезности. Если нынѣ карманные часы до окончательнаго изготовленія требуютъ по крайней мѣрѣ 200 различныхъ предпріятій, то въ каждомъ изъ этихъ предпріятій трудъ скопляется въ наиболѣе соотвѣтственныхъ формахъ матеріала, орудій, машинъ и проч.; сумма труда, необходимая для изготовленія часовъ, сперва переходитъ чрезъ нѣсколько сотъ метаморфозъ капитала до появленія своего въ видѣ карманныхъ часовъ.

Въ этомъ смыслѣ по *происхожденію* своему отдѣльныя капитальныя имущества могутъ быть разсматриваемы какъ „заступленная работа,“ какъ „сгустившееся рабочее время,“ какъ „заготовленный“ трудъ. Изъ этого ясно, отчего соціализмъ всячески лелѣетъ и питаетъ этотъ способъ возрѣнія: понятіе о совокупности внѣшнихъ основъ производства, соединяемыхъ предпринимателемъ для дѣла, для заведенія, является при этомъ само по себѣ какъ продуктъ работы, „капиталъ“ становится плодомъ труда. Главные вожаки нѣмецкаго движенія въ рабочихъ классахъ съ необыкновенною энергіею упираютъ на свои опредѣленія труда,—для этого достаточно заглянуть въ книги Лассаля и Маркса, говоря, что капиталъ „есть сгущенное рабочее время,“ дитя труда, которое впослѣдствіи порабощаетъ и давитъ работника. Но

замѣтимъ, что въ томъ и состоитъ заслуга предпринимателя и его имущества, что онъ способствуетъ сгущенію труда въ правильныя формы имуществъ, что онъ съ своимъ достояніемъ принимаетъ на себя отвѣтственность за самое дешевое производство желательнѣйшихъ, годныхъ къ употребленію имуществъ и что онъ предлагаетъ *предварительно оформленные* продукты, для дальнѣйшей ихъ обработки, для слѣдующихъ ступеней трудораздѣлительнаго процеса производства, какъ основу для наиболѣе положительной дѣятельности. Это уже не зависитъ отъ отдѣльнаго труда. Заготовленная часть суммы труда не влечетъ за собою самаго дѣйствительнаго соединенія всѣхъ отдѣльныхъ выполненій. Если работница съ одною новѣйшею машиною можетъ приготовить въ день 600,000 иголокъ, то именно эти 600 т. иголокъ будутъ въ дѣйствительности изготовлены только тогда, когда работница работаетъ. Справедливо и то, что накопленные предварительные продукты или первообразы иголокъ въ капитализированномъ видѣ машины или длинной стальной проволоки, равнымъ образомъ получили свои формы посредствомъ труда. Но не менѣе вѣрно и то, что если бы не было имущества, общественнаго или частнаго, для постояннаго оплачиванія предварительнаго труда и для того, чтобы капитализированные виды этого подготовительнаго труда,—сталь и машины—поставить въ надлежащемъ мѣстѣ и въ соотвѣтственнѣйшемъ послѣдовательномъ порядкѣ, и нанять работницу, то 600.000 иголокъ въ день не появились бы. Сила капитала возвышаетъ дѣйствіе производства какъ *средство дѣйствительнѣйшаго раздѣленія и соединенія труда.* „Употребленіе капитала“ въ смыслѣ капитальной *силы* составляетъ функцію совершенно отличную отъ выполненія элементарнаго труда, изъ котораго образуются отдѣльныя капитальныя *цѣнности.* Капитальныя цѣнности суть сгущенный, заготовленный трудъ, но складъ труда никогда не сдѣлался бы столь производительнымъ безъ употребленія силы капитала, которая управляетъ процесомъ производства. Впрочемъ, это замѣчаніе я дѣлаю здѣсь только къ слову, дабы изъ совершенно вѣрнаго въ извѣстномъ смыслѣ представленія объ отдѣльныхъ капитальныхъ цѣнностяхъ, какъ о „сгущенномъ трудѣ,“ не выводить преждевременнаго за-

ключенія о значеніи силы капитала, организующей и оплачивающей совокупность производства, т. е. о производительной стоимости содѣйствія капиталовъ, выражаемаго въ употребленіи капитала.

Тѣмъ не менѣе взглядъ на капитальное имущество какъ на „заготовленный" трудъ односторонепъ. Физіономія капитальнаго имущества двоякая. Относительно его не должно ограничиваться тѣмъ, чтобы смотрѣть только назадъ, на его происхожденіе, и видѣть въ немъ уже осуществленный трудъ, но надо смотрѣть и впередъ на его назначеніе; тогда онъ явится *фундаментомъ, корнемъ и пунктомъ исхода*, пунктомъ дѣйствительнѣйшаго соединенія дальнѣйшаго труда и предварительнаго труда. Безъ стальной проволоки и машины, какъ основанія игольнаго производства, не можетъ трудъ одной женщины на игольной фабрикѣ имѣть своимъ результатомъ ежегодное производство 600,000 иголокъ. Этотъ корень приносящихъ доходъ имуществъ долженъ быть доставленъ, и доставляетъ его частное имущество, какъ мы увидимъ во многихъ случаяхъ, съ бо́льшимъ успѣхомъ для общества, чѣмъ государство (или всякій другой видъ общества); поэтому частный капиталъ имѣетъ въ высшей степени дѣйствительную заслугу и ему принадлежитъ первенство между капиталами.

Слово капиталъ или исходный пунктъ, корень производства (capo, caput), вѣрно выражаетъ соединяющееся съ нимъ понятіе. Въ немъ мы видимъ какъ лицевую, такъ и оборотную сторону этой коренной основы производства коренныхъ имуществъ, которыя, въ своихъ вѣчныхъ превращеніяхъ, увеличиваются въ цѣнности. Корень есть продуктъ прежней растительности, но также основаніе для дальнѣйшаго развитія.

Какъ основа для дальнѣйшаго видоизмѣненія продуктовъ, различныя капитальныя имущества дѣйствуютъ весьма различно: *или* они подвергаются техническимъ метаморфозамъ,—сырые и на половину выдѣланные матеріалы превращаются въ продукты высшаго разряда. Такъ желѣзная руда превращается въ чугунъ, чугунъ въ сталь, сталь въ ножи, постоянно чрезъ вбираніе въ себя дальнѣйшаго труда, чрезъ соединеніе съ другими матеріалами и ихъ дѣйствіемъ (горючій матеріалъ), чрезъ полученіе содѣйствія отъ инструментовъ, построекъ и другихъ средствъ, способствующихъ труду или охра-

нающихъ трудъ. Эти виды капитала, какъ матеріалы и товары, называются текущими или оборотными капиталами. Они „текутъ", „обращаются" постепенно отъ одного предпріятія къ другому, потому что всегда получаютъ новое измѣненіе въ *цѣломъ* и совершаютъ одно за другимъ техническое „saltomortale." Это есть дѣйствительная „рѣка," которая, вытекая изъ первоначальнаго источника труда, постоянно принимаетъ въ себя новые притоки труда, предварительной работы и средствъ труда, въ дѣйствительнѣйшей постепенности во времени и пространствѣ, пока она не превратится въ готовые предметы пользованія. Текущіе капиталы — это разрастающіяся почки имуществъ, развивающіеся зародыши полезностей, клѣточки дѣйствительнѣйшаго правильнаго соединенія дѣйствій труда и эксплуатаціи капитала. Ихъ метаморфоза производится новыми и разнородными техническими процесами; при трудораздѣлительномъ народномъ хозяйствѣ они переходятъ отъ одного предпріятія къ другому, технически послѣдующему предпріятію, и при этомъ случаѣ, по своей цѣнности, совершенно и вдругъ перемѣщаются; они „обращаются" и „текутъ," при измѣненіи цѣнности ихъ, опять въ имущество, также какъ они въ видѣ товара выходятъ изъ торговаго заведенія.

Или капитальныя имущества суть *постоянные источники полезностей однообразно возвращающихся послѣ постепеннаго ихъ истощенія.* И инструменты, машины, химическіе аппараты, фабричныя строенія, желѣзныя дороги, каналы, корабли, животныя для ѣзды, не сразу исполняютъ свое производительное дѣйствіе, но повторяютъ его однообразно, каждый день, часто въ теченіи многихъ лѣтъ. Они также суть результатъ заготовленнаго труда. Но какъ источники технически однообразно повторяющагося употребленія, они продолжаютъ „пребывать" „стоять" въ томъ же предпріятіи, для котораго они служатъ, соотвѣтственными техническими вспомогательными средствами; поэтому они называются *постоянными, неподвижными* капитальными имуществами. Неподвижное капитальное имущество, напр. машина, не находится въ обращеніи (не циркулируетъ); цѣнность его не переходитъ всецѣло въ продуктъ въ каждомъ періодѣ эксплуатаціи, и только цѣнность того пользованія, которое переходитъ въ про-

дуктъ, должна считаться въ первоначальной цѣнѣ продукта и употребляться или для содержанія машинъ или для погашенія стоимости машины (т. е. для новаго собранія денежной стоимости машины въ мѣрѣ ея естественной порчи).

Совокупность текущихъ капиталовъ какого нибудь предпріятія, со включеніемъ и денежнаго фонда, можно назвать *эксплуатаціоннымъ* (оборотнымъ) капиталомъ, а совокупность постоянныхъ капитальныхъ имуществъ *основнымъ* капиталомъ предпріятія.

Главнымъ пунктомъ жалобъ со стороны соціализма есть замѣчаніе, что *механическая* форма основнаго капитала, чрезъ введеніе машинъ, все болѣе и болѣе уменьшаетъ наемный фондъ эксплуатаціоннаго капитала во вредъ наемнымъ рабочимъ. Уже изъ этого можно понять различіе между текущимъ и постояннымъ, оборотнымъ и основнымъ капиталомъ. Впрочемъ мы будемъ неоднократно примѣнять это различіе къ другимъ важнѣйшимъ вопросам .

Далѣе будетъ показано, что имущества составляютъ продуктъ *природы* и труда.

Экономическая жизнь имуществъ совершается въ двухъ главныхъ формахъ: въ производствѣ и въ потребленіи.

Къ первому принадлежитъ также комерческое употребленіе труда и капитала для прогресивнаго движенія имущества какъ между находящимися въ связи предпріятіями, такъ и между сими послѣдними и потребителями.

Если оба фазиса, опредѣляющіе круговое движеніе экономической жизни имуществъ, подвести подъ единичную точку зрѣнія, то мы легко получимъ слѣдующее опредѣленіе: *производство* есть переложеніе внутренней жизненной силы на внѣшнія жизненныя орудія, которыя посредствомъ труда превращаются изъ предметовъ природы въ предметы, нужные для извѣстной цѣли, или въ средства, и „вводятся“ въ кругъ человѣческой цѣлесообразной жизни; напротивъ того *потребленіе*, посредствомъ котораго пользованіе внѣшними орудіями жизни снова возвращаетъ во внутреннюю личную жизнь и которое можетъ быть названо „принятіемъ въ себя,“ „consumere“ въ собственномъ смыслѣ этого слова,—состоитъ въ превращеніи отдѣленной жизненной силы въ личную жизнь, въ преобразованіе продуктовъ въ личное бытіе (потребительная техника).

Въ круговомъ вращеніи производства и потребленія совершается никогда не останавливающійся обмѣнъ матеріала личной жизни, при нравственномъ (умственномъ) взаимнодѣйствіи человѣка съ міромъ другихъ, соединенныхъ естественными или общественными узами, конечныхъ отдѣльныхъ существованій. Въ этомъ обмѣнѣ матеріала совершается, сохраняется и возвышается, если только направлена правильно хозяйственнымъ образомъ, человѣческая жизнь. Должно представлять себѣ это круговое вращеніе какъ совокупное цѣлое. Жизненныя силы вытекаютъ въ видѣ труда, сгущаются въ капиталѣ, созрѣваютъ въ безпрерывной технической переработкѣ послѣдняго въ средства къ наслажденію и наконецъ, посредствомъ потребленія, вливаются обратно во внутреннюю личную жизнь.

Несовсѣмъ невѣренъ часто повторяемый упрекъ соціализма.

Защитники и покровители нынѣшняго порядка *народнаго* хозяйства довольствуются указаніемъ на то, что чрезъ капиталъ предпринимателя возвышается производительность, но съ другой стороны они не видятъ, что увеличивающійся успѣхъ общественнаго производительнаго процеса не ведетъ къ соотвѣтственному равномѣрному возвышенію жизни *всѣхъ* участниковъ народно-хозяйственной, общественной производительности. Обогащаются только отдѣльныя личности, именно капиталисты, управляющіе процесомъ производства, а положеніе наемныхъ рабочихъ ухудшается. Вслѣдствіе *неправильнаго раздѣленія* продукта общественнаго производства въ *потребленіи*, жизненныя силы текутъ къ отдѣльнымъ личностямъ совершенно въ другой пропорціи, чѣмъ въ какой онѣ истекаютъ изъ нихъ въ производствѣ. Два процеса: выдѣленіе жизненной силы черезъ трудъ и принятіе въ себя новой жизненной силы чрезъ потребленіе въ новѣйшемъ обществѣ, какъ утверждаютъ, гораздо менѣе соотвѣтствуютъ другъ другу, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ состояніяхъ человѣческаго общества. При происходящемъ въ народномъ хозяйствѣ, отъ круговорота производства и потребленія обмѣнѣ жизненныхъ силъ, одни присвоиваютъ себѣ часть жизни другихъ: одни процвѣтаютъ, другіе увядаютъ.

Основное начало, при дѣйствіи котораго процесъ производства и потребленія имуществъ становится экономическимъ процесомъ,

мною еще не названо. Я не могъ оставить неизвѣстнымъ этого основнаго понятія въ первой бесѣдѣ объ основныхъ научныхъ положеніяхъ нашего предмета. Поэтому позвольте еще разъ просить вашего снисхожденія и обратить ваше вниманіе на основное начало *хозяйственности* (благоразумной экономіи).

Основное понятіе благоразумной экономіи есть простой выводъ изъ разума и состоитъ въ слѣдующемъ наставленіи: употребляй въ производствѣ при наименьшемъ пожертвованіи жизнію (въ работѣ, или накопленномъ трудѣ, или капиталѣ); возможно больше средствъ къ жизни (экономическихъ *имуществъ*), *а въ потребленіи, при наименьшемъ уничтоженіи сработанныхъ жизненныхъ орудій* (*экономическихъ имуществъ*), *достигай наивысшаго развитія личной жизни.* Короче: достигай *наименьшимъ расходованіемъ жизни наибольшей мѣры жизни.*

Въ этомъ основномъ правилѣ состоитъ различіе *экономики* отъ простой техники производства и потребленія.

Кто для того, чтобы сшить платье, употребляетъ десятидневный трудъ, когда этого можно достигнуть пятидневнымъ трудомъ, тотъ есть производитель въ *техническомъ* смыслѣ, но никакъ не можетъ назваться производителемъ *хозяйственнымъ* (экономическимъ); кто издерживаетъ для топлива 10 р., когда можно тоже имѣть за 5 р., тотъ есть техническій потребитель, но никакъ не хозяинъ. Чтобы техническое производство и потребленіе могли быть названы хозяйствомъ, для этого они должны быть руководимы вышеуказаннымъ правиломъ.

Экономическій принципъ понятенъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ толкованій, какъ простая аксіома. Именно: чѣмъ болѣе мы будемъ руководиться нравственной, умственной силой, чѣмъ болѣе мы будемъ примѣнять въ производствѣ и въ потребленіи правила домашней экономіи, тѣмъ выше будетъ нравственное развитіе отдѣльной личности и общества, тѣмъ скорѣе можно будетъ осуществить прекрасную мечту нравственныхъ теологовъ о достиженіи „высшаго блага", объ основаніи „царства Божія на землѣ", т. е. полнаго заселенія нашей планеты человѣчествомъ, въ высшей степени образованнымъ нравственно и умственно и наи-

болѣе удовлетвореннымъ въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніяхъ, посредствомъ экономическаго господства надъ техническими процесами. Минералы, растенія и животныя будутъ приспособлены къ нравственно-личной жизни.

Хозяйственность (или благоразумная экономія), возведенная до полнаго господства, производитъ то, что круговое движеніе человѣческой жизни, происходящее въ производствѣ и потребленіи, служитъ болѣе чѣмъ для одного содержанія; она дѣлаетъ это движеніе источникомъ увеличенія и облагороженія личной жизни на землѣ. Поэтому совершенно непонятно, почему мораль часто чрезмѣрно унижаетъ экономическій процесъ, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ своимъ результатомъ возвышеніе матеріи до степени силы нравственной личной жизни. Законъ благоразумной экономіи есть моральный принципъ, столь же важный, высокій и необходимый для цивилизаціи, какъ и право. И наука, имѣющая своимъ предметомъ разсмотрѣніе этого закона въ его осуществленіи посредствомъ человѣческаго общества и въ его проявленіяхъ въ этомъ послѣднемъ, именно *народная* экономія имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и наука юридической жизни общества или всякая другая вѣтвь практическаго знанія.

Принципъ хозяйственности заключаетъ въ себѣ всеобщее значеніе, онъ примѣнимъ ко всему. Согласно этому принципу, всегда и повсюду человѣкъ долженъ хозяйственнымъ образомъ обходиться въ производствѣ и потребленіи, съ своею нравственною силою и съ ея продуктами, т. е. съ *нравственными благами* всякаго рода. Но этотъ принципъ безусловно господствуетъ въ области созданія и потребленія *полезныхъ* имуществъ, которыя въ этомъ качествѣ не составляютъ сами по себѣ цѣли, но суть *средства къ цѣли*, потому что употреблять на внѣшніе продукты,— которые служатъ только средствами, а не суть самостоятельно-цѣнные символы личной жизни, — больше силы чѣмъ это крайне необходимо и извлекать изъ скрытаго въ нихъ жизненнаго вклада меньше жизни, чѣмъ бы можно было извлечь,—это положительно неразумно и совершенно не нравственно. Уже отсюда можно въ достаточной степени объяснить себѣ, почему наука о хозяйствѣ смотритъ на полезныя искуства какъ на главную область примѣненія

своего руководящаго принципа. Но она односторонне ограничила свой кругозоръ этою областью. Значеніе правила благоразумной экономіи само по себѣ глубоко проникаетъ во внутреннюю умственную и духовную жизнь человѣка и слѣдовательно идетъ гораздо далѣе области полезной техники [1]).

Законъ хозяйственности, дѣйствующій въ области созданія и потребленія внѣшнихъ экономическихъ имуществъ, распадается въ отдѣльности на нѣкоторыя главныя положенія, которыя люди издавна признали квинтэссенціею хозяйственной мудрости.

Въ области *производства* эти положенія заключаются въ слѣдующемъ:

Во первыхъ, со стороны производящаго лица: помѣщать въ продукты возможно меньшее расходованіе жизни (трудъ и капиталъ):— принципъ *сбереженія издержекъ*, дешевѣйшее производство и пріобрѣтеніе имуществъ.

Во вторыхъ, относительно *продукта*: при употребленіи наименьшихъ расходовъ достигнуть возможно большаго полезнаго результата: — принципъ ***наивысшаго валоваго дохода*** отъ труда и капитала.

Въ третьихъ, поставить оба предыдущія правила въ такое взаимное другъ къ другу отношеніе, при которомъ валовой доходъ, какъ средство къ жизни, какъ можно больше превосходилъ бы расходованіе жизни для его достиженія: принципъ *возможно большаго чистаго дохода*.

Какъ только стоимость расходовъ заключаетъ въ себѣ большее количество пожертвованія жизнью, сравнительно съ тѣмъ количествомъ ея, которое можетъ быть создано продуктомъ, то въ производствѣ является *рѣшительная* безхозяйственность и останавливается здоровое возрастаніе населенія.

Въ области *потребленія* такимъ же точно образомъ слѣдуетъ прежде всего опредѣлить отношеніе потребителя къ потребляемому имуществу и затѣмъ уравновѣсить ихъ взаимное положеніе наиболѣе хозяйственнымъ образомъ. Отсюда являются для потребленія подобныя же три хозяйственныя правила:

---

[1]) Ср. мою монографію объ этикѣ, экономіи и техникѣ.

Во первыхъ, уничтожай возможно меньше экономическихъ предметовъ при потребленіи: — принципъ *сбереженія* и сохраненія, отрицательная бережливость.

Во вторыхъ, извлекай изъ разрушенія экономическихъ имуществъ возможно большую *личную* пользу: — принципъ наиполнѣйшаго *пользованія*, *положительная* бережливость.

Въ третьихъ, *дѣйствительно* пріобрѣтенною чрезъ потребленіе жизнью, какъ можно менѣе возмещай расходъ жизни дѣйствительно сдѣланный для пріобрѣтенія потребляемаго предмета: — принципъ личнаго сохраненія и развитія въ пользованіи.

Законъ хозяйственности требуетъ, чтобы мы одновременно и равномѣрно слѣдовали всѣмъ упомянутымъ шести принципамъ, которые надлежитъ примѣнять къ двумъ отдѣльнымъ процессамъ: производству и потребленію. Въ языкѣ существуютъ извѣстныя характеристическія выраженія для каждой дисгармоніи, для каждаго нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Онъ рекомендуетъ „малые расходы" въ производствѣ и потребленія и порицаетъ безцѣльное потребленіе или расточительность, также какъ и безцѣльное накопленіе или скупость. Хозяйственность (благоразумная экономія) въ производствѣ называется производительностью, распорядительностью, а въ потребленіи — домовитостью.

Соціализмъ признаетъ, что нынѣшнее народно-хозяйственное общественное производство подъ руководствомъ или „управленіемъ" частнаго капитала, вслѣдствіе раздѣленія труда и соотвѣтствующаго этому раздѣленію накопленія дѣйствительныхъ капитальныхъ имуществъ, во всѣхъ предпріятіяхъ производительнѣе и распорядительнѣе, чѣмъ какое бы то ни было прежнее раздѣленіе или соединеніе производительныхъ силъ, достигаемое системою рабства и феодальнаго господства. Но все-таки посредствомъ настоящей системы нельзя достигнуть *возможно лучшей* производительности и домовитости. Наемный трудъ производится безъ собственнаго интереса, надзоръ за нимъ требуетъ множества непроизводительныхъ, мертвыхъ расходовъ и въ слѣдствіе неправильнаго раздѣленія національныхъ доходовъ, увеличившійся продуктъ служитъ лишь къ роскоши немногихъ, а не къ пропорціональному личному развитію жизни всѣхъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Цѣнность.—Конъюнктура.

Сегодня намъ предстоитъ заняться труднѣйшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ благодарнымъ изслѣдованіемъ.

Намъ предстоитъ вопросъ: какимъ же образомъ *приводится въ дѣйствіе законъ хозяйственности?*

Отвѣтъ на этотъ вопросъ предполагаетъ ясное понятіе о цѣнности.

Политико-экономическое понятіе о цѣнности, какъ видно изъ сочиненій Прудона и Маркса, есть главная, можно сказать рѣшительная позиція въ ученомъ спорѣ соціализма съ гражданскою національною экономіею. Послѣдняя, оставивъ цѣнность безъ ясныхъ опредѣленій, сама была не мало виновата въ томъ, что соціализмъ съ своими заманчивыми теоріями цѣнности имѣлъ возможность научнымъ образомъ сдѣлать сильное нападеніе на гражданскую частную собственность. И такъ завладѣемъ этою позиціей! Надѣюсь, что въ концѣ этой бесѣды вамъ больше уже не будетъ казаться непрактичнымъ вопросъ о правильномъ понятіи цѣнности.

Что такое цѣнность въ національно-экономическомъ смыслѣ этого слова?

Въ настоящее время принято положеніе, что производство и потребленіе есть *практическій* процессъ, состоящій сперва въ *образованіи* и формированіи внѣшнихъ полезныхъ произведеній, а потомъ въ образованіи и формированіи личной жизни посредствомъ присвоенія полезности имуществъ.

Всѣ практическіе процессы умственной жизни, въ которыхъ воля переходитъ въ дѣйствіе, опредѣляются и управляются руководящими *внутренними* соображеніями разума и рѣшеніями чувства. Они даютъ цѣнность умственному поведенію, умственнымъ созданіямъ, нравственнымъ дѣйствіямъ и благамъ. Всякая

ученая дѣятельность, всякое занятіе искуствомъ, всякое политическое дѣйствіе государственнаго человѣка предшествуетъ, сопровождается и преслѣдуется оцѣнкой. Эта оцѣнка состоитъ во взвѣшиваніи и опредѣленіи достоинства извѣстнаго умственнаго дѣйствія, съ опредѣленной точки зрѣнія. Можно говорить объ ученой, артистической, политической, религіозной оцѣнкѣ. Въ цѣнности, имущества получаютъ свое значеніе для нравственнаго разумно дѣйствующаго субъекта, и признаются созданіями и средствами для разумной жизни.

Внѣшній практическій процесъ образованія и потребленія имуществъ такимъ же точно образомъ получаетъ свое направленіе отъ внутреннихъ теоретическихъ разсужденій и эстетическихъ [1]) рѣшеній относительно удовольствія или неудовольствія.

Этотъ внутренній рѣшающій приговоръ размышляющаго разума, равно какъ удовольствіе или неудовольствіе воспріимчиваго чувства могутъ быть опредѣляемы, въ выполненіи принципа *хозяйственности*, а слѣдовательно въ качествѣ хозяйственнаго приговора о цѣнности, только относительно трехъ взаимно дополняющихъ другъ друга точекъ зрѣнія и вопросовъ.

Вопервыхъ, какъ велика жертва жизненной силы, какъ велико затрудненіе пріобрѣтенія, сколько понесено *издержекъ* на экономическое имущество? Это вопросъ о цѣнности издержекъ.

Далье: сколько жизненной силы и жизненнаго наслажденія доставляетъ мнѣ это имущество, сколько удовольствія или наслажденія оно мнѣ приготовитъ? Это вопросъ о цѣнности пользованія. Наконецъ въ *третьихъ*: въ какомъ отношеніи находится цѣнность пользованія [2]) къ цѣнности издержекъ?

Съ точки зрѣнія производящаго и потребляющаго лица, для

[1]) Эстетическихъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. согласныхъ съ чувствомъ. Aesthesis—чувство.

[2]) Подъ цѣнностью пользованія или употребленія (Gebrauchswerth) авторъ разумѣетъ цѣнность годности къ употребленію, т. е. степень, въ какой извѣстное имущество годно для пользованія или употребленія, степень въ какой оно цѣнно относительно его полезности, степень, въ какой стоитъ имъ пользоваться.

Примѣч. переводч.

хозяйственнаго опредѣленія цѣнности, представляются только эти три вопроса. Отъ правильнаго рѣшенія ихъ зависитъ практическое примѣненіе принципа хозяйственности, согласно упомянутымъ во второмъ чтеніи шести особеннымъ сторонамъ. Для того, чтобы дѣятельность въ производствѣ и потребленіи была дѣйствительна, для этого необходимо познаніе, вытекающее изъ отвѣта на три, или въ сущности на два вопроса о цѣнности: уравновѣшивается ли трата жизненной силы или труда пользою достигнутаго имущества (блага) для поддержанія жизни и для наслажденія, или же нѣтъ; другими словами: *цѣнность пользованія* равна, выше или ниже *цѣнности издержекъ*?

И такъ подъ *хозяйственною цѣнностью* имущества я разумѣю *значеніе*, которое хозяинъ придаетъ имуществу, какъ относительно связаннаго съ производствомъ *неудовольствія и пожертвованія жизненною силой*, такъ и относительно связаннаго съ употребленіемъ *удовольствія* и *поддержанія жизни*. Слѣдовательно цѣнность — есть цѣнность издержекъ и цѣнность пользованія, обѣ эти цѣнности, по величинѣ, *могутъ*, но не должны — и *при правильномъ отношеніи* не будутъ — совпадать другъ съ другомъ.

При нашемъ опредѣленіи цѣнности мы покамѣстъ еще не думаемъ о томъ общественномъ или *народно*-хозяйственномъ производствѣ и потребленіи, которое происходитъ посредствомъ мѣны, а слѣдовательно не имѣемъ также въ виду *мѣновой* цѣнности. Робинсонъ Крузое, этотъ неизбѣжный прототипъ элементарныхъ, народно-экономическихъ понятій, цѣнитъ всѣ имущества (полезности) какъ по издержкамъ употребленнаго на нихъ труда, такъ и по ихъ значенію относительно ихъ пригодности для него. Онъ будетъ охотнѣе всего производить тѣ имущества, въ которыхъ цѣнность пользованія, по его оцѣнкѣ, превосходитъ цѣнность издержекъ. Съ его точки зрѣнія не будетъ подлежать никакому возраженію и слѣдующее замѣчаніе относительно цѣнности:

Цѣнность, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ предположеніе, что имущетвво *годно къ употребленію*; имущество, признанное негоднымъ къ употребленію, не имѣетъ никакой цѣнности.

Но не всѣ годныя къ употребленію и даже не всѣ необходимыя иму-

щества имѣютъ цѣнность. Воздухъ съ экономической точки зрѣнія не имѣетъ никакой цѣнности; потому что ему не достаетъ одной изъ двухъ въ хозяйственномъ отношеніи существенныхъ чертъ хозяйственной экономіи: личнаго пожертвованія, т. е. для пользованія его не нужно никакихъ издержекъ. Только тѣ годности (или полезности), которыя выше были названы экономическими имуществами, имѣютъ цѣнность въ хозяйственномъ смыслѣ этого слова.

Цѣнность есть болѣе чѣмъ вещественная полезность; она есть *значеніе* имущества въ экономической оцѣнкѣ и чувствованіи лица,—значеніе, опредѣляемое соображеніемъ какъ относительно издержекъ такъ и относительно полезности, которую это лицо желаетъ извлечь лично для себя. Только желаемая, признанная и сопряженная съ издержками годность, можетъ быть названа цѣнною. Свободно вдыхаемый воздухъ ни. относительно своей пользы, ни при усвоеніи его нами, не считается цѣннымъ, потому что онъ не вызываетъ сужденія ни о цѣнности издержекъ, ни о цѣнности пользованія; онъ не имѣетъ стоимости, не *цѣненъ* ни относительно издержекъ, ни относительно пользованія, хотя онъ годенъ къ употребленію до необходимости.

Этотъ характеръ цѣнности, согласно которому она есть экономическій ярлыкъ, прикладываемый нами къ имущественному предмету, можетъ быть названъ понятіемъ, соотвѣтствующимъ истинному положенію обстоятельствъ, если мы примемъ во вниманіе, что каждый при представленіи о цѣнности думаетъ о взвѣшиваніи и размышленіи, объ оцѣнкѣ и опредѣленіи достоинства, о вычисленіи количества извлекаемыхъ удовольствія и неудовольствія. На общеупотребительномъ языкѣ цѣннымъ считается то что есть результатъ личнаго усилія, средство личнаго развитія; равнымъ образомъ „цѣннымъ“ называется то что соотвѣтствуетъ внутренней величинѣ сужденія, оцѣнки, чувства.

Хозяйственная цѣнность опредѣляется издержками и годностью для пользованія, такъ-какъ задача хозяйственности, въ двухъ степеняхъ хозяйственнаго процесса, т. е. въ производствѣ и потребленіи, состоитъ въ томъ, чтобы при наименьшемъ пожертвованіи жизни достигнуть возможно большаго количества возобновленія жизни, а слѣдовательно при наименьшихъ издерж-

кахъ достигнуть наиболѣе *желательной, наиболѣе признанной*, наиболѣе способствующей къ жизни годности къ пользованію. Хозяйственность состоитъ не только въ томъ, чтобы сдѣлать какое либо произведеніе съ наименьшимъ пожертвованіемъ предстоящаго и уже исполненнаго (капитализированнаго) труда, но— такъ какъ трудъ есть только *средство* для цѣли способствованія (удовлетворенія) жизни — и въ томъ, чтобы посредствомъ наименьшаго расходованія труда произвести *наибольшее количество дѣйствительно желаемой*—а не какой либо абстрактной годности. Поэтому теоретическая оцѣнка, сопровождающая *практическій* процесъ производства и употребленія имуществъ, должна постоянно имѣть въ виду, въ одно и тоже время, обѣ половины практическаго круговращенія хозяйства: она должна заключаться въ *одновременномъ* вычисленіи *цѣнности издержекъ* и *цѣнности пользованія*. Вещь, которая причинила издержки, которая, можетъ быть, и *годна* для пользованія, но не отвѣчаетъ никакой потребности, никакимъ желаніямъ, не доведена до степени потребности и поэтому не *стоитъ* употребленія,—не имѣетъ никакой цѣнности (стоимости). Также мало экономической цѣнности имѣетъ имущество, когда его можно имѣть безъ издержекъ, оно никоимъ образомъ не будетъ цѣнимо и признаваемо цѣнимымъ.

Почему? Потому что хозяйствованіе состоитъ въ хозяйственномъ распоряженіи личною силою въ *двух*стороннемъ процесѣ: въ образованіи орудій жизни и въ пользованіи ими.

Мы привыкли къ внѣшнему взгляду: приписывать хозяйственную цѣнность только *вещамъ*. Это взглядъ односторонній. Каждое полезное дѣйствіе, какъ эквивалентъ потраченной жизненной силы и какъ средство способствованія къ жизни, имѣетъ цѣнность пользованія. Мало того: весь человѣкъ, какъ продуктъ заботы о его образованіи и издержекъ на его содержаніе и какъ средство созданія дальнѣйшей жизни, долженъ бы быть подвергнутъ экономической оцѣнкѣ. Уже консервативный ф. *Тюненъ* по поводу омерзительной страсти европейскихъ народовъ къ войнамъ, указалъ на то, какъ возмутительно—антиэкономично безумное жертвованіе человѣческой жизнью посредствомъ веденія войны. Я, съ своей стороны, тоже энергически поставлялъ на видъ значеніе экономической

оцѣнки людей относительно вознагражденія пожертвованныхъ обществу человѣческихъ силъ и жизней, для криминалистическихъ и гражданскихъ цѣлей, для сужденія о колоссальной потерѣ вслѣдствіе переселеній и военныхъ эпидемій. *Энгель* статистическими цифрами опредѣлилъ стоимость людей по воспитанію. Фарисейское презрѣніе къ экономической оцѣнкѣ людей оказываетъ помощь варварству и деспотизму. Экономическая оцѣнка заставляетъ уважать цѣнность (стоимость) людей и служитъ во всѣхъ отношеніяхъ интересамъ гуманности и справедливости. Презрѣніе къ жизни пролетаріевъ, и не менѣе того снисходительность къ растратѣ жизни лѣнтяями и сластолюбцами исчезнутъ, какъ только будетъ заведена всеобщая книга объ экономической цѣнности людей, когда мы ясно увидимъ и мужественно выскажемъ, что лѣнтяй есть не только дневной воръ, но и грабитель общества, у котораго онъ отнимаетъ жизненную силу, не замѣняя ее жизнью, почерпнутою изъ собственной силы. — И не только стоимость издержекъ на человѣка, но и стоимость его *годности* будетъ современемъ лучше оцѣнена. Зародышъ признанія этой стоимости обнаруживается тогда, когда военный министръ, во время жатвы, даетъ болѣе продолжительные отпуски, когда съ большими издержками пріобрѣтаютъ первый сортъ извѣстнаго промышленнаго труда, когда съ необыкновенными расходами пріобрѣтаютъ для страны способныхъ людей. Для *отдѣльнаго* выраженія силы труда издавна вошло въ обычай исчисленіе цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія въ наемной платѣ.

Мы вмѣняемъ соціализму въ заслугу то, что онъ многократно настаивалъ на экономической оцѣнкѣ людей. Человѣкъ есть по истинѣ источникъ всякой цѣнности вещныхъ имуществъ, потому что они „цѣнны“ по мѣрѣ своихъ правъ на человѣческій трудъ и своей способности доставлять жизнь.

Самъ ли человѣкъ или его полезное произведеніе будетъ подвергнуто оцѣнкѣ, — и въ томъ и другомъ случаѣ степень его цѣнности опредѣляется какъ цѣнностью (стоимостью) его годности

для пользованія (степенью годности къ употребленію), такъ и цѣнностью употребленныхъ на него издержекъ.

Но относительное положеніе той и другой изъ этихъ цѣнностей, можетъ быть очень различно. Или цѣнность пользованія *превосходитъ* цѣнность издержекъ, и въ этомъ случаѣ является хозяйственный интересъ—производить и употреблять наиболѣе цѣнныя по своей годности вещи или дѣла. Или цѣнность пользованія *ниже* цѣнности издержекъ, въ такомъ случаѣ являлась потеря; производство и потребленіе должны быть благоразумно пріостановлены. Или цѣнность того и другаго сохраняютъ равновѣсіе въ оцѣнкѣ, тогда все равно что производить или потреблять — мы стоимъ на пунктѣ хозяйственной безразличности.

По этому неравенство между цѣнностью издержекъ и цѣнностью пользованія есть тотъ пунктъ, гдѣ рѣшается влеченіе къ какому нибудь опредѣленному акту производства и потребленія или же отвращеніе отъ него. Изъ мнѣнія насчетъ существующей и предстоящей разницы цѣнностей того и другаго создается хозяйственный приговоръ, вытекаетъ въ производствѣ и потребленіи сужденіе о томъ *дѣлать* или оставить,—происходитъ *практическое* рѣшеніе хозяйства.

Истина всего этого обнаруживается самымъ простымъ образомъ, когда мы исходимъ отъ простѣйшаго случая: когда истребитель и производитель суть одно и тоже лицо. Никто, обладающій пятью здравыми чувствами, не станетъ производить имущества, которое для него непригодно по меньшей мѣрѣ столько же, сколько на него потрачено издержекъ. Тотъ же самый опытъ учитъ, что никто не придастъ экономической цѣнности имуществу, которое можно получать безъ издержекъ. Никому не приходитъ въ голову экономически оцѣнивать воздухъ, хотя бы, при полномъ отсутствіи экономической оцѣнки, мы чувствовали его цѣнность нравственно, благодаря Бога, при каждомъ дыханіи и при видѣ развертывающихся предъ нами прекрасныхъ ландшафтовъ.

Но при *мѣнѣ* также ли необходимо сопоставленіе цѣнности издержекъ съ цѣнностью пользованія?

Кромѣ цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія говорятъ также о *мѣновой цѣнности имуществъ*. При этомъ иногда

мѣновую цѣнность отличаютъ отъ внѣшняго *мѣноваго эквивалента* или *цѣны*, иногда же понятіе мѣновой цѣнности принимаютъ за тожественное съ понятіемъ цѣны. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смыслѣ мѣновая цѣнность сдѣлалась альфою и омегою *національной* экономіи. Мы должны разслѣдовать ее ближе.

Если мы мѣновую цѣнность, какъ предшествующій своему практическому послѣдствію (вычисленію цѣны) продуктъ внутренней субъективной оцѣнки, будемъ отличать отъ цѣны (что дѣйствительно согласно съ болѣе точнымъ изслѣдованіемъ), то окажется, что мѣновая цѣнность есть ничто иное, какъ замаскированное сравненіе цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія двухъ взаимно обмѣниваемыхъ имуществъ.

Мѣновая цѣнность есть то *значеніе* имущества, которое по случаю *практическаго* акта *мѣны* придаютъ имуществу обмѣнивающіяся лица, по принятіи въ соображеніе траты издержекъ, которую оно имъ причинило или отъ котораго оно освободитъ ихъ когда будетъ обмѣнено, а *также* удовольствіе, отъ котораго они *отказываются* посредствомъ отчужденія и которое *желаютъ получить* посредствомъ пріобрѣтенія. Мѣновая цѣнность имущества всегда есть продуктъ взвѣшиванія какъ цѣнности издержекъ, такъ и цѣнности пользованія, приговоръ чувства, тяготящагося трудомъ и желающаго удовлетворенія.

При мѣновой цѣнности явленіе цѣнности дѣлается конечно болѣе запутаннымъ. Предъ нами уже не Робинсонъ Крузоэ, а хозяйственная община обмѣнивающихся людей; новѣйшее *народное* хозяйство, въ которомъ каждый производитъ только для другихъ и потребляетъ только обмѣненный продуктъ другихъ.

При такомъ способѣ производства производитель долженъ обладать *предчувствіемъ* относительно цѣнности пользованія (т. е. годности извѣстныхъ имуществъ) для другихъ людей; онъ долженъ расчитывать — на что есть спросъ; и прежде всего на рынкѣ, — на этой сходкѣ гдѣ собираются производители и потребители ради комерческихъ цѣлей, — рѣшается вопросъ требуется ли и стоитъ ли пользованія имущество, въ какой степени и въ какомъ количествѣ. Наоборотъ, для расчета стоимости издержекъ, дѣлаемаго

потребителемъ, нормою служитъ — трата не собственныхъ наименьшихъ издержекъ, но трата издержекъ другихъ людей, которую можно получить посредствомъ мѣны; не нижайшая собственная цѣнность производства, но нижайшая цѣнность пріобрѣтенія. Какъ производитель долженъ дѣлать *предварительный* расчетъ относительно того, въ какой мѣрѣ другіе считаютъ вещь годною къ употребленію, такъ потребитель долженъ дѣлать *послѣдующій* расчетъ цѣнности чужихъ издержекъ.

Такимъ образомъ устроивается дѣло, когда производитель самъ изготовляетъ и самъ передаетъ имущество потребителю.

Однако же проявленіе цѣнности становится еще запутаннѣе, вслѣдствіе того, что всякое имущество производится при участіи труда и что вслѣдствіе этого выступаютъ на сцену многіе хозяйственные, промышленные и комерческіе предприниматели въ качествѣ лицъ, заключающихъ между собою сдѣлки. Фабрикантъ сыраго желѣза покупаетъ желѣзную руду, купецъ — сырое желѣзо, фабрикантъ стали невыдѣланный желѣзный товаръ, опять купецъ покупаетъ сталь, ножевщикъ — стальные товары и т. д. наконецъ потребитель — готовые ножи. Отъ этого происходитъ, что вмѣсто простаго сравненія цѣнности собственныхъ издержекъ и цѣнности собственнаго пользованія при мѣнѣ является множество, одна за другою слѣдующихъ оцѣнокъ. Но каждая мѣновая оцѣнка есть все-таки оцѣнка издержекъ *и* пользованія, т. е. годности къ употребленію.

Возьмемъ напримѣръ мѣну стали на деньги купца. *Фабрикантъ стали* спрашиваетъ: сколько стоила мнѣ сталь? далѣе: гдѣ и когда существуетъ на нее наибольшій спросъ, вслѣдствіе котораго она наиболѣе цѣнится? Онъ старается хозяйственнымъ образомъ довести цѣну издержекъ до нижайшей степени и продастъ не ниже цѣны издержекъ. Покупающій сталь *ножевщикъ* доискивается нижайшей цѣнности издержекъ и уплачиваемою цѣною выражаетъ цѣнность пользованія стали (т. е. годности его) для потребителей ножей.

Послѣдовательные продавцы, получая плату за одно и тоже имущество, постепенно возвышаютъ этимъ цѣнность издержекъ, а покупатели, отдавая за него деньги, заранѣе опредѣляютъ конечную полную цѣнность пользованія.

Послѣдствіе каждаго исчисленія цѣнности, издержекъ и годности къ употребленію есть опредѣленная *цѣна*, при которой желаютъ выиграть *обѣ* стороны, согласно ихъ индивидуальному расчету по отношенію между сдѣланными уже издержками и предполагаемою цѣною при продажѣ. Слѣдовательно не всякая *цѣна* есть мѣновая цѣнность, но послѣдствіе двухъ оцѣнокъ *при* обмѣнѣ: оцѣнки издержекъ и оцѣнки пользованія. Она только, въ хозяйственномъ смыслѣ, не должна падать у продавца ниже собственной цѣны изготовленія, а у покупающаго она не должна превосходить предполагаемую продажную цѣну.

Разъ опредѣленная цѣна пріобрѣтателя служитъ основаніемъ вычисленія издержекъ для слѣдующаго покупателя; а предполагаемая продажная цѣна, представляющая цѣнность пользованія, составляетъ норму цѣны покупателя.

Уплаченная и ожидаемая цѣна при *народно*-хозяйственномъ производствѣ—будутъ примиреніемъ и уравненіемъ оцѣнокъ издержекъ и окончательной цѣнности пользованія.

Но при отдѣльной мѣнѣ цѣнность всегда есть величина уплачиваемой цѣнности издержекъ и предполагаемой цѣнности пользованія.

Мѣновая цѣнность, изъ которой вытекаетъ цѣна, не есть самая цѣна, но посредствующія сужденія о цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія.

По этому на мѣновую цѣнность нельзя смотрѣть какъ на опредѣленіе цѣны, чуждое двумъ основнымъ соображеніямъ оцѣнки, а на нее должно смотрѣть какъ на посредствующее выполненіе обоихъ этихъ основныхъ соображеній при *народно*-хозяйственномъ производствѣ и потребленіи. Для имуществъ, которыя дѣлаются мѣновымъ имуществами, товарами, мѣновая оцѣнка конечно имѣетъ рѣшительное значеніе; явленіе мѣновой цѣнности для *національной* экономіи служитъ главнымъ выраженіемъ цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія.

Выводы, которые я представилъ, дозволяютъ теперь исправить нѣкоторыя ложныя, но чрезвычайно распространенныя и ведущія ко многимъ ошибкамъ воззрѣнія.

Жалуются на несоотвѣтствіе постоянно измѣняющейся *мѣновой цѣнности* съ первоначально употребленными издержками и съ окончательною цѣнностью годности имущества для потребителей.

Правда, совершенно вѣрно, что цѣна, вытекающая изъ мѣновой оцѣнки, по большей части не вполнѣ согласна съ цѣною издержекъ и что каждая послѣдующая продажная цѣна рѣдко гармонируетъ въ точности съ цѣною производства. Но эти измѣненія цѣны суть слѣдствія многосторонней оцѣнки, которая при соціальномъ образованіи человѣческаго хозяйства совершенно необходима для выполненія закона хозяйственности и для достиженія высшей цѣнности пользованія при наименьшей цѣнности издержекъ. Кто расчитываетъ наиболѣе хозяйственнымъ образомъ, тотъ, по заслугамъ, получаетъ наибольшую пользу отъ колебаній цѣны, вытекающей изъ этой посредствующей соціальной оцѣнки. Пусть сдѣлаютъ все для преслѣдованія обмановъ, вводящихъ въ заблужденіе общественную оцѣнку, пусть строго наказываютъ и судебнымъ порядкомъ предаютъ позору фабрикацію ложныхъ извѣстій, подкупы газетъ, которые сбиваютъ съ толку общественное мнѣніе о цѣнности, но все же, сами по себѣ, колебанія цѣны суть необходимыя явленія, которыя при соціальномъ хозяйствѣ указываютъ наиболѣе хозяйственный путь, подобно тому какъ движенія манометра указываютъ степень силы пара, которую слѣдуютъ дать паровой машинѣ.

Для *мѣновой цѣнности*, по отношенію *къ цѣнѣ*, важно еще одно замѣчаніе. Мѣновая цѣнность сама въ себѣ есть объемъ нашего внутренняго, двойнаго мнѣнія объ имуществѣ (двойной оцѣнки имущества). Отношеніе ея къ цѣнѣ состоитъ только въ томъ, что при мѣнѣ цѣна для одного изъ обмѣнивающихся лицъ не должна быть ниже его издержекъ, а для другаго не должна превышать цѣнности пользованія (т. е. годности пріобрѣтаемаго предмета для употребленія). Однако же, съ *практической* точки зрѣнія, можно принимать цѣну за мѣновую цѣнность. Именно, при мѣнѣ цѣнность издержекъ можетъ быть представляема послѣднею *цѣною пріобрѣтенія*, а цѣнность пользованія ближайшею предполагаемою цѣною продажи.

Каждая изъ мѣновыхъ, слѣдующихъ одна за другою оцѣнокъ покончиваетъ разъ на всегда съ мѣрою цѣнности издержекъ предъидущихъ покупателей и принимаетъ послѣднюю цѣну за основаніе исчисленія издержекъ и равнымъ образомъ смотритъ на ближайшую ожидаемую продажную цѣну, какъ на нормальнаго

представителя окончательной цѣнности пользованія, дѣйствительное достиженіе которой предоставляется послѣдующимъ пріобрѣтателямъ. Въ цѣнахъ внѣшнимъ образомъ устанавливаются внутреннія величины мѣновой цѣнности, т. е. продажная цѣна опредѣляетъ достоинство продаваемаго предмета. Въ цѣнахъ рядъ индивидуальныхъ, субъективныхъ величинъ цѣнности служитъ точкою опоры для дальнѣйшаго процеса обращенія.

По моимъ понятіямъ о цѣнности я долженъ считать весьма невѣрнымъ и несогласнымъ съ опытомъ тотъ взглядъ, по которому мѣновая цѣнность есть только *покупательная* сила имущества или оцѣнка предмета по его продажной цѣнѣ. Мѣновая цѣнность всегда столько же представляетъ цѣнность сдѣланныхъ издержекъ сколько, по выраженію Милля, „пріостановленную (т. е. будущую) цѣнность пользованія." Каждый продавецъ, прежде чѣмъ принимаетъ предложенную цѣну, предлагаетъ себѣ вопросъ, какъ относительно цѣнности издержекъ, именно: сколько продаваемый предметъ стоилъ по послѣдней опредѣленной цѣнѣ?—такъ и относительно цѣнности пользованія, именно: какую послѣднюю цѣнность пользованія, представляетъ предметъ до ближайшей продажной цѣны? Вознаграждаетъ ли мѣновой эквивалентъ цѣну расходовъ? Съ помощью денегъ, какъ всеобщаго средства мѣны, какъ общаго выраженія сравнительной цѣнности издержекъ и пользованія, это производится весьма просто. Наоборотъ, покупатель очень хорошо умѣетъ оцѣнить не только цѣнность годности покупаемаго имущества къ употребленію, но и цѣнность издержанныхъ денегъ, которыя ему не съ неба сваливаются.

Мѣновая цѣнность, есть, безъ сомнѣнія, также продуктъ предполагаемой оцѣнки *стоимости пользованія.* Продажная цѣна представляетъ для продавца, а товары для покупателя окончательную цѣнность пользованія, хотя бы послѣдняя должна была еще пройдти чрезъ нѣсколько процесовъ мѣны. Наконецъ, продавецъ, или его наслѣдникъ, получаетъ цѣнныя для пользованія имущества, въ которыя посредствомъ оборота превращается первоначальная трата издержекъ, а покупатель пріобрѣтаетъ товары для собственнаго употребленія.

Мѣновая цѣнность опредѣляется такимъ образомъ стоимостью *сдѣланныхъ* издержекъ и *предполагаемой* оцѣнкой стоимости пользованія. Мѣновая цѣнность, необходимо служащая мѣриломъ національной экономіи, отнюдь не уничтожаетъ взаимной зависимости и соотвѣтствія между цѣнностью издержекъ и цѣнностью пользованія, что ясно видно при ближайшемъ изслѣдованіи процесовъ, опредѣляющихъ мѣновую цѣнность и зависящихъ отъ внутренняго хода оцѣнки со стороны обмѣнивающихся лицъ. Тоже, или почти тоже, говорятъ намъ лучшіе теоретики, изслѣдовавшіе вопросъ о цѣнѣ; такъ, по мнѣнію Германа, при опредѣленіи цѣны со стороны продавца мѣриломъ служатъ собственныя издержки и высшая продажная цѣна на рынкѣ, а со стороны покупателя цѣнность пользованія и низшая стоимость пріобрѣтенія, достигаемая соперничествомъ между продавцами. Иначе сказать, обмѣнивающіяся лица находятся подъ вліяніемъ совокупной оцѣнки стоимости издержекъ и стоимости пользованія; и сама рыночная цѣна вытекаетъ изъ той посредствующей, переведенной на деньги, совокупной оцѣнки.

Оставимъ въ сторонѣ теоретическое проявленіе мѣновой цѣнности (въ оцѣнкѣ и опредѣленіи стоимости дѣлаемыхъ хозяиномъ), и посмотримъ только на ея практическое проявленіе *во внѣшнемъ опредѣленіи цѣны*, послѣдуемъ общепринятой терминологіи и не будемъ дѣлать различія между внутренней причиной и внѣшнимъ ея слѣдствіемъ, между мѣновой цѣнностью и цѣной, тогда для насъ тотчасъ станетъ очевиднымъ, что *цѣна* есть результатъ оцѣнки стоимости издержекъ и пользованія, сдѣланной обмѣнивающимися лицами. Продавецъ держится правила не продавать, если издержки не покрываются цѣной на товаръ, которая сама служитъ средствомъ къ пріобрѣтенію полезныхъ предметовъ потребленія. Съ другой стороны, когда запросъ великъ, когда много желающихъ пріобрѣсти и цѣнность пользованія стоитъ высоко, продавецъ никогда не опуститъ запрашиваемой имъ цѣны до стоимости понесенныхъ издержекъ, но будетъ стараться выручить возможно больше. Покупатель, съ своей стороны сойдется въ цѣнѣ только тогда, когда затрата вознаграждается полезностью товара; но онъ никогда не остановится на цѣнѣ, соотвѣтсвующей его по-

нятію о стоимости и пригодности покупаемаго товара, если соперничество продавцовъ даетъ ему возможность сдѣлать нужное пріобрѣтеніе за меньшую цѣну.

И такъ, *цѣна* есть результатъ хозяйственно осуществленныхъ соображеній о цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія. Въ самомъ *практическомъ* процесѣ мѣны, предметы мѣны имѣютъ для обмѣнивающихся лицъ извѣстное хозяйственное значеніе по цѣнности издержекъ и пользованія; но цѣна рѣдко соотвѣтствуетъ этому значенію, хотя сама по себѣ она *можетъ* ему соотвѣтствовать. *А* покупаетъ извѣстное количество хлѣба для собственнаго употребленія или для комерческаго оборота и при цѣнѣ оцѣняетъ хлѣбъ въ 50 флориновъ; потому что полезность пріобрѣтаемаго товара для него самого или предполагаемая его полезность для другихъ можетъ покрыть расходъ въ 50 флориновъ; *А* полагаетъ, слѣдовательно, цѣнность имущества при мѣнѣ въ 50 флориновъ. Но цѣна не достигаетъ этой мѣновой цѣнности, потому что *В* проситъ за такой же товаръ 40 флориновъ и считаетъ эту сумму достаточнымъ эквивалентомъ издержекъ, сдѣланныхъ имъ для пріобрѣтенія хлѣба. Вслѣдствіе индивидуальнаго различія издержекъ и потребностей, труда и полезности, *одному и тому же* предмету придаются со стороны обмѣнивающихся лицъ, со стороны сходящихся на рынкѣ продавцевъ и покупателей, весьма разнообразныя мѣновыя цѣнности. Цѣна, слѣдовательно, является *результатомъ* сравненія мѣновыхъ цѣнностей, сдѣланныхъ въ двухъ противуположныхъ лагеряхъ; но она не есть *одна* извѣстная мѣновая цѣнность, потому что она должна одновременно выражать собою *различныя* мѣновыя цѣнности, или, лучше сказать, различныя относительныя положенія цѣнностей издержекъ и пользованія, установившихся на рынкѣ.

Далѣе, объясняется весьма просто *какимъ образомъ* мѣна приноситъ одновременно для *обоихъ* обмѣнивающихся лицъ большую, хотя не всегда равную, хозяйственную выгоду: мѣна наиболѣе хозяйственно уравниваетъ мѣрила цѣнностей издержекъ и пользованія, которыя различествуютъ между собою индивидуально, національно и географически, и проявляются въ многообразныхъ хозяйственныхъ опредѣленіяхъ со стороны всѣхъ обмѣнивающихся

лицъ. Положимъ, китаецъ производитъ въ 10 рабочихъ дней столько шелка, сколько англичанинъ въ 100 дней, а англичанинъ производитъ въ 10 рабочихъ дней столько стальныхъ издѣлій, сколько китаецъ въ 120 дней; оба будутъ въ выигрышѣ, если обмѣняются количествами шелка и стальныхъ издѣлій, произведенныхъ въ 10 рабочихъ дней; китаецъ сбережетъ 110 рабочихъ дней, а англичанинъ — 90; предполагая, разумѣется, что первый, при производствѣ шелка собственными средствами, придаетъ ему цѣнность пользованія уравновѣшивающую трудъ 100 рабочихъ дней, а послѣдній, при производствѣ стальныхъ издѣлій собственными средствами, придаетъ имъ цѣнность уравновѣшивающую трудъ 120 рабочихъ дней.

Но теперь еще не время излагать болѣе подробно этотъ процессъ, противъ котораго направлены основныя нападки соціалистовъ.

Намъ нужно было обратить вниманіе только на то, что соціальной общиной производства, называемой народнымъ хозяйствомъ, достигается громадная экономія, такъ какъ при этомъ каждый пріобрѣтаетъ всѣ нужные ему предметы не за собственныя издержки на каждый отдѣльный предметъ, а соотвѣтственно низшей цѣнности издержекъ гдѣ либо, какому либо другому лицу возможной.

Далѣе, надлежитъ установить понятіе, что *рыночная цѣна*, какъ результатъ множества различныхъ индивидуальныхъ оцѣнокъ стоимости издержекъ и стоимости пользованія, выдвигаетъ впередъ хозяйственныя издержки и высшую цѣнность пользованія, поставляя ихъ въ зависимость отъ труда и наслажденія, такъ какъ она исключаетъ всѣ предметы предложенія, которыхъ цѣнность издержекъ превосходитъ рыночную цѣну, и всѣ предметы запроса, которыхъ предпологаемая оцѣнка стоимости пользованія стоитъ ниже рыночной цѣны, потому что было бы въ равной мѣрѣ нехозяйственно и безразсудно потреблять себѣ въ ущербъ, какъ и производить себѣ въ ущербъ. Рыночная цѣна служитъ регуляторомъ всего движенія общества на почвѣ производства и потребленія. Повышаясь, она притягиваетъ производительныя силы; понижаясь, она ихъ отталкиваетъ, понижаясь, она пробуждаетъ желанія, повышаясь она ихъ ограничиваетъ. Но цѣна является *всегда* только результатомъ разсчета стоимости издержекъ и пользованія,

сдѣланнаго всѣми сходящимися на рынкѣ или производящими для рынка, слѣдовательно всѣми принадлежащими къ народно-хозяйственной общинѣ производства. Рыночная цѣна есть, такъ сказать, маховое колесо, поглощающее и сглаживающее многочисленныя, неравномѣрныя и безпокойныя движенія индивидуальныхъ оцѣнокъ, съ цѣлью выполнить *возможно* хозяйственное снабженіе всѣхъ всѣми предметами потребленія при всѣхъ возможныхъ новыхъ комбинаціяхъ.

Сущность движенія вытекаетъ, въ этомъ случаѣ, изъ внутренней дѣятельности хозяйственной оцѣнки и хозяйственнаго опредѣленія индивидуальныхъ отношеній между цѣнностью издержекъ и цѣнностью пользованія. Этотъ внутренній теоретически-эстетическій процесъ, эта оцѣнка, дѣлаемая всѣми и имѣющая цѣлью согласовать высшую цѣнность пользованія съ низшей цѣнностью издержекъ — служитъ источникомъ движенія рыночной цѣны. Зависитъ она также отъ внѣшняго соціальнаго процеса — отъ всеобщаго соперничества, проявляющагося въ желаніи всѣхъ быть въ возможно большемъ выигрышѣ. Это соперничество побуждаетъ каждаго подчинять свою индивидуальную оцѣнку интересу наиболѣе хозяйственнаго снабженія всѣхъ членовъ человѣческаго общества всѣми имуществами. На соціальной аренѣ хозяйственности происходитъ постоянное состязаніе, имѣющее цѣлью добиться возможно большаго перевѣса рыночной цѣны надъ стоимостью издержекъ; и пальма первенства въ этомъ состязаніи достается только тому, кто съ одной стороны способенъ найдти самое дѣйствительное примѣненіе своему труду и капиталу, другими словами — остановиться на низшей индивидуальной цѣнности издержекъ; съ другой стороны способенъ обращать свои производительныя силы на самые полезные виды имуществъ, другими словами — производить при самомъ сильномъ запросѣ. Когда существуетъ соперничество, соціальная борьба индивидуальныхъ оцѣнокъ стоимостей издержекъ и пользованія оканчивается тѣмъ, что каждой производительной силѣ отводится мѣсто индивидуально наиболѣе производительное, въ цѣломъ и для цѣлаго. Но все-таки процесъ индивидуальныхъ опредѣленій цѣнностей издержекъ и пользованія остается постоянно регулирующей силой, опредѣляющей собою хозяйствен-

ное движеніе и сохраняетъ рѣшительный перевѣсъ надъ *практическимъ* процесомъ производства, мѣны и потребленія. *Рыночная цѣна, въ данное время* установившаяся, есть результатъ разсчета цѣнностей издержекъ и пользованія сдѣланнаго всѣми тѣми, которые придавали извѣстную цѣнность издержекъ имуществамъ, бывшимъ въ предложеніи, и извѣстную цѣнность пользованія имуществамъ—бывшимъ въ запросѣ. Обратно, судя по тому, согласуется ли *хозяйственно*, или нѣтъ, индивидуальная цѣнность издержекъ съ рыночной цѣной, можно будетъ рѣшить, рѣдѣютъ ли или увеличиваются ряды производителей, а судя по тому, согласуется ли съ нею *хозяйственно* или нѣтъ индивидуальная цѣнность пользованія, можно будетъ рѣшить рѣдѣютъ ли или увеличиваются ряды потребителей.

Такимъ образомъ теоритическая индивидуальная оцѣнка есть собственно основной процесъ разумнаго хозяйственнаго торга. Этотъ внутренній процесъ имѣетъ преобладающее значеніе надъ всѣми *практическими* проявленіями производительной и потребительной техники. Въ немъ осуществляется индивидуальное неспокойствіе, живущее въ тысячѣ отдѣльныхъ личностей; маховое колесо соперничества и движенія рыночной цѣны только подхватываетъ его колебанія и обращаетъ въ правильное, равномѣрное движеніе массъ, чтобы въ результатѣ достигать возможно большей хозяйственности при снабженіи всѣхъ всевозможными имуществами. Соперничество и рынокъ даютъ возможность достигать именно того, что индивидуальная, сама по себѣ вполнѣ субъективная оцѣнка, удивительно просто и въ высшей степени дѣйствительно, становится способною служить объективному, хозяйственному интересу общины.

Наука мало обратила вниманія на этотъ теоритическій процесъ оцѣнки, тогда какъ онъ заслуживаетъ самаго точнаго разсмотрѣнія.

Подобное разсмотрѣніе показываетъ, что разумное сознаніе и сужденіе и чутье, проявляясь въ формѣ оцѣнки издержекъ и полезности, предрѣшаетъ всякое практическое дѣяніе, даже при народно-хозяйственномъ веденіи общины полезныхъ искуствъ.

Правильное пониманіе цѣнности бросаетъ яркій лучъ на вы-

соко *моральный*, исполненный нравственнаго достоинства характеръ хозяйственной дѣятельности.

Точное разсмотрѣніе цѣнности указываетъ намъ гдѣ искать узелъ экономическаго имущественнаго міра, столь пестраго во внѣшнемъ своемъ проявленіи. Въ процесѣ оцѣнки, всякій имущественный предметъ и всякая услуга, всякое средство производства и всякое средство пользованія разсматривается по отношенію къ человѣческому труду и человѣческому желанію, по отношенію къ чувству удовольствія и неудовольствія, къ затратѣ жизненныхъ силъ или къ ихъ сбереженію. Такимъ образомъ, самые разнообразные предметы, какъ-то пища и удобреніе, шелковыя ткани и овчина, хирургическіе инструменты и кузнечныя принадлежности, по внѣшнимъ своимъ свойствамъ не подходящія подъ сравненіе, при существованіи понятія о цѣнности, могутъ быть сравниваемы сперва *теоритически*, а потомъ и практически, въ видѣ одного, всѣми признаваемаго цѣннымъ, имущества, въ видѣ денегъ.

Сказанное объясняется весьма просто при существованіи такого понятія о цѣнности, которое ея исходнымъ пунктомъ и источникомъ признаетъ не объективныя свойства имуществъ, разсматриваемыя независимо отъ личности производителей и потребителей, а *значеніе* этихъ имуществъ для чувствующихъ субъектовъ по отношенія къ издержкамъ и пользованію.

Далѣе, разсмотрѣніе цѣнности объясняетъ возможность осуществленія *соціальнаго* процеса хозяйственности. т. е. *народнаго* хозяйства, въ величественномъ, исполненномъ законности движеніи массъ, безъ нарушенія индивидуальности потребностей и производительности. На самомъ дѣлѣ, предложеніе не заключаетъ въ себѣ ничего абстрактнаго; это есть состязаніе живыхъ индивидуумовъ съ неодинаковыми оцѣнками стоимости издержекъ въ продажѣ одинаковаго имущества; запросъ, потому же самому, есть совокупность живыхъ индивидуумовъ съ неодинаковыми оцѣнками полезности. Повышеніемъ и пониженіемъ рыночной цѣны исключительно достигается тотъ результатъ, что индивидуально наиболѣе производительная хозяйственность одного приводится количественно и качественно въ соотвѣтствіе съ наибольшей индивидуальной потребностію другаго.

Далѣе, разсмотрѣніе цѣнности показываетъ, что соціальный элементъ въ хозяйствѣ, соперничество и рыночная цѣна, отнюдь не являются слѣпой силой, *лассалевскимъ* экономическимъ „рокомъ“, который грубо господствуетъ надъ отдѣльными членами народнаго хозяйства, то угнетая ихъ, то благодѣтельствуя имъ. Напротивъ, подъ вліяніемъ соперничества *индивидуальность* производства достигаетъ самаго хозяйственнаго развитія и самаго полнаго оплачиванія, а индивидуальная оцѣнка полезности — самаго дѣйствительнаго удовлетворенія. Индивидуальное опредѣленіе издержекъ отнюдь не подавляется какимъ-то „объективнымъ соціальнымъ рабочимъ временемъ,“ наоборотъ: самое производительное индивидуальное рабочее время, индивидуально наиболѣе низко опредѣленныя издержки служатъ совокупнымъ потребностямъ общества или, скорѣе, потребностямъ нѣсколькихъ индивидуально наиболѣе сильныхъ потребителей, которые при самой высокой оцѣнкѣ полезности платятъ высокую рыночную цѣну. Сѣтованія соціалистовъ на „рокъ“, въ современномъ народномъ хозяйствѣ, на подавленіе индивидуальности подъ гнетомъ „общественно кратчайшаго рабочаго времени“ лишены твердаго основанія. Въ производствѣ и потребленіи соперничество доводитъ индивидуальность до высшаго хозяйственнаго значенія. Здѣсь по крайней мѣрѣ имѣется въ виду нормальное и возможное; на существующія уклоненія будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

Далѣе, разсмотрѣніе цѣнности показываетъ, на сколько, въ полезныхъ искуствахъ, разумное веденіе хозяйствености зависитъ отъ правильнаго веденія разсчета цѣнностей издержекъ и пользованія, и насколько въ настоящее время интересъ „капиталистовъ“ обезпечиваетъ этотъ разсчетъ. Столь сильно нелюбливаемые предприниматели или „капиталисты“ отвѣчаютъ въ настоящее время собственными интересами за то, чтобъ при производствѣ сбереженіе издержекъ и расчисленіе полезности дѣлалось въ возможно совершенномъ видѣ; такъ какъ прибыль съ капитала, эта путеводная звѣзда всякаго предпринимателя, зависитъ *вопервыхъ* отъ возможно большаго сбереженія издержекъ и *вовторыхъ* отъ возможно болѣе высокой продажной цѣны; прибыль опредѣляется разностью между ними. Такъ какъ рыночная цѣна можетъ стоять

высоко только тогда, когда производятся предметы наиболѣе потребные, наиболѣе полезные, то капиталисты, на страхъ собственныхъ интересовъ, собственнаго состоянія являются отвѣтственными органами наиболѣе дѣйствительнаго сбереженія издержекъ и наиболѣе правильнаго расчисленія цѣнности пользованія. Тогда какъ всѣ „организаціи труда", управляясь посредствомъ *государственной* власти, могутъ избирать только хозяйственныхъ *надзирателей*, лишенныхъ полной отвѣтственности, *капиталисты* являются вполнѣ отвѣтственными блюстителями хозяйственнаго закона, гарантируя самое дешевое производство, болѣе того,—гарантируя производство *дѣйствительно потребныхъ* и *полезныхъ* предметовъ.

Перейдемъ къ *послѣднему* заключенію, къ которому насъ приводитъ разсматриваніе цѣнности; ради него позволили мы себѣ остановиться на опредѣленіи цѣнности съ излишней, можетъ быть, для читателей неспеціалистовъ подробностью. Подобное разсмотрѣніе показываетъ намъ *до какой степени ошибочно* поставлять *цѣнность* въ зависимость *только* отъ *труда*; т. е. доказывать *пропорціональность величины цѣнности* и количества труда, потребнаго для самаго дѣйствительнаго осуществленія процеса производства въ размѣрахъ необходимыхъ для общества; или, выражаясь словами нашихъ нѣмецкихъ соціалистовъ, доказывать пропорціональность *цѣнности* и „абстрактнаго," „общественнаго" „количества труда", потраченнаго на производство имущества.

Марксъ ученый политико-экономъ и высокообразованный приверженецъ соціализма, опредѣляя цѣнность, говоритъ слѣдующее: Трудъ одинъ составляетъ „сущность" цѣнности; два имущества, на которыя потребовались равныя количества общественнаго рабочаго времени, должны считаться равноцѣнными. Во всѣхъ своихъ нападкахъ противъ капитала и прибыли съ капитала, Марксъ и Лассаль, принявшій всѣ основныя положенія его теоріи, опираются научно на одну и ту же аксіому: только трудъ составляетъ сущность цѣнности. Тоже представленіе о цѣнности, хотя можетъ не съ той же теоретической ясностью, господствуетъ со времени *К. Маркса*, въ кругу соціалистовъ: „масса ничто иное, какъ время,

облекшееся въ форму осязательной цѣнности;“ товары въ смыслѣ цѣнности суть ничто иное какъ кристализація труда, „мѣновыя цѣнности суть „въ сходныхъ формахъ застывшій трудъ.“ Такія и подобныя рискованныя образныя опредѣленія цѣнности встрѣчаются у Маркса на каждомъ шагу. И на этой теоріи цѣнности Марксъ строитъ всю критику „капитала“ [1]).

Какъ было уже замѣчено, я признаю такія представленія о цѣнности рѣшительно несостоятельными.

Изъ предыдущаго уже извѣстно, что въ хозяйственномъ осуществленіи полезной техники заключается двоякій процесъ: наименьшее пожертвованіе жизненныхъ силъ и возможно большее ограниченіе неудольствія, съ другой стороны наибольшее пріобрѣтѣніе жизненныхъ силъ и снисканіе возможно большаго наслажденія, при производствѣ и потребленіи внѣшнихъ имуществъ. Потому, внѣшнее имущество во всякомъ случаѣ обладаетъ существенной хозяйственной цѣнностью по отношенію къ труду и неудовольствію, цѣною которыхъ оно производится имъ и для избавленія отъ которыхъ оно пріобрѣтается; но оно *также одинаково существенно* цѣною по отношенію къ *желанной* полезности, по отношенію къ *наслажденію* и *сбереженію жизненныхъ силъ*, со стороны лицъ *конкретно желающихъ пріобрѣсти* это имущество. Если имущество заключаетъ въ себѣ громаднѣйшій запасъ живненныхъ силъ, но не требуетъ никакихъ пожертвованій, какъ напримѣръ воздухъ, то оно хозяйственно не имѣетъ никакой цѣнности; не имѣетъ также никакой хозяйственной цѣнности и тотъ предметъ, который поглотилъ тысячи рабочихъ дней, но не находитъ желающихъ пріобрѣсти его, не имѣетъ цѣнности пользованія. Экономическія имущества должны быть одновременно цѣнны и по отношенію къ издержкамъ, и по отношенію къ пользованію. Если какое нибудь имущество находится въ запросѣ въ количествѣ, которое можетъ быть произведено въ 500 рабочихъ дней, если отъ того имущества требуютъ такого достоинства, которое можетъ быть ему придано въ тѣже 500 ра-

---

[1]) Болѣе подробную критику на Марксову теорію цѣнности читатели найдутъ въ приготовляемой мною къ изданію монографіи „Ethik, Oekonomik und Technik“.

бочихъ дней, если слѣдовательно это имущество, по цѣнности пользованія, уравновѣшивается 500 рабочими днями, то, потративъ на производство такого имущества 1000 рабочихъ дней, мы будемъ на половину въ проигрышѣ. Поэтому цѣнность, а слѣдовательно и цѣна, зависятъ не только отъ рабочаго времени, поглощеннаго извѣстнымъ предметомъ производства, но также и отъ степени его способности удовлетворять конкретному желанію. Такъ какъ *форма* продукта имѣетъ отношеніе къ потребностямъ, вызваннымъ либо необходимостью, либо желаніемъ удовольствія, то цѣнность можетъ уклоняться отъ величины, выражающей собою трудовыя пожертвованія, или *повышаясь*, когда перевѣшиваетъ желаніе пріобрѣсти, или *понижаясь*, когда трудъ осуществляется въ формахъ, *не* имѣющихъ цѣнности пользованія.

По моему мнѣнію основная ошибка критиковъ-соціалистовъ, которые относятъ цѣнность исключительно къ труду, заключается въ слѣдующемъ: двойной характеръ хозяйственнаго процесса опредѣляетъ два полюса цѣнности, а критики-соціалисты вовсе игнорируютъ одинъ изъ нихъ; они придаютъ значеніе цѣнности издержекъ и ставятъ ни во что цѣнность пользованія, которую замѣтимъ, должно строго отличать отъ *годности къ употребленію*.

Такое пренебреженіе цѣнностью пользованія является впрочемъ какъ разъ кстати на помощь положенію, утверждающему, что всякій продуктъ есть только уплотненный *абстрактный* трудъ. Въ дѣйствительности же важно не только то, чтобы трудъ и капиталъ были наиболѣе производительно примѣнены и во *что бы то ни было* обращены, но важно то, чтобы они были обращены въ имущества надлежащаго количества и качества, чтобы ими были произведены *виды* имущества наиболѣе цѣнные относительно пользованія; однимъ словомъ, важно именно то, чтобы не абстрактный, но вполнѣ *конкретный* трудъ былъ употребленъ наиболѣе хозяйственно.

Прибыль съ капитала стоитъ въ промежуткѣ между высшей продажной цѣной (цѣнность пользованія) и низшей цѣной издержекъ; уклоненія цѣнности отъ величины, выражающей собою издержки, составляютъ самую дѣйствительную приманку, въ силу которой об-

щественное рабочее время можетъ превращаться въ имущества дѣйствительно желаемаго, дѣйствительно полезнаго количества и качества; легко усмотрѣть, какимъ образомъ теорія цѣнности, проповѣдуемая соціалистами, игнорируя одинъ изъ главныхъ моментовъ въ процесѣ опредѣленія цѣнности приводитъ,—допустимъ неумышленно къ такому заключенію: опредѣленіе цѣнности пользованія, сдѣланное на страхъ предпринимателя, и превращеніе труда въ дѣйствительно желаемыя формы имуществъ, совершенное подъ отвѣтственностью одного только капитала, должны считаться ни во что. Между тѣмъ, отвѣтственное осуществленіе конкретной цѣнности пользованія не менѣе важно, не менѣе хозяйственно необходимо, чѣмъ самое дѣйствительное осуществленіе сбереженія издержекъ, также навязываемое капиталу; такъ какъ отъ этого зависитъ снабженіе общества предметами въ *томъ самомъ* количествѣ и *того же самого* качества, которыя ему потребны для обезпеченія существованія, — снабженіе имя общества именно *тогда* и *тамъ* и *когда* и *гдѣ* оно въ нихъ дѣйствительно нуждается.

Уклоненія цѣнности пользованія отъ цѣнности издержекъ, рыночной цѣны отъ цѣны назначенной производителемъ—неизбѣжны, такъ какъ сумма общественныхъ рабочихъ силъ, дѣйствующихъ напримѣръ въ Японіи и въ Англіи, во Франціи и въ Венгріи, при производствѣ золота, не можетъ быть обращена количественно и качественно въ опредѣленныя конкретныя формы имуществъ именно такъ и въ такой мѣрѣ, какъ и въ какой мѣрѣ онѣ наиболѣе потребны и сохраняютъ наибольшую цѣнность пользованія. Чѣмъ больше разрастается народно-хозяйственное общество производства, чѣмъ въ большемъ числѣ государствъ осуществляется его развитіе, тѣмъ всеобъемлющѣе становится сближеніе человѣчества въ хозяйственную общину, тѣмъ больше поприще открывается для „конъюнктуры“ съ положительными и отрицательными уклоненіями цѣнности пользованія изъ цѣнности издержекъ, ведущими или къ потерѣ, или къ выигрышу; тѣмъ легче сбивается производитель по отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ, или на излишнее, или на недостаточное производство, тѣмъ скорѣе *можетъ* наступить торговый кризисъ, кризисъ производства.

Въ океанѣ волны вздымаются выше, чѣмъ въ прудѣ. Неиз-

мѣнное равновѣсіе уже потому невозможно, что нельзя на столь обширномъ пространствѣ предусмотрѣть всѣхъ случайностей, нельзя предвидѣть всѣхъ колебаній потребностей, такъ какъ на потребности и при постоянномъ капиталѣ—на производительное пользованіе вліяютъ часто непредвиденныя обстоятельства и событія. Но эти неизбѣжныя „конъюнктуры“—капиталъ предпринимателя беретъ на свою отвѣтственность и чѣмъ умнѣе онъ имя распоряжается, тѣмъ скорѣе возстановляется равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, тѣмъ менѣе тратится общественнаго рабочаго времени на предметы, *не имѣющіе* цѣнности пользованія. Капиталъ предпринимателя не обременяетъ дѣйствующихъ лицъ „конъюнктуры“ долгами, не тяготѣетъ злымъ „рокомъ“ надъ міромъ рабочихъ, напротивъ онъ является орудіемъ процесса цѣнности, въ высшей степени отвѣтственно противодѣйствующимъ тѣмъ нарушеніямъ, возможность которыхъ лежитъ въ самомъ *народно*-хозяйственномъ союзѣ людей. До сихъ поръ никто изъ соціалистовъ, даже Лассаль, не могъ предложить никакой мѣры, которая бы болѣе дѣйствительно возстановляла равновѣсіе между цѣнностью издержекъ и цѣнностью пользованія, или лучше бы препятствовала растратѣ труда на виды имущества, не имѣющіе цѣнности пользованія. Впрочемъ и отдѣльное лицо можетъ сильно ошибаться, соотвѣтствуетъ ли цѣнность пользованія какого нибудь изолированнаго производства его цѣнности издержекъ.

Итакъ, хозяйственное осуществленіе наименьшей цѣнности издержекъ и наибольшей цѣнности пользованія есть въ настоящее время отвѣтственное дѣло капитала. Въ соціальной общинѣ производства предприниматели являются отвѣтственными министрами. Во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ прибыль съ капитала можетъ быть конечно вознагражденіемъ слишкомъ щедро отмѣреннымъ. Могутъ примѣшиваться сюда и многія темныя стороны: притѣсненіе, безжалостная эксплоатація наемнаго труда, лихоимство, обманъ. Я очень далеко отъ мысли считать въ высшей степени заслуженную критику вреда современнаго индустріализма совершенно обезсиленною, благодаря развиваемой нами теоріи цѣнности. Послѣдующее изложеніе покажетъ совершенно противное.

Но, какъ установивъ представленіе о цѣнности, мы сдѣлали

значительный шагъ впередъ: *установивъ представленіе*, мы признали, что задача народнаго хозяйства не исчерпывается простымъ осуществленіемъ абстрактнаго труда въ имущественныхъ формахъ; мы признали, что законъ хозяйственности долженъ быть обезпеченъ поддержкою самыхъ дѣйствительныхъ органовъ оцѣнки, мы признали необходимость облекать общественный трудъ въ дѣйствительно желаемые, полезные виды имуществъ, также какъ и необходимость приноровляться въ способѣ помѣщенія труда къ количественному и качественному, мѣстному и временному измѣненію цѣнности пользованія. Въ настоящее время эту великую задачу осуществляетъ предприниматель, исключительно конечно въ силу приманки, которую представляетъ для него столь сильно преслѣдуемая прибыль съ капитала. Капиталистъ именно то лицо, которое беретъ на свой страхъ производство годныхъ для употребленія предметовъ, рискуя тѣмъ, что впослѣдствіи потребители могутъ признать эти предметы неимѣющими никакой цѣнности пользованія, или придать имъ цѣнность пользованія, далеко уступающую цѣнности издержекъ. Онъ, на собственный страхъ, приводитъ въ одной системѣ *народно*-хозяйственнаго производства, оцѣнку издержекъ въ соотвѣтствіе съ оцѣнкой полезности; при этомъ каждый потребляетъ цѣнности пользованія, которыя онъ самъ, съ опредѣленной цѣнностью издержекъ, не производитъ; и также каждый производитъ товары, которые онъ самъ, съ опредѣленной цѣнностью пользованія, не потребляетъ, капиталистъ отнимаетъ у наемнаго труда отвѣтственное предугадываніе за другихъ цѣнности пользованія. Онъ можетъ при этомъ выиграть, можетъ много и проиграть. Но кто же пойдетъ на встрѣчу возможнымъ опасностямъ, не имѣя въ виду возможности выигрыша, пока не найдетъ лучшій способъ осуществленія оцѣнки, неужели мы должны считать прибыль съ капитала, вслѣдствіе соперничества постоянно болѣе или менѣе спускающагося съ цѣнности издержекъ, грабежемъ труда, явленіемъ недостойнымъ, даже чудовищнымъ? Если капиталистъ постоянно помѣщаетъ деньги (G—Geld) въ конкретныя формы имуществъ (W—Waare), съ цѣлью получить при продажѣ прибыль въ деньгахъ (G'), мы никакъ не можемъ считать его кровопійцею и оспаривать у него

всякую хозяйственную заслугу; онъ не только осуществляетъ въ высшей степени дѣйствительно наименьшую цѣнность издержекъ; онъ обращаетъ также вниманіе именно на то, о чемъ наемный трудъ не заботится, обращаетъ вниманіе на цѣнность пользованія и осуществляетъ такимъ образомъ удовлетвореніе *дѣйствительныхъ* потребностей. Система производства, основанная на „капиталѣ,“ противъ которой такъ сильно ратуетъ соціализмъ и формула которой, по Марксу, G — W — G', обезпечиваетъ минимумъ издержекъ и максимумъ цѣнности пользованія, и несмотря на многіе, неоспоримо безобразные наросты, ее можно будетъ *вполнѣ отвергнуть только тогда*, когда неологи соціализма предложатъ новый способъ „организаціи труда,“ который съ одной стороны представитъ менѣе темныхъ сторонъ, чѣмъ существующая народнохозяйственная гегемонія капитала, *съ другой* съумѣетъ выполнить болѣе хозяйственно, чѣмъ предприниматели съ ихъ капиталами, согласованіе цѣнности издержекъ съ цѣнностью пользованія.

Неужели патріархи, первосвященники и пророки рабочихъ, неужели фаланстеріи и общеніе имуществъ могутъ способствовать болѣе чѣмъ капиталисты сбереженію издержекъ и вѣрному опредѣленію потребностей? Въ дальнѣйшемъ изложеніи я отвѣчу положительно нѣтъ, и докажу мое положеніе. Здѣсь я имѣю только въ виду убѣдительно показать, что теоріи цѣнности, проповѣдуемыя соціалистами, вовсе не разрѣшаютъ задачи примиренія цѣнности издержекъ съ цѣнностью пользованія, задачи осуществленія въ народномъ хозяйствѣ наибольшей хозяйственности. Въ этомъ самая слабая сторона *этихъ* соціальныхъ теорій цѣнности. *Лассаль* самымъ жалкимъ образомъ наскочилъ на этотъ подводный камень. Марксъ, котораго идеи наслѣдовалъ Лассаль, оставилъ поэтому вопросу пробѣлъ въ своей теоріи цѣнности. Лассаль сильно ратуетъ противъ слѣпаго рока въ конъюнктурѣ цѣны, но не можетъ предложить никакой лучшей конъюнктуры, которой бы можно было замѣнить существующій процесъ оцѣнки. Онъ предлагалъ средство, которое въ сущности ни на одну іоту не подвигало дѣла. Предпріятія общины производствъ должны подвергаться страхованію на рискъ! Но когда мы исключимъ изъ

народнаго хозяйства отвѣтственность капиталистовъ, когда мы ее вытѣснимъ взаимнымъ страхованіемъ, неужели найдется для кого нибудь интересъ оставаться вѣрнымъ основному закону хозяйственности, соблюдая самое тщательное сбереженіе издержекъ и придерживаясь самаго точнаго опредѣленія цѣнности пользованія! Тогда установится еще большее несогласіе между стремленіями производителей и потребителей, сдѣлаются еще сильнѣе кризисы производства и потребленія!

Если ввести въ рабочія асоціаціи производство взаимнаго страхованія на рискъ, народное хозяйство неминуемо лишится привода, регулирующаго правильное представленіе о цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія. Такъ какъ тогда, при самомъ вольномъ опредѣленіи издержекъ производства, пришлось бы покрывать убытки другихъ, то не было бы никакой выгоды производить имущества, по количеству и качеству наиболѣе цѣнныя для пользованія. Но тогда бы явилась невозможность удовлетворять во время нужды дѣйствительнымъ потребностямъ, и „членамъ асоціаціи" была бы оказана плохая услуга.

По мнѣнію соціалистовъ, ихъ теорія цѣнности есть архимедовъ рычагъ, которымъ они могутъ сдвинуть съ мѣста гражданскій міръ. И однако эта теорія, съ наибольшею тщательностью изложенная *Марксомъ*, отличается большими недостатками. Она не понимаетъ внутренняго характера цѣнности, который придается послѣдней, регулирующимъ хозяйственность, разумнымъ хозяйственнымъ сужденіемъ. Цѣнность пользованія, одинъ изъ полюсовъ рефлекса о цѣнности, остается понятіемъ совершенно чуждымъ для соціалистовъ. Они даже издалека не указываютъ на возможность инаго осуществленія хозяйственности, перваго основнаго принципа народнаго хозяйства; они не намекаютъ даже на какую либо лучшую систему оцѣнки, которой можно было бы замѣнить дѣятельность капиталистовъ—предпринимателей. Но что главное, соціальная теорія цѣнности игнорируетъ сущность соціальнаго выполненія хозяйственности, игнорируетъ значеніе и необходимость уклоненій цѣнности пользованія отъ цѣнности издержекъ, оцѣночной цѣны отъ цѣны труда. Всѣ эти недостатки указываютъ на односторонній характеръ такой теоріи.

Поэтому, если мы не признаемъ выводовъ, къ которымъ она приводитъ, пускай не ставятъ намъ этого въ укоръ. Меня нисколько не озабочиваетъ главный научный оплотъ, изъ-за котораго соціализмъ громитъ капитализмъ. Я могу говорить это тѣмъ болѣе безпристрастно, что тутъ же охотно признаю всю основательность нѣкоторыхъ нападокъ соціализма противъ отдѣльныхъ, поправимыхъ уродливостей нынѣшней гегемоніи капитала; такъ изображенію англійскаго индустріализма Марксъ противополагаетъ картину буржуазіи, которою послѣдней слѣдовало бы глубоко проникнуться; но впослѣдствіи я возвращусь еще къ этому предмету.

Еслибы мнѣ удалось передать вамъ хотя приблизительное понятіе о томъ, какое значеніе имѣетъ въ занимающемъ насъ вопросѣ вѣрное представленіе о цѣнности, я почелъ бы себя вполнѣ счастливымъ. Чтобы сдѣлать понятнымъ свое изложеніе, я не страшился многословія и не избѣгалъ повтореній. Надѣюсь, что я успѣлъ убѣдить васъ въ господствѣ внутренней, разумной, живительной силѣ, возбуждаемой цѣнностью надъ внѣшнимъ практическимъ, „имущественнымъ міромъ"; что вы составили себѣ ясное представленіе о зависимости, въ которой осуществленіе закона хозяйственности и наиболѣе совершенное удовлетвореніе потребностей человѣческаго общества находятся отъ разумнаго, практически обезпеченнаго взгляда на высшую цѣнность пользованія и низшую цѣнность издержекъ; что вы признали важное значеніе имущества предпринимателей, другими словами капитала, какъ отвѣтственнаго выполнителя наиболѣе дѣйствительной оцѣнки, сдѣланной въ соціальной, народно-хозяйственной общинѣ. Я буду радъ, если вы изъ моего изложенія успѣли почерпнуть общее понятіе о соціальномъ механизмѣ хозяйственности, связующемъ человѣчество. Считаю нужнымъ оговориться передъ слушателями, желающими идти глубже въ своихъ сужденіяхъ о великомъ движеніи настоящаго времени, желающими ближе ознакомиться съ соціалистической національной экономіей и съ заслуживающими серьезнаго вниманія теоріями ученыхъ соціалистовъ; они конечно были бы въ правѣ требовать отъ меня болѣе подробнаго и критическаго разсмотрѣнія цѣнности и ея комбинацій.

Я показалъ, что несогласованіе величины цѣнности съ величи-

ною потраченнаго труда неизбѣжно; но я весьма далекъ отъ мысли отстаивать сокращеніе полезнаго труда и несоразмѣрный барышъ съ капитала. Послѣдующія чтенія убѣдятъ въ томъ слушателей.

До сихъ поръ мы для простоты разсматривали цѣнность въ одномъ только предположеніи, которое едвали оказывается вѣрнымъ въ дѣйствительности, именно въ предположеніи, что осуществленіе всѣхъ желаемыхъ имуществъ въ желаемомъ количествѣ можетъ совершаться при одной и той же пропорціи трудовыхъ издержекъ, такъ какъ природныя условія, которыми можно пользоваться для ихъ осуществленія вполнѣ однородны и неограничены.

Чтобъ покончить съ вопросомъ о цѣнности и подготовить переходъ къ разсужденію объ *имуществѣ*, которому будетъ посвящено слѣдующее чтеніе, мнѣ приходится испытать ваше терпѣніе еще нѣсколькими дальнѣйшими указаніями, вѣрное значеніе которыхъ во всякомъ случаѣ выяснится вамъ изъ послѣдующихъ чтеній. И такъ, прошу у васъ еще немного вниманія.

До сихъ поръ въ нашемъ изложеніи господствовала односторонность, привитая къ нашей наукѣ со временъ Ад. Смита; мы уклонялись отъ всякаго точнаго разсмотрѣнія одного изъ *факторовъ* хозяйственности—*природы*. Смитъ, Рикардо и, что странно, многіе соціалисты пріучили своихъ читателей оставлять вовсе безъ вниманія природный факторъ хозяйственности, смотрѣть на экономическія имущества *только* какъ на извѣстныя количества труда, видѣть во всѣхъ продуктахъ одинъ только „оформленный трудъ.“ Такое представленіе односторонно. „Оформленный“ трудъ уже потому долженъ быть точно отличенъ отъ труда въ смыслѣ движенія, что въ этомъ случаѣ трудъ уплотняется, переходитъ въ твердую, внѣшнюю форму. Въ смыслѣ *внѣшняго* осадка труда, имущество въ видѣ капитала какъ и въ видѣ предметовъ потребленія, является *не только* продуктомъ труда, но также продуктомъ природы; является новымъ тѣломъ сложнаго происхожденія. Чтобы установить элементарное представленіе о второмъ главномъ факторѣ хозяйственности, намъ нужно перейти теперь къ тщательному разсмотрѣнію этого вопроса, чтобъ загладить односторонность, въ которую мы впали для простоты

изложенія, допустивъ, что только одинъ трудъ есть факторъ всѣхъ имуществъ, что всѣ имущества суть только извѣстныя количества труда, принявшія твердую форму.

Обращаю прежде всего вниманіе на то, что многія имущества не могутъ быть производимы въ произвольно увеличиваемомъ количествѣ, и сохранять *одно и тоже отношеніе* къ издержкамъ, вслѣдствіе неравной естественной производительности тѣхъ (одушевленныхъ и неодушевленныхъ) средствъ къ производству, которыми можно, конечно практически, располагать въ извѣстномъ случаѣ. Допустимъ, что въ подобномъ случаѣ за извѣстныя издержки произведено извѣстное количество имущества, тогда для производства каждаго дальнѣйшаго соотвѣтствующаго количества этого имущества будутъ требоваться все большія и большія издержки, такъ какъ естественныя условія производства будутъ становиться все болѣе и болѣе неблагопріятными.

При опредѣленіи цѣнности издержекъ такого имущества,—или точнѣе *каждой* одинаково произведенной части всего желаемаго количества—мѣриломъ будетъ служить *цѣнность издержекъ той дробной части имущества, производство которой обошлось наиболѣе дорогой цѣной*; эта дробная часть стоила дорого, потому что должна была служить полному удовлетворенію запроса, но ея цѣнность пользованія удовлетворяетъ требованію лица, желающаго пріобрѣсти имущество, и поэтому за нее будетъ всегда заплачена цѣна, отвѣчающая цѣнности издержекъ.

Выберемъ какой нибудь примѣръ: нѣкоторому городку необходимо запасти къ опредѣленному сроку 3000 центнеровъ муки; *A* имѣетъ 1000 цент., пріобрѣтенныхъ или произведенныхъ по 2 талера за центнеръ, *B* 1000 центнеровъ по 4 талера за ц., *C* 1000 центнеровъ по 6 талеровъ за ц. Въ виду крайней необходимости городокъ опредѣляетъ цѣнность пользованія въ 6 талеровъ, и платитъ по 6 талеровъ за *всѣ 3000* центн., чтобъ вполнѣ удовлетворить потребности. Такимъ образомъ *A* выигрываетъ по 4 талера на каждый центнеръ, а *B* по два талера; оба выигрываютъ по отношенію къ конкретной индивидуальной цѣнности издержекъ. Цѣнность пользованія могла бы подняться выше 6 талеровъ, и тогда, вслѣдствіе повышенія рыноч-

ной цѣны надъ цѣнностью издержекъ, вызваннаго повышеніемъ опредѣляемой потребителями цѣнности пользованія, всѣ трое были бы въ выигрышѣ, какъ *B* и *A*, такъ и *C*.

Итакъ, изъ многихъ индивидуальныхъ цѣнностей издержекъ, опредѣленныхъ для дѣйствительно потребнаго количества имуществъ, наивысшая будетъ служить общимъ мѣриломъ при оцѣнкѣ отдѣльныхъ частей всего количества.

Вы видите, какимъ образомъ въ приведенномъ мною случаѣ *A* и *B* получаютъ прибыль, несоразмѣрную съ ихъ *трудомъ* только потому, что общимъ мѣриломъ оцѣнки служитъ цѣнность издержекъ, опредѣленная *C*.

Такое несоразмѣрное отношеніе прибыли къ труду можетъ происходить также вслѣдствіе *постоянно* различествующихъ издержекъ производства, вслѣдствіе различнаго расположенія и различной степени плодородія поземельныхъ участковъ; оно обозначается тогда названіемъ *поземельной ренты*, которая, какъ мы увидимъ далѣе, подвергается сильнымъ нападкамъ со стороны соціалистовъ.

Можно указать еще на одно исключеніе, которое могло бы, пожалуй, разрушить всю мою теорію цѣнности. Я имѣю въ виду тотъ случай, когда какое нибудь имущество доставляется намъ природою *готовымъ*, не требуетъ никакого труда для своего производства, но тѣмъ не менѣе имѣетъ цѣнность, потому что находится только въ ограниченномъ количествѣ и потому что запасъ его, всегда имѣющійся на лицо, не можетъ вполнѣ удовлетворить размѣрамъ запроса. Укажемъ, для примѣра, на дикіе плоды.

Но подобный случай имѣетъ далеко не первостепенное значеніе. Природа, въ большинствѣ случаевъ, не надѣляетъ человѣка *готовыми* имуществами; это въ особенности относится къ тѣмъ имуществамъ, которыхъ недостаточно для удовлетворенія всей заявленной потребности. Въ большинствѣ случаевъ требуется предварительно болѣе или менѣе продолжительная и всесторонняя обработка внѣшняго предметнаго міра; большая часть имуществъ должна претерпѣть, при содѣйствіи труда и капитала, родъ метаморфозъ, прежде чѣмъ сдѣлаться готовыми средствами для удо-

влетворенія потребностей. Даже дикіе плоды, и тѣ требуютъ труда для сбора. Съ уплотненіемъ же народонаселенія, хозяйственность, основанная на простомъ, не требуемомъ труда, завладѣваніи готовыхъ даровъ природы, утрачиваетъ почти всякое значеніе. И уже по одному этому въ національно экономическомъ разсужденіи было бы позволительно оставить упомянутый случай безъ вниманія

Но я не хочу уклониться отъ препятствія, которое казалось бы заграждаетъ мое изслѣдованіе о цѣнности. Я хочу доказать, что упомянутый случай не представляетъ никакого основнаго противорѣчія моей теоріи цѣнности.

Экономическая цѣнность, какъ было уже сказано, совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о цѣнности издержекъ и понятіе о цѣнности пользованія, и мѣриломъ оцѣнки стоимости издержекъ должно считаться неудовольствіе, сопряженное съ извѣстнымъ трудомъ. Положимъ теперь, что природа производитъ въ ограниченномъ количествѣ какое нибудь готовое имущество, и оно слѣдовательно достается почти безъ всякаго труда; тѣмъ не менѣе, всякій нуждающійся въ немъ—чувство нужды вѣдь главная, двигающая сила труда и оцѣнки стоимости пользованія, будетъ готовъ, въ замѣнъ этого имущества, пожертвовать извѣстнымъ продуктомъ труда. Только тамъ, гдѣ дѣйствительно наступаетъ чувство недостатка, тамъ начинается экономическая оцѣнка, которая проявляется въ уступкѣ произведеній труда при мѣнѣ, и даже въ расходованіи сбереженнаго имущества при собственномъ потребленіи.

Я пойду еще дальше, и не буду отрицать, что цѣнность издержекъ—явленіе *второстепенное*. *Практическому* процессу труда и потребленія предшествуетъ *внутренній* процессъ, именно чувство недостатка. Это чувство вызываетъ трудъ и приводитъ къ удовлетворенію. Изъ этого же общаго внутренняго источника исходятъ оба внутренніе процеса оцѣнки стоимости издержекъ и стоимости пользованія. *Чувство неудовольствія*, вытекающее изъ *необходимости терпѣть недостатокъ*, противуполагается чувству удовольствія при *возможности удовлетворенія*. Оно предшествуетъ неудовольствію, порождаемому трудомъ, и только побуждаетъ къ труду. Оно бы существовало и тогда, когда бы имѣлись имущества, которыя бы

доставались готовыми, безъ труда, но доставались бы *рѣдко* или въ ограниченномъ количествѣ. И такъ, чувство неудовольствія, порождаемое недостаткомъ, *проявляется* въ пожертвованіи труда при производствѣ и мѣнѣ и измѣряется величиною этого пожертвованія; и потому, весьма раціонально то, что при оцѣнкѣ чувству удовольствія, порождаемому удовлетвореніемъ, противуполагается необходимость труда, а не чувство неудовольствія, порождаемое необходимостью лишенія,—другими словами: что цѣнности пользованія противуполагается цѣнность *издержекъ*.

Полагаю, что все сказанное уничтожаетъ всякую возможность недоразумѣнія! Вліяніе *рѣдкости* на цѣнность состоитъ въ дѣйствіи ограниченности природнаго фактора на чувство.

При изученіи вопроса о цѣнности капитала, въ особенности же объ имуществѣ и собственности, легко впасть въ глубокія заблужденія или же сбиться на безплодныя побочныя изслѣдованія. Въ избѣжаніе того и другаго слѣдуетъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ факторамъ народной хозяйственности, и изъ нихъ къ фактору *природы* не съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ фактору труда или народонаселенія.

Въ хозяйствѣ существуетъ слѣдующее неизмѣнное основное отношеніе къ внѣшнимъ полезнымъ имуществамъ: *Свободныхъ* имуществъ такихъ, которыя могли бы вполнѣ удовлетворять возможно большей потребности человѣчества, не существуетъ, за исключеніемъ воздуха.

Одушевленные и неодушевленные предметы, которые въ видѣ вещества или въ видѣ силы могутъ быть обращены въ средство удовлетворенія человѣческихъ потребностей (*природа*), существуютъ въ *ограниченномъ* количествѣ.

Человѣку свойственно стремленіе размножаться „аки песку морскому."

Хотя человѣкъ самъ есть произведеніе природы, есть олицетворенная природа, тѣмъ не менѣе онъ зависитъ отъ открытыхъ ему въ ограниченныхъ размѣрахъ естественныхъ вспомогательныхъ источниковъ, подобно тому, какъ ростъ растенія зависитъ отъ питательныхъ частицъ, содержащихся въ почвѣ, а неразумное животное отъ доставляемыхъ ему средствъ пропитанія.

Но въ отличіе отъ растенія и животнаго человѣкъ имѣетъ возможность посредствомъ труда *усовершать* неготовыя къ употребленію средства существованія: технически перерабатывать минеральныя, растительныя и животныя вещества; болѣе того, онъ можетъ, насиліемъ и злоупотребленіемъ власти, располагать подобными ему разумными существами и косвеннымъ путемъ уничтожать ихъ.

По этому, экономической задачѣ въ самомъ обширномъ ея смыслѣ и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, должно быть предпослано такое предположеніе: *два элемента находятся между собою въ противуположеніи;* одинъ изъ нихъ, *народонаселеніе*, неограниченно стремится къ размноженію, наслажденію и усовершенствованію, другой изъ нихъ, *природа*, отъ полезности котораго зависитъ *дѣйствительное* размноженіе и усовершенствованіе народонаселенія, отдается въ распоряженіе человѣку только въ ограниченномъ размѣрѣ.

Исключительное дѣйствіе природы не господствуетъ надъ экономическимъ развитіемъ, подобно тому какъ оно всеобъемлюще господствуетъ надъ растительной и чисто животной жизнію. Но въ равной мѣрѣ и трудъ не господствуетъ исключительно надъ увеличеніемъ и облагораживаніемъ народонаселенія.

Допустимъ, что каждый работникъ дѣйствительно сполна располагаетъ своимъ трудовымъ барышомъ и что при этомъ онъ можетъ соразмѣрно пользоваться годными для употребленія дарами природы; и въ этомъ случаѣ неминуемъ глубокій экономическій разладъ, какъ только народонаселеніе возрастетъ за предѣлы близкаго къ истощенію или уже истощеннаго источника, доставлявшаго средства полезныя къ употребленію; ибо тогда, при всемъ количествѣ труда, оказалось бы невозможнымъ столько выигрывать въ средствахъ существованія, сколько бы приходилось жертвовать жизненныхъ силъ въ видѣ труда.

По этому вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ можетъ располагать работникъ своимъ трудовымъ барышомъ, при всей своей важности не одинъ долженъ быть поставленъ въ ряду основныхъ вопросовъ народнаго хозяйства.

Соціалисты, какъ мы уже сказали, проповѣдуютъ крайне одностороннее, опирающееся исключительно на понятіе о трудѣ, пред-

ставленіе о національной экономіи, и отстаиваютъ Смитовскій „индустріализмъ." Этимъ самымъ они уклоняются отъ точки зрѣнія высшей экономической справедливости: они оставляютъ вовсе безъ вниманія вопросъ объ *имуществѣ*, вопросъ о томъ, какимъ образомъ *доставить всѣмъ наиболѣе дѣйствительную, соотвѣтственную, индивидуальную долю пользованія внѣшними средствами къ производству, имѣющимися въ ограниченномъ размѣрѣ.*

На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ такой вопросъ: располагаетъ ли наиболѣе развитое общинное трудовое имущество наиболѣе дѣйствительно средствами къ производству, доставляемыми природою въ ограниченномъ размѣрѣ; затѣмъ слѣдуетъ вопросъ: получаетъ ли всякій тотъ трудовой барышъ, который, соразмѣрно его труду, приходится на его долю при наиболѣе дѣйствительномъ распредѣленіи внѣшнихъ факторовъ производства. Въ послѣднее время *Марло* одинъ обратилъ на это серьезное вниманіе.

Во всякомъ случаѣ, способъ распредѣленія трудоваго барыша косвеннымъ путемъ весьма сильно вліяетъ на самое дѣйствительное развитіе трудоваго имущества и на справедливое и самое дѣйствительное распредѣленіе имущества капитальнаго, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть неограниченно расширено.

Міръ рабочихъ пріобрѣтаетъ въ высшей степени выгодную научную позицію при только что указанной постановкѣ вопроса. Но онъ долженъ также признать и тѣ обязанности, которыя падаютъ на всѣхъ занимающихся хозяйствомъ, на основаніи указаннаго элементарнаго, неизмѣннаго, основнаго положенія „двухъ факторовъ" хозяйственности. Эти обязанности состоятъ въ томъ, чтобы всѣ содѣйствовали достиженію необходимаго, на основаніи законовъ природы, равновѣсія между народонаселеніемъ и вещественными средствами производства. Наиболѣе дѣйствительное участіе всѣхъ въ пользованіи имѣющимися въ ограниченныхъ размѣрахъ капитальными имуществами только до тѣхъ поръ будетъ оказываться выгоднымъ для міра рабочихъ, пока народонаселеніе не будетъ слишкомъ густо, пока, и это гораздо важнѣе, соціальныя установленія будутъ такъ приспособляться и субъективная прав-

ственность дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, чтобы сохранить прочное, естественно законное отношеніе между природою и народонаселеніемъ.

Кто дѣйствительно желаетъ общаго блага, тому не слѣдуетъ увлекаться системами, которыя уничтожаютъ это благо, уничтожаютъ его во-первыхъ ниспроверженіемъ всѣхъ преградъ, имѣющихъ цѣлью предотвратить избытокъ народонаселенія, во-вторыхъ отрицаніемъ наиболѣе производительнаго индивидуальнаго распредѣленія имѣющихся въ ограниченныхъ размѣрахъ средствъ къ производству. Только до такихъ системъ додумался комунизмъ; никакихъ другихъ онъ не могъ придумать, избравъ себѣ исходной точкой гарантированное государствомъ равенство; такъ какъ подобное равенство всѣхъ индивидуумовъ въ хозяйствѣ ведетъ къ равнодушію въ дѣлѣ свободнаго нравственнаго поддержанія вышеупомянутаго элементарнаго отношенія, а также къ равнодушію въ дѣлѣ наиболѣе производительнаго распредѣленія внѣшняго имущества, выражающагося въ хозяйственныхъ цѣнностяхъ.

Такимъ образомъ, мы незамѣтно добрались до ученія объ имуществѣ.

Относительно же ученія о цѣнности слѣдуетъ запомнить:

1) Цѣнность экономическаго имущества зависитъ не отъ *однѣхъ только* трудовыхъ издержекъ; между цѣнностью пользованія и цѣнностью трудовыхъ издержекъ, а слѣдовательно между рыночною цѣною и *цѣною издержекъ* всегда будетъ существовать нѣкоторая разность.

2) Вслѣдствіе неравной полезности средствъ производства и недостатка послѣднихъ, въ случаѣ бѣдности производителей, индивидуальныя *цѣнности издержекъ* со стороны конкурирующихъ продавцевъ бываютъ, независимо отъ цѣнности пользованія, весьма неодинаковы.

3) Рѣдкость, вліяя на цѣнность, придаетъ экономическое значеніе недостаточности *природнаго фактора*, точно также какъ цѣнность пользованія и цѣнность издержекъ придаютъ значеніе потребности и труду, слѣдовательно *личному* фактору.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Научныя положенія (Продолженіе): Имущество и собственность. — Имущество какъ понятіе *экономическое*. — Указаніе на *виды* имущества. Имущество частное и коллективное. — Теоріи, разсматривающія частную собственность. — Хозяйство и приходъ. — Семейное хозяйство, какъ основной видъ хозяйства. — Народное имущество.

Въ настоящее время почти каждому ребенку должно быть извѣстно, что соціалисты ратуютъ главнѣйшимъ образомъ противъ *собственности* и *имущества*, или лучше сказать противъ теперешняго способа образованія и употребленія *частнаго* имущества. Поэтому я не имѣю права оставить безъ вниманія, въ своихъ элементарныхъ разсужденіяхъ, понятія объ имуществѣ и собственности. Все сказанное въ третьемъ чтеніи о цѣнности само собою ведетъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію имущества и собственности.

Въ національно экономическихъ разсужденіяхъ выдвигаютъ обыкновенно на первый планъ внѣшнія хозяйственныя цѣнности; но съ тѣхъ поръ, какъ я началъ служить нашей наукѣ [1]), я постоянно указывалъ на то, что первенствующее значеніе должно принадлежать не имуществу, а *человѣку*. Сущность народнаго хозяйства заключается, или должна по крайней мѣрѣ заключаться, не въ обращеніи имущества, не въ одной только самостоятельной „жизни имуществъ", а въ соціальной организаціи людей, имѣющей цѣлью самое дѣйствительное производство и потребленіе имуществъ и призванной служить высшей цивилизаціи отдѣльныхъ личностей. Господствующее значеніе цѣнности и оцѣнки съ своей стороны достаточно убѣдительно показало намъ, что человѣка должно считать разумнымъ агентомъ, альфою и омегою хозяйства. Экономическія имущества лишены самостоятельнаго движенія въ народно-хозяйственной аренѣ. Они только орудія, — такъ раз-

---

[1]) Сравни мое „Gesellschaftliches System der menschlichen Wirthschaft" и статьи „Mensch und Gut" въ D. V. Jahrsschrift 1861.

сматриваютъ ихъ еще Аристотель — въ рукахъ человѣка, орудія, которыми онъ творитъ, которыми поддерживаютъ свою жизнь; они члены внѣшняго жизненнаго организма людей, физически отдѣльныхъ другъ отъ друга, но морально соединенныхъ въ одно нераздѣльное, коллективное цѣлое. Всѣ хозяйственныя цѣнности суть только составныя части тѣхъ сложныхъ, находящихся во взаимной связи машинъ, которыми дѣйствуютъ и поддерживаютъ свое существованіе отдѣльные *индивидуумы*.

Совокупность внѣшнихъ хозяйственныхъ цѣнностей, которая приходится на долю какого либо *лица*, которою это лицо можетъ распоряжаться и пользоваться, которая, слѣдовательно, по праву и съ точки зрѣнія хозяйства, составляетъ его *собственность*, называется *имуществомъ*.

Въ имущественной сферѣ зарождаются и находятъ себѣ примѣненіе отдѣльныя хозяйственныя цѣнности. Онѣ дѣйствительно существуютъ, дѣйствительно цѣнны только тогда, когда онѣ, прямо или косвенно, служатъ человѣческой жизни. Такимъ образомъ, имущество представляетъ собою экономическія цѣнности, взятыя отдѣльно или въ совокупности, приноровленныя къ человѣческой индивидуальности, и около нея сгруппированныя каждую отдѣльную хозяйственную цѣнность мы можемъ разсматривать какъ пластинку какого нибудь личнаго имущественнаго кристалла, пластинку, которую, такъ сказать, отняли отъ одного имущественнаго кристалла и путемъ мѣны приложили къ другому.

Всякое имущество должно заключать въ себѣ *множество* экономическихъ цѣнностей, служащихъ средствомъ для поддержанія жизни, и составляющихъ собою личный жизненный аппаратъ. Какъ бы мы себѣ не представляли человѣка, производящимъ или потребляющимъ, дѣятельнымъ или *себя* образующимъ, всегда и вездѣ онъ будетъ нуждаться во множествѣ жизненныхъ орудій, тѣсно между собою связанныхъ и точно другъ къ другу приноровленныхъ, будетъ нуждаться во множествѣ вспомогательныхъ средствъ для своей творческой дѣятельности и средствъ для удовлетворенія потребностей человѣка, на немъ лежитъ постоянная обязанность разрѣшать въ самое короткое время множество задачъ, удовлетворять множеству потребностей, а для этого ему нужно пріобрѣсти въ „соб-

ственность“ извѣстный запасъ разнообразныхъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ, количественно и качественно цѣлесообразно подобранныхъ. Такимъ образомъ, намъ съ перваго раза весьма просто выясняется необходимость какъ индивидуальнаго единства имуществъ капитальныхъ (средства къ производству), такъ и индивидуальнаго единства „готовыхъ“ имуществъ (средства для удовлетворенія потребностей). Для каждаго отдѣльнаго лица безусловно необходимы какъ собственность *капитальная*, такъ и собственность служащая для *удовлетворенія потребностей*; первая есть основа индивидуальнаго хозяйства производства, вторая основа *„домашняго“* хозяйства. Соціализмъ огульно обвиняютъ въ томъ, что онъ вовсе не признаетъ необходимость кристаллизація отдѣльныхъ хозяйственныхъ цѣнностей въ имущества; но я еще въ первомъ своемъ чтеніи защищалъ серьезную и научную соціалистическую критику противъ такого несправедливаго обвиненія. Соціализмъ, напротивъ, сознаетъ, и сознаетъ отчасти гораздо яснѣе, чѣмъ многіе либеральные экономисты, только и твердящіе что объ „имуществѣ“, „мѣнѣ“, „потребности“, „трудѣ“, слѣдующее положеніе: экономическія цѣнности имѣютъ значеніе только какъ питомники индивидуальной жизни, какъ составныя части имущества. Соціализмъ вовсе не нападаетъ особенно противъ собственности и имущества; онъ вооружается противъ теперешняго способа накопленія хозяйственныхъ цѣнностей, приносящаго исключительную выгоду „немногимъ частнымъ лицамъ“; противъ частной собственности въ рукахъ земельной и денежной аристократіи. Правъ ли онъ или нѣтъ, дѣло другое. Но мы не должны взводить на него несправедливыя обвиненія.

Индивидуальное скопленіе отдѣльныхъ хозяйственныхъ цѣнностей тѣмъ необходимѣе, что отдѣльныя лица, не только въ короткіе промежутки времени, но и *во все время своего существованія*, являютъ тѣсное единство жизненныхъ цѣлей. Индивидуальность постепенно осуществляется и развивается въ продолженіи цѣлой жизни. Только этимъ долгимъ процессомъ вырабатывается *личная особенность*, которая требуетъ себѣ соотвѣтственно полной *внѣшней собственности*. Такъ, отдѣльные члены семейства со временемъ развиваются и подвигаютъ-

ся на жизненномъ пути независимо отъ семейства, которое въ то же время нуждается въ ихъ личныхъ особенностяхъ и въ ихъ собственности, и до нѣкоторой степени имѣетъ несомнѣнное право оспаривать эту собственность.

Затѣмъ, многіе соединяются для достиженія отдѣльныхъ жизненныхъ цѣлей въ временныя или постоянныя общества производства и потребленія, которыя нуждаются въ самостоятельномъ имущественномъ запасѣ, въ *коллективномъ имуществѣ*, и на которыхъ падаетъ обязанность его создавать, поддерживать и возобновлять; на основаніи этого коллективнаго имущества правительственныя учрежденія осущесвляютъ коллективныя цѣли. Путемъ формированія *имущества*: устройство различныхъ институтовъ, основанія фондовъ, уступки права собирать налоги и т. д., вводятся въ жизнь юридическія и нравственныя лица. Государство, напримѣръ, было бы неспособно ни къ какой дѣятельности, было бы пустымъ призракомъ безъ фискально-финансоваго имущественнаго питанія.

Имущество должно быть разсматриваемо политико-экономами только съ *юридической* стороны. Оно имѣетъ для нихъ значеніе только какъ совокупность экономическихъ цѣнностей, находящихся въ исключительномъ распоряженіи обладающаго ими лица (собственника).

Правовая сторона имущества имѣетъ также, хотя только посредственно, весьма важное экономическое значеніе, потому что хозяйственное производсво и распредѣленіе хозяйственныхъ цѣнностей обусловливается тѣмъ, что всякое лицо можетъ исключительно располагать своимъ имущественнымъ достояніемъ для своихъ жизненныхъ цѣлей—а это достигается тогда, когда всякое частное лицо пользуется своимъ имуществомъ, а государство и общество общиннымъ имуществомъ —подъ защитою права. Еслибы всякій могъ по произволу запускать руку въ имущественное состояніе другаго, тогда одни только дураки стали бы хлопотать о производительномъ помѣщеніи своего труда въ хозяйственныя цѣнности и о сбереженіи этихъ цѣнностей въ видахъ потребленія.

Съ другой стороны, одно юридическое разсмотрѣніе имущества недостаточно для предположенной нами цѣли. Понятіе объ иму-

ществѣ принадлежитъ къ числу основныхъ *народно-хозяйственныхъ* понятій. Непосредственное его хозяйственное значеніе должно всегда оставаться на первомъ планѣ въ глазахъ политико-эконома.

Понятно въ чемъ состоитъ это значеніе: отъ правильнаго соединенія отдѣльныхъ капитальныхъ цѣнностей въ капитальную собственность зависитъ самое дѣйствительное осуществленіе имущественнаго производства, а отъ правильнаго, соотвѣтствующаго индивидуальности, соединенія отдѣльныхъ готовыхъ имуществъ въ одно совокупное цѣлое для удовлетворенія потребностей зависитъ самое дѣйствительное развитіе жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ путемъ потребленія. Безъ имущества техника ни въ производствѣ, ни въ потребленіи не можетъ возвыситься до экономіи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть случай указать на то, что громадная экономія, достигаемая въ общинѣ производства раздѣленіемъ труда, зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ капитальныхъ имуществъ, находящихся на каждой, въ техническомъ и комерческомъ отношеніи, самостоятельной ступени процеса производства. Капитальныя имущества группируютъ около себя и приводятъ, количественно и качественно, въ наиболѣе дѣйствительное *соединеніе* различные виды капиталовъ, выражающіе собою уже исполненный трудъ; какъ-то соотвѣтствующія производству двигательныя силы орудія, мастерскія, сырые и вспомогательные матеріалы, они доставляютъ средства къ уплатѣ исполняемыхъ работъ (заработная плата), и затѣмъ передаютъ продуктъ своей дѣятельности на слѣдующую ступень производства. Безъ связной, правильно организированной системы капитальныхъ цѣнностей, другими словами, безъ тщательнаго формированія капитальнаго имущества, существованіе народо-хозяйственной общины производства было бы немыслимо. Злосчастный Робинсонъ, и тотъ долженъ переводить свой трудъ въ правильно составленное капитальное имущество, въ различные предметы и орудія производства, чтобъ имѣть возможность разрѣшать свои безчисленныя задачи производства хозяйственнымъ, другими словами наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ.

Для поддержанія жизни и полнаго удовлетворенія потребностей человѣку недостаточно однѣхъ разрозненныхъ хозяйственныхъ цѣн-

несей; онъ нуждается въ хорошо обзаведенномъ „домашнемъ хозяйствѣ“, во множествѣ соотвественно его личности подобранныхъ предметовъ для удовлетворенія потребностей: эти предметы должны представлять собою совокупность средствъ къ существованію, приспособленную къ индивидуальной жизни домохозяина и его семейства. Еслибъ не существовало тѣхъ разнообразныхъ жизненныхъ орудій, которыя составляютъ собою домашнее имущество, хозяйственное осуществленіе потребленія, а также равномѣрное и наиболѣе дѣйствительное развитіе индивидуальной жизни были бы вовсе немыслимы.

Поэтому, для политико-эконома имущество имѣетъ вопервыхъ значеніе какъ абсолютный постулатъ закона хозяйственности; *ограниченность природнаго фактора* объясняетъ ему, во вторыхъ, значеніе исключительнаго пользованія предметами, другими словами—*право* собственности. Значеніе имущества зависитъ именно отъ того, *что* отдѣльное лицо „въ состояніи“ съ нимъ осуществить, капитальное имущество служитъ источникомъ наибольшей производительности, домашнее имущество служитъ основаніемъ наиболѣе хозяйственнаго личнаго поддержанія жизни, основаніемъ пользованія жизнью, услажденіемъ жизни, и личнаго значенія.

Какъ въ отношеніи правовомъ, такъ и въ отношеніи хозяйственномъ, имущество должно быть вполнѣ индивидуально, вполнѣ „*обособлено*:“ булочникъ, напримѣръ, нуждается въ совершенно иномъ составѣ капитальнаго имущества, чѣмъ шляпный мастеръ. Домашнее имущество индивидуализируется сообразно особеннымъ потребностямъ отдѣльныхъ лицъ, гдѣ бы ни коренился источникъ этихъ потребностей: въ физическихъ или нравственныхъ свойствахъ индивидуума, въ климатическихъ или національныхъ его особенностяхъ, въ правахъ присвоенныхъ его соціальному положенію или въ его личной прихоти. Чѣмъ болѣе стремленія человѣка выходятъ за предѣлы удовлетворенія абсолютно необходимыхъ потребностей, чѣмъ болѣе онъ самъ, путемъ цивилизаціи и свободы, индивидуализируется и удаляется отъ родоваго, національнаго и племеннаго типа, тѣмъ въ болѣе разнообразныхъ видахъ осуществляетъ онъ составленіе своего имущества. Имущество по своему составу зависитъ отъ индивидуальности и затѣмъ, съ своей сто-

роны, дѣлаетъ индивидуальность зависящую отъ себя. *Индивидуальная особенность* и *внѣшная имущественная собственность* не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, безъ нарушенія теченія индивидуальной жизни.

Изъ предыдущаго будетъ понятно какую громадную ошибку сдѣлаетъ всякій, кто будетъ доказывать, что *имущество и собственность сами по себѣ* ни къ чему не служатъ. Чѣмъ болѣе индивидуализируется хозяйственная производительная дѣятельность и жизнь отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, какъ мы видѣли, — должны „обособляться" всѣ личныя имущественныя накопленія.

Главный вопросъ состоится въ томъ, чтобы *снабдить всякаго соотвѣтствующимъ его индивидуальности производительнымъ (капитальнымъ) и потребительнымъ (домашнимъ) имущественнымъ запасомъ.*

Благоразумные соціалисты, какъ напр. Марло, положительно отвергаютъ нелѣпое положеніе, что всякій видъ имущества и собственности долженъ быть вовсе уничтоженъ,—напротивъ, они желаютъ только гораздо лучшаго развитія личныхъ имущественныхъ запасовъ, которые бы могли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ удовлетворять потребностямъ. Требованіе, съ которымъ разумная соціальная реформа обращается къ обществу состоитъ не въ томъ, чтобы *никто не имѣлъ собственности*, а въ томъ, чтобы *всѣ имѣли возможность обладать имуществомъ, соотвѣтствующимъ ихъ развившейся индивидуальности.*

Во времена классической древности и феодализма этотъ вопросъ касался только полноправныхъ гражданъ. О непривиллегированныхъ классахъ не приходилось заботиться, такъ какъ въ тѣ времена не знали еще идеи о равноправности всѣхъ индивидуумовъ, а придерживались привиллегій и частнаго господства однихъ надъ другими. Но съ 1800 года упомянутый вопросъ долженъ бы былъ привлечь вниманіе всѣхъ истинныхъ христіанъ и стоять на первомъ планѣ въ ряду подлежащихъ разрѣшенію соціальныхъ вопросовъ.

Правда, это задача трудная, которую въ продолженіи многихъ

вѣковъ никакъ не удавалось разрѣшить удовлетворительно. И однако теперь, болѣе чѣмъ когда либо, не приходится мѣшкать яснымъ сопоставленіемъ, съ точки зрѣнія національной экономіи, отдѣльныхъ *элементовъ этого вопроса, могущихъ навести на истину.*

Нѣкоторые либеральные оптимисты, люди расписывающіе все въ розовомъ свѣтѣ, утверждаютъ, что *„свобода труда“* лучшая гарантія правильной организаціи и равномѣрнаго развитія всѣхъ индивидуальныхъ запасовъ хозяйственныхъ цѣнностей или имущества. Достаточно одной азбуки національной экономіи, чтобъ разбить въ пухъ и прахъ этихъ краснорѣчивыхъ утѣшителей пролетаріата.

Экономическія цѣнности создаются не однимъ дѣйствіемъ труда, но также дѣйствіемъ *природы.*

Не пользуясь природными силами и природнымъ матеріаломъ, не имѣя земли и внѣшнихъ орудій производства, работникъ не можетъ создавать хозяйственныхъ цѣнностей, не можетъ накоплять имущества.

Допустимъ, что одинъ трудъ *безъ* содѣйствія природы производитъ хозяйственныя цѣнности; тогда бы всякій въ отношеніи къ имуществу могъ бы быть самъ себѣ баринъ, тогда бы всякій былъ въ состояніи устроить себѣ „жилище“, вполнѣ соотвѣтствующее его индивидуальности; тогда бы одной свободы труда было бы достаточно, чтобы обезпечить, по крайней мѣрѣ за каждымъ индивидуумомъ, способнымъ къ труду, соотвѣтственное имущественное достояніе.

Но это логически нелѣпое предположеніе; „внѣшнія“ хозяйственныя цѣнности, внѣ лица существующія, не мыслимы безъ чего нибудь „внѣшняго.“ Вышеизложенное предположеніе тогда только могло бы имѣть мѣсто, если бы человѣкъ вовсе не нуждался во внѣшнемъ мірѣ; но тогда не приходилось бы и говорить ни о хозяйствѣ, въ смыслѣ производства и потребленія внѣшнихъ цѣнностай, ни о самомъ имуществѣ.

Во всякомъ случаѣ, либеральное ученіе Смита о національной экономіи было вполнѣ право, утверждая, что не „природа“ „создаетъ“ цѣнности. Во всякомъ случаѣ справедливо то,

что при оцѣнкѣ хозяйственныхъ цѣнностей должно принимать во вниманіе жизненныя силы, которыя поглощаются экономическими цѣнностями, какъ предметами производства, и отнимаются отъ нихъ; когда являются средствами для удовлетворенія потребностей; также справедливо и то, что ничего не стоющее содѣйствіе природы не есть причина существованія цѣнности. Но изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ, конечно, заключать, что природа не имѣетъ никакого значенія при производствѣ и что трудъ создаетъ все самъ собою. Тѣмъ не менѣе, либерализмъ Смита противуполагается пролетаріату именно въ такомъ смыслѣ; т. е. въ томъ смыслѣ, что происхожденіе хозяйственныхъ цѣнностей и имуществъ зависитъ только отъ *труда*. О „свободѣ труда“ можно конечно писать весьма красивыя вещи; примѣръ тому Дюнойе и его пресловутая „liberté du travail“. Но „свобода труда“ все-таки не составляетъ ключа къ разрѣшенію вопроса о наилучшемъ снабженіи всѣхъ членовъ гражданскаго общества; т. е. сюда присоединяется вопросъ, въ какой мѣрѣ всѣ способные и желающіе трудиться могутъ располагать содѣйствіемъ природы.

Чтобы „свобода труда“ могла обезпечивать за каждымъ человѣкомъ имущественное достояніе, для этого требуется *второе* предположеніе; именно, такое предположеніе, что естественные источники производства — *всегда* и *вездѣ*, при производствѣ *всѣхъ* средствъ, предназначенныхъ для удовлетворенія потребностей—находятся въ распоряженіи человѣка въ неисчерпаемомъ количествѣ. Но это предположеніе *также не* можетъ имѣть мѣста. Только весьма немногія экономическія цѣнности, какъ то воздухъ и солнечный свѣтъ, представляютъ почти неограниченную массу готовыхъ, не требующихъ труда, средствъ къ удовлетворенію потребностей; и то еще, въ точности говоря, не всегда. Большинство природныхъ средствъ къ производству и къ удовлетворенію потребностей должно быть отнято техническимъ путемъ отъ *количественно ограниченнаго природнаго фонда;* трудъ не въ состояніи создать эти средства изъ ничего.

Съ возрастаніемъ народонаселенія растетъ также стремленіе къ исключительному обладанію полезнымъ, но ограниченнымъ природнымъ фондомъ. Средства къ производству, имѣющія особенную

важность—к. п. ново-открытый минеральный источникъ тотчасъ получаютъ весьма высокую цѣнность, не зависящую отъ трудовыхъ издержекъ и во всякомъ случаѣ, имъ не пропорціональную. Почти *всѣ* капиталы, цѣнные отчасти какъ продукты труда, цѣнны также и потому, что въ ихъ образованіи принимаютъ участіе полезныя силы и вещества природы, имѣющіяся въ ограниченномъ размѣрѣ.

При формированіи предметовъ производства и средствъ къ удовлетворенію потребностей, преимущество остается за тѣмъ, въ чьемъ исключительномъ пользованіи находятся ограниченные природные источники. Поэтому, когда люди овладѣютъ всѣми имѣющимися въ ограниченномъ количествѣ полезными дарами природы,— тогда одинъ трудъ не будетъ въ состояніи снабдить всѣхъ индивидуумовъ имущественнымъ достояніемъ, отвѣчающимъ ихъ субъективнымъ потребностямъ.

Кене, основавшій ученіе о свободѣ труда и объ индивидуальной свободѣ во всѣхъ хозяйственныхъ процесахъ, называетъ въ своей физіократіи, „природу“—единственнымъ факторомъ производства, и видитъ въ землѣ *единственный* источникъ всякаго богатства; наоборотъ, А. Смитъ, также односторонне указываетъ на трудъ какъ на источникъ всѣхъ богатствъ. Но Кене не выяснилъ именно того что *ему* преимущественно надлежало выяснить: какимъ образомъ, съ возрастаніемъ народонаселенія, свобода труда дастъ возможность осуществлять равномѣрное надѣленіе всѣхъ всѣмъ необходимымъ имуществомъ, тогда когда „единственный источникъ всякаго богатства“ есть величина конечная, когда этотъ источникъ можетъ доставлять только ограниченную массу продуктовъ и перешелъ уже въ собственность немногихъ лицъ.

Образованіе имуществъ находится въ *двойной* зависимости: въ зависимости и отъ природы и отъ труда. Экономическій либерализмъ Смита и Кене, односторонній въ своихъ основаніяхъ, привелъ къ совершенно ошибочнымъ выводамъ. Помимо всего сказаннаго, вопросъ объ *источникахъ цѣнности* вполнѣ подчиненъ вопросу объ имуществѣ. Въ послѣднемъ чтеніи я уже доказалъ на сколько несправедливо положеніе, что цѣнность пред-

мета и трудовыя издержки—величины вполнѣ другъ друга покрывающія. Цѣнность имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе какъ извѣстный умственный процессъ, выражающійся въ цѣломъ родѣ разумныхъ сужденій и сопоставленій, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ практическія хозяйственныя рѣшенія. Цѣнность издержки играетъ въ этомъ случаѣ важную, но не единственную роль. Цѣнность же есть только результатъ труда; она зависитъ также отъ опредѣленія цѣнности пользованія; вотъ почему можетъ установиться одинаковая цѣна на предметы одинаковаго качества, потребовавшіе неодинаковыя количества трудовыхъ издержекъ. Отдѣльные предметы, сами по себѣ вовсе не стоившіе издержекъ, становятся цѣнны, если количество ихъ ограничено и если въ обмѣнъ ихъ предлагаются продукты труда. Допустимъ даже, что понятіе о цѣнности не вполнѣ подчиняется вопросу о равномѣрномъ имущественномъ надѣлѣ всѣхъ индивидуумовъ; и тогда нельзя будетъ, опираясь на кажущееся соотвѣтствіе между цѣнностью и трудовыми издержками, вывести заключеніе, что свобода труда обезпечиваетъ за всѣми надлежащее имущественное снабженіе; нельзя бы было этого сдѣлать потому, что упомянутаго кажущагося соотвѣтствія на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Не увлекаясь въ разсматриваемомъ нами вопросѣ односторонними теоріями Адама Смита и физіократіею, мы придемъ къ такому заключенію: два источника всякаго имущества постоянно находятся *въ неизмѣнномъ естественномъ* между собою *отношеніи*: съ одной стороны находимъ народонаселеніе, способное неограниченно возрастать и расширять свои потребности, съ другой—*ограниченный природный* фондъ производства, который только силою человѣческаго искуства въ дѣлѣ хозяйства можетъ быть сдѣланъ нѣсколько менѣе ограниченнымъ.

Въ такомъ сопоставленіи должно разсматривать два элемента всего человѣческаго хозяйства: одинъ изъ нихъ — ограниченный природный фондъ, другой — народонаселеніе, способное неограниченно разрастаться и вмѣщающее въ себѣ трудовыя силы, которыя могутъ быть производительны только опираясь на природный факторъ. Противоположеніе, существующее между этими двумя элементами, приводитъ къ такому заключенію: наиболѣе раціональный

имущественный надѣлъ всѣхъ членовъ общества, другими словами—наиболѣе раціональное распредѣленіе имуществъ зависитъ отъ *трехъ существенныхъ условій:*

Во-первыхъ, народонаселеніе должно пріобрѣтать имущества и вести свой домашній обиходъ на *самыхъ широкихъ началахъ* и *наиболѣе хозяйственнымъ образомъ*, ибо народонаселеніе—одна изъ основныхъ силъ государства.

Во-вторыхъ, народонаселеніе должно находиться въ нормальномъ количественномъ отношеніи *къ природному фактору страны*, ибо природный факторъ ограниченъ самъ въ себѣ.

Въ-третьихъ, допустимъ, что народонаселеніе не превышаетъ своего нормальнаго количества, необходимо, чтобы *природный факторъ*, составляющій вторую основную производительную силу страны, эксплоатировался наиболѣе выгодно, въ смыслѣ возможно полнаго пользованія отдѣльными силами природы и наиболѣе производительнаго приложенія всей трудовой силы къ извѣстной части ограниченнаго природнаго фонда.

Изъ сказаннаго видно, что первое и второе условія касаются двухъ элементовъ народнаго хозяйства, каждаго въ отдѣльности; въ условіи третьемъ имѣется въ виду количественная между ними зависимость, неизбѣжная по самому закону природы.

Отъ равно удачнаго осуществленія этихъ трехъ условій зависитъ какъ правильное распредѣленіе національнаго имущества, такъ и наивысшее нравственное развитіе всѣхъ членовъ общества. Мы это увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Въ настоящее время въ политической экономіи существуютъ три системы, построенныя на указанныхъ нами элементахъ хозяйства: „*естественная* система“ (Кенэ), „система *труда*,“ „индустріализмъ“ Смита и „система *народонаселенія*“ Мальтуса.

Но всѣ три системы далеко не разрѣшаютъ трудностей предположенной ими задачи.

Во-первыхъ, мы должны признать абсолютно справедливымъ положеніе, что наиболѣе широкое развитіе и наиболѣе совершенная оцѣнка *трудовыхъ силъ* есть непремѣнное условіе раціональнаго накопленія имуществъ. Но ясно, что ни это развитіе, ни эта оцѣнка не зависятъ исключительно отъ „свободы труда“.

Свобода труда не уничтожаетъ пролетаріата; а пролетарій не имѣетъ возможности развивать свои способности и дѣлать ихъ наиболѣе умными какъ для себя, такъ и для общества. Наивысшая производительность труда достигается только при нравственномъ и умственномъ развитіи, которое вовсе недоступно для пролетарія; приставленный къ чужому имуществу, въ качествѣ наемнаго рабочаго, онъ смотритъ на это имущество съ ненавистью, дѣлающей невозможнымъ хозяйственное отношеніе къ дѣлу. Съ другой стороны, безъ имущества трудовая сила не можетъ быть вполнѣ производительна, она возникаетъ только тамъ, гдѣ имѣется достаточно средствъ къ существованію, и только тотъ человѣкъ будетъ трудиться вполнѣ хозяйственно, который заинтересованъ въ дѣлѣ собственнымъ капиталомъ. При „свободѣ" одинаково возможны какъ непроизводительная трата труда, такъ и существованіе безполезной толпы „праздныхъ тунеядцевъ" (fruges consumere nati). Свобода не можетъ даже обезпечить равновѣсія между народонаселеніемъ и ограниченнымъ вещественнымъ фондомъ производства. Итакъ, если мы, въ вопросѣ объ имуществѣ и о накопленіи богатствъ, будемъ обращать вниманіе *только* на трудовую силу, то тогда либеральное ученіе Смита и физіократовъ не дастъ намъ удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса.

Во-вторыхъ, рѣшивъ первую задачу, намъ останется рѣшить вторую, т. е. найти условія равновѣсія между народонаселеніемъ и ограниченнымъ вещественнымъ фондомъ производства. *Мальтусова система народонаселенія*, третья главная система политической экономіи, также не разрѣшаетъ этого вопроса. Она скорѣе доказываетъ, или могла бы доказать, еслибы была вполнѣ справедлива, что „свобода труда" отнюдь не гарантируетъ вышеномянутаго равновѣсія, такъ какъ согласно ученію Мальтуса, всѣ пролетаріи самой природой обречены на смерть. Мальтусъ съ беззастѣнчивой откровенностію и ужасающимъ хладнокровіемъ признаетъ постоянное, проявляющееся во всѣхъ видахъ истребленіе человѣческаго рода за одно изъ средствъ, которымъ устраняется естественное несоотвѣтствіе между ограниченными средствами къ существованію и неограниченно возрастающимъ народонаселеніемъ: „Разъ, что міръ весь занятъ, всякій вновь вступающій въ него

не имѣетъ ни малѣйшаго права (!) на какую бы то ни было долю участія въ сокровищницѣ природныхъ средствъ къ существованію. Онъ на землѣ лишній и ему нѣтъ мѣста за великимъ столомъ, уготованнымъ человѣку природой. Сама природа требуетъ его удаленія и не колеблясь добивается исполненія своего требованія.“ Средствъ къ тому много: голодъ и повальныя болѣзни, война и преступленія, дурной уходъ за дѣтьми и сильная между ними смертность, наконецъ проституція и сифилисъ служатъ палачами, а госпитали, рабочіе и воспитательные дома и эмигрантскія суда, мѣстомъ казни въ дѣлѣ великой расправы, совершаемой „природой“. Такимъ-то образомъ, экономическій либерализмъ самъ признаетъ, что ничѣмъ не стѣсняемая свобода не исключаетъ между людьми той суровой борьбы за существованіе, которая ведется между прочими органическими существами, именно потому, что неограниченная способность къ размноженію рано или поздно встрѣчаетъ границы внѣшнихъ средствъ къ существованію. Мальтусовъ либерализмъ звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ среди прочихъ либеральныхъ ученій, съ замѣчательнымъ единодушіемъ проповѣдающихъ свободное развитіе народной хозяйственности.

Древніе брались за разрѣшеніе этого соціальнаго вопроса болѣе искренно и радикально. Изъ сочиненій Платона и Аристотеля видно, что они старались достигнуть вышепомянутаго равновѣсія практическими мѣрами; системою переселенія и колонизаціи, содержаніемъ общественныхъ полей и правильнымъ распредѣленіемъ земельной собственности и угодій между отдѣльными семействами. Тотъ же характеръ имѣла цѣховая организація въ средніе вѣка. Въ настоящее время, разумѣется, подобныя средства не состоятельны и прибѣгать къ нимъ не слѣдуетъ. Но равнымъ образомъ не слѣдуетъ, особенно же въ истинно либеральномъ ученія, смотрѣть съ фаталистическимъ равнодушіемъ на расправу, совершаемую природой надъ пролетаріями. Мы должны съ особеннымъ рвеніемъ заботиться объ умственномъ и моральномъ развитіи массъ, и укоренять въ нихъ наклонность къ нравственной семейной жизни,—которая одна способна сдерживать чрезмѣрное умноженіе народонаселенія [1]). Только нравственнымъ

[1]) Смотри мое соч. Bevölkerungslehre, gesellsch. System.

путемъ можемъ мы регулировать отношеніе между природнымъ фондомъ и населеніемъ; и главнымъ препятствіемъ здѣсь является обширное развитіе пролетаріата, вызванное господствовавшей въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній теоріей о неограниченной хозяйственной свободѣ. Именно пролетаріямъ нѣтъ доли участія въ сокровищахъ природы. Они именно тѣ несчастные, которымъ недостаетъ и средствъ, и нравственныхъ, и умственныхъ силъ, недостаетъ также и средствъ чтобы покинуть скудную родину—мать, и искать для себя въ далекихъ странахъ никѣмъ незанятый еще уголокъ земли. Было бы несправедливо и ошибочно стараться нравственно обуздывать умноженіе народонаселенія, тамъ гдѣ роковая необходимость заглушаетъ всѣ высшіе требованія жизни и дѣлаетъ невозможнымъ семейный бытъ.

Итакъ, если въ одной сторонѣ равновѣсіе между народонаселеніемъ и природнымъ фондомъ обусловливаетъ собою наиболѣе раціональное формированіе трудоваго и имущественнаго капитала, то съ другой оно само поставляется въ зависимость отъ большаго или меньшаго духовнаго развитія отдѣльныхъ личностей и отъ такого образованія имуществъ, которое наиболѣе отвѣчаетъ нравственному достоинству человѣка.

Въ третьихъ, послѣдняя, существенно важная задача будетъ состоять въ слѣдующемъ: найти возможность такъ группировать *средства къ производству и къ потребленію имущества*, чтобъ эти имущества получили наибольшую производительность и могли наилучшимъ образомъ отвѣчать потребностямъ отдѣльныхъ личностей при наиболѣе совершенномъ развитіи ихъ индивидуальности. Само собою разумѣется, что при этомъ два другіе экономическіе вопроса—касающіеся равновѣсія между народонаселеніемъ и природнымъ фондомъ производства и наиболѣе раціональнаго развитія и распредѣленія трудовыхъ силъ страны—предполагаются разрѣшенными.

Какъ мы уже сказали, теорія „свободы труда" не даетъ удовлетворительнаго рѣшенія послѣдней задачи. При господствѣ этой теоріи, могутъ возникнуть, установиться и продолжаться чрезъ цѣлыя поколѣнія наименѣе раціональныя формированія имущества. Факты доказали это достаточнымъ образомъ. Мы еще болѣе затруд-

нимъ разрѣшеніе этого вопроса, если допустимъ отрицаніе всякаго имущества, допустимъ теорію чистаго комунизма. Когда все будетъ принадлежать всѣмъ, когда всякій будетъ воленъ во всякое время воспользоваться всѣми хозяйственными цѣнностями, тогда не найдется ни одного капитала для производства, ни одного капитала для потребленія, который могъ бы вполнѣ удовлетворять всѣмъ требованіямъ отдѣльнаго индивидуума; на землѣ установится постоянная междоусобная борьба за предметы къ существованію, и естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещебудетъ крайняя непроизводительность и всеобщая бѣдность. Для того чтобы человѣкъ исчерпывалъ наиболѣе полно и наиболѣе хозяйственно-естественные источники производства, для этого безусловно необходимъ надзоръ заинтересованныхъ въ дѣлѣ частныхъ собственниковъ и совладѣльцевъ. Полезные предметы *должны* составлять собственность отдѣльныхъ личностей или извѣстнаго числа людей, соединенныхъ общими интересами въ дѣлѣ производства и потребленія, должны, являться въ наиболѣе раціональной для производства и потребленія формѣ, — въ формѣ капиталовъ. Чѣмъ болѣе званыхъ на пиръ, чѣмъ гуще становится народонаселеніе, тѣмъ шире должна развиваться частная собственность, тѣмъ экономичнѣе и раціональнѣе должна совершаться капитализація при ограниченныхъ природныхъ источникахъ производства. Усиленная экономическая дѣятельность на поприщѣ сельскаго хозяйства, ремеслъ, промышленности и торговли, повышающая валовой доходъ страны и требующая значительнаго развитія производительныхъ силъ народонаселенія, постоянно обусловливается соотвѣтственнымъ развитіемъ средствъ къ производству и наиболѣе раціональнымъ ихъ распредѣленіемъ между отдѣльными индивидуами. И такъ, экономическое разсмотрѣніе понятія объ имуществѣ приводитъ насъ къ такому заключенію: увеличеніе суммы доходовъ, другими словами—увеличеніе средствъ каждаго человѣка жить болѣе полною жизнью, полнѣе удовлетворять своимъ потребностямъ,—обусловливается наилучшимъ, наиболѣе широкимъ развитіемъ всѣхъ видовъ имущества, и совершенно невозможно при отрицаніи всякаго имущества.

Но не только *частная* или *индивидуальная* собственность

составляетъ то что мы называемъ имуществомъ. Имуществомъ должно считать также различные, не менѣе узаконенные виды *коллективной* или *общественной собственности*.

Различные виды коллективной собственности, при раціональномъ ихъ примѣненіи, даютъ болѣе производительные результаты, нежели собственность частная, поставленная на ихъ мѣсто. Никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что публичная библіотека—гдѣ огромный запасъ книгъ и манускриптовъ собранъ въ одно коллективное имущество—составляетъ неизмѣримо болѣе дѣйствительное средство къ распространенію образованія, чѣмъ сотни частныхъ библіотекъ, чѣмъ такой же громадный запасъ книгъ, но только собранный въ частныя руки? Всякій согласится также съ тѣмъ, что одна дорога, находящаяся въ вѣденіи правительства или общества и составляющая такимъ образомъ часть публичнаго коллективнаго имущества, представляетъ гораздо болѣе полезную имущественную организацію, чѣмъ десятки дорогъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ.

Въ точности говоря, такія коллективныя имущества не болѣе какъ составныя части, опредѣленныя частныя имущества, находящіяся въ общемъ владѣніи; сюда принадлежатъ какъ имущества капитальныя, такъ и имущества служащія для удовлетворенія потребностей; послѣднія входятъ въ составъ коллективной собственности преимущественно въ государствѣ. Налоги, вклады, добровольныя жертвованія (гостепріимство, семейная привязанность, попечительства и воспитательныя учрежденія, безвозмездное служеніе обществу, товарищескіе взносы) переводятъ частныя доходы и частное имущество въ коллективную собственность, которая въ свою очередь можетъ переходить обратно въ частное имущество или служить открытымъ для всѣхъ частныхъ лицъ источникомъ средствъ къ удовлетворенію потребностей, когда эти частныя лица будутъ пользоваться безвозмезднымъ служеніемъ общественныхъ дѣятелей и выгодами, доставляемыми различнаго рода общественными учрежденіями.

Существованіе и развитіе коллективнаго имущества во всѣхъ его видахъ — въ видѣ государственнаго общиннаго и семейнаго имущества, въ видѣ имущества принадлежащаго промышленнымъ ра-

бочимъ и торговымъ асоціаціямъ и разнымъ общественнымъ учрежденіямъ — отнюдь не противорѣчитъ существованію частной собственности. Если оно должно быть съ чѣмъ нибудь въ несогласіи, то развѣ только съ первоначальнымъ общеніемъ имущества, когда все принадлежало всѣмъ, и когда поэтому никто не имѣлъ собственности. По моему мнѣнію значительное развитіе коллективнаго имущества составляетъ постоянно одно изъ главныхъ средствъ, которыми можетъ быть достигнуто развитіе индивидуальности во всѣхъ членахъ человѣческаго общества и накопленіе богатствъ, способныхъ удовлетворить совокупности потребностей всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Такія коллективныя имущества, наполняющія и охраняющія частную собственность, имѣлись *во всѣ времена;* но въ новѣйшее время ихъ развитіе *было недостаточно*, *форма*, въ которой они являлись *не всегда отвѣчала требованіямъ времени*, а примѣненіе не всегда направлялось къ ***производительнымъ цѣлямъ***. Поэтому, необходимость существованія коллективныхъ имуществъ, въ формахъ не противорѣчащихъ требованіямъ времени, не должно никого устрашать; такія имущества существовали во всѣ времена!

Мнѣ слѣдуетъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

Какъ я уже сказалъ, въ человѣческомъ обществѣ всегда, во всѣ времена, имѣлись ***общія*** имущества, ***коллективная*** собственность и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и видахъ. Открытыя для всѣхъ государственныя и общественныя учрежденія, церкви и школы, прекрасно комбинированное общеніе имуществъ, основанное на дружбѣ, семейной любви, товариществѣ и благотворительности — всѣ подобныя организаціи представляютъ собою въ самой раціональной и плодотворной формѣ коллективныя имущества, частью постоянныя, частью временныя. Одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ упрековъ, которые мы можемъ сдѣлать комунизму, будетъ состоять именно въ томъ, что онъ полнымъ отрицаніемъ *частной* собственности стремится лишить всякой поддержки извѣстные виды плодотворнаго общенія имуществъ. Когда государственныя и общественныя организаціи будутъ имѣть въ виду интересы всѣхъ, а не частныя выгоды отдѣльныхъ лицъ, когда семейная заботливость будетъ проявляться въ совершенствѣ, во

всей своей чистотѣ и достигнетъ высшаго развитія, когда обязательства, принятыя богатыми въ видахъ общихъ интересовъ, — и проявляющіяся въ формѣ учрежденій общественной благотворительности, разнаго рода попечительствъ и т. д. будутъ осуществляться вполнѣ безкорыстно и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, тогда только будетъ возможна выгодная для всѣхъ имущественная реформа. Чтобъ имѣть возможность наиболѣе раціонально обратить на общую пользу имѣющійся запасъ коллективнаго имущества и избытокъ частной собственности, требуются коренныя реформы въ области семейнаго права и податной системы, и такой строй государственной жизни, при которомъ сила и политическое вліяніе богатыхъ находило бы свою санкцію въ общественномъ мнѣніи. Когда падетъ современный милитаризмъ — источникъ общаго экономическаго неустройства—тогда явится возможность установить совершенно новыя коллективныя учрежденія; такъ напримѣръ, въ настоящее время обращено еще чрезвычайно мало вниманія на такъ называемыя „производительныя издержки." Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ неоднократно придется становиться на эту точку зрѣнія.

До настоящаго времени существовало три главныхъ вида коллективнаго имущества, имущество принадлежащее государству и обществу, имущество, сложившееся изъ добровольныхъ жертвованій (учрежденій общественной благотворительности, товарищества и т. д.) и имущество, принадлежащее природнымъ союзамъ, какъ напримѣръ—семейное имущество; но эти три вида далеко не пополняютъ собою всей области экономическаго значенія коллективнаго имущества вообще, и въ настоящее время представляется возможнымъ мирное развитіе коллективнаго имущества, а слѣдовательно и экономическое снабженіе имуществомъ самихъ пролетаріевъ, въ *такихъ* предѣлахъ, до которыхъ не могутъ достигать вышепомянутые виды коллективнаго имущества.

Въ настоящее время получаетъ весьма обширное значеніе совершенно новый видъ коллективнаго имущества, которое возникаетъ съ образованіемъ *асоціаціи*; первой изъ такихъ асоціацій было общество взаимнаго вспоможенія.

Новая форма коллективнаго имущества получила въ полити-

*

ческой экономіи право гражданства потому, что представляетъ собою болѣе производительныя накопленія средствъ къ производству и къ потребленію, болѣе производительныя сравнительно съ подобными же накопленіями въ формѣ частныхъ имуществъ, и она удержитъ свое значеніе *до тѣхъ поръ*, пока будетъ существовать такое отношеніе къ частной собственности.

Въ настоящее время новая форма коллективнаго имущества не только терпима, но имѣетъ за собою огромное число поборниковъ. Особенныя законодательныя постановленія гражданскаго права объ асоціаціяхъ открыли широкій путь историческому развитію начала товариществъ въ области сельскаго хозяйства, кредита различной торговли (общества потребителей) и фабричной промышленности. Спеціальныя законодачельныя постановленія и административныя мѣропріятія еще болѣе способствуютъ развитію этихъ общинныхъ, коллективныхъ имуществъ и расширяютъ кругъ ихъ дѣйствія; такъ напримѣръ въ Англіи и Бельгіи небогатые люди имѣютъ возможность по почтѣ страховать свою жизнь и дѣлать вклады въ сберегательныя кассы. И если образованіе новаго вида имущества будетъ происходить тогда, когда въ немъ ощущается наибольшая хозяйственная потребность, то извлеченіе изъ него возможно большей для всѣхъ выгодъ будетъ исключительно зависѣть отъ цѣлесообразныхъ мѣропріятій, къ которымъ я однако *не* причисляю Лассаловой теоріи государственнаго кредита, но законамъ же хозяйственности, наибольшая потребность въ новомъ видѣ коллективнаго имущества будетъ ощущаться тогда, когда извѣстная сумма хозяйственныхъ цѣнностей, переведенная въ эту форму имущества, будетъ служить болѣе полнымъ и болѣе равномѣрнымъ источникомъ жизненныхъ силъ, чѣмъ та же сумма цѣнностей, переведенная въ другую какую либо форму имущества.

Всякій пойметъ, напримѣръ, что мелкія сбереженія и страховыя преміи отдѣльныхъ лицъ, собранныя въ одно цѣлое въ формѣ сберегательныхъ и страховыхъ капиталовъ, принесутъ гораздо большую выгоду, чѣмъ подобная же денежная сумма, распредѣленная между тысячами частныхъ собственниковъ; вступая въ коллективную имущественную форму, эти сбереженія, такъ сказать, повышаются въ цѣнѣ и затѣмъ, въ надлежащемъ мѣстѣ и

въ надлежащее время, снова переходятъ въ частную и семейную собственность. Въ обществѣ потребителей и въ товариществахъ, эксплуатирующихъ сырые продукты, отдѣльныя частныя имущества образуютъ коллективный оборотный капиталъ; въ машинныхъ и другихъ товарныхъ складахъ, принадлежищихъ торговымъ обществамъ, частныя имущества являются въ формѣ коллективнаго постояннаго капитала; и всякій пойметъ, что переходя въ такія формы коллективнаго имущества, незначительная частная собственность открываетъ бѣднымъ людямъ доступъ къ соперничеству, получаетъ большее производительное значеніе и приноситъ сравнительно большій доходъ, тогда какъ при отсутствіи такого коллективнаго имущества, она бы осталась вовсе непроизводительною. Не можетъ быть также сомнѣнія въ томъ, что незначительныя частички капиталовъ, собранныя при посредствѣ кредитной асоціаціи въ ремесленные и сельскіе банки, принесутъ гораздо большій доходъ, сравнительно съ тѣмъ, который бы они принесли, оставаясь въ формѣ изолированныхъ, частныхъ имуществъ; скажемъ болѣе, для бѣдныхъ людей такіе народные банки имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ частные капиталы спекулятивныхъ банковыхъ и страховыхъ предпріятій. Всякій пойметъ, что въ отдѣльныхъ фабричныхъ отрасляхъ промышленности коллективное имущество, принадлежащее асоціаціямъ производства уже потому становится производительнѣе частной собственности, что касается интересовъ всѣхъ рабочихъ; я возвращусь къ этому предмету при болѣе подробномъ разсмотрѣніи асоціацій производства. Не можетъ быть, наконецъ, сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти новыя формы коллективнаго имущества служатъ только опорой и защитой частной собственности; трудовое имущество становится при этомъ производительнѣе, получаетъ болѣе полное хозяйственное значеніе; въ массѣ народа распространяется нравственное самосознаніе, и вслѣдствіе этого являются естественныя преграды противъ чрезмѣрнаго умноженія народонаселенія, дѣлающія излишними всякія подавляющія мѣры. И такъ, капиталы для производства и капиталы для потребленія могутъ принимать коллективную форму въ асоціаціяхъ, въ государствѣ, въ семействѣ и наконецъ могутъ слагаться изъ добровольныхъ жертвованій; во вся-

комъ случаѣ, коллективная собственность обусловливаетъ самое раціональное и равномѣрное распредѣленіе полезныхъ даровъ природы и капиталовъ для производства, дѣлаетъ ихъ имуществами въ истинномъ, экономическомъ значеніи этого слова, и кромѣ того не мало облегчаетъ рѣшеніе двухъ другихъ основныхъ задачъ народнаго хозяйства, изъ которыхъ первая, напоминаемъ, состоитъ въ наиболѣе широкой и плодотворной утилизаціи трудоваго имущества, а вторая въ сохраненіи равновѣсія между народонаселеніемъ и внѣшними средствами къ существованію. Замѣтимъ кстати, что въ асоціаціяхъ коллективное имущество является страхующимъ средствомъ для отдѣльныхъ капиталовъ производства и потребленія: такъ напр. послѣдніе страхуются въ обществахъ взаимнаго вспоможенія.

Кромѣ указаннаго нами вида коллективной собственности, существуетъ еще другой ея видъ, который сохраняетъ постоянное стремленіе къ развитію; мы говоримъ объ имуществахъ *государственныхъ*.

Колосальную часть этого имущества составляютъ: почтовыя дороги, телеграфныя линіи и правительственныя желѣзныя дороги; считаю достаточнымъ указать на тотъ фактъ, что въ настоящее время даже въ такихъ свободныхъ государствахъ, какъ Англія и Швейцарія, раздается сильный голосъ противъ частной далеко не безупречной эксплуатаціи желѣзнодорожнаго дѣла крупными капиталистами, и слышится повсемѣстное желаніе, чтобы государство, выкупомъ акцій и пріоритетовъ, пріобрѣло всѣ желѣзные пути въ свою собственность. Когда всѣ пути сообщенія перейдутъ въ руки правительства и будутъ въ вѣдомствѣ провинціальныхъ и окружныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, тогда только страна покроется равномѣрною сѣтью желѣзныхъ дорогъ и осуществится давно желанная тарифная реформа: я привелъ въ другомъ мѣстѣ достаточно основательныя доказательства въ подтвержденіе такого мнѣнія [1]). Развитіе новой указанной нами формы коллективнаго имущества также необходимо какъ и упраздненіе нѣкоторыхъ прежнихъ устарѣвшихъ его формъ, что въ настоящее время частью

[1]) Смотри мое Ges. System, Anhang.

уже приведено въ исполненіе. Когда управленіе путями сообщенія будетъ находиться подъ контролемъ преобразованныхъ, истинно демократическихъ органовъ народнаго представительства, тогда закроется самая пагубная арена для монополіи крупныхъ капиталистовъ, такъ сильно препятствующей правильному и дружному развитію всей массы народонаселенія,—тогда напр. биржа лишится одного изъ главныхъ предметовъ для своихъ спекуляцій. Развитіе и развѣтвленіе вены путей сообщенія, ихъ ремонтъ, потребность для нихъ въ административной централизаціи, однимъ словомъ весь ихъ внутренній экономическій характеръ требуетъ, чтобы они составляли общую собственность, собственность государства. И во многихъ случаяхъ такая общая собственность служитъ средствомъ обезпеченнаго и равномѣрнаго развитія частной собственности.

Но и *частная собственность* имѣетъ такое же законное право на существованіе, какъ и различные виды коллективнаго имущества, но только въ области высшей специфической своей дѣятельности. Другими словами, каждая форма имущества имѣетъ относительное, присущее ей значеніе.

Существованіе частной собственности должно быть желательно уже потому, что она служитъ источникомъ добровольныхъ имущественныхъ жертвованій, путемъ благотворительности, гостепріимства и различныхъ союзовъ, а также и пожертвованій на поприщѣ народнаго представительства, науки и искуствъ. Въ извѣстныхъ сферахъ хозяйственной дѣятельности частная собственность безусловно необходима. Большинство средствъ потребленія въ конечномъ результатѣ своего экономическаго обращенія переходятъ исключительно въ пользованіе частныхъ лицъ и должны сдѣловательно входить въ составъ частныхъ капиталовъ для потребленія. Тоже должно сказать о нѣкоторыхъ *капиталахъ для производства*, напр. въ торговомъ дѣлѣ и при безвозмездномъ служеніи государству: только отдѣльное частное лицо, несущее на себѣ всю отвѣтственность предпріятія, будетъ въ состояніи пустить эти капиталы въ наиболѣе хозяйственные обороты и извлечь изъ нихъ наибольшую хозяйственную выгоду. Итакъ, частная собственность, при самомъ строгомъ своемъ примѣненіи, остается безусловною необходимостью, частная собственность стоитъ въ

тѣсномъ отношеніи къ существу коллективному; она служитъ къ его накопленію путемъ налоговъ и премій, различныхъ вкладовъ и т. п. и сама находитъ въ немъ источникъ для своего развитія, т. е. частные люди получаютъ возможность либо непосредственно пользоваться выгодами коллективнаго имущества, либо участвовать въ денежной прибыли имъ доставляемой; жизнь всего человѣческаго общества всегда была и всегда останется милліоны разъ повторенная частной жизнью. Замѣтимъ, что участіе въ коллективномъ имуществѣ различныхъ асоціацій доставляетъ силу и поддержку безчисленному количеству частныхъ собственностей.

Въ особенности частныя *капитальныя* имущества являются во многихъ сферахъ хозяйственной дѣятельности необходимыми, въ *интересахъ всѣхъ индивидуумовъ*, факторами наиболѣе хозяйственнаго пользованія ограниченными природными источниками производства. Укажемъ для примѣра на европейскаго купца, ведущаго торговлю съ Азіей; онъ одинъ рискуетъ своимъ капиталомъ, одинъ отвѣтствуетъ за успѣхъ предпріятія; доставляя обществу произведенія востока, онъ конечно будетъ имѣть въ виду свой барышъ; и однако онъ непремѣнно удовлетворитъ требованіямъ общества несравненно лучше, чѣмъ любое казенное управленіе или частное акціонерное торговое общество. Мы постоянно имѣемъ на своихъ глазахъ примѣръ, какъ хозяйственно воздѣлываютъ частные собственники—крестьяне безчисленные сорта культурныхъ растеній.

Въ этихъ случаяхъ частный капиталистъ является *лучшимъ и наиболѣе отвѣтственнымъ политико-экономическимъ администраторомъ для цѣлаго общества*; мы уже назвали его въ другомъ мѣстѣ отвѣтственнымъ министромъ народнаго хозяйства. Платонъ, въ предисловіи къ законамъ о завѣщаніяхъ, восклицаетъ: „Вы сами не принадлежите себѣ и ваше имущество не есть ваша собственность; и вы, и все что у васъ есть, и вы сами принадлежите всему вашему роду"; въ настоящее время эти слова справедливы для всѣхъ частныхъ капиталовъ, нашедшихъ соотвѣтственное себѣ приложеніе.

Чтобы общая масса народнаго имущества могла быть распре-

дѣлена наиболѣе хозяйственно, она должна являться во всѣхъ формахъ частной и коллективной собственности, это одинаково справедливо какъ для историческаго, такъ и для современнаго намъ общества; дѣло только въ томъ, что для каждаго отдѣльнаго періода времени границы *относительной* примѣнимости той или другой имущественной формы будутъ опредѣляться различно. Чѣмъ выше будетъ стоять развитіе общества, тѣмъ хозяйственно выгоднѣе должны будутъ примѣняться и распределяться частныя и коллективныя имущества. Вотъ почему въ ряду историческихъ формъ коллективной собственности грубая первобытная форма совладѣнія всѣми имущества (communio primaesa естественнаго права) лишается всякаго экономическаго значенія, она постепенно уступаетъ мѣсто частной собственности или другимъ, такъ сказать, болѣе индивидуализированнымъ формамъ коллективнаго имущества: имуществу общинному и государственному, торговымъ обществамъ и асоціаціямъ, однимъ словомъ, такимъ формамъ, въ которыхъ имущество подпадаетъ подъ бдительный надзоръ либо государства, либо общины.

Итакъ, частная собственность, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ законное право на существованіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она подчиняется и служитъ интересамъ всего общества. А для этого въ ея развитіи не должны быть терпимы ни монополія, ни корыстный эгоизмъ.

Противодѣйствовать такимъ стремленіямъ частныхъ собственниковъ можно двумя средствами. Первое состоитъ въ поощреніи развитія всѣхъ формъ коллективнаго имущества въ спеціальныхъ сферахъ высшей ихъ производительности; второе, весьма существенное средство, можно примѣнить на самой почвѣ частной капитальной спекуляціи; я говорю о столь ненавистномъ соціализму соперничествѣ. Постоянное погашеніе государственныхъ долговъ, сосредоточеніе желѣзнодорожной собственности въ коллективную форму и быстрое погашеніе потраченныхъ на то капиталовъ, вотъ что европейцы должны стараться осуществить! Тогда соперничество частныхъ капиталовъ въ спеціальныхъ хозяйственныхъ сферахъ возрастетъ въ громадныхъ размѣрахъ; пользованіе частными капиталами не придется оплачивать въ такихъ высокихъ

процентахъ; на биржѣ, рынкахъ и въ домахъ государственныхъ желѣзнодорожныхъ управленій рушится господство монополіи исчезнетъ духъ спекуляціи и биржевой игры — источникъ глубокой испорченности въ государствѣ (представите себѣ на сколько уменьшится списокъ вексельнаго и денежнаго курса, съ уничтоженіемъ трехъ четвертей государственныхъ бумагъ, желѣзнодорожныхъ акцій и пріоритетовъ!); укажемъ еще на одно благодѣтельное слѣдствіе, на сбереженіе безчисленнаго количества мелкихъ имуществъ, въ уничтожаемыхъ теперешнею системой налогахъ; эта система въ сущности только прикрываетъ собою новый видъ крѣпостнаго права, въ силу котораго платящіе налоги доставляютъ ежегодно два съ половиннаго миллiарда франковъ праздно живущимъ рентіерамъ. При новомъ порядкѣ вещей прекратилось бы существованіе этого праздника лѣниваго сословія; *частные капиталы* стали бы обращаться въ спеціальныхъ, имъ свойственныхъ экономическихъ сферахъ, а частные капиталисты стали бы за болѣе умѣренные барыши болѣе хозяйственно служить всему обществу. Идеальное значеніе частнаго спекуляціоннаго капитала заключается въ томъ, что онъ долженъ представлять собою *наиболѣе общеполезную*, наиболѣе отвѣчающую общимъ интересамъ *форму* имущества, въ которую *собираются* извѣстные предметы производства, въ которой они *пускаются въ обращеніе;* при новомъ порядкѣ вещей осуществленіе такого идеала сдѣлалось бы болѣе возможнымъ, и въ милліонахъ людей, перестало бы пробуждаться угрожающее Европѣ сомнѣніе въ законности существованія имущества во всѣхъ его формахъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я еще разъ возвращусь къ этимъ вопросамъ.

Изъ нашихъ общихъ разсужденій о хозяйственномъ значеніи понятія объ имуществѣ, мы выводимъ такія заключенія:

Существованіе имущества есть безусловная экономическая необходимость.

Имущество является въ весьма различныхъ формахъ; относительная примѣнимость каждой изъ нихъ исторически измѣнчива.

Спекуляціонная (капитальная) частная собственность является необходимою, въ интересахъ всѣхъ, имущественной формою.

Наиболѣе плодотворная *индивидуализація средствъ къ производству и къ потребленію, наиболѣе производительная цивилизація* всего трудоваго имущества при разработкѣ *всѣхъ природныхъ источниковъ производства*, наконецъ наиболѣе полное удовлетвореніе индивидуальныхъ потребностей во всѣхъ членахъ человѣческаго общества,—вотъ что даетъ *имуществу вообще* и *всѣмъ отдѣльнымъ его видамъ законное право на существованіе.*

Само собою разумѣется, что всѣ вышеприведенныя требованія могутъ быть удовлетворены только при развитіи *всѣхъ имущественныхъ формъ*, каждой въ сферѣ высшей ея производительной и *потребительной* [1]) дѣятельности, и въ размѣрахъ исторически опредѣляемыхъ степенью ея примѣнимости.

Въ тоже время станетъ возможнымъ косвенное регулированіе народно-хозяйственнаго равновѣсія, постоянно нарушаемаго чрезмѣрнымъ умноженіемъ населенія, монополій частнаго капитала и стѣсненіемъ національныхъ производительныхъ силъ.

Обращаю особенное вниманіе на слѣдующіе выводы изъ всѣхъ нашихъ разсужденій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я возвращусь къ нимъ и полнѣе докажу важное ихъ экономическое значеніе:

1) Равномѣрное развитіе всѣхъ имущественныхъ формъ установится тогда, когда государственная коллективная собственность перестанетъ быть предметомъ злоупотребленія, когда будетъ обращено вниманіе на увеличеніе государственныхъ производительныхъ издержекъ, когда съ развитіемъ массы народонаселенія всѣ получатъ возможность пользоваться политическими правами въ формѣ федеративной децентрализаціи, и когда вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ государствѣ прекратится беззаконное образованіе различныхъ видовъ имущества насильственнымъ путемъ феодальныхъ и плутократическихъ монополій, въ виду дѣйствительныхъ выгодъ *всѣхъ*, каждая имущественная форма должна быть удержана въ

---

[1]) Марло односторонне считаетъ возможность осуществленія наиболѣе плодотворнаго труда истиннымъ экономическимъ началомъ права собственности. Государство, семейство, церковь и т. п. представляютъ не менѣе дѣйствительный капиталъ для потребленія въ формѣ различныхъ вещей и услугъ.

той хозяйственной сферѣ, гдѣ приложеніе ея наиболѣе прибыльно.

2) Въ числѣ различныхъ имущественныхъ формъ, частная собственность будетъ постоянно сохранять весьма обширное значеніе; такъ какъ въ безконечно разнообразныхъ хозяйственныхъ задачахъ производства, она является имущественною формою наиболѣе пригодною для самаго плодотворнаго и общеполезнаго примѣненія ограниченныхъ внѣшнихъ средствъ къ производству.

3) Подъ руководствомъ частнаго капитала заработный доходъ является естественной формою утилизаціи трудовыхъ силъ, такъ какъ переходъ ограниченныхъ природныхъ фондовъ въ имущество наемныхъ рабочихъ можетъ совершаться наиболѣе раціонально при посредствѣ частныхъ капиталовъ. Задача будетъ состоять не въ совершенномъ устраненіи заработнаго труда, но въ *справедливомъ распредѣленіи* между нимъ и капитальной собственностью общей цѣнности продуктовъ. И въ формѣ наемнаго труда, трудъ можетъ достигнуть высшей плодотворности и получить, съ пониженіемъ капитальной прибыли, подобающее хозяйственное значеніе, когда будутъ найдены средства пріостановить совершающееся въ государствѣ колосальное расточеніе ссудныхъ капиталовъ, когда увеличится взаимная конкуренція частныхъ производительныхъ капиталовъ, — въ которой современные фабричные уставы видятъ „охрану труда,“ когда наконецъ установится правильная конкуренція между частными и колективными имуществами.

4) Свобода конкуренціи не должна быть стѣсняема.

5) Развитіе новыхъ имущественныхъ формъ не можетъ происходить въ ущербъ чьихъ либо благопріобрѣтенныхъ имущественныхъ интересовъ. Развитіе асоціацій въ сферахъ высшей ихъ производительной дѣятельности, также какъ и существованіе торговыхъ обществъ, не должно быть стѣсняемо.

6) Ограниченіе размѣровъ благобріобрѣтенныхъ имуществъ требуетъ соотвѣтственнаго вознагражденія, такъ какъ подобныя имущества составляютъ обособленное накопленіе цѣнностей, отвѣчающее извѣстной, опредѣлено развитой индивидуальности.

7) Законъ долженъ подавлять непроизводительное расточеніе средствъ къ производству; вполнѣ законно, съ другой стороны,

допущеніе интенсивной системы хозяйства, когда ведется въ общихъ интересахъ (латифундіи)!

8) Равенство всѣхъ частныхъ имуществъ не есть необходимость; напротивъ, оно противорѣчитъ закону развитія индивидуализаціи въ производствѣ и потребленіи; другими словами, — противорѣчитъ ближайшей хозяйственной цѣли имущества.

9) Право необходимаго наслѣдства и свобода завѣщанія справедливы въ основѣ; справедливы настолько, насколько имущество завѣщателя служитъ для него средствомъ давать опредѣленное индивидуальное развитіе членамъ своего семейства, и путемъ безъ возмездныхъ жертвованій оказывать поддержку другимъ нравственнымъ существамъ.

10) Непроизводительное пріобрѣтеніе, т. е., пріобрѣтеніе, не дающее средства потребленія — должно быть ограничиваемо, въ большинствѣ случаевъ, косвеннымъ путемъ (раціональное развитіе частнаго кредита, ограниченіе системы государственныхъ займовъ). Не всякій видъ торговли можетъ считаться непроизводительной формой пріобрѣтенія.

11) Чрезвычайный, незаслуженный трудомъ доходъ, который существовалъ и будетъ существовать во всѣ времена, можетъ подвергаться особенной эксплуатаціи на общую пользу посредствомъ искусно расчитанной системы налоговъ. Но подобныя мѣропріятія отнюдь не должны подавлять общеполезную хозяйственную дѣятельность и щедрость богатыхъ.

12) Неспособные къ труду имѣютъ право на необходимую поддержку; юношество, лишенное всякой собственности, имѣетъ право на безвозмездное развитіе своего трудоваго капитала.

13) Требовать универсальнаго значенія для одной имущественной формы (припомнимъ асоціацію производства Лассаля) ошибочно въ теоріи и нехозяйственно въ примѣненіи; сравненіе относительнаго экономическаго значенія *всѣхъ* спекуляціонныхъ и другихъ имущественныхъ формъ достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ.

14) Особенно нехозяйственной въ своемъ примѣненіи является теорія единой *государственной* собственности, выработанная комунистами, гдѣ для всѣхъ опредѣляется равенство труда и равенство въ пользованіи его плодами.

Такой внезапный переворотъ въ теперешней системѣ пользованія собственностью, котораго требуетъ *чистый коммунизмъ*, но за который отдпюдь не стоятъ просвѣщенные соціалисты, уничтожилъ бы въ самой основѣ огромную массу индивидуально развитыхъ производительныхъ силъ. Сложно комбинированныя накопленія богатства настоящаго времени повсемѣстно лишились бы оживляющаго ихъ начала; ихъ организація была бы разрушена, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась бы ихъ производительная дѣятельность, обусловленная этой организаціей. Отдѣльный индивидуумъ только тогда способенъ къ внешней производительной дѣятельности, къ полезному служенію обществу, когда онъ располагаетъ собственно ему принадлежащимъ запасомъ жизненныхъ средствъ; внезапно лишившись своего имущества, онъ умираетъ для всякой дѣятельности; такъ духъ человѣческій теряетъ возможности проявлять себя, когда лишается тѣлесной своей оболочки! Такъ какъ всѣ отдѣльные члены человѣческаго общества почерпнули свое конкретное, индивидуальное развитіе изъ существовавшаго до настоящаго времени нравственнаго строя жизни, то при внезапномъ имущественномъ переворотѣ они нашлись бы вынужденными отречься, такъ сказать, отъ собственной своей личности; да и людямъ зависимымъ, живущимъ задѣльной платой, врядъ ли съ перваго времени пришелся бы по вкусу такой переворотъ, который бы разомъ лишилъ ихъ индивидуальности въ производствѣ медленнымъ путемъ пріобрѣтенной изъ существующихъ условій ихъ жизни. Внезапное уничтоженіе стараго порядка вещей всегда оставляетъ за собою недовольныхъ, такъ какъ оно не сходится съ индивидуальными стремленіями. Во всякомъ случаѣ потеря въ производительныхъ силахъ, съ установленіемъ новаго порядка, была бы для націи громадна. Опредѣленныя накопленія богатствъ, разъ образованныя, не могутъ быть разомъ уничтожены, и изъ ихъ обломковъ не могутъ быть также созданы тотчасъ и по произволу новыя, болѣе дѣйствительныя имущественныя накопленія, предоставленныя вѣдѣнію государства. Существующія капитальныя имущества являются продуктами и въ то же время источниками индивидуальностей; отъ послѣднихъ зависитъ ихъ производительность. Мы часто видимъ, какое вліяніе оказываютъ имущества на свободу

призванія лицъ ими владѣющихъ, мы часто видимъ также, какъ со смертью даровитаго предпринимателя падаетъ цѣнность предпріятія, здѣсь, такъ сказать, капитальное туловище лишается оживлявшей его силы. Внезапное пресѣченіе имущественной индивидуальности, путемъ комунистическаго государственнаго переворота, поколебало бы въ основѣ всѣ существующіе капитальные организмы, и едва ли бы удалось комунистическимъ государственнымъ должнистнымъ лицамъ тотчасъ же установить новую болѣе хозяйственную организацію. Итакъ, комунистическая конфискація нанесла бы громадный ущербъ производительности капитальнаго имущества страны. Мы не говоримъ уже о томъ, что такой соціальный переворотъ глубоко затронетъ индивидуальность всѣхъ собственниковъ, развившуюся на основаніи существовавшаго распредѣленія имуществъ, что онъ въ цѣломъ классѣ общества разрушитъ массу личнаго жизненнаго счастія, и въ то же время мало осчастливитъ пролетаріевъ, которые будутъ оторваны отъ своихъ индивидуальныхъ привычекъ въ жизни и разомъ поставлены въ совершенно имъ непривычныя жизненныя условія. Научный соціализмъ не требуетъ вовсе внезапнаго и совершеннаго уничтоженія частной собственности; онъ желаетъ только осуществить постепенное переобразованіе теперешнихъ основныхъ формъ имущества кореннымъ изложеніемъ народно хозяйственной организаціи.

15) Переходимъ къ послѣднему выводу, который можемъ сдѣлать изъ нашихъ разсужденій, — именно укажемъ на приговоръ, который національная экономія можетъ сдѣлать надъ обычными, *философскими основами права собственности.*

Ни одинъ изъ трехъ приводимыхъ философами мотивовъ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

Одни видятъ источники частной собственности въ актѣ первоначальнаго завладѣнія имуществомъ, въ такъ называемомъ jus primi occupantis (res nullius cedit primo occupanti). Но завладѣніе — фактъ въ высшей степени случайный, признаніе котораго можетъ быть сильно оспариваемо; найдется весьма немного въ настоящее время имущественныхъ предметовъ, принадлежащихъ первоначальному ихъ владѣльцу.

Существуетъ другая теорія; она основываетъ право собствен-

ности или на *законъ* (Гоббесъ) или на *договоръ* (Гроцій). Но воля закона зависитъ отъ взгляда законодателя, а взглядъ этотъ можетъ быть измѣнчивъ. Что же касается „договора“, то на него нельзя указывать какъ на основу собственности, и безъ достаточнаго внутренняго основанія онъ не имѣетъ права на признаніе.

Экономисты, какъ замѣтилъ еще *Рошеръ*, держатся третьяго мнѣнія, мнѣнія англійскаго философа *Локка*, который признаетъ за каждымъ работникомъ право пользоваться продуктомъ своего труда и сберегать его. Въ новѣйшее время типическій заступникъ крупной буржуазіи — *Тьеръ* лицемѣрно провозгласилъ себя послѣдователемъ такого національно-экономическаго возрѣнія на происхожденіе собственности.

Но и это возрѣніе неудовлетворительно и вотъ на какихъ основаніяхъ:

Во первыхъ существуетъ множество имуществъ, которыя безспорно не были заработаны ихъ собственниками, и достались имъ случайно. Наслѣдство, съ точки зрѣнія наслѣдника, не есть продуктъ труда, а сколько имуществъ переходитъ въ наслѣдство ab intestato, безъ ясно высказанной воли оставляющаго наслѣдство, который въ свою очередь можетъ быть получилъ его безъ трудовыхъ пожертвованій! Поэтому, основывать наслѣдованную собственность на трудѣ было бы въ высшей степени искуственно; я увѣренъ, что всѣ экономисты внутренно согласятся со мной.

Во вторыхъ, милліоны состояній старыхъ и новообразованныхъ пріобрѣтены путемъ насилія, злоупотребленія властью, а въ новѣйшее время также путемъ крупнаго мошенничества. Нельзя же увѣрить безпристрастный міръ, что милліоны, сорванные на биржѣ разными цезарями, барами, банкирами, что эти милліоны — чистые продукты труда.

Въ третьихъ, въ соціальной хозяйственной жизни настоящаго времени, даже пріобрѣтенная трудомъ собственность непосредственно является продуктомъ другихъ имуществъ. Она слагается изъ денежныхъ вознагражденій, которыя всякій получаетъ за сдѣланные имъ производительные вклады; слагается изъ заработной платы, процента и барыша хозяина предпріятія.

И здѣсь то является, какъ было уже сказано въ первомъ чтеніи, въ высшей степени спорный вопросъ, вполнѣ ли пропорціоналенъ промышленный барышъ и процентъ съ капитала личному пожертвованію, которое дѣлаетъ капиталистъ, отказываясь отъ непосредственнаго пользованія своимъ имуществомъ и производительно помѣщая его. Какъ уже было сказано соціализмъ видитъ въ современномъ гражданскомъ имуществѣ — присвоеніе чужой „трудовой собственности.“ Имѣя продуктъ двухъ факторовъ *a* и *c*, трудно бываетъ рѣшить насколько его цѣнность зависитъ отъ наемнаго труда и насколько она зависитъ отъ капитала. Эксплуатація одного фактора другимъ безспорно *возможна* и наемный трудъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ случаѣ на долю капитала выпадаетъ львиная часть. Соціализмъ разсматриваетъ собственность какъ продуктъ труда, и съ этой то точки зрѣнія онъ назвалъ капиталъ чужой собственностью,—воровствомъ. Послѣдователи философской теоріи собственности, гдѣ послѣдняя расматривается какъ „продуктъ труда,“ легко могутъ дойти до того, что найдутся вынужденными отвергать большую часть собственности настоящаго времени. Такая теорія представляетъ мало успокоительнаго для экономистовъ, подобныхъ г-ну Тьеру.

Съ вышеприведенной теоріей, основывающей право собственности на трудѣ, въ цѣломъ сходна теорія „*накопленія*“ [1]) имуществъ въ смыслѣ многоразличныхъ средствъ удовлетворенія потребностей индивидуальной жизни. Такое представленіе „накопленія“ жизненныхъ средствъ заимствовано у Аристотеля.

Но въ *народномъ* хозяйствѣ никто не накопляетъ себѣ самъ всѣхъ имуществъ; онъ ихъ пріобрѣтаетъ. И мы никогда не будемъ въ состояніи разрѣшить вопроса: *кто* „накопилъ“ богатство опредѣленной величины? Милліонеръ ли, наживающій чрезъ своихъ агентовъ новые милліоны? Крупный ли землевладѣлецъ, получающій громадную ренту съ латифундій, которыхъ онъ никогда не видалъ?

Въ вышеприведенныхъ теоріяхъ замѣчаемъ еще одну важную погрѣшность, всѣ онѣ исходятъ изъ предположенія, что природ-

---

[1]) Тренделенбургъ, Naturrecht § 93.

ный фондъ производства представляетъ неисчерпаемый источникъ для завладѣнія и трудоваго заработка. Такое предположеніе можетъ еще быть справедливо въ ново-основанной колоніи, но въ государствѣ, гдѣ уже получилъ значеніе вопросъ о пролетаріатѣ, это предположеніе не имѣетъ мѣста. Между тѣмъ оно уже допускается *Локкомъ*, въ этомъ существенная причина неудовлетворительности его теоріи. Туже коренную ошибку при опредѣленіи права собственности допускаютъ вообще *Кантъ*, *Гегель* и *Шталь*. Кантъ называетъ собственность постулатомъ практическаго разума, для которой необходима сфера внѣшней свободы; Гегель требуетъ „сферу внѣшней свободы" для лица; Шталь, хотя и не соглашается съ Кантомъ и Гегелемъ, однако видитъ въ имуществѣ обнаруженіе индивидуальности. Дедуцируя право собственности изъ труда и индивидуальности, всѣ три мыслителя игнорируютъ тотъ случай, когда всѣ полезные природные источники будутъ разобраны, когда, слѣдовательно, для многихъ индивидуальностей не найдется необходимой сферы внѣшней свободы, не найдется мѣста для плодотворнаго приложенія труда. Также поступаетъ Тьеръ, но онъ игнорируетъ вышеприведенный фактъ сознательно, понимая всю его важность, и приходя къ умышленно ложнымъ заключеніямъ. Въ длинной, блестящей рѣчи, онъ, по остроумному замѣчанію Марло, развиваетъ своимъ слушателямъ приблизительно такую нелѣпость: „Всѣ люди имѣютъ прирожденное право трудомъ пріобрѣтать себѣ собственность; вслѣдствіе чего это право дѣлается монополіей того, кто случайно нашелъ возможность имъ воспользоваться." И *Шталь*, какъ мы уже сказали, безсознательно впадаетъ въ ту же ошибку; всю массу разъ признанной собственности онъ измѣриваетъ растяжимымъ понятіемъ объ *авторитетѣ*, и не старается найти тѣ условія и тѣ формы, въ которыхъ владѣніе собстенностью можетъ быть признано справедливымъ *для всѣхъ*, но именно на авторитетѣ государственной власти должна лежать обязанность противодѣйствовать неправильному образованію собственности; причемъ она должна, впрочемъ съ величайшей осмотрительностью, касаться благопріобрѣтенныхъ правъ; точно такъ какъ до насто-

щаго времени дѣйствовали, въ такомъ смыслѣ, законы объ экспропріаціи, межевыя постановленія и т. д.

Для *насъ* же, съ точки зрѣнія внутренней хозяйственной основы имущества, *частная* собственность имѣетъ вполнѣ законное и необходимое значеніе въ *томъ смыслѣ* и *на столько, на сколько она является, во многихъ задачахъ производства, наиболѣе дѣйствительной формой общеполезнаго управленія внѣшнимъ производительнымъ фондомъ страны*, и *наиболѣе дѣйствительной формой капитала для потребленія, при удовлетвореніи массы частныхъ индивидуальныхъ потребностей.* Мы придаемъ частной собственности значеніе еще потому, что она содѣйствуетъ наиболѣе дѣйствительной индивидуализаціи трудоваго имущества и, при наслѣдственной своей организаціи, противодѣйствуетъ чрезмѣрному умноженію народонаселенія. Если кромѣ того, частная собственность, путемъ налоговъ и свободнаго единомыслія собственниковъ, становится органомъ общеполезныхъ стремленій; если она пріобрѣтена честной спекуляціей и опредѣляется имущественнымъ правомъ, не отличающимъ относительнаго значенія ни отъ одной изъ имущественныхъ формъ, тогда мы должны будемъ признать, что частная собственность стоитъ на самомъ прочномъ основаніи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я подробнѣе разовью этотъ взглядъ.

Тоже я поговорю о *возникновеніи* частной собственности и напомню во первыхъ, что наиболѣе раціональное выполненіе оцѣнки — какъ низшей стоимости издержекъ, такъ и высшей стоимости пользованія — открываетъ самую заманчивую арену для тѣхъ чрезвычайныхъ доходовъ, которые я въ другомъ мѣстѣ назвалъ „рентами" [1]), и изъ которыхъ поземельная рента сдѣлалась для экономистовъ предметомъ многихъ головоломныхъ разсужденій.

Если наемный работникъ имѣетъ какую нибудь спеціальность, на которой онъ, такъ сказать, развилъ свою умѣлость до виртуозности, онъ при равномъ, а можетъ и при меньшемъ трудѣ будетъ въ состояніи заработать вчетверо больше обыкновеннаго ра-

---

[1]) См. мою „Theorie der ausschliszenden Absatzverhältnisse."

ботника; если ловкій, сообразительный капиталистъ купилъ 6% акцій Соединенныхъ Штатовъ, когда курсъ на нихъ былъ 39, и если въ настоящее время курсъ на нихъ 92, онъ будетъ имѣть въ рукахъ бумажныя цѣнности, приносящія ему 15 процентовъ ссудной ренты; кто ловко спекулируетъ на постройкахъ, или, предусмотрѣвъ дороговизну, нападетъ на какое нибудь новое изобрѣтеніе и открываетъ ему быстрое умноженіе, тотъ получаетъ чрезвычайный промышленный барышъ. Такіе чрезвычайныя задѣльныя платы, процентъ съ капитала и промышленные барыши я называю рентами, онѣ оживляютъ собою весь народно-хозяйственный процесъ; въ виду ихъ все производство, вся торговля, развитіе и приложеніе трудовыхъ силъ, и помѣщеніе ссудныхъ капиталовъ получаетъ въ глазахъ капиталистовъ, наемныхъ рабочихъ и предпринимателей особенную заманчивость и приводитъ къ наивысшей хозяйственности; оно и понятно: рентами въ указанномъ мною смыслѣ будетъ пользоваться только тотъ, кто будетъ цѣною наименьшихъ издержекъ доставлять наиболѣе полезные вещественные предметы и услуги; кто будетъ въ своихъ спекуляціяхъ наиболѣе ловко соображаться съ количествомъ, видомъ, мѣстомъ и временемъ запроса; однимъ словомъ тотъ, кто найдетъ крайній низшій предѣлъ для издержекъ производства. Рента, въ спеціальномъ смыслѣ возможнаго чрезвычайнаго дохода, является свободной и необходимой системой премій, которыми награждаются всякая наиболѣе хозяйственно выполненная оцѣнка, всякая экономическая заслуга и всякій экономическій прогресъ. Отдѣльные индивидуумы будутъ получать чрезвычайный доходъ, но и все общество будетъ въ выигрышѣ, такъ какъ ренты обусловливаются установленіемъ наименьшей цѣнности издержекъ и наибольшей цѣнности пользованія. Въ большинствѣ случаевъ ренты существуютъ не долго; конкуренція понижаетъ ихъ, и въ результатѣ выходитъ, что временное существованіе рентъ нерѣдко вызываетъ экономическій прогресъ цѣлаго общества, такъ напр. новое изобрѣтеніе сначала приноситъ высокую ренту изобрѣтателю, но затѣмъ находитъ всеобщее подражаніе и перестаетъ быть источникомъ чрезвычайнаго индивидуальнаго дохода. Можно сказать навѣрное, что до безконечности разнообразные доходы, въ формѣ заработной

платы, процентъ съ капитала и промышленнаго барыша *никогда не бываютъ вполнѣ* пропорціональны размѣрамъ труда и личнаго пожертвованія тѣхъ, на долю которыхъ они выпадаютъ. На равныя количества труда приходятся весьма неравныя количества дохода. Поэтому, источникъ образованія наиболѣе крупныхъ состояній должно скорѣе полагать въ личныхъ заслугахъ и личномъ счастьѣ, чѣмъ въ чрезвычайныхъ пожертвованіяхъ труда и жизненныхъ силъ. Пока оцѣнка, вызываемая всеобщей надеждой на полученіе ренты, будетъ оставаться лучшей въ народномъ хозяйствѣ, до тѣхъ поръ намъ нужно будетъ признавать существованіе неравныхъ доходовъ, при равныхъ трудовыхъ пожертвованіяхъ, явленіемъ, отвѣчающимъ интересамъ всего общества. Во многихъ случаяхъ, чрезвычайные доходы, изъ которыхъ слагаются крупныя состоянія, являются временнымъ вознагражденіемъ экономическихъ заслугъ и успѣховъ, преміей за лучшую хозяйственную оцѣнку въ интересахъ *всѣхъ*. Если съ одной стороны многія ренты выпадаютъ на долю весьма и весьма грязныхъ биржевыхъ спекуляторовъ, зачастую принадлежащихъ къ сферѣ государственныхъ людей, то съ другой стороны нельзя не признать, что многія крупныя состоянія образовались только благодаря необыкновеннымъ предпринимательскимъ способностямъ ихъ обладателей. Существуетъ много удачно выполняемыхъ операцій, которыхъ цѣна, съ точки зрѣнія всего общества, никакъ не можетъ быть опредѣлена по количеству пожертвованной на нихъ мускульной силы. Издержки также не могутъ служить здѣсь единственнымъ источникомъ цѣны. И такъ, для большей части крупныхъ, частныхъ собственностей мы отыскали правильный источникъ *возникновенія* — онъ заключается въ нормальномъ образованіи рентъ.

Передача *уже образованнаго* имущества другимъ лицамъ, по *праву наслѣдства*, должна быть, по моему мнѣнію, уже потому признана справедливою, что всякое имущество, изложеннымъ мною путемъ, *индивидуализируется*, примѣняясь къ *жизни отдѣльнаго лица.*

Положимъ, напр., что путемъ сбереженій возникло какое нибудь фабричное или торговое предпріятіе; и что извѣстный соб-

ственникъ является душой этого предпріятія, и что *только* онъ способенъ сообщать ему движеніе, наиболѣе производительное для всего общества. Тогда этотъ собственникъ будетъ также подготовлять къ торговому дѣлу послѣдующее поколѣніе; будетъ также развивать и индивидуализировать своего сына, чтобы сдѣлать его полезнымъ руководителемъ предпріятія. Такимъ образомъ, человѣкъ воспитаніемъ „приспособляется,“ такъ сказать, къ управленію своимъ имуществомъ, и если онъ оказывается нехорошо подготовленнымъ, онъ „бросаетъ“ имущество, или скорѣе наоборотъ имущество отдѣляется отъ него; онъ перестаетъ быть его собственностью, потому что собственникъ не былъ достаточно индивидуализированъ для распоряженія своимъ имуществомъ.

Пріобрѣтенное имущество является также источникомъ семейнаго дохода, а поэтому также источникомъ жизненной индивидуализаціи для всѣхъ членовъ семейства. Положимъ, умираетъ лицо пріобрѣвшее имущество; оно оставляетъ вдову и подростающихъ дѣтей, которыя развили или начали развивать свою индивидуальность подъ вліяніемъ и при посредствѣ имѣвшагося у нихъ имущественнаго источника, тогда съ пресѣченіемъ этого источника должна бы необходимо рушиться ихъ индивидуальность. Но при этомъ оставшіяся лица не будутъ въ состояніи отказаться отъ своей индивидуальности, подвергнуть себя „регрессивному развитію.“ Не такъ давно, одна венгерская графиня напечатала въ газетахъ протестъ противъ своей матери, гдѣ обвиняла ее въ томъ, что она не даетъ ей пользоваться обширнымъ, ей принадлежащимъ состояніемъ, и отпускаетъ ей въ годъ „несчастную сумму“ въ 7000 флориновъ, тогда какъ она — дочь „не въ состояніи болѣе учиться и привыкать къ труду.“ Конечно, этотъ протестъ указываетъ на неестественныя отношенія къ имуществу въ нашемъ Highlif'ѣ; но въ немъ есть и своя доля правды. Если семейное имущество установляетъ индивидуальныя жизненныя условія и вызываетъ индивидуализацію членовъ семейства, тогда эти члены получаютъ, до нѣкоторой степени, безусловное право на семейное имущество, именно въ границахъ минимума этихъ потребностей, отъ удовлетворенія которыхъ уже не легко бываетъ отказаться. Въ этихъ границахъ „привитыя воспитаніемъ потребности“ полу-

чаютъ право на удовлетвореніе, и это право должно, конечно, находить гораздо болѣе обширное примѣненіе у женщинъ и взрослыхъ, чѣмъ у мужчинъ и малолѣтнихъ, потому что первыя имѣютъ гораздо менѣе возможности, чѣмъ послѣдніе, переработывать и усовершать свои способности къ производству и свою индивидуальность, развитую при содѣйствіи семейнаго имущества. Индивидууму, воспитанному въ роскоши, бываетъ несравненно болѣе тягостно лишиться своего имущества, чѣмъ бѣдняку продолжать довольствоваться удовлетвореніемъ низшихъ жизненныхъ потребностей; доказательствомъ тому служитъ положеніе заштатныхъ чиновниковъ и женскій „имущественный“ пролетаріатъ.

Тѣ же соображенія обосновываютъ *права наслѣдства* и *свободу завѣщанія*, въ то же время ограничивая область ихъ примѣняемости. Лицо, оставляющее наслѣдство, индивидуализировало сообразно своему имуществу членовъ своего семейства; и кромѣ того могло, *свободно* распоряжаясь этимъ имуществомъ, пробудить и установить цѣлый рядъ духовныхъ, жизненныхъ отношеній, дружественныя узы, товарищества, всякаго рода общественныя стремленія. Всѣ эти вызванныя имъ къ жизни „духовныя индивидуальности“ обязанъ онъ поддерживать своимъ „имуществомъ, и долженъ имѣть *возможность* поддерживать ихъ, т. е. долженъ имѣть возможность свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, завѣщать его, жертвовать, дарить.

Разумѣется, указанное мною тѣсное соотвѣтствіе между внѣшнею собственностью и личной индивидуальностью не должно дѣлать безграничнымъ право наслѣдства. Я хочу только доказать, что есть возможность оправдать такую наслѣдственную собственность, которая не вполнѣ пропорціональна индивидуальному труду наслѣдующаго ее лица.

Рошеръ и *Тренделенбургъ* ставятъ на первомъ планѣ основу полезности; они говорятъ, что безъ собственности никто не будетъ заботиться о будущемъ, и трудъ лишается главнаго своего стимула. Это замѣчаніе тогда только получаетъ глубокое значеніе, когда собственность вызываетъ высшую духовную индивидуализацію его собственника и всѣхъ членовъ его семейства. Но и при этомъ условіи нельзя допустить ничѣмъ не стѣсняемаго

существованія частной собственности; когда частная собственность создается, сохраняется и наслѣдуется въ ущербъ жизненныхъ силъ и духовнаго развитія другихъ; когда она освобождается отъ общественныхъ повинностей неправильнымъ распредѣленіемъ налоговъ, когда примѣненіе ея вредитъ интересамъ всего общества, тогда существованіе ея не должно быть терпимо.

И такъ, мы основываемъ право наслѣдства на томъ, что наслѣдуемое имущество получило или начало получать извѣстную индивидуализацію въ примѣненіи къ единичной жизни человѣка; приведенное нами основаніе конечно утратило бы всякое значеніе, если бы можно было доказать, что индивидуализація человѣческой жизни успѣшнѣе достигается внѣ семейства, посредствомъ нивеллирующей системы государственнаго воспитанія. Но это значило бы отстаивать способъ доказательства, извѣстный подъ названіемъ contradictio in adjecto. Со времени Платона, многіе политическіе романтики предлагали и отстаивали систему государственнаго воспитанія; но до настоящаго времени все высказанное противъ нея Аристотелемъ сохраняетъ полную силу. Новый человѣческій организмъ будетъ всегда и неизмѣнно зарождаться въ половомъ общеніи двухъ индивидуумовъ. Точно также средоточіемъ его духовнаго развитія путемъ воспитанія всегда и неизмѣнно останется вмѣщающій его духовный семейный союзъ, а не залы фаланстерій и не государственныя воспитательныя заведенія. Лучшей гарантіей экономической нравственности всегда останется воспитаніе въ семействѣ и образованіе семейнаго имущества. Если бы родители не заботились объ экономической будущности своихъ дѣтей, тщательное воспитаніе дѣтей для извѣстной общественной дѣятельности, наиболѣе отвѣчающей ихъ индивидуальности, сдѣлалось бы невозможнымъ; точно также сдѣлалось бы невозможнымъ образованіе и сохраненіе капитальнаго имущества съ уничтоженіемъ права необходимаго наслѣдства. Всѣ здравомыслящіе экономисты видятъ въ семейномъ чувствѣ главную побудительную силу для образованія капиталовъ въ государствѣ.

Для меня существуетъ еще *третья* важная причина, которая должна оправдывать существованіе собственностей, не пропорціональныхъ личнымъ пожертвованіямъ собственниковъ; эта

причина заключается въ необходимости существованія свободнаго общенія имуществъ, при которомъ отдѣльныя лица жертвуютъ излишекъ своего состоянія на общеполезныя цѣли. Свободное общеніе имуществъ, въ смыслѣ безвозмезднаго содѣйствія общимъ интересамъ услугами и вещественными предметами, доставляетъ гораздо болѣе хозяйственное и гораздо болѣе благородное удовлетвореніе массѣ потребностей, чѣмъ принудительное государственное общеніе или всевозможныя предпріятія капиталистовъ; все человѣчество пользуется, для всесторонняго выполненія и облагораживанія своихъ жизненныхъ задачъ плодами свободнаго общенія имуществъ, которое проявляется въ дружбѣ и гостепріимствѣ, въ товариществѣ, благотворительности и попечительствѣ о бѣдныхъ, въ пожертвованіяхъ въ области наукъ, искуства, открытій, политическихъ стремленій и т. п. Необходимость такого свободнаго общенія имущества, а также возмезднаго общенія въ процесѣ обращенія цѣнностей я намѣренъ подробнѣе выяснить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Отъ такого общенія зависитъ полное и правильное развитіе народной хозяйственности. При абсолютной нивеллировкѣ всѣхъ неравныхъ накопленій собственности сдѣлается невозможнымъ свободное имущественое жертвованіе, закроется широкое поприще независимаго служенія совокупно прогресу всего человѣчества. Міръ собственниковъ долженъ имѣть возможность въ богатствѣ осуществлять девизъ: noblesse oblige. Нравственно здоровый народъ имѣетъ своихъ Асторовъ и Пибоди. Мы встрѣчаемъ такихъ личностей и въ нашихъ средневѣковыхъ городахъ. Во всякомъ случаѣ, въ свѣтѣ щедрое участіе въ великихъ интересахъ всего общества не составляетъ отличительной черты буржуазіи стараго свѣта.

Наши разсужденія не имѣютъ въ виду одно оправданіе неравенства, существующаго въ извѣстной степени между частными имуществами. Я хочу также произнести рѣшительный приговоръ противъ положенія *пролетаріевъ*, противъ положенія людей, лишенныхъ всякаго имущества.

Распредѣленіе національнаго имущества, при которомъ огромная масса народоселенія остается безъ всякой собственности, или располагаетъ только скудными трудовыми имуществами, такое рас-

предѣленіе устанавливаетъ неестественное соціальное положеніе, которое не должно быть терпимо и приводитъ къ погибели даже владѣющіе классы общества; историческій опытъ научаетъ насъ въ томъ.

Отсюда конечно не слѣдуетъ, что всякій долженъ имѣть *опредѣленную* капитальную собственность, и примѣнять къ ней только свой трудъ! Въ обширныхъ экономическихъ операціяхъ, какъ напр., въ крупныхъ ремеслахъ, при транспортированіи товаровъ и др., одна значительная организація капиталовъ оплачиваетъ между собою множество трудовыхъ силъ. Но предпріятіе пріобрѣтаетъ высшее хозяйственное значеніе только тогда, когда сами работники являются пайщиками въ основномъ капиталѣ. Достаточно вспомнить, какую громадную національно-экономическую пользу приносятъ коллективныя капитальныя имущества асоціацій. Во всякомъ случаѣ, каждый индивидуумъ долженъ имѣть возможность, путемъ заработной платы, накопить себѣ извѣстный капиталъ для *потребленія*, который могъ бы обезпечить его и его семейство во время чрезвычайныхъ кризисовъ; тогда каждый будетъ имѣть возможность установить для себя правильный строй жизни какъ въ области труда, такъ и въ области индивидуальнаго развитія и наслажденія жизни. Средствомъ къ тому можетъ служить напр. система *сбереженія* и *страхованія*.

Когда у человѣка нѣтъ никакого обезпеченнаго внѣшняго имущества, онъ не способенъ къ нравственному, согласному съ человѣческими достоинствами, развитію, и въ жизни для него нѣтъ ни радостей, ни счастья и поэтому всѣ экономисты, которые смотрятъ на нихъ какъ на людей и братьевъ, а не какъ на рабовъ или рабочій скотъ, должны радостно привѣтствовать стремленіе общества доставить пролетаріямъ возможность сдѣлаться пайщиками въ коллективной собственности асоціаціи. Неравенство имуществъ есть фактъ необходимый и благодѣтельный; но состояніе пролетаріата, гдѣ у массы людей отнимается всякая человѣческое достоинство, есть фактъ въ высшей степени возмутительный.

Я считаю необходимымъ еще разъ указать на корелятивность, существующую между имуществами и индивидуальнымъ развитіемъ жизни человѣка. Еще Аристотель смотрѣлъ на богатетство какъ

на сложныя системы индивидуальныхъ жизненныхъ средствъ. Извѣстное распредѣленіе личныхъ трудовыхъ способностей, индивидуальныхъ производительныхъ силъ и трудоваго имущества отражается внѣшнимъ образомъ въ распредѣленіи капитальныхъ имуществъ; точно также капиталъ для потребленія является отраженіемъ физическаго и духовнаго развитія личности, а домоводство—отраженіемъ индивидуальной семейной жизни. Потребленіе имуществъ создаетъ изъ внѣшняго міра хозяйственныхъ цѣнностей индивидуальную жизнь человѣка, и преобразуетъ внѣшнія экономическія силы въ индивидуальное имущество; и такое имущество, также какъ и вещественное имущество, имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ отдѣльная индивидуальная цѣнность или отдѣльное личное качество; оно является совокупностью всѣхъ индивидуальныхъ особенностей разумнаго существа. Трудовое имущество каждаго отдѣльнаго лица, въ смыслѣ производительной индивидуальности должно быть обособлено для производительныхъ цѣлей столько же, сколько долженъ быть индивидуализированъ капиталъ для производства, сообразно специальнымъ своимъ приложеніямъ. Трудовыя и капитальныя имущества должны быть тѣсно между собою связаны, если имѣется въ виду достиженіе наибольшей хозяйственной выгоды. А она можетъ быть достигнута только тогда, когда владѣлецъ трудоваго имущества будетъ также пайщикомъ имущества капитальнаго. Пролетарій имѣетъ одно только трудовое имущество, самый скудный капиталъ для пользованія, зависящій отъ поденной заработной платы, и *вовсе* не имѣетъ капитала для производства. Совершенное отчужденіе массы народонаселенія отъ капитальнаго имущества, есть одинъ изъ самыхъ грустныхъ недостатковъ въ хозяйственномъ состояніи настоящаго времени. Это, такъ сказать, смертная казнь, совершаемая надъ пролетаріемъ; лишенный всякой капитальной собственности, человѣкъ не можетъ развивать своей индивидуальности, не можетъ сдѣлаться главою самостоятельнаго жизненнаго цѣлаго, не можетъ отвѣчать своему назначенію, и обращается въ раба, способнаго проявлять только животную сторону человѣческаго существа. Мы всегда признаемъ за частной собственностью полное право на существованіе, и не должны сваливать на неумолимый рокъ тяжелое положеніе массы народонасе-

ленія, лишеннаго всякаго имущества. Иному экономисту, разумѣется, легко проповѣдывать такую дешевую фаталистическую теорію, сидя у себя, въ покойномъ креслѣ, но пролетаріямъ отъ этого не легче.

Я достаточно уже сказалъ объ условно и общеполезномъ примѣненіи имущества.

О немъ придется намъ еще не разъ упоминать, говоря о различныхъ видахъ и приложеніяхъ *капитальнаго* имущества. Для насъ теперь совершенно ясно какое огромное существуетъ различіе между *отдѣльной* капитальной цѣнностью и индивидуальной организаціей всѣхъ капитальныхъ цѣнностей, другими словами „капитала въ смыслѣ капитальнаго *имущества*. Я обращаю особенное вниманіе на это различіе; ясное его пониманіе удержитъ насъ отъ ошибочнаго обвиненія научныхъ соціалистовъ въ нелѣпости, которую имъ многіе приписываютъ и нелѣпость эта состоитъ въ томъ, что соціалисты будто бы отрицаютъ необходимость послѣдовательнаго капиталистическаго перемѣщенія труда въ капитальныя имущества, и въ то же время нападаютъ на господствующую въ настоящее время концентрацію всѣхъ капитальныхъ имуществъ въ колосальныхъ частяхъ богатства немногихъ частныхъ лицъ?

Приведенныя выше элементарныя разсужденія объ имуществѣ позволяютъ намъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что̀ такое *хозяйство*.

До сихъ поръ мы опредѣлили только что такое *хозяйственность*, которую мы признаемъ закономъ хозяйства; намъ остается показать, въ чемъ состоитъ реальное, внѣшнее проявленіе извѣстнаго хозяйства. Хозяйственно поступаетъ тотъ, кто формируетъ и употребляетъ имущество самымъ производительнымъ образомъ. Изъ совокупности же отдѣльныхъ хозяйственныхъ дѣйствій и поступковъ извѣстнаго *лица* и слагается *конкретное* хозяйство.

Недостаточно только формировать и употребить *единичное* имущество наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ. *Совокупность всѣхъ исчисленныхъ цѣлей каждаго индивидуума* должна сложиться въ одно личное цѣлое, *въ одну стройную экономическую систему индивидуальныхъ потребностей;*

всѣ эти потребности должны быть затѣмъ удовлетворены, возможно полнымъ образомъ, при помощи *единаго организма труда, капитала для производства и капитала для потребленія. Хозяйство и состоитъ въ этомъ смыслѣ въ соразмѣрномъ и постоянномъ обезпеченіи внѣшними цѣнностями всей совокупности* индивидуальныхъ жизненныхъ цѣлей. Другими словами *хозяйство состоитъ въ наиболѣе производительномъ формированіи и употребленіи имущества.*

Понятіе о единичной хозяйственности и хозяйствѣ строго разграничены въ самомъ разговорномъ языкѣ; хорошимъ хозяиномъ называютъ только то лицо, которое извлекаетъ наибольшую пользу изъ всей совокупности своихъ производительныхъ силъ, и удовлетворяетъ всей массѣ своихъ потребностей и болѣе постоянно и соразмѣрно, слѣдовательно, самымъ правильнымъ образомъ, въ отношеніи времени и вещественныхъ средствъ. Напротивъ того, никто не назоветъ хорошимъ хозяиномъ того, кому удается формировать и употреблять производительно какой либо отдѣльный предметъ имущества. Слово „хозяйство" должно быть понимаемо въ смыслѣ управленія домомъ, т. е. *индивидуальнымъ имущественнымъ организмомъ*, въ смыслѣ *домоводства* (экономіи).

Замѣчательно, что до сихъ поръ ни одинъ экономистъ, съ самыхъ временъ Аристотеля, не обратилъ на это вниманія или, по крайней мѣрѣ, никто не выяснилъ этого съ такою силою, какъ великій греческій мыслитель. Это зависѣло можетъ быть отъ того, что и самое имущество опредѣляли болѣе въ юридическомъ, чѣмъ въ экономическомъ смыслѣ, вслѣдствіе чего и существенные признаки хозяйства оставались безъ точнаго обозначенія.

Каждый индивидъ и притомъ *исключительно только индивидъ* является субъектомъ *хозяйства*, въ собственномъ смыслѣ.

Хозяйство каждаго индивида распадается на нѣсколько экономическихъ *составныхъ частей*: во всякомъ хозяйствѣ замѣчается, по крайней мѣрѣ, двѣ такія составныя части: *пріобрѣтательное хозяйство и домашнее хозяйство.* Каждая

изъ этихъ составныхъ частей въ свою очередь многообразно расчленяется, соотвѣтственно экономической состоятельности отдѣльныхъ хозяиновъ. Богатый хозяинъ можетъ разбить свое пріобрѣтательное хозяйство на многія частныя предпріятія; съ другой стороны, онъ можетъ извѣстною долею своего имущества принимать участіе во многихъ коллективныхъ пріобрѣтательныхъ хозяйствахъ (напр. акціонерныхъ обществахъ и т. п.). Другіе хозяева могутъ совмѣстить въ своемъ пріобрѣтательномъ хозяйствѣ заработанную плату, процентъ съ капитала и комерческую прибыль; для этого они должны являться въ одно и тоже время наемными работниками, владѣльцами ссуднаго капитала и предпринимателями.

Такое же разнообразіе можетъ существовать въ потребительномъ хозяйствѣ; каждый индивидъ, кромѣ своего домашняго хозяйства, принимаетъ участіе въ коллективномъ потребленіи публичныхъ имуществъ государства, общины и т. п.

Весьма печально положеніе тѣхъ, для кого источникомъ пріобрѣтенія является единственно задѣльная плата. Таково положеніе безкапитальнаго пролетаріата: по этому самый гуманный человѣкъ долженъ желать успѣха современному стремленію пролетаріата къ достиженію лучшаго хозяйственнаго быта, путемъ участія въ имуществѣ асоціацій.

Единичная хозяйственность возвышается въ хозяйствѣ на степень правильно организованной *хозяйственности*, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Требованія *хозяйства* заключаются въ томъ, чтобы всѣ шесть категорическихъ императивовъ, въ которыхъ выражается законъ хозяйственности, имѣли значеніе не только взятые отдѣльно по отношенію къ производству и потребленію единичныхъ имуществъ, но и по отношенію ко всѣмъ проявленіямъ производительной и потребительной жизни индивида. Въ хозяйствѣ, при возможномъ сбереженіи издержекъ производства и вѣрной оцѣнкѣ стоимости пользованія, *всѣ* стороны труда и имущества получаютъ *производительное* приложеніе: это ведетъ, съ своей стороны, къ достиженію не только наибольшаго чистаго дохода, какъ при единичной хозяйственности, но и наибольшаго валоваго дохода,

обнимающаго собою получаемую лицомъ заработанную плату, проценты и промышленный барышъ.—Полученіе наибольшаго дохода- вотъ цѣль пріобрѣтательнаго хозяйства какъ единаго цѣлаго всѣхъ имущественныхъ пріобрѣтательныхъ процесовъ индивидуальной жизни, какъ хозяйства въ строгомъ смыслѣ.

Напримѣръ, въ домашнемъ хозяйствѣ недостаточно только бережливаго употребленія отдѣльнаго имущества и извлеченія изъ него возможно большей пользы въ виду единочленной жизненной потребности человѣка; домашнее хозяйство должно стремиться къ тому, чтобы соразмѣрно и постоянно удовлетворять всей совокупности потребностей извѣстнаго лица или семейства, путемъ наилучшей организаціи и всего семейнаго быта. *Домоводство* стоитъ, въ *качествѣ всеобщаго понятія*, настолько же выше единичной потребительной хозяйственности, насколько имущество выше отдѣльныхъ цѣнностей, доходъ выше отдѣльныхъ имущественныхъ приходовъ. Цѣль домашняго хозяйства — наиболѣе совершенное развитіе совокупности всѣхъ сторонъ индивидуальной жизни, поддержаніе и развитіе всѣхъ отдѣльныхъ жизненныхъ процесовъ, находящихся между собою въ самой тѣсной связи.

Какъ результатъ оборотовъ пріобрѣтательнаго хозяйства за извѣстный періодъ, *доходъ* является мѣриломъ для многихъ сторонъ жизни индивида. Въ зависимости отъ него находится вторая сторона хозяйства,—*домоводство*. Сообразно доходу должно быть расчитано домоводство: смотря по его величинѣ, хозяинъ можетъ увеличивать свой имущественный запасъ или долженъ употребить капиталъ на покрытіе расходовъ домашняго хозяйства. Въ тоже время, доставляя лицу средства къ жизни, *доходъ* опредѣляетъ личное развитіе его трудоваго имущества и количество внѣшнихъ цѣнностей, дѣйствительно находящихся въ его власти; послѣднее, самымъ нагляднымъ образомъ, выражается въ обогащеніи или обѣдненіи лица. Наоборотъ, доходъ находится, конечно, въ зависимости отъ трудоваго и капитальнаго имущества, какъ результата предшествовавшаго потребленія дохода.

Единая совокупность индивидуальныхъ потребностей образуетъ

связующее начало каждаго хозяйства, хорошо организованнаго относительно условія времени и матеріальныхъ средствъ. Эта совокупность потребностей представляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Она является то въ видѣ единичнаго самоцѣльнаго физическаго лица, то въ видѣ болѣе юныхъ членовъ общества, не имѣющихъ собственнаго семейства, но уже ведущихъ самостоятельное хозяйство, большею же частью мы встрѣчаемся съ совокупностью потребности цѣлой группы лицъ.

Безъ сомнѣнія, *естественное* общеніе людей въ формѣ *семейнаго союза* является конечною цѣлью большей части хозяйства. На это указываетъ и то, что семейное и домашнее хозяйство означались въ греческомъ языкѣ какъ равнозначущія понятія тѣмъ же словомъ „экономія“. Въ семействѣ, впервые проявляется съ полною силою стремленіе къ настоящему обладанію имуществомъ. Семейство служитъ въ самомъ дѣлѣ средствомъ къ расширенію индивидуальной жизни; къ тому, чтобы среди постоянно смѣняющихъ другъ друга индивидовъ оставить послѣ себя болѣе постоянный родъ; вслѣдствіе этого семейство обусловливаетъ собою неограниченное число многообразныхъ хозяйственныхъ цѣлей. Семейныя чувства дѣйствительно являются главнымъ руководящимъ побужденіемъ къ образованію и удержанію имущества. Семейное хозяйство въ качествѣ основной формы хозяйства, преобладающей уже по самой природѣ, составляетъ самую прочную основу народныхъ капиталовъ для производства. Запасы капитала дѣлаются для семейства. Если, какъ это обыкновенно и дѣлаютъ, видѣть въ капиталѣ для производства основу всего пріобрѣтательнаго хозяйства, то не должно также никогда забывать, что эта твердая почва пріобрѣтательнаго хозяйства есть только результатъ расширенія индивидуальной жизни при посредствѣ семейнаго союза. Пріобрѣтательное хозяйство опирается такимъ образомъ на *домашнемъ хозяйствѣ*, а чрезъ него на непрерывный рядъ индивидуальныхъ жизней. Изолированное хозяйство матросовъ, солдатъ и католическаго духовенства, а равномѣрно и добровольныхъ холостяковъ, какъ извѣстно неблагопріятствуетъ капитализаціи.

Сдѣланное нами по этому поводу замѣчаніе—хотя бы оно было

повтореніемъ общественныхъ истинъ—представляютъ большое практическое значеніе для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса.

Обширное капитальное производство привело самыми различными путями къ совершенному разрушенію семейной жизни рабочихъ. Во первыхъ, оно лишило капитала многія мелкія хозяйства; а извѣстно, что лице абсолютно безкапитальное не можетъ построить своей собственной жизни во всемъ ея объемѣ по правильному хозяйственному плану, и тѣмъ болѣе не можетъ поставить цѣлью своего хозяйства систематическія сбереженія въ пользу переживающихъ его родственниковъ. Рабочій ведетъ при такихъ условіяхъ самую безпорядочную жизнь изо дня въ день; а жизнь изо дня въ день рѣшительно противорѣчитъ сущности хозяйства. Во вторыхъ, размѣръ задѣльной платы сводится при этомъ къ такому низкому уровню, что всякая попытка къ совокупному хозяйственному сбереженію сдѣлалась безнадежнымъ начинаніемъ. Во многихъ случаяхъ, заработки не въ состояніи покрыть расходы на наемъ нѣсколько удобнаго помѣщенія, на устройство болѣе сообразной съ человѣческимъ достоинствомъ жизненной обстановки для жены и дѣтей: таковы условія семейной жизни рабочаго, если даже она имѣетъ привлекательность въ его глазахъ. Помѣщеніе рабочихъ во многихъ большихъ фабричныхъ городахъ теряетъ всякій человѣческій характеръ; и даже при пользованіи самымъ несчастнымъ помѣщеніемъ рабочій дѣлается жертвою безсовѣстнаго барышничества квартирныхъ хозяевъ. Семейства рабочихъ теряютъ всякую почву хозяйственности. Даже семейная жизнь утрачиваетъ всякій человѣческій, нравственный характеръ и уступаетъ мѣсто ничѣмъ не стѣсняемому общенію половъ. При такой жизни изо дня въ день, нѣтъ и помина о веденіи хозяйства для обезпеченія жены и дѣтей; напротивъ того, отецъ семейства эксплуатируетъ ихъ, продавая ихъ на фабрики [1]), и на вырученныя деньги напивается въ кабакахъ. При такомъ порядкѣ вещей, очевидно, немыслимо никакое равновѣсіе въ народонаселеніяхъ.

До тѣхъ поръ, пока капитализмъ будетъ имѣть разрушитель-

---

1) Изысканія, произведенныя въ Англіи, выяснили этотъ фактъ самымъ потрясающимъ образомъ.

ное вліяніе на семейную жизнь, онъ не можетъ быть признанъ здоровымъ организмомъ. Въ самой семейной жизни онъ разрушаетъ всякое правильное хозяйство наемнаго работника, что причиняетъ величайшій ущербъ всему народу и лишаетъ возможности дѣйствительно человѣческаго существованія массы угнетенныхъ въ такой степени рабочихъ. Истинное понятіе о хозяйствѣ, экономія, которая въ своей первоначальной формѣ состоитъ въ самомъ дѣятельномъ стремленіи обезпечить матеріальное положеніе семейства, требуетъ правильной организаціи помѣщенія и домашней обстановки рабочаго, требуетъ, чтобы наемному рабочему было оставлено достаточно времени для заботъ и утѣхъ семейной жизни, чтобы женщины и дѣти не отрывались искуственно отъ семейной жизни. И дѣйствительно, соціально-преобразовательныя стремленія, насколько они получили опредѣленную цѣль въ дѣятельности государства, союзовъ и рабочихъ асоціацій, направлялись главнымъ образомъ на улучшеніе жилищъ, на ограниченіе работы женщинъ и дѣтей, и на болѣе гуманное опредѣленіе количества рабочихъ часовъ. Но весьма мало распространено сознаніе того простаго начала, которое оправдываетъ всѣ эти стремленія, а именно, что хозяйство только тамъ, гдѣ семья не лишена своего домашняго очага. Тамъ гдѣ семейная жизнь въ упадкѣ, хозяйства не существуетъ и размноженіе народонаселенія происходитъ въ дикой безпорядочности.

Къ несчастью, семейная жизнь цѣлыхъ классовъ человѣческаго общества еще не возвысилась надъ звѣрскимъ состояніемъ, такъ что для нихъ невозможно хозяйство въ высшемъ смыслѣ этого слова. Многіе другіе силою обстоятельствъ низводятся къ состоянію пролетаріата, котораго семейная жизнь состоитъ единственно въ произведеніи на свѣтъ подобныхъ существъ—proles: въ такое положеніе приходятъ мелкіе крестьяне и ремесленники. Другихъ отрываетъ отъ семейной жизни недостатокъ нравственной охраны, отсутствіе домашняго очага: я говорю про молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ вся надежда въ семейной жизни и которыя дѣлаются жертвами проституціи, растлѣнія или сводничества. При этомъ нельзя не замѣтить, что законы присуждаютъ богатыхъ соблазнителей къ слишкомъ незначительной пенѣ на прокормленіе и содержаніе потерпѣвшихъ. Отдѣльные виды рабочихъ, напримѣръ, служащіе на

желѣзныхъ дорогахъ, ведущіе среди цивилизованнаго общества жизнь номадовъ, совершенно теряются для родовой жизни. Новѣйшая полицейская статистика Лондона точными цифрами доказала, что проституція возрастаетъ и падаетъ вмѣстѣ съ цѣнами на зерновой хлѣбъ и подвергалась впродолженіе немногихъ лѣтъ сильнѣйшимъ колебаніямъ, соотвѣтственно дороговизнѣ средствъ продовольствія. Эта статистика вызвала у одного изъ наблюдательнѣйшихъ нѣмецкихъ статистиковъ слѣдующія слова, вѣрно рисующія грустную дѣйствительность: „Проституція, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ собою тягостный въ соціальномъ отношеніи видъ нищенства.“ Жертвами своими она выбираетъ дѣвушекъ безъ твердой семейной опоры, безъ достаточныхъ личныхъ пріобрѣтательныхъ силъ. Парѣянское [1]) населеніе,—населеніе незаконнорожденныхъ дѣтей постоянно возрастаетъ въ Европѣ, по мѣрѣ распространенія разврата и холостой жизни. Эти соціальныя явленія напоминаютъ времена паденія Рима и Греціи. Они должны ужасать экономистовъ, потому что распаденіе семейной жизни приводитъ къ совершенному хозяйственному упадку.

Однако же статистика европейскаго разврата не позволяетъ намъ быть односторонними въ этомъ отношеніи. Она показываетъ, что капитализмъ только отчасти является виновникомъ безсемейственности столь значительной части человѣчества; ему нельзя приписывать всего соединеннаго съ нею экономическаго паденія. Поэтому т. н. „соціальный вопросъ“ не сводится съ своей экономической стороны только къ противуположенію наемнаго труда и капитала. Нравственная одиночность невсегда является только послѣдствіемъ, но также и многостороннею причиною экономическаго паденія. Все что разрушаетъ семейство, разрушаетъ домашнюю жизнь, хозяйство и имущество, однимъ словомъ, содѣйствуетъ распространенію пролетаріата. Не одинъ только капитализмъ разрушаетъ семейство; поэтому онъ только одна изъ причинъ пролетаріата. Для насъ весьма важно признаніе этого положенія.

---

[1]) Парѣянинъ—родившійся отъ незамужней женщины.

Представляетъ ли также народъ хозяйственную индивидуальность? Можно ли говорить о *народномъ имуществѣ и народномъ хозяйствѣ въ* томъ же смыслѣ, какъ о частномъ и семейномъ хозяйствѣ?

Я отвѣчаю: *нѣтъ* — и въ тоже время отвѣчаю: *да*.

Нѣтъ, — потому что народъ, какъ *безформенная* масса людей, не есть еще нравственная индивидуальность. Какъ простое сборище людей, народъ еще не имѣетъ имущества, отличнаго отъ частнаго и коллективнаго имущества; какъ агрегатъ лицъ, онъ не ведетъ еще хозяйства. У народа, представляющагося одною неорганизованною массою индивидовъ, не можетъ существовать ни народнаго хозяйства, ни народнаго имущества! Историческіе примѣры этого представили съ достойнымъ лучшей участи усердіемъ отдѣльныя личности, заправлявшія народнымъ хозяйствомъ.

Да, — потому что народное имущество и народное хозяйство существуетъ въ той мѣрѣ въ какой *частныя* и *коллективныя* хозяйства физическихъ индивидовъ, частныя и коллективныя имущества отдѣльныхъ лицъ или совокупности отдѣльныхъ лицъ слагаются въ одно тѣсно связанное цѣлое.

При свободѣ между народнаго обмѣна это экономическое цѣлое не является заключеннымъ въ тѣсные предѣлы государства; напротивъ того, сами національности представляютъ собою только коллективныя составныя части имущества и пріобрѣтательнаго, и потребительнаго хозяйства всего соціально экономическаго цѣлаго хозяйственной жизни цивилизованнаго міра.

Народное имущество и народное хозяйство, хотя они не изъ чего другаго не слагаются какъ изъ частныхъ или коллективныхъ единичныхъ имуществъ и хозяйствъ, представляютъ собою, однако, болѣе чѣмъ простой агрегатъ единичныхъ имуществъ и единичныхъ хозяйствъ, они представляютъ собою единое соглашеніе этихъ имуществъ. Единичности индивидуализируются въ цѣломъ хозяйствѣ; народное хозяйство не есть хозяйство народа, какъ индивида; скорѣе можно сказать, что общество, въ каждую эпоху своего существованія, слагается въ одну великую хозяйственную единицу чрезъ соединеніе многихъ индивидуальныхъ хозяйствъ. Поземельная собственность, дороги, машины и т. д. многихъ тысячъ капиталистовъ образу-

ютъ тѣсно сплоченное капитальное цѣлое, органически связанную совокупность средствъ; этотъ законъ формируетъ и эксплуатируетъ возможно производительнымъ образомъ все общество, но уже не какъ простой агрегатъ, но какъ организованный союзъ частныхъ лицъ и различныхъ соединеній частныхъ лицъ (асоціацій, корпорацій, учрежденій и т. д.). Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что въ настоящее время городское и сельское имущество не могутъ существовать одно безъ другаго? немыслимо, напротивъ, выдѣлить изъ всей суммы имущества нѣсколько значительной его части безъ того, чтобы не нанести ущерба всей совокупности производства: это доказываетъ, самымъ очевиднымъ образомъ, что народное имущество есть самостоятельное экономическое цѣлое, а не простой агрегатъ индивидуальныхъ имуществъ. Тоже можно сказать и по отношенію къ народному *хозяйству*: нельзя напримѣръ представить себѣ цвѣтущаго городскаго хозяйства рядомъ съ совершеннымъ упадкомъ земледѣлія.

Въ этомъ чтеніи мы разсмотрѣли общія требованія, которыя можно выставить относительно единичнаго хозяйства: требованія единства, постоянства и соразмѣрности имѣютъ для народнаго хозяйства тоже значеніе какъ и для совмѣстной жизни нѣсколькихъ индивидовъ. *Единство* выражается въ народномъ хозяйствѣ въ формѣ своеобразныхъ хозяйственныхъ организацій, между которыми немногіе капиталы играютъ главную роль; — *соразмѣрность* обнимаетъ собою весьма трудную задачу правильнаго распредѣленія народнаго имущества; *постоянство* осуществляется въ особенности путемъ коллективныхъ хозяйственныхъ установленій.

Въ слѣдующемъ чтеніи мы укажемъ на развитіе хозяйственности, являющееся вслѣдствіе соединенія индивидовъ въ соціальные союзы, а затѣмъ скажемъ о силахъ и формахъ общенія, связующихъ народное хозяйство, — объ *объединяющей* это хозяйство организаціи.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Основныя экономическія понятія (окончаніе): *народное* хозяйство.— Общественный бытъ, какъ условіе экономическаго прогресса.—Соединеніе индивидуальныхъ производительныхъ силъ въ общественномъ быту: патріархальный, теократическій, феодальный и капитальный хозяйственный бытъ народа.— Существо и источникъ капитализма.—Капитализмъ и либерализмъ.—Капитализмъ—первая самостоятельная организація народнаго хозяйства на чисто экономическихъ началахъ.—*Относительное* достоинство капитализма, какъ формы хозяйственной организаціи—Самостоятельность *государственнаго* хозяйства: его задача по отношенію къ собственно народному хозяйству.—Начало самодѣятельности и государственной помощи.—Возможность болѣе глубокихъ противорѣчій.—Нападки соціалистовъ на капитализмъ и преобразованія ими предлагаемыя.—Ложное понятіе о капитализмѣ и соціализмѣ.

Изолированный человѣкъ не есть человѣкъ—unus homo, nullus homo!— такое замѣчаніе сдѣлали еще древніе мыслители. Въ особенности Платонъ придавалъ важное значеніе тому, что существо человѣческой природы, въ своей полнотѣ, выясняется только въ *обществѣ*—этомъ большомъ человѣкѣ. „Великій противникъ Платона, Аристотель, сходился съ нимъ въ этомъ отношеніи, называя человѣка звѣремъ, созданнымъ отъ природы съ наклонностью къ общежитію и государственному быту. Новѣйшая философія, начиная съ XVI столѣтія повторяла безчисленное множество разъ это положеніе. Стоитъ раскрыть одинъ изъ учебныхъ теологической или философской морали, чтобы встрѣтить развитіе того принципа, что человѣкъ можетъ показать себя нравственнымъ только въ общежитіи съ другими людьми, что онъ созданъ для всеобъемлющаго всемірнаго общенія въ области религіи, науки, искуства и образованія, что человѣкъ во всякой своей разумной дѣятельности долженъ основываться на началахъ „нравственнаго

сожитія," всесторонняго обмѣна со всѣми себѣ подобными. И дѣйствительно, куда не посмотришь, всюду человѣкъ преслѣдуетъ свои цѣли въ обществѣ съ другими людьми; для разрѣшенія всѣхъ единичныхъ задачъ, дѣятельность индивидовъ слагается въ одну общую жизнь, въ которой всѣ сочувствующія лица являются однимъ національнымъ и даже интернаціональнымъ цѣлымъ, а весь послѣдовательный рядъ поколѣній однимъ историческимъ общеніемъ. Обмѣнъ научныхъ идей связываетъ изслѣдователей всѣхъ странъ и временъ чрезъ посредство литературы; религіозное общеніе выражается въ существованіи церквей, религіозныхъ сектъ, общность педагогическихъ пріемовъ — въ школахъ, единство правовыхъ учрежденій —въ государствѣ, художественное общеніе въ публичныхъ памятникахъ искуства.

Всякое послѣдующее поколѣніе живетъ тѣмъ огромнымъ запасомъ свѣденій, опытовъ, художественныхъ формъ и юридическихъ формъ, который былъ выработанъ предшествовавшею культурою.— Не входя въ разсмотрѣніе того, въ какой мѣрѣ справедливы теологическія и метафизическія представленія о внутренней основѣ соціальнаго предназначенія человѣка, о его наклонности или годности къ общежитію мы должны, во всякомъ случаѣ, признать, что историческій опытъ не позволяетъ сомнѣваться въ такомъ предназначеніи, физическій и духовный организмъ человѣка такъ хорошо примѣнившійся къ требованіямъ всесторонняго обмѣна, чрезъ посредство языка, памяти и способности къ акклиматизаціи—фактически доказываетъ это.

Между прочимъ, и въ хозяйственномъ процессѣ производства и распредѣленія внѣшнихъ цѣнностей человѣкъ вступаетъ въ общеніе все болѣе и болѣе обширное и всестороннее съ другими людьми. Наука народнаго хозяйства разсматриваетъ, какъ показываетъ и самое ея названіе, не хозяйство отдѣльнаго индивида, а хозяйство многихъ индивидовъ, соединенное началомъ экономическаго обмѣна; это наука о національномъ или даже всемірномъ хозяйствѣ. Она представляетъ намъ хозяйство, какъ непрерывное движеніе всей массы продуктовъ совокупнаго общественнаго процесса (на который конечно глубоко вліяетъ и національныя особенности народовъ).

Наука народнаго хозяйства, въ качествѣ самостоятельной науки, развилась болѣе замѣтнымъ образомъ въ прошломъ столѣтіи. Такое развитіе явилось послѣ того какъ хозяйственное общеніе людей, котораго зародышъ находится уже въ семейномъ быту, путемъ долгаго историческаго процеса, возвысились до значенія великаго имущественнаго оборота, связующаго всѣ страны и націи въ одно нравственное общеніе на поприщѣ общеполезнаго труда.

Въ наше время жизнь каждаго недѣлимаго имѣетъ, несомнѣнно, всемірно-экономическую основу: въ силу соціальнаго характера человѣческаго хозяйства всякій чувствуетъ себя съ утра до вечера въ зависимости отъ промышленнаго труда всего человѣчества. Просыпаясь утромъ я надѣваю мой шерстяной шлафрокъ: шерсть— произведеніе Австраліи; она была перевезена оттуда въ Тріестъ долматинцами; изъ Тріеста итальянскіе рабочіе и компаніи южной и сѣверной австрійской желѣзной дороги перефрахтовали ее въ Моравію. Моравскія фабрики, при помощи англійскихъ машинъ, приготовили изъ нея пряжу, а затѣмъ ткань; эту ткань окрасили красками, получаемыми изъ Африки. Принимаясь за утренній чай, я опять встрѣчаюсь съ произведеніемъ богемскихъ фарфоровыхъ заводовъ и продуктами китайскихъ плантацій, доставляемыми намъ англичанами. У туалетнаго стола я вижу себя окруженнымъ вещами моихъ прадѣдовъ: передо мною слоновая кость, добытая можетъ быть 300 лѣтъ тому назадъ чернокожимъ во внутренней Африкѣ. Рядомъ съ нею произведенія труда арабовъ; тутъ и красное дерево, срубленное въ центральной Америкѣ и затѣмъ съ необычайнымъ искуствомъ обработанное руками вѣнскихъ мастеровъ. Я совершаю мою утреннюю прогулку: передо мною улицы, проложенныя на вѣчныя времена уже 200 лѣтъ тому назадъ, земляныя работы, существовавшія, можетъ быть, отчасти уже въ древней Виндобонѣ. Я расплачиваюсь монетою, которая содержитъ подъ позднѣйшей чеканкою долю того серебра, которое добывали преступники на римскихъ горныхъ промыслахъ. Стоитъ современному человѣку приподнять внѣшнюю оболочку своего домашняго хозяйства, и вся его обстановка оживится въ его глазахъ сознаніемъ положенной въ нее частицы вѣковой дѣятельности человѣчества и ему представится вопросъ: внесетъ ли онъ, въ свою очередь, ре-

зультатъ своей дѣятельности въ жизнь другихъ поколѣній, другихъ народовъ, поставленныхъ въ иныя условія климата и общественнаго устройства.

Я думаю, всякій, и не будучи послѣдователемъ извѣстной экономической школы, размышляя о томъ, насколько хозяйственность выигрываетъ въ производствѣ и распредѣленіи имущества вслѣдствіе утвержденія соціальныхъ союзовъ. Краткимъ обзоромъ основныхъ экономическихъ отношеній, упомянутыхъ въ предыдущихъ чтеніяхъ, можно убѣдиться, насколько важное вліяніе имѣетъ постепенно развивающееся общеніе въ области полезныхъ промысловъ.

Источникъ хозяйственности—*человѣческія потребности.* Экономическое начало можетъ получить осуществленіе только вслѣдствіе однообразія въ потребностяхъ многихъ индивидовъ, сложившагося подъ вліяніемъ ихъ семейнаго, сословнаго, національнаго или територіальнаго единства. При этомъ условіи можно расчитывать на болѣе или менѣе равномѣрный, постоянный оптовый запросъ продуктовъ и производя оптомъ однородные предметы производить ихъ дешевле. Какъ бы не порицали, и притомъ не безъ основаній, моду, она вызываетъ передвиженіе массы продуктовъ, освобождаетъ предложеніе отъ стѣсненій случайнаго каприза потребителей, производитъ равномѣрный оборотъ цѣнностей, способствуетъ экономической предусмотрительности производства и чрезъ то обезпечиваетъ потребленіе. Притомъ однообразіе потребностей въ соціальной жизни не только имѣетъ полезное хозяйственное вліяніе на единичныя потребности, но и оказываетъ благотворное *экономическое* воздѣйствіе на развитіе личности. Каждому, напримѣръ, предоставляется подражать обычному въ его общественномъ положеніи хозяйственному быту, уже испытанному множествомъ лицъ, поставленныхъ въ одинакія съ нимъ условія. Это оберегаетъ его отъ ниспаденія съ высоты добытаго уже standart of life, отъ возвращенія съ извѣстной ступени производительности труда и имущественнаго благосостоянія къ чисто животному существованію. *Прочно* установившіяся въ извѣстномъ обществѣ или въ извѣстной мѣстности потребности составляли еще съ древнихъ временъ благодѣтельную охрану для необразованныхъ индивидовъ; еще задолго до того, какъ мода въ цивилизованномъ

мірѣ, подобно быстро вращающемуся маховому колесу, сообщила равномѣрное движеніе массѣ потребностей—эти привычныя, извѣстному общественному состоянію, потребности позволили мѣстной промышленности принаровиться къ однообразному и постоянному спросу на отдѣльные предметы потребленія. Уже при разсмотрѣніи потребностей человѣка не трудно выяснить, многостороннимъ образомъ, значительное экономическое вліяніе общественности и показать, что народное хозяйство составляетъ сравнительно высшую ступень хозяйственнаго быта.

Потребности находятъ средство своего удовлетворенія въ личныхъ и матеріальныхъ силахъ *внѣшняго міра*. Въ наше время, вслѣдствіе возвышенія хозяйственности до степени народной экономіи, своеобразныя производительныя силы извѣстной страны и личныя способности индивида оказывать опредѣленныя услуги—служатъ на пользу многимъ или даже всѣмъ индивидамъ. Итальянки носятъ панцырь изъ китоваго уса, добываемаго въ сѣверныхъ частяхъ Ледовитаго моря, народы сѣвера покупаютъ апельсины—продуктъ жаркихъ странъ, англичане пьютъ настой китайскаго чая; китайцы получаютъ изъ Англіи шерстяныя матеріи и кожи, изъ Калифорніи золото. Искусная рука хирурга облегчаетъ страданія крестьянина, который въ свою очередь доставляетъ ему картофель. Путемъ народнаго или даже всемірнаго обмѣна произведеній, въ распоряженіе каждаго предоставляется, цѣною наименьшей растраты жизненныхъ силъ, самые производительные, одушевленные или неодушевленные факторы природы, вещественныя богатства и личныя услуги. Неизмѣримое сбереженіе въ растратѣ жизненныхъ силъ, являющееся для всякаго изъ дѣятельности всѣхъ, имѣетъ своимъ результатомъ то, что для населенія всѣхъ странъ открывается возможность, постепенно умножаясь въ числѣ, развиваться физически и умственно, достигать болѣе преклоннаго возраста и проводить счастливую жизнь среди болѣе благопріятной обстановки. Но въ соціальной жизни является не только большая экономія въ производствѣ, но и въ потребленіи вещественныхъ благъ и личныхъ услугъ. Ближайшимъ доказательствомъ этого могутъ служить всѣ благоустроенныя семейныя хозяйства, всѣ многочисленныя государственныя и общинныя имущества, находящіяся

въ общемъ пользованіи; напримѣръ публичныя библіотеки, какъ учрежденія для совокупнаго пользованія книгами, осуществляютъ необыкновенную экономію въ потребленіи, небольшое число жандармовъ оберегаетъ безопасность массы населенія.

На чемъ основаны экономическія выгоды, приносимыя *раздѣленіемъ труда?* въ чемъ состоитъ самое раздѣленіе труда? Самый простой отвѣтъ на это слѣдующій: сущность этихъ явленій въ томъ, что единичныя производительныя силы, при большемъ ихъ индивидуализированіи и спеціализированіи, одновременно слагаются въ одного великаго фактора производства, въ одинъ организмъ труда, единый по времени, національности, мѣстности или техническимъ продуктамъ. Эти производительныя силы пользуются, при этомъ, лучше индивидуализированными капиталами и поставлены въ благопріятнѣйшія и болѣе свободныя условія производства. Мы сказали, что всѣ люди, объединенные мѣновымъ оборотомъ, слагаются въ одну соціальную рабочую единицу; каждая часть этого общественнаго трудоваго организма, рабочій персоналъ каждаго предпріятія дѣлается вслѣдствіе внутренняго раздѣленія труда въ такомъ предпріятіи дѣятельнѣйшимъ производителемъ. Такъ называемое раздѣленіе труда, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и соединеніе труда, въ высшей степени индивидуализируетъ производительныя силы человѣка, соединяя въ тоже время недѣлимыхъ въ одинъ великій союзъ труда. Итакъ, благіе результаты раздѣленія труда являются слѣдствіемъ общительнаго характера дѣятельности всего человѣчества. Соціальный характеръ человѣческаго хозяйства ведетъ также къ хозяйственному развитію *капитала.* Чѣмъ болѣе трудъ становится соціальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣленнымъ, тѣмъ разнообразнѣе становятся виды капитала, потому что тѣмъ многочисленнѣе становятся самостоятельные запасы капитала, съ помощью которыхъ совершается общій совмѣстный или послѣдовательный трудъ для производства цѣнностей. Приготовленіе карманныхъ часовъ предполагаетъ, какъ мы видѣли, до 200 отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій, и въ каждомъ изъ этихъ предпріятій трудъ имѣетъ своимъ предметомъ особенный запасъ матеріаловъ, орудій, машинъ и т. д. Необходимый для выдѣлки часовъ трудъ преобразуется въ сотни разно-

родныхъ формъ капитала, часы представляются продуктомъ безчисленныхъ видоизмѣненій труда въ капиталы. Эти видоизмѣненія въ отдѣльныхъ одна отъ другой странахъ раздѣлены иногда цѣлыми поколѣніями. Однако многообразіе капиталовъ, увеличивающееся при раздѣленіи труда, не есть еще само по себѣ экономическое преимущество. Это еще не умноженіе имущественныхъ богатствъ, но только обиліе формъ капитала; капиталъ заключаетъ въ себѣ только большое число видоизмѣненныхъ единицъ труда. Въ чемъ же состоитъ необычайная экономическая выгода, соединенная съ техническимъ и промышленнымъ богатствомъ формъ капитала? Въ томъ, что великая часть необходимаго соединеннаго труда можетъ совершаться въ наиболѣе благопріятныхъ для нея условіяхъ мѣста и времени, при помощи наилучшихъ подготовительныхъ работъ изъ лучшихъ матеріаловъ, наиболѣе спеціализированными машинами, непрерывно и безъ потери времени не пріостанавливаясь устройствомъ первоначальныхъ приспособленій. Такимъ образомъ устанавливается благодѣтельное индивидуализированіе заранѣе подготовленныхъ средствъ къ производству. Каждая часть производства имѣетъ въ своемъ распоряженіи наилучшіе матеріалы, совершеннѣйшія орудія и съ наименьшимъ рискомъ извлекаетъ изъ нихъ наибольшую выгоду. Къ соціальному организму индивидуализированныхъ единичныхъ трудовыхъ силъ, присоединяется соціальный организмъ капитала, въ смыслѣ запаса индивидуализированныхъ орудій и матеріаловъ производства; вслѣдствіе этого каждая трудовая сила ставится въ благопріятнѣйшія условія производства.

Въ общественной жизни, совершенствуется также и *оцѣнка* предметовъ. Мы уже предварительно говорили объ этомъ въ третьемъ чтеніи. Индивидуально реализируемая стоимость издержекъ производства, сливаясь въ одно соціальное цѣлое выражается въ предложеніи, являющаяся въ обществѣ масса индивидуальныхъ опредѣленій цѣнности пользованія выражается на рынкѣ въ спросѣ. Рыночная цѣна опредѣляетъ низкую, экономически выгодную оцѣнку издержекъ производства и высшую также экономически выгодную оцѣнку цѣнности пользованія, для кого рыночная цѣна не оплачиваетъ издержекъ производства, тотъ долженъ отказаться отъ

предложенія; кто въ качествѣ непосредственнаго потребителя или только какъ купецъ, опредѣляющій цѣнность пользованія предмета для другихъ, замѣчаетъ, что рыночная цѣна выше цѣнности пользованія, которую онъ признаетъ за предметомъ, — тотъ отказывается отъ спроса и предоставляетъ пріобрѣтеніе предмета тому покупателю, котораго индивидуальная оцѣнка полезности предмета равняется рыночной цѣнѣ. Предложеніе и спросъ представляютъ собою совершающееся въ обществѣ движеніе массы оцѣнокъ, издержекъ производства и полезности предметовъ, чрезъ соотвѣтствіе ихъ на рынкѣ устанавливается для каждаго индивида высшая степень хозяйственности по отношенію къ производству и потребленію. При этомъ движеніи массы предложенія и спроса оцѣнка выражается болѣе постоянными величинами, независимыми отъ личнаго произвола или спекуляціи, а это даетъ величайшее преимущество раціональному и хорошо направленному хозяйству, какъ домашнему такъ и промышленному. Мы уже видѣли, какъ каждый индивидъ, въ интересахъ всего общества, принуждается къ возможной бережливости въ издержкахъ производства, и какъ онъ побуждается гегемоніею капитала, положеннаго въ извѣстное предпріятіе, содѣйствовать своими трудовыми силами и своими денежными ссудами производству цѣнностей конкретно полезныхъ и притомъ въ дѣйствительно требуемомъ количествѣ и формѣ. Экономическое опредѣленіе низшей цѣнности издержекъ производства и высшей цѣнности пользованія дѣлается независимымъ отъ индивидуальнаго расположенія или случайной односторонности индивида и обезпечивается объективнымъ механизмомъ общественной оцѣнки.

Индивидуальная оцѣнка получаетъ свой вѣрнѣйшій внѣшній маштабъ въ денежной рыночной цѣнѣ. Денежная цѣна представляетъ совершенно вѣрный критеріумъ для экономическаго приложенія производительныхъ силъ къ формированію имущественныхъ богатствъ въ требуемомъ количествѣ и качествѣ; въ тоже время она представляетъ лучшее указаніе для хозяйственнаго распредѣленія при потребленіи. Въ *изолированномъ* хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи о деньгахъ, этомъ объективномъ маштабѣ цѣнности; оцѣнка издержекъ производства и цѣнности пользованія совер-

шается здѣсь путемъ совершенно *внутренняго* процеса, подъ вліяніемъ поминутно измѣняющагося субъективнаго настроенія и предчувствія всей тяжести труда и наслажденія, доставляемаго пользованіемъ. При этомъ возможны большія самообольщенія, ошибки и растрата собственныхъ силъ, хотя этой истины и не хочетъ признать большая часть писателей, сѣтующихъ на несовершенства общественной оцѣнки, совершаемой при помощи денегъ. Относительно *предметовъ необходимости*, изолированный хозяинъ не можетъ предвидѣть потребуются ли въ будущемъ большіе запасы: онъ не знаетъ, будетъ ли стоять погода благопріятная для хлѣбовъ, удастся ли охота или рыбная ловля; у него нѣтъ никакой прочной исходной точки для опредѣленія необходимости количества труда и момента его приложенія; его хозяйство — слѣпо и случайно. Что касается до предметовъ роскоши, требующихъ отъ него издержекъ, онъ не знаетъ останется ли неизмѣнною его оцѣнка полезности этихъ предметовъ. Изолированное хозяйство остается по необходимости на степени простаго завладѣнія необходимыми имущественными благами и можетъ удовлетворять самымъ постояннымъ требованіямъ роскоши только весьма грубымъ образомъ. Напротивъ того въ общественномъ хозяйствѣ, совершаемомъ при помощи денегъ, рыночная цѣна даетъ обязательныя для всякаго указанія на размѣръ хозяйственныхъ издержекъ. Въ немъ устанавливается цѣнность пользованія для предметовъ роскоши потому, что потребность въ нихъ не можетъ никогда внезапно прекратиться. Вліяніе природы на производство необходимости отчасти побѣждается посредствомъ интензивнаго хозяйства, отчасти нейтрализируется вслѣдствіе экономическаго общенія странъ, различныхъ въ своихъ природныхъ условіяхъ, — что полагаетъ болѣе тѣсные предѣлы колебаніямъ производства.

Глаза многихъ видятъ, конечно, лучше, дальше и раньше, чѣмъ можетъ видѣть одинъ человѣкъ. Экономическія соображенія многихъ умовъ своевременнѣе и точнѣе сообразуютъ оцѣнку со всевозможными внѣшними условіями; увеличеніе и уменьшеніе производства и передвиженія имуществъ, изъ одной мѣстности въ другую вызываются благовременно. Вслѣдствіе постоянства цѣнности денегъ и ихъ всеобщей покупной силы недѣлимый освобождается

отъ вліянія колебаній въ цѣнности пользованія отдѣльныхъ имуществъ. При этихъ условіяхъ, онъ можетъ безъ ущерба включать въ будущую высшую цѣнность пользованія, цѣнность необходимыхъ въ настоящую минуту издержекъ производства онъ можетъ сберегать и отдавать капиталъ въ обращеніе и такимъ образомъ завести хозяйство на болѣе прочныхъ основахъ. Сведеніе всѣхъ цѣнностей издержекъ и пользованія на деньги и мѣновую цѣнность приводитъ далѣе къ тому, что самыя малыя части труда, приложеннаго къ извѣстному производству и каждая доля уже формированныхъ продуктовъ становится предметомъ все болѣе и болѣе точнаго *исчисленія*. Развитое до тонкости искуство хозяйственнаго счетоводства, бухгалтерія и исчисленіе опредѣляетъ размѣръ и дѣлаетъ смѣту всѣхъ издержекъ производства и барыша продавца, выражая ихъ въ деньгахъ; оно показываетъ въ однородныхъ единицахъ цѣнности весь процесъ безпрерывнаго превращенія капитала и труда. Только на основаніи этихъ вычисленій можно строго научно обосновать шесть главныхъ положеній политической экономіи. Эти же вычисленія обнаруживаютъ сколь малая часть хозяйствъ, какъ домашнихъ, такъ и пріобрѣтательныхъ, ведется на экономическихъ началахъ. Напротивъ того, въ изолированномъ хозяйствѣ счеты могутъ быть ведены только инстинктивно, — несовершенно и неясно: — оцѣнка слѣпа, техническіе пріемы производства и потребленія далеко не соотвѣтствуютъ экономическимъ требованіямъ. Деньги впервые дѣлаютъ возможнымъ точное исчисленіе цѣнностей; къ употребленію же денегъ приводитъ развитіе экономическаго обмѣна и народное хозяйство, являющееся сравнительно высшею ступенью человѣческаго хозяйства.

Имущества пріобрѣтаютъ, подобно оцѣнкѣ, болѣе хозяйственный характеръ, вслѣдствіе общенія въ области полезнаго труда.

Капиталы для производства становятся дѣятельнѣе уже потому, что всякій индивидъ не долженъ накоплять у себя *одновременно* разнаго рода капиталовъ для каждаго отдѣльнаго производства — напр. для обработки хлѣба, суконъ, ножей, стали и т. д. Одно лице можетъ обладать, только сельско-хозяйствен-

ными капитальными имуществами, служащими для винодѣлія; другое — совокупностью всѣхъ условій, необходимыхъ для производства кожъ, третье — соединяетъ въ своей собственности всѣ матеріалы для приготовленія суконъ. Такимъ образомъ, возникаетъ спеціализированіе имуществъ предпринимателей, а вслѣдствіе этого капиталы, развиваясь технически, вполнѣ исчерпываются въ экономическомъ смыслѣ. Капиталы для производства становятся, такимъ образомъ, дѣйствительно, все болѣе и болѣе производительными. Въ тоже время отдѣльныя капитальныя имущества представляютъ великую, единую народно и всемірно-хозяйственную организацію производительныхъ силъ. Между ними существуетъ самая могущественная связь: для фабриканта хлопчато-бумажныхъ платьевъ необходимъ капиталъ хлопчато-бумажныхъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ, учрежденій для транспортированія пароходныхъ компаній и хозяиковъ хлопчато-бумажныхъ плантацій. Въ настоящее время существованіе этой органической связи обезпечено стремленіемъ предпринимателей къ полученію наибольшаго процента. Такимъ образомъ, капиталы, подобно труду, получаютъ въ обществѣ одновременно и наивыгоднѣйшую спеціализацію и наиболѣе производительное сочетаніе. Раздѣленію и соединенію народнаго труда соотвѣтствуетъ не менѣе плодотворная спеціализація и организація народнаго капитала.

Капиталы для потребленія получаютъ также неменьшее экономическое развитіе, вслѣдствіе установленія экономическаго обмѣна. Многія имущества могутъ быть одновременно въ пользованіи многихъ индивидовъ. Путемъ обмѣна капиталы для *потребленія* развиваются многостороннѣе и становятся средствомъ большаго индивидуализированія потребленія. Чрезъ домовыя отношенія, заключаемыя на будущее время, при посредствѣ *кредита*, часть имущества или дохода, излишняя въ настоящую минуту, можетъ быть обращена на обезпеченіе будущихъ потребностей и, такимъ образомъ, получить болѣе хозяйственное употребленіе. Можно было бы написать цѣлое сочиненіе объ усиленіи экономическаго значенія имущества, вслѣдствіе общенія полезныхъ промысловъ во времени и пространствѣ.

Доходъ получаетъ также болѣе производительный экономическій характеръ въ силу обмѣна. Въ индивидуальномъ хозяйствѣ доходъ состоитъ изъ услугъ, которыя каждый долженъ оказывать самому себѣ, и продуктовъ природы, доставляемыхъ также самимъ индивидомъ. Здѣсь доходъ не представляется экономическому сознанію индивида какъ одна сложная величина, выраженная въ однихъ знакахъ цѣнности. Напротивъ того, при соціальномъ оборотѣ денежнаго хозяйства доходъ состоитъ, большею частью, въ деньгахъ, слагаясь преимущественно изъ задѣльной платы, процентовъ съ капитала и барышей предпринимателя. Притомъ этотъ чистый доходъ легко выдѣлить изъ валоваго дохода, такъ какъ вошедшая въ валовой доходъ цѣнность капитальнаго имущества можетъ быть, сообразно своей денежной величинѣ, вычтена изъ выраженнаго въ деньгахъ валоваго дохода. Являющаяся впервые, при развитіи хозяйства на степень народнаго хозяйства, денежная форма дохода, вслѣдствіе своей опредѣленности, облегчаетъ экономическое устройство и веденіе хозяйства и вызываетъ распредѣленіе этого дохода сообразно впередъ составленному раціональному плану.

Намъ нѣтъ необходимости въ виду цѣли нашего труда распространяться о томъ, что *соціальный* характеръ человѣческаго хозяйства значительно способствуетъ экономическому совершенствованію какъ отдѣльныхъ процесовъ производительной и потребительной техники, такъ и всего планосообразнаго хода производства и потребленія въ жизни каждаго лица.

Теперь является вопросъ: какимъ образомъ и *съ помощью какихъ силъ* въ экономическомъ цѣломъ (universum) человѣческаго общества, называемомъ „народнымъ хозяйствомъ", всѣ индивидуальныя производительныя силы получаютъ самое плодотворное приложеніе и распредѣленіе, а всѣ индивидуальныя потребности болѣе полнымъ образомъ удовлетворяются чрезъ совокупное потребленіе имуществъ? ***Для этого народное хозяйство должно имѣть подъ вліяніемъ опредѣленныхъ силъ извѣстныя формы организаціи.***

На поставленный нами вопросъ нельзя отвѣчать въ томъ смыслѣ, чтобы признать какую либо соціально-экономическую силу

или форму одинаково соотвѣтствующею всѣмъ временамъ и всѣмъ жизненнымъ проявленіямъ производства и потребленія. Скорѣе можно сказать, что каждая исторически-своеобразная эпоха имѣла свою преобладающую, своеобразную организацію соціальнаго хозяйства, и что въ настоящее время система народнаго хозяйства основывается на дѣятельности нѣсколькихъ поддерживающихъ другъ друга общественныхъ организацій.

Исторически, первоначальной основной формой организаціи соціальнаго хозяйства—былъ *семейный союзъ*. Семейство можно разсматривать какъ зародышъ народнаго хозяйства, равно какъ и церкви и государства. Это всеобщая форма имущественнаго общенія. Организирующею силою въ этой формѣ хозяйства является природный авторитетъ старшихъ членовъ семейства, отеческая власть, которая, при могуществѣ родственныхъ связей, легко предписываетъ законы всѣмъ членамъ семьи.

Семейный хозяйственный организмъ сохраняетъ и до сихъ поръ, конечно въ усовершенствованной формѣ, огромное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Если мы возьмемъ дерево въ разрѣзѣ, то оно представится намъ агрегатомъ отдѣльныхъ клѣточекъ: такимъ же образомъ, народное и всемірное хозяйство слагается изъ клѣточекъ отдѣльныхъ семейныхъ хозяйствъ. Болѣзненное состояніе этихъ клѣточекъ, какъ мы уже имѣли случай показать, производитъ внутреннее разложеніе всего народнаго хозяйства.

При расширеніи общенія общеполезныхъ техническихъ производствъ за предѣлы отдѣльныхъ семей и племенъ, уже другія силы становятся двигателями соціально-экономическаго союза индивидовъ и семействъ. Такое значеніе пріобрѣтаетъ, напримѣръ, *духовная власть* въ лицѣ уважаемыхъ служителей церкви, опирающихся на авторитетъ самаго божества;—грубая сила отдѣльныхъ полководцевъ, возвысившихъ свой родъ на степень національныхъ представителей верховной власти, на степень династій, правящихъ надъ цѣлымъ народомъ,—сословія поземельной аристократіи и духовенства, получившія общественную власть въ силу военныхъ заслугъ, поземельнаго владѣнія или религіознаго авторитета;—таковы органы хозяйственной, равно какъ и государственной жизни народа. Изъ миѳическаго сказанія о Геркулесѣ видно, на-

примѣръ, какую роль въ народномъ хозяйствѣ играло поколѣніе героевъ.

Въ индійскихъ и египетскихъ древностяхъ можно видѣть указаніе на экономическое могущество духовной и свѣтской деспотіи. Рабство классической древности свидѣтельствуетъ о преобладаніи принципа политическаго господства, основавшаго несвободную во всѣхъ отношеніяхъ форму народнаго хозяйства. Еще въ недалекомъ прошломъ господствовала феодальная система средневѣковаго народнаго хозяйства, имѣвшаго основою авторитетъ духовенства и поземельнаго владѣнія. Талантливый очеркъ двухъ послѣднихъ соціально-экономическихъ системъ, т. е. хозяйства, построеннаго на рабствѣ и хозяйства феодальнаго, можно найти въ экономическомъ „Іюліанѣ" Лассаля [1]), который, воспроизводя источники, вводитъ читателя въ совершенно чуждый экономическій міръ. Рабовладѣльческое и феодальное хозяйства, замѣнившія исключительно семейную хозяйственную организацію, были, безъ всякаго сомнѣнія, въ высшей степени несвободными системами соціальнаго хозяйства. Однако, нужно согласиться, что они не страдали многими уродливостями несравненно высшей современной формы народнаго хозяйства, и стоятъ въ экономическомъ отношеніи выше состоянія дикости потому, что они вели, хотя и путемъ грубаго принужденія и неправаго господства, къ правильному соединенію производительныхъ силъ и смягчались во многихъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ религіозныхъ началъ и непосредственной связи между господами и вассалами.

Теократически-феодальная эпоха вполнѣ безвозвратно исчезла въ водоворотѣ исторіи какъ въ экономическомъ, такъ и, большею частью, въ церковномъ и государственномъ отношеніи. Однако и теперь *господствующіе классы общества*, но уже въ облагороженномъ видѣ, служатъ средствомъ организаціи народнаго хозяйства; религіозно-гуманное общеніе нисколько не утратило своего экономическаго призванія. Въ наше время государство и органы народнаго самоуправленія стали самостоятельными представителями общественной власти. Они употре-

---

[1]) Лассаль, «Bastiat-Schulze etc.» стр. 167 и сл. 189 и сл.

бляютъ эту власть для того, чтобы сдѣлать возможно болѣе производительными извѣстныя личныя услуги и вещественныя имущества, въ формѣ общественной службы и публичныхъ учрежденій, и сдѣлать ихъ предметомъ возможно полнаго удовлетворенія общественныхъ потребностей. Въ правовомъ государствѣ, которое уже не дѣлаетъ изъ общественой власти предмета частнаго права, но разсматриваетъ пользованіе какъ общественную должность, отправляемую въ интересахъ и съ полномочія всего общественнаго союза, въ такомъ политическомъ организмѣ народъ находитъ и теперь удовлетвореніе многимъ своимъ экономическимъ потребностямъ въ дѣятельности своихъ правителей. Такимъ образомъ, и въ современномъ народномъ хозяйствѣ не исчезла хозяйственная организація, основанная на началѣ общественнаго *господства*; впрочемъ объ этомъ намъ придется еще неразъ упоминать. Столь же часто мы будемъ встрѣчать доказательства, какъ обширный кругъ своеобразныхъ хозяйственныхъ организацій вызванъ *религіозными* и гуманными побужденіями: эти высокія чувства выражаются въ благотворительности и заботѣ о больныхъ, во всевозможныхъ общеполезныхъ обществахъ и учрежденіяхъ. Здѣсь мы хотимъ только въ общихъ чертахъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что организаціонныя формы и силы, проявлявшіяся прежде односторонне, какъ-то: семейная власть, теократія, власть господъ, не потеряли еще своего народно-экономическаго значенія для современности: въ болѣе развитыхъ и свободныхъ формахъ, взаимно себя сберегая и дополняя, онѣ вліяютъ, не исключая другихъ формъ и двигателей, на всѣ составныя части основной соціально-экономической организаціи общества.

Основная соціально-экономическая форма современнаго общества—*капитальная*. Обширный общественный процессъ формированія массы частныхъ имуществъ совершается подъ руководствомъ капиталовъ для производства. Для самихъ же капиталовъ двигателями являются: *барышъ предпринимателя, прибыль и премія на капиталъ, и частный интересъ*. Тысячи и тысячи капиталовъ для производства расширили свою дѣятельность на весь экономическій организмъ современнаго народнаго и всемірнаго хозяйства, въ качествѣ самостоятельныхъ сельско-хозяйственныхъ, техническихъ и торговыхъ предпріятій. Они

привлекаютъ къ себѣ безкапитальный трудъ—задѣльною платою, непомѣщенные еще ссудные капиталы—процентами и, сгруппировавъ ихъ, реализируютъ прибыль на свой капиталъ, уменьшая по возможности издержки производства и увеличивая цѣнность пользованія вещи. Эта всеобщая цѣль высшей прибыли достигается тогда, когда капиталъ и наемный трудъ прилагаются къ производству наиболѣе требуемыхъ, наиболѣе цѣнныхъ въ пользованіи, а слѣдовательно и наилучшимъ образомъ оплачиваемыхъ имуществъ, и когда, при такомъ производительномъ приложеніи экономическихъ силъ къ формированію дѣйствительно потребныхъ имуществъ, соблюдается наибольшее сбереженіе издержекъ производства. Тотъ предприниматель достигаетъ своей цѣли самымъ полнымъ образомъ, кто производитъ высшую по своему количеству, формѣ или по условіямъ времени и мѣста появленія потребности, цѣнность пользованія и притомъ производитъ съ наименьшими издержками. Экономическая оцѣнка цѣнности пользованія и цѣнности издержекъ производства составляетъ предметъ первой необходимости для предпринимателя потому, что капиталы предпринимателей вступаютъ въ конкуренцію изъ за высшей прибыли, и предприниматель, ошибившійся въ расчетѣ ожидаемаго спроса или производящій слишкомъ дорого, неминуемо терпитъ имущественныя потери,—несетъ убытки вмѣсто того, чтобы выручать прибыль. Каждый послѣдующій членъ всего ряда производительныхъ предпріятій является, такъ сказать, орудіемъ мщенія за нехозяйственное веденіе производства предыдущимъ членомъ, невознаграждая его въ цѣнѣ пріобрѣтаемыхъ имъ товаровъ за издержки производства. Конкуренція всѣхъ капиталовъ предпринимателей, оказывающихъ въ обществѣ взаимное давленіе другъ на друга, является объективнымъ принудительнымъ регуляторомъ болѣе высокой степени хозяйственности современной капитальной организаціи производства. Предприниматели принуждаются, такимъ образомъ, въ интересахъ всего общества, къ возможно вѣрному выясненію цѣнности пользованія и издержекъ производства. Организирующею силою народнаго хозяйства сдѣлалось, такимъ образомъ, вызывающее конкуренцію стремленіе къ прибыли на капиталъ. Народное хозяйство имѣетъ нынѣ чисто экономическій регуляторъ.

Мы приводили уже формулу капитальной организаціи производства; Марксъ представляетъ эту формулу въ такомъ видѣ: g—w—g′, т. е. капиталы для производства обращаются постоянно, чрезъ пріобрѣтеніе конкретныхъ имуществъ и выдачу задѣльной платы за необходимое приложеніе труда, изъ денежной формы (g) въ форму товара (w), чтобы при переуступкѣ товара получилось уже большее количество денегъ (g′); этотъ излишекъ денегъ, противъ первоначальнаго ихъ количества, является прибылью на капиталъ, а при промежуточномъ процесѣ получается барышъ предпринимателя. Экономическія соображенія сельскаго хозяина, фабриканта и купца формируютъ капиталы для производства въ тѣ имущества, которыя, будучи по условіямъ мѣста или времени недороги для производства, представляютъ, по видимому, наибольшую цѣнность пользованія и, такимъ образомъ, доставляютъ наибольшую прибыль. Пудретъ, если только онъ представляется доходною статьею, и гуано фабрикуютъ и перепродаютъ также ревностно, какъ какія либо тонкія яства: *non olet*.

Однако же невѣрно мнѣніе, будто капитальная форма производства устраняетъ индивидуальную цѣнность издержекъ и пользованія. Это видно изъ того, что первоначальный денежный капиталъ (g) является результатомъ предшествовавшаго сбереженія индивидуальныхъ издержекъ при производствѣ возможно высшей цѣнности пользованія, а извѣстный предметъ оборота (w), если при этомъ стараются получить выгоду, увеличеніе денежнаго капитала (g′), долженъ быть выбранъ такимъ образомъ, чтобы онъ былъ производимъ возможно дешево относительно индивидуальныхъ издержекъ производства и отвѣчалъ самымъ настоятельнымъ потребностямъ. Скорѣе можно сказать, что капитальная организація содѣйствуетъ развитію хозяйственнаго характера отношеній цѣнности издержекъ производства и цѣнности пользованія, въ виду окончательной цѣли производства, — снабженія всего общества имуществомъ въ дѣйствительно потребномъ количествѣ и качествѣ.

Капиталы предпринимателей сосредоточиваютъ вокругъ себя, подобно ядрамъ кристалла, трудовыя силы непредпринимателей или задѣльный трудъ, и само по себѣ не предпріимчивое имущество,

годное для производства, т. е. ссудный капиталъ; состоитъ же онъ изъ денегъ или конкретныхъ капиталовъ для производства: поземельныхъ участковъ, домовъ и т. д.

Предприниматель, имѣющій въ виду наиболѣе выгодный оборотъ, *можетъ* и даже *долженъ* привлекать къ своему предпріятію, обѣщаніемъ высокой задѣльной платы и высокихъ процентовъ, наемный трудъ и ссудный капиталъ. Чѣмъ лучше идетъ предпріятіе, т. е. чѣмъ высшую цѣнность пользованія и низшую цѣнность издержекъ производства оно реализируетъ, тѣмъ легче можетъ оно оплачивать находящійся въ его распоряженіи чужой трудъ высокою заработною платою, а чужой капиталъ, предоставленный его пользованію, высокимъ процентомъ. Такимъ образомъ несамостоятельныя производительныя силы человѣческаго общества, наемный трудъ и ссудные капиталы, при посредствѣ самостоятельнаго труда и капиталовъ, т. е. при посредствѣ хозяйственныхъ предпріятій, вводятся въ великую систему соціальнаго производства. Каждое предпріятіе является, какъ мы видѣли, центромъ тяжести: оно привлекаетъ къ себѣ тѣмъ болѣе наемнаго труда и ссудныхъ капиталовъ, чѣмъ болѣе оно представляется состоятельнымъ въ хозяйственномъ отношеніи, а слѣдовательно и доходнымъ; напротивъ того, оно лишается содѣйствія чужихъ производительныхъ силъ по мѣрѣ уменьшенія количества прибыли. Если говорить образно, то можно сравнить каждое предпріятіе съ производительнымъ тѣломъ, самостоятельно протекающимъ по небосклону соціальнаго міра; орбита его опредѣляется притягательною силою угрожающихъ убытковъ; на своемъ пути оно притягиваетъ, посредствомъ тѣхъ же силъ, наемный трудъ и ссудный капиталъ изъ сферы другихъ предпріятій, или отталкиваетъ ихъ въ сфер[illegible] другихъ предпріятій. При конкуренціи, возбуждаемой стремленіемъ къ наибольшей прибыли, капиталы предпринимателей распредѣляются по всѣмъ странамъ, по всѣмъ отраслямъ сельскохозяйственнаго, промышленнаго и торговаго хозяйства. При этомъ передвиженіи по всѣмъ областямъ производства, увлекаютъ они также и всѣ ссудные капиталы и наемный трудъ, распредѣляя ихъ наиболѣе производительнымъ образомъ. Самая конкуренція наемнаго труда и ссуднаго капитала изъ-за участія въ предпріятіяхъ, са-

мымъ полнымъ образомъ ихъ оплачивающихъ, содѣйствуетъ кристаллизаціи производительныхъ силъ по законамъ капитальнаго хозяйства.

Въ виду всего сказаннаго, можно представлять себѣ капитализмъ, какъ сочетаніе милліоновъ разнообразныхъ индивидуальныхъ трудовъ и имуществъ въ одинъ національный или международный организмъ производства, *подъ гегемоніею „предпріимчивыхъ", конкурирующихъ изъ за высшихъ барышей предпринимателя, капиталистовъ.* Итакъ, мы поставили общимъ правиломъ, что обращенные на предпріятія капиталы имѣютъ гегемонію надъ экономическимъ достояніемъ современнаго организма производства. Исключеніемъ изъ этого составляютъ имущества, находящіяся въ общественномъ пользованіи и вещественныя блага и личныя услуги, которыми индивиды надѣляются изъ побужденій благотворительности или личной щедрости. Что составляетъ впрочемъ незначительную часть всей массы имуществъ. Соціалисты правы, признавая характеристическою чертою современнаго народнаго хозяйства „капитальную организацію производства," гегемонію „капитализма."

Какимъ же путемъ осуществляется, ближайшимъ образомъ, эта гегемонія капитала предпринимателя? Въ чемъ ея ближайшій источникъ и послѣдствія?

Каждый предприниматель, т. е. каждый самостоятельно приступающій къ производству капиталистъ, держитъ извѣстное число хозяйственныхъ боевыхъ единицъ въ своей зависимости просто въ силу того, *что онъ является для нихъ необходимымъ торговымъ агентомъ при извлеченіи пользы изъ ихъ труда и ихъ капиталовъ для производства.*

Онъ *непосредственно* покупаетъ продукты чужихъ трудовыхъ силъ, цѣною задѣльной платы, цѣнности, производимыя чужимъ капиталомъ, цѣною процента на капиталъ; или же *посредственно,*—именно путемъ пріобрѣтенія уже накопленныхъ, подъ внѣшнею формою товаровъ, цѣнностей формированныхъ трудомъ или капиталомъ. Товары представляютъ только видоизмѣненныя единицы чужаго труда и предшествовавшей эксплуатаціи имущества, содержа въ себѣ продукты какъ труда, такъ и пользо-

ванія капиталами предпринимателей. Предприниматель покупаетъ, цѣною задѣльной платы, процентовъ на капиталъ и покупной цѣны товаровъ, продукты чужаго труда и капитала и даетъ въ этой задѣльной платѣ, процентѣ и покупной цѣнѣ товаровъ, денежную оцѣнку единицамъ чужаго труда и продуктамъ чужаго капитала, ибо самыя имущественныя цѣнности, пріобрѣтаемыя въ замѣнъ задѣльной платы, процента на капиталъ и цѣны, данной за товаръ, суть продукты эксплуатаціи чужаго труда и капитала.

Капитализмъ является, такимъ образомъ, если мы будемъ разсматривать его съ истинной точки зрѣнія, *мѣною продуктовъ труда и имущества*; возникающее при этой мѣнѣ стремленіе къ прибыли вызываетъ наиболѣе хозяйственную комбинацію употребленнаго въ настоящую минуту или предварительно приложеннаго къ производству труда. Нетолько купецъ, но и сельскій хозяинъ и ремесленникъ представляется, въ качествѣ предпринимателя, агентомъ мѣны продуктовъ труда и цѣнностей, извлеченыхъ изъ запасовъ капитала, образовавшихся вслѣдствіе предшествовавшаго труда.

Въ качествѣ преобладающей организаціи современнаго народнаго хозяйства, капитализмъ придаетъ общественному процесу производства характеръ обширнаго экономическаго общенія, въ которомъ всякій вноситъ продукты своего труда и капиталовъ для производства въ общую массу произведеній. Напротивъ того, никто не получаетъ въ этомъ процесѣ in natura плодовъ своихъ производительныхъ силъ; всякій получаетъ при посредствѣ капиталистовъ, ворочающихъ массами производства, цѣнности соотвѣтствующія предлагаемымъ имъ продуктамъ въ формѣ денегъ и чрезъ то право на имущества, которыя производятся другими членами производительнаго общенія и могутъ быть пріобрѣтены покупкою. Что касается до капиталистовъ, то они вознаграждаются за прилагаемый ими распорядительный трудъ и за основанное на коммерческомъ рискѣ пользованіе имуществомъ, тѣмъ, что цѣна, которую они получатъ при переуступкѣ предметовъ ихъ торговаго оборота,—превосходитъ вмѣстѣ взятыя цѣнности потраченнаго капитала, израсходованныхъ продуктовъ и стоимость употребленныхъ трудовыхъ силъ.

Этотъ излишекъ въ деньгахъ есть именно прибыль, премія на капиталъ, барышъ, рента.

Капитализмъ имѣетъ форму *денежнаго обмѣна*: *вопервыхъ*, самихъ капиталистовъ, такъ какъ каждый изъ нихъ долженъ обмѣниваться съ предшествующими и послѣдующими членами всего ряда производителей, въ качествѣ продавца или покупателя товара,—вовторыхъ, денежный обмѣнъ капиталистовъ съ *наемными рабочими* и владѣльцами *ссудныхъ капиталовъ*. *Распредѣленіе продуктовъ соціальнаго капитальнаго производства* между предпринимателями совершается чрезъ оплату цѣнъ товаровъ; между владѣльцами ссудныхъ капиталовъ и наемными рабочими—при посредствѣ цѣны пользованія трудомъ и капиталомъ, т. е. при посредствѣ задѣльной платы и процентовъ на ссудный капиталъ. Центръ всего капитальнаго процеса хозяйства—въ рыночной борьбѣ при обмѣнѣ товаровъ, наймѣ услугъ и ссудѣ капиталовъ. Отъ результатовъ этого соперничества въ области обмѣна товаровъ и ихъ оцѣнки зависитъ нетолько постоянно новое распредѣленіе и кристаллизація индивидуальныхъ трудовыхъ и капитальныхъ достояній въ одну соціальную организацію производства, но также и самое распредѣленіе цѣнности совокупными силами формированныхъ имуществъ. Этими результатами обусловливается также доля, принадлежащая каждому изъ общей массы продуктовъ, величина дохода, увеличеніе или уменьшеніе трудоваго и имущественнаго достоянія индивида, обогащеніе или разореніе отдѣльныхъ членовъ соціальной производительной общины.

Противуположность экономическихъ состояній выказывается въ современную намъ эпоху капитализма самымъ рѣзкимъ и жгучимъ образомъ въ противуположеніи заработной платы и прибыли капитала: противуположеніе рентьеровъ и предпринимателей является, въ сущности, результатомъ соперничества ихъ изъ за высшей прибыли.

Денежный доходъ, состоящій изъ результатовъ капиталистической рыночной борьбы, въ формѣ задѣльной платы, процентовъ на капиталъ и чистой прибыли, составляетъ ту хозяйственную величину, при посредствѣ которой капитализмъ производства имѣетъ

рѣшительное вліяніе на процесъ потребленія въ домашнемъ хозяйствѣ, который, собственно говоря, не стоитъ въ непосредственнымъ отношеніи къ капиталу, уже по самому понятію послѣдняго. Доходъ есть съ одной стороны результатъ капитальной рыночной борьбы цѣнъ, съ другой стороны, — средство къ поддержанію домашняго хозяйства, равно и средство для формированія имуществъ. Чѣмъ тѣснѣе связанъ доходъ съ капитальною сферою народнаго хозяйства, тѣмъ болѣе зависитъ домашняя и личная жизнь всѣхъ отъ могущественныхъ приливовъ и отливовъ капитальнаго передвиженія производства, потому что изъ фазисовъ этого передвиженія индивидуальное потребленіе безпрерывно извлекаетъ свое имущественное снабженіе. Мѣсто, занимаемое индивидомъ въ капитальномъ организмѣ производства, становится рѣшительнымъ мѣриломъ его потребительнаго хозяйства, а чрезъ то и самого развитія всей индивидуальной жизненной обстановки, какъ его, такъ и его семейства; это очнвидно изъ того, что задѣльная плата, процентъ на капиталъ и прибыль, эти составныя части дохода опредѣляютъ, сколько каждый индивидъ можетъ сосредоточить въ своихъ рукахъ предметовъ для удовлетворенія потребностей изъ всей массы капиталовъ для потребленія существующихъ въ производительной общинѣ.

Отъ величины дохода, установляемой рыночною борьбою, зависитъ далѣе также и то, сколько каждый можетъ безвозмездно удѣлить другимъ въ формѣ гостепріимства, благотворительности, богоугодныхъ учрежденій, сколько онъ можетъ пожертвовать государству и общинѣ. Капитализмъ является, такимъ образомъ, мѣриломъ нетолько для семейнаго хозяйства, но также и для возникшихъ въ обществѣ благотворительныхъ имущественныхъ учрежденій и даже для общественныхъ организмовъ хозяйства.

Капитализмъ вліяетъ такимъ образомъ на узаконенный соціализмъ, и обратно.

Внѣшній процесъ, съ помощью котораго капитализмъ осуществляетъ свою хозяйственную гегемонію — это *совершенно свободный, съ индивидуальной точки зрѣнія, мѣновой оборотъ.*

Каждый наемный работникъ уступаетъ, *по свободному договору* найма личныхъ услугъ, продукты своего труда за зара-

ботную плату; каждый отдѣльный владѣлецъ ссуднаго капитала уступаетъ, *по свободному договору* займа, найма или аренды, плоды своихъ капиталовъ, подъ условіемъ полученія извѣстнаго процента, и каждый предприниматель опредѣляетъ сообща съ другимъ, *въ свободномъ договорѣ* купли-продажи, цѣну товара. *Съ точки зрѣнія права* каждый индивидъ является при этомъ *совершенно свободнымъ* контрагентомъ.

Такимъ образомъ, личная свобода и свобода мѣны становятся неразлучными съ развитіемъ капитализма. Эпоха капитализма есть необходимо *эпоха либерализма.*

Капитализмъ и либерализмъ родственны между собою и логически, и по указанію опыта. Всякое антикапиталистическое воззрѣніе на жизнь, по необходимости, является антилиберальнымъ, противнымъ неограниченной индивидуальной свободѣ, чистому принципу laissez faire, выставляемому государствомъ въ виду свободной борьбы конкуренціи и рыночныхъ цѣнъ. Дѣйствительно соціализмъ имѣлъ всегда больше общихъ симпатій съ консервативными партіями, онъ встрѣчалъ у нихъ больше сочувствія, чѣмъ у либерализма крупной буржуазіи. Но свобода дѣйствій индивида, которую даетъ капитализмъ, и которую онъ противупоставляетъ всѣмъ связующимъ авторитетамъ деспотизма, феодолизма и свѣтскаго преобладанія духовенства, представляетъ-ли эта свобода сама по себѣ доводъ, ниспровергающій всѣ заявляемыя соціализмомъ требованія реформъ?

Очевидно, нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, если бы индивидуальная свобода мѣноваго оборота на практикѣ оказывала услуги дѣйствительно только одному капиталу, приносила массу наемныхъ работниковъ въ жертву барышничеству и эксплуатаціи труда, и вела къ уничтоженію мелкой буржуазіи, то эта свобода обратилась бы въ орудіе экономическаго гнета богатыхъ надъ бѣдными. Свобода эксплуатаціи бѣдныхъ капиталомъ позволила бы богатымъ установить рабскія отношенія, а для пролетаріата послужила бы источникомъ совершенной несвободы. По этому друзья либерализма должны строго остерегаться оправдывать капитализмъ единственно на основаніи его либеральнаго принципа. Оправданіе капитализма, пока будетъ существовать безспорная

необходимость его поддержанія, должно основывать на совершенно другихъ доводахъ.

Не должно забывать, что индивидуальная свобода капитализма далеко не исключаетъ *фактическое* существованіе чрезвычайно энергическаго средства принужденія относительно индивидовъ. Намъ уже неоднократно приходилось доказывать, что юридически свободные хозяйственные индивиды, какъ работники такъ и капиталисты, подвергаются, въ силу соціальнаго механизма конкурренціи, самому энергическому и благодѣтельному въ хозяйственномъ смыслѣ принужденію.

Либеральный капитализмъ *не можетъ сдѣлаться*, подъ опасеніемъ самоуничтоженія, *исключительною экономическою организаціею общества.*

Онъ нуждается также, въ качествѣ дополненія, и въ другаго рода организмахъ, именно въ государствѣ; и нетолько въ смыслѣ „ночной стражи", охраняющей неприкосновенность жизни и еще болѣе дорогую неприкосновенность золота капиталистовъ, какъ выразился Лассаль, но также и въ смыслѣ положительной хозяйственной организаціи; такъ напр. дороги, гавани, почты и т. д., въ которыхъ нуждаются всѣ предприниматели, организируются наиболѣе хозяйственнымъ образомъ не на основѣ капитализма, но дѣятельностью государства и общины.

При реализаціи извѣстныхъ вещественныхъ благъ и личныхъ услугъ, которыя или совсѣмъ не производятся предпріимчивостью капитала, или не имѣли бы въ предѣлахъ частнаго имущества такой совершенной экономической организаціи и потребленія, капитализмъ долженъ уступить другимъ системамъ соціально-экономическаго соединенія индивидовъ: государственному или общинному хозяйству, общеполезнымъ асоціаціямъ, церкви и школамъ.

На ряду съ частнымъ *мѣновымъ оборотомъ* капитализма остается, такимъ образомъ, еще *вторая* всеобщая форма *финансоваго обмѣна—финансовая дѣятельность* государства и корпорацій; чтобы организовать самымъ производительнымъ, а слѣдовательно и хозяйственнымъ образомъ, извѣстныя личныя услуги и вещественныя блага, продолжаетъ примѣняться правительственная власть. Она доставляетъ себѣ принудительнымъ обра-

зомъ въ своей финансовой системѣ, въ формѣ податей и налоговъ, средства пріобрѣтать и оплачивать предоставляемыя ею пользованію публики услуги и вещественныя блага. Въ формѣ обмѣна взносовъ и услугъ, который происходитъ въ государственныхъ финансахъ, осуществляется, несомнѣнно далекое отъ всякаго стремленія къ прибыли, сопоставленіе съ одной стороны тѣхъ, которые употребляютъ свои трудовыя силы на услуги и имущества, предоставляемыя общественному пользованію, съ другой стороны—тѣхъ, которые пользуются этими имуществами и услугами и обращаютъ ихъ въ свою частную жизнь.

И современное либеральное государство является, въ этомъ смыслѣ, некапитальною формою производства и потребленія услугъ и вещественныхъ благъ. Учрежденіе новой правительственной желѣзной дороги, или правительственная гарантія частной желѣзной дороги, противорѣчатъ абсолютному невмѣшательству государства въ экономическій бытъ народа и предоставляетъ капитализму только *относительное* преобладаніе.

Государство рѣшилось на громадныя жертвы въ пользу крестьянскаго сословія. Почему же ему не сдѣлать того же и для *улучшенія быта рабочаго сословія?*

Не приноситъ ли оно въ его пользу уже и теперь жертвы, напр. въ учрежденіи школъ? Разумно-ли разгорячать споръ между общественными сословіями, посредствомъ безсильнаго и сложившагося подъ вліяніемъ недостатка образованія доктринерства, посредствомъ провозглашенія того non possumus, которое донкихоты теоріи абсолютной самопомощи противупоставляютъ сѣтованіямъ рабочихъ?

Государство не чуждо народному хозяйству, оно представляетъ собою прекрасную и необходимую организацію народнаго хозяйства наряду съ капитализмомъ, имѣя своимъ назначеніемъ организацію и дополненіе послѣдняго. Оно служитъ столько же интересамъ капитала, какъ и интересамъ наемнаго труда. И самый вопросъ совсѣмъ не въ томъ, должно ли оказывать государственную помощь труду или нѣтъ, но въ томъ: *къ чему должна быть направлена хозяйственная дѣятельность государства?* Какъ далеко простирается и при какихъ

предположеніяхъ можетъ быть дѣйствительна экономическая задача государства *на ряду съ капитализмомъ и даже въ противовѣсъ послѣднему*? Принадлежитъ ли къ естественной области государственнаго хозяйства оказаніе кредита производительнымъ асоціаціямъ? Такъ долженъ быть поставленъ вопросъ и въ такомъ видѣ мы постараемся ниже найти ему разрѣшеніе. При этомъ мы найдемъ, что даже мнѣніе *Іоганна Якоби* о принадлежащей будто бы государству защитѣ и эксплуатаціи всѣхъ интересовъ представляется слишкомъ отдаленнымъ отвѣтомъ на неясно постановленный вопросъ: нужна ли государственная помощь или нѣтъ?

Уже самыя понятія *народнаго хозяйства* и *государства* предполагаютъ, что *государственный организмъ* человѣческаго общества долженъ придти на помощь реализаціи истинной системы народнаго хозяйства.

Истинно *народнымъ* хозяйствомъ является, сообразно приведенному выше представленію о хозяйствѣ, то хозяйственное состояніе человѣческаго общества, при которомъ всѣ члены и всѣ цѣли великой собирательной личности народа или человѣчества находятъ самое полное пропорціональное и прочное развитіе и снабженіе, чрезъ наиболѣе дѣйствительное формированіе и потребленіе внѣшнихъ благъ.

Механизмъ капитальной конкуренціи не обезпечиваетъ этого *пропорціональнаго* развитія *каждаго* изъ питающихъ другъ друга индивидуальныхъ хозяйствъ. Мы, ближайшимъ образомъ, покажемъ это ниже въ особомъ изслѣдованіи, для котораго соціализмъ собралъ отличные матеріалы. Уродливости капитализма обнаруживаютъ, между прочимъ, самыя гибельныя злоупотребленія принципомъ разумнаго сожитія.

Почему же обществу не дѣйствовать, въ интересахъ гармоніи его хозяйственной жизни, непосредственно помощью того органа, котораго назначеніемъ сдѣлалось, говоря языкомъ Аристотеля, выполненіе „архитектонической“ задачи общежитія, которое призвано упорядочить всѣ индивидуальныя существованія въ одномъ великомъ цѣломъ, доставить имъ безопасность, дать всякому

индивиду средство защиты и поддержки, въ лицѣ всего цѣлаго?—Этотъ органъ есть *государство*!

Государство есть соціальный организмъ владычества *права*. Что можетъ доставить право,—это, какъ мнѣ кажется, поэтъ опредѣлилъ гораздо лучше, чѣмъ всѣ философіи права:

. . . . Gerechtigkeit
Ist der kunstvolle Bau der Welt.
Wo Eines Alles, Alles Eines hält,
Wo mit dem Einen Alles stürzt und fällt [1]).

Господство права есть архитектоника общества, въ силу которой каждому отдается должное, все получаетъ силу соотвѣтственно своему мѣсту—suum cuique,—и каждое по мѣрѣ своихъ силъ подкрѣпляетъ и поддерживаетъ все другое—viribus unitis. Въ государствѣ общество облекается публичною властью, чтобы, отрицательнымъ путемъ охраны частныхъ интересовъ и положительнымъ путемъ содѣйствія развитію индивидовъ, установить соразмѣрность всѣхъ своихъ частей. Государство обязано обезпечить за каждымъ общественнымъ классомъ оба эти начала: suum cuique и viribus unitis.

Если, такимъ образомъ, истинно *народное* хозяйство есть, въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе производительное формированіе, распредѣленіе и обращеніе имуществъ, съ цѣлью полнаго, *соразмѣрнаго* и прочнаго развитія индивидуальной жизни *всѣхъ* членовъ *народнаго цѣлаго*, то, въ такомъ случаѣ, и тѣ общественныя власти, которымъ поручена возможно совершенная архитектоника и сочлененіе нравственнаго собирательнаго лица народа, не должны ни минуты медлить въ исполненіи своего призванія; а это призваніе состоитъ въ томъ, чтобы дѣятельно способствовать установленію соразмѣрности въ экономическомъ общежитіи.

Государство всегда приходило на помощь хозяйственному, равно какъ и всякому другому культурному общенію. Вопросъ только въ томъ, чтобы изслѣдовать въ чемъ состоитъ истинная помощь,

---

1) . . . . справедливость есть прекрасное строеніе міра, въ которомъ единичное держится цѣлымъ, цѣлое держится единичнымъ, гдѣ все цѣлое разрушается и гибнетъ вмѣстѣ съ единичнымъ...

которую государство можетъ оказывать и должна ли она простираться до низверженія всего капитальнаго организма производства? Здѣсь мы не можемъ еще дать должнаго отвѣта на эти вопросы. Однако же я уже теперь хочу указать на тѣ выводы, къ которымъ я приду въ моихъ послѣдующихъ изысканіяхъ. Они приведутъ насъ къ слѣдующему убѣжденію: *во первыхъ*, внезапное видоизмѣненіе современнаго частнаго и общиннаго капитализма, чрезъ превращеніе государства во всеобщій учредительный банкъ для производительныхъ асоціацій, словомъ, основный положительный принципъ Лассаля есть совершенно ложное начало съ точки зрѣнія политической экономіи и государствовѣденія; *во вторыхъ*, капитализмъ, хотя и очищенный и преобразованный, останется надолго необходимостью для человѣчества, какъ великая всеобщая система тяготѣнія самостоятельныхъ индивидуальныхъ предпріятій, приводящая ко всеобщему экономическо-правильному передвиженію человѣчества; чѣмъ болѣе всеобщій характеръ приметъ всемірное экономическое общеніе, тѣмъ яснѣе будетъ обнаруживаться все значеніе капитализма, какъ самой всеобъемлющей и простой формы соединенія производительныхъ силъ соціально-экономическаго міра. На капитальной основѣ были построены уже съ самыхъ раннихъ временъ всѣ болѣе обширные экономическіе союзы народовъ: это видно еще на всемірной торговлѣ финикіянъ, италіянцевъ и нѣмецкихъ городовъ, слѣдовательно, еще задолго до того, какъ капитализмъ вытѣснилъ рабовладѣльческое и феодальное хозяйство — эти первоначальныя формы узкой экономической организаціи. Капитальная форма хозяйственнаго общенія народовъ выработалась постепенно; она пріобрѣтала все большее значеніе, по мѣрѣ расширенія предѣловъ національнаго и интернаціональнаго общенія, установляемаго обмѣномъ.

Въ экономическомъ отношеніи, капитализмъ стоитъ, безспорно, выше семейнаго, рабовладѣльческаго и феодальнаго экономическаго соединенія производительныхъ силъ общества. Оцѣнка становится въ капитальной хозяйственной организаціи гораздо болѣе тщательною, классификація индивидуальныхъ производительныхъ силъ гораздо производительнѣе, формированіе и эксплуатація капиталовъ

для производства значительно совершеннѣе. Мы представили въ началѣ этого чтенія достаточныя разъясненія по этому вопросу.

Капитальное производство представляется болѣе развитою экономическою организаціею потому, что оно впервые поставило систему народнаго хозяйства на ея самостоятельную, экономическую основу, между тѣмъ какъ прежде, въ видахъ *постороннихъ ей организмовъ*, она строилась на мотивахъ *чуждыхъ* политической экономіи. Пока отеческая власть, свѣтское вліяніе духовенства и феодализмъ связываютъ хозяйственную жизнь народа, этой жизни недостаетъ свойственной ей правильности. Экономическіе принципы не стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, они подчиняются произволу родоначальниковъ, свѣтскимъ цѣлямъ духовенства, политическимъ интересамъ господъ; экономическій интересъ стоитъ на второмъ планѣ. Съ той же минуты, какъ стремленіе капиталовъ къ наибольшей прибыли сдѣлалось движущею и организаціонною силою народнаго хозяйства, послѣднее пріобрѣло чисто экономическій центръ тяжести. Первою и всеобщею цѣлью становится производство и распредѣленіе всѣхъ общеполезныхъ имуществъ; повсюду господствуютъ побужденія экономическихъ спекуляцій, желаніе достигнуть низшей цѣнности издержекъ производства и высшей цѣны товара, при продажѣ его для наиболѣе полезнаго потребленія.—Оцѣнка опредѣляется теперь впервые по всѣмъ правиламъ счисленія.

Съ переходомъ къ капитализму хозяйство получаетъ свою самостоятельность въ общественномъ быту, точно также, какъ въ современномъ правовомъ государствѣ идея права слагается въ самостоятельную и чисто соціальную организацію. Прежде чѣмъ возникло подобное правовое государство, отправленіе правосудія являлось леннымъ правомъ поземельныхъ владѣльцевъ, духовенства и представителей патріархальной власти; при господствѣ патримоніальнаго, теократическаго и патріархальнаго государственнаго быта, внѣшнее приложеніе идеи права находилось подъ опекою чуждыхъ ей соціальныхъ интересовъ. Такія внѣшнія побужденія имѣли всестороннее могущество, прежде чѣмъ народы не придали архитектонической идеѣ права самостоятельнаго представительства въ лицѣ правоваго государства. Въ лицѣ капитализма общество орга-

низуетъ свою экономическую жизнь, народное хозяйство, на самостоятельной основѣ и даетъ ему чисто экономическій механизмъ.

Съ водвореніемъ капитализма и старыя хозяйственныя организаціи, семейство и союзъ производительныхъ силъ, основанный на принципѣ владычества, становятся раціональнѣе съ экономической точки зрѣнія: они сохраняютъ свою силу, но только въ болѣе чистой формѣ: такъ, экономичаская сторона *семейной* жизни, получаетъ, въ смыслѣ домоводства, болѣе самостоятельности и правильной выработки, вмѣсто того, чтобы смѣшиваться, какъ это было въ соціальномъ микроскопѣ патріархальнаго семейства, съ политическою, сакральною, педагогическою и эстетическою стороною народной жизни. Съ другой стороны государственная власть, начало владычества, насколько она призвана въ наше время въ лицѣ органовъ правоваго государства связывать людей къ возможно дѣйствительному производству и потребленію внѣшнихъ имуществъ и личныхъ услугъ, организуется въ раціональное государственное хозяйство: это хозяйство въ своей дѣятельности по возможности подражаетъ мѣновымъ и капитальнымъ формамъ частнаго хозяйства и примѣняетъ ихъ по аналогіи съ ходомъ этого хозяйства.

И такъ, капитализмъ является огромнымъ экономическимъ прогрессомъ въ культурной исторіи человѣчества. Этотъ прогрессъ состоитъ главнымъ образомъ въ трехъ чертахъ: 1) капитализмъ обезпечиваетъ самостоятельное представительство основному закону хозяйственности; 2) онъ строитъ хозяйственную организацію производства на чисто экономическихъ началахъ; 3) онъ способствуетъ тому, что сохранившія свою силу исконныя формы общенія въ области образованія и обращенія имуществъ, какъ то: семейное хозяйство, государственные, общинные, церковные, училищные и рабочіе союзы, дѣйствуютъ чисто экономическими пріемами.

Между развитіемъ капитализма и правоваго государства замѣтна самая очевидная параллельность. Капитализмъ получилъ свое начало на развалинахъ экономическаго феодализма подобно тому, какъ самостоятельное государство, построенное на началахъ публичной власти, образовалось чрезъ уничтоженіе политическаго феода-

лизма. Въ исторіи человѣческой культуры капитализмъ представляетъ меньшій прогрессъ, чѣмъ правовое государство.

Въ исторіи, капитализму непосредственно предшествуетъ *феодализмъ* и система *пріобрѣтательныхъ корпорацій* (цеховая система). Въ нихъ господствуютъ начала совершенно противуположныя конкуренціи и свободному обороту: все хозяйство поставлено въ узкія рамки. Всякій прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промыслахъ находитъ твердую преграду, ибо производительныя силы, земля и трудъ, обременены повинностями и барщинами, которыя задерживаютъ или дѣлаютъ безплодною высшую производительность этихъ факторовъ, а свободная экономическая комбинація силъ находитъ преграду въ привиллегіяхъ корпорацій: словомъ, вся экономическая жизнь сдерживается въ предѣлахъ тѣснаго хозяйственнаго міра. Ремесленное и сельское хозяйство не руководствуются еще чисто экономическими мотивами, что придаетъ имъ неподвижность въ дурномъ, а въ нѣкоторой степени и въ хорошемъ смыслѣ этого слова.

Даже самый умѣренный и научно обоснованный соціализмъ признаетъ капитализмъ сравнительно высшею ступенью развитія народнаго хозяйства. Только человѣкъ, совсѣмъ не читавшій трудовъ Марло, Маркса, Лассаля, Прудона, или составившій о нихъ слишкомъ низкое понятіе, можетъ приписывать имъ вполнѣ несостоятельное мнѣніе, будто капитализмъ не оказалъ большой услуги экономической жизни народа. Напротивъ, они признаютъ, что капитализмъ представляетъ огромной прогрессъ человѣчества, сравнительно съ феодализмомъ, деспотизмомъ [1]), и патріархіею. Это значеніе они приписываютъ капитализму во всей его *цѣлостности*—въ силу его строго вычисленныхъ промышленныхъ спекуляцій, наиболѣе производительнаго дѣленія труда, соединеннаго съ нимъ раціональнаго накопленія и соединенія капитальныхъ имуществъ, а именно: механическихъ двигателей и орудій производства, сопровождающаго его оптоваго производства, конкурренціи, уничтоженія юридическихъ привиллегій и монополій и на-

---

[1]) Въ смыслѣ владѣнія рабами какъ употребляетъ это слово Аристотель.

конецъ въ силу того, что подъ вліяніемъ экономическаго либерализма почти всѣ возрастные индивиды призываются къ индивидуальной свободѣ и экономической самоотвѣтственности. Они не отрицаютъ всѣхъ этихъ преимуществъ капитализма, хотя и утверждаютъ съ особенною настойчивостью, что эпоха капитализма страдаетъ многими болѣзнями, которыя не были возможны во времена феодализма и деспотизма съ ихъ системою натуральнаго хозяйства и непосредственныхъ отношеній между господами и вассалами. Поэтому, пора либеральной политической экономіи перестать доказывать соціализму, какъ велики хозяйственныя преимущества раздѣленія труда, раціональной организаціи капиталовъ, а именно: машиннаго производства. Просвѣщенный соціализмъ уже давно одолѣлъ эту азбуку либеральной экономіи; по крайней мѣрѣ, Марло, Лассаль, Марксъ и Прудонъ ставятъ себѣ цѣлью не возвращеніе человѣчества по временамъ, предшествовавшимъ капитализму, но прогрессъ его сравнительно съ строемъ капитализма. Ни одинъ изъ нихъ не думаетъ устранять изъ экономическаго міра денежный оборотъ, раздѣленіе труда, капиталовъ и машинъ. Если мы станемъ въ отвѣтъ на ихъ требованія постоянно лепетать кабалистическія слова: мѣна, раздѣленіе труда и т. д., то невольно вызовемъ съ ихъ стороны язвительный сарказмъ. Лассаль, напримѣръ, говоритъ, въ виду такихъ доводовъ: „любезный буржуа, купи себѣ скворца, научи его тремъ словамъ, мѣняй, мѣняй, мѣняй,—и къ твоимъ услугамъ будетъ самый усовершенствованный представитель политической экономіи.“

Съ переходомъ отъ изолированнаго частнаго хозяйства къ народному хозяйству соединенъ, какъ это было показано въ первой части этого чтенія, необыкновенный прогрессъ въ области домашняго хозяйства.

Однако — разсуждаетъ соціализмъ — съ этимъ переходомъ открывается возможность эксплуатаціи одного человѣка другимъ. При такомъ переходѣ дѣлается возможнымъ то безотрадное явленіе, что при каждомъ новомъ формированіи жизненной силы человѣка, совершающемся при производствѣ и потребленіи, будетъ имѣть мѣсто постоянное присвоеніе чужой жизненной силы. Въ такомъ

экономическомъ строѣ каждый уже не получитъ непосредственно въ свою собственность накопившихся продуктовъ своего предшествующаго труда, своего капитала. Великій соціальный процесъ оцѣнки станетъ на ложный путь и сдѣлается предметомъ злоупотребленій для обширныхъ мошенническихъ спекуляцій биржи и рынка.

И чѣмъ болѣе соціальное общеніе производства принимаетъ характеръ обширнаго мѣноваго оборота, тѣмъ глубже дисгармоніи и несправедливости. Капитализмъ, на самомъ дѣлѣ, не устранилъ прежней эксплуатаціи большинства незначительнымъ меньшинствомъ, но принесъ съ собою подъ личиною свободы еще болѣе жестокое и хладнокровное господство надъ свободными — пролетаріями.

Приниженные рабы и крѣпостные капитализма, т. е. пролетаріи, не имѣютъ никакой тѣсной связи съ своими владѣльцами, которые въ свою очередь не позволяютъ своимъ богатствамъ перейти въ тѣ сферы, изъ которыхъ они ихъ черпаютъ; что пользы въ томъ, — говоритъ соціализмъ, — что производительность труда и капитала очевидно увеличилась? Этотъ избытокъ продуктовъ производства достается на долю только нѣкоторымъ, а работникъ ежедневно теряетъ часть истинныхъ продуктовъ своего труда, получая самую скудную наемную плату. Капиталъ обратился въ какую-то губку, всасывающую избытокъ цѣнностей, производимыхъ трудомъ, онъ взимаетъ несравненно болѣе чѣмъ всѣ феодальныя десятины, — между тѣмъ какъ безкапитальные индивиды борятся безъ всякой опоры съ кризисами, приливами и отливами, и бурями мироваго океана передвиженія капиталовъ. Мало работниковъ, продолжаютъ соціалисты, испытываютъ на себѣ всю тяжесть этого величественнаго соединенія народовъ въ одно обширное общеніе, гдѣ главенство принадлежитъ спекуляціямъ капитала, гдѣ въ то же время путемъ невѣроятнаго злоупотребленія кредитомъ, именно кредитомъ государственнымъ, основывается на цѣлыя столѣтія своего рода отдача въ кабалу (закупничество), гдѣ современные намъ народы Европы уплачиваютъ чрезъ посредство министровъ финансовъ до 2000 милліоновъ франковъ податей аристократіи капитала, гдѣ наконецъ, на биржѣ необузданная жадность спекуляторовъ

обращаетъ человѣка, безъ всякаго труда съ его стороны, въ милліонера, и обратно приводитъ тысячи другихъ людей къ пролетаріату. Подобный строй, который можно назвать „худымъ, анархическимъ соціализмомъ,“ лицемѣрно надѣваетъ на себя маску свободы, называетъ себя единственно либеральнымъ. Неправильное распредѣленіе избытка производства, неравномѣрность доходности *труда* отнимаетъ у капитализма почти всю его заслугу въ дѣлѣ истиннаго прогреса человѣчества, усилившаяся производительность капитальной системы производства не избавляетъ массу человѣчества отъ нищеты и въ тоже время приводитъ имущихъ къ игнорированію ихъ собственнаго нравственнаго жизненнаго призванія. Таковы, въ короткихъ словахъ, жалобы соціальной опозиціи.

Должно согласиться, что съ усиленіемъ *соціальнаго* характера человѣческаго хозяйства возрастаетъ также *возможность* обоюдной эксплуатаціи. Робинсонъ Крюзое можетъ при своемъ хозяйствѣ, не возвышающемся надъ состояніемъ дикости, умереть съ голоду, но не можетъ быть эксплуатируемъ, не можетъ стать жертвою конъюнктуръ, потому что онъ не соединенъ ни съ кѣмъ, не связанъ ни съ какимъ человѣческимъ существомъ.

Теперь уже нельзя отрицать, что соціализмъ, въ своей критической дѣятельности, обнаружилъ ужасныя злоупотребленія, въ которыя отчасти впалъ капитализъ; злоупотребленія, противъ которыхъ въ наше время совершенно справедливо возстаютъ низшіе классы народа, и противъ которыхъ они еще сильнѣе будутъ возставать въ будущемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я произвелъ ближайшія наблюденія надъ положеніемъ вещей въ биржевомъ мірѣ, и не въ одной только Вѣнѣ, я еще менѣе склоненъ признавать „экономическія гармоніи“ въ современномъ обществѣ, чѣмъ прежде, когда у меня еще не сложился запасъ жизненнаго опыта. Многія опоры современнаго капитализма подверглись разложенію. Въ Европѣ въ наше время происходитъ обирательство въ такихъ размѣрахъ, что стариныя грабительства рыцарей и прежнія злоупотребленія духовенства правомъ десятины являются самымъ честнымъ ремесломъ. И это обираліе массы народа ведетъ въ нашихъ глазахъ не на каторгу, напротивъ оно доставляетъ почести.

Тѣмъ не менѣе ни критическія, ни тѣмъ болѣе бѣдныя содержаніемъ положительныя основы литературы соціализма не приводятъ меня къ убѣжденію, что капитализмъ долженъ быть окончательно отвергнутъ.

Соціальное направленіе *или* остается, въ основныхъ чертахъ, въ качествѣ асоціаціоннаго движенія, на почвѣ конкуренціи изъ за барыша на капиталъ, такъ что наряду съ капитализмомъ частныхъ лицъ или промышленныхъ компаній создается новая его форма, именно капитализмъ асоціацій.

Или же соціализмъ предлагаетъ положительное всеобъемлющее обновленіе соціальной жизни отмѣною капитализма, но усиливаетъ всѣ его недостатки только подъ другими формами, и остается далеко позади капитализма по своимъ хозяйственнымъ результатамъ.

Или же наконецъ ошибочно выдаютъ за соціализмъ то что въ основѣ своей никогда и не подлежало оспариванію и признавалось всегда въ какой либо аналогичной формѣ. Выдаютъ за соціализмъ тѣ начала, которыя должны быть проводимы *государствомъ*, церковью, свободными проявленіями гуманности, въ примѣненіи вѣчныхъ принциповъ права и любви къ ближнимъ, которыя приводятъ къ здоровому развитію, а не окончательному искорененію капитализма. Остается только желать, чтобы проведеніе этихъ началъ совершалось съ большею разумностью и достоинствомъ, чѣмъ это было до нынѣ.

Въ первомъ случаѣ, соціальное направленіе является овечкою въ волчьей шкурѣ; во второмъ случаѣ, предлагается не реформа, а реакція, въ третьемъ имѣется въ виду совершенно невинный въ основѣ своей и давно признанный соціализмъ.

Если понимать подъ капитализмомъ его настоящее несовершенное положеніе, со всѣми недостатками и несправедливостями, то конечно можно сказать, что и капитализмъ, какъ и предшествующій ему феодализмъ, представляетъ только переходный историческій фазисъ развитія народнаго хозяйства. Если же мы условимся понимать подъ капитализмомъ хозяйственную организацію производительныхъ силъ на началахъ стремленія капитала къ наибольшему барышу, то я надѣюсь доказать прочное значеніе капита-

лизма для обширной и многосторонней области человѣческаго хозяйства.

Если понимать, согласно либеральному доктринерству, подъ истиннымъ капитализмомъ то экономическое положеніе, при которомъ все хозяйственное соединеніе индивидовъ лежитъ только въ спекуляціяхъ капитала, направленныхъ къ полученію барыша, а все государственное хозяйство сводится къ нулю, то я положительно утверждаю, что такое и ультралиберальное преувеличеніе, и обобщеніе капитальной общественной организаціи, является несостоятельнымъ доктринерствомъ и несправедливымъ съ точки зрѣнія исторіи. Наперекоръ такому доктринерскому ученію, либеральный капиталистическій духъ новыхъ временъ нетолько удержалъ основанный на сердечныхъ чувствахъ семейный комунизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общественный комунизмъ въ лицѣ государства и корпорацій, наконецъ въ лицѣ добровольнаго общенія имуществъ разнаго рода общеполезныхъ учрежденій, учрежденій благотворительности, асоціацій, пожертвованій въ пользу миссій, политическихъ реформъ, наукъ, искуствъ. Развитіе и правильное разростаніе этихъ организацій, регулирующихъ, дополняющихъ и питающихъ капитализмъ, столь благодѣтельный въ своей области — представляетъ собою, издавна существовавшій соціализмъ и подкрѣпляетъ тѣ виды общенія имуществъ, которыя столь же долговѣчны, какъ и само человѣчество и должны быть столь же прочны въ своей сферѣ, какъ и капитализмъ въ свойственной ему области соціальной жизни.

Во всякомъ случаѣ чѣмъ обширнѣе и развитѣе становится производительное общеніе человѣчества, тѣмъ болѣе возможны глубокія дисгармоніи. Сильныя бури возможны только въ океанѣ, а не въ стаканѣ воды. Но изъ этого слѣдуетъ только то̀, что съ развитіемъ народнаго хозяйства должны быть приняты болѣе энергическія и разумныя мѣры для противодѣйствія такимъ невзгодамъ. Въ этомъ смыслѣ, истинный капитализмъ не только связанъ съ положительнымъ и политическимъ гуманнымъ проявленіемъ идеи государства, но даже прямо *требуетъ* плодотворной государственной дѣятельности. Съ справедливостью этого положенія должны согласиться сами соціалисты. Но мы не можемъ сочув-

ствовать соціализму въ огульномъ отреченіи его отъ капитализма, въ низведеніи капиталистическаго общественнаго быта на степень простаго хаотическаго сплетенія вопіющихъ злоупотребленій и дисгармоній. Мы не получимъ отъ соціализма никакого удовлетворительнаго отвѣта, когда спросимъ его: *какую лучшую положительную организацію народнаго хозяйства*, которая бы не была тѣмъ же капитализмомъ (каковою въ сущности является асоціація), можетъ *онъ* предложить?

Съ такими мыслями, естественно и во всемъ своемъ объемѣ истекающими изъ глубокаго вникновенія въ самое понятіе о народномъ хозяйствѣ, выходимъ мы изъ области основныхъ положеній политической экономіи и приступаемъ къ ближайшему *разсмотрѣнію содержанія соціализма.*

Приведенныя нами элементарныя соображенія изъ области политической экономіи освободили насъ отъ ложнаго оптимизма и столь же ложнаго песимизма, они предостерегли насъ отъ того, чтобы втискивать богатое экономическое содержаніе жизни человѣческаго общества въ тѣсныя рамки капитализма или коллективной формы хозяйственной организаціи, онѣ заставили насъ окунуться въ область экономіи, отказаться отъ дѣтскихъ увлеченій пресловутыми началами исключительной государственной помощи или самопомощи, подобно тому какъ отъ нихъ уже отказалась здравая политика; этотъ результатъ четырехъ предшествующихъ чтеній уже самъ по себѣ имѣетъ для насъ большое значеніе. Быть можетъ, кто нибудь изъ читателей пріобрѣлъ при этой подготовительной работѣ, недостававшій ему болѣе глубокій, простой взглядъ на экономическое движеніе народнаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ представленный въ четырехъ послѣднихъ чтеніяхъ breviarium политической экономіи дастъ намъ возможность свободно и независимо взглянуть на нашу задачу; только мы еще не выполнили этой задачи: наше мнѣніе о сравнительной состоятельности преобразованнаго капитализма не сложилось еще въ неуязвимое убѣжденіе; мы только получили должное настроеніе и подготовку къ выработкѣ окончательныхъ принциповъ.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Критическія возрѣнія соціализма на гегемонію капитала: *историческая* критика народо-хозяйственныхъ организацій *древняго міра* и *среднихъ вѣковъ.*

Послѣднія мои чтенія вѣроятно не мало утомили васъ умственно, и я тороплюсь перейти въ менѣе отвлеченную область изслѣдованій.

Мнѣ хочется указать вамъ въ безпристрастномъ отчетѣ на *главныя черты критики* соціализма противъ капитализма, а также дать вамъ понятіе о тѣхъ *положительныхъ* мѣропріятіяхъ, которыя предлагались различными соціалистическими теоріями для ослабленія или совершеннаго искорененія капитализма.

Едва ли, конечно, удасться мнѣ обнять въ совершенной полнотѣ содержаніе и главныя историческія фазы соціалистическихъ ученій. Я надѣюсь, что вы простите мнѣ нѣкоторые пропуски, неизбѣжные при сжатомъ изложеніи и при трудной доступности изслѣдуемыхъ матеріаловъ. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы не заподозрите меня въ пристрастіи и умышленныхъ недомолвкахъ.

Непосредственными источниками будутъ служить для меня сочиненія самихъ соціалистовъ, и главнѣйшимъ образомъ тѣ изъ нихъ, которыя оказали особенное вліяніе на новѣйшія соціалистическія движенія Германіи. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ отношеніи сочиненія *Лассаля* и *Маркса;* къ сожалѣнію трудъ послѣдняго о „Капиталѣ“ вышелъ въ печати только первымъ томомъ, который содержитъ въ себѣ преимущественно критику противъ капитала, не доведенную впрочемъ до конца.

Кромѣ того, я буду часто пользоваться сочиненіемъ *Прудона* о „Системѣ экономическихъ противорѣчій" (появилось въ 1840 г.), и въ особенности сочиненіемъ *Винкельблеха* (Карла Марло) объ „Организаціи труда" или „Системѣ всемірной экономіи" (System der Weltoekonomie). Послѣдній источникъ конечно оградитъ меня отъ упрека въ предвзятомъ взглядѣ, враждебномъ реформаторскимъ стремленіямъ соціалистовъ; такъ какъ Марло самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ либерализма. Должно замѣтить, впрочемъ, что это писатель серьезный и умѣренный, честный, правдивый и строго научный въ своемъ изложеніи; человѣкъ въ высшей степени гуманный и нравственный. Его сочиненіе появилось въ 1850—1857 годахъ и къ сожалѣнію осталось неоконченнымъ; оно заслуживаетъ величайшаго вниманія, но въ настоящее время не оцѣнено еще по достоинству, даже присяжными служителями науки. Признаюсь откровенно, что до настоящаго времени я самъ былъ весьма поверхностно знакомъ съ этимъ важнымъ трудомъ нашей экономической литературы, по тѣмъ выпускамъ, которые вышли въ печати. Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать глубочайшее мое уваженіе памяти автора, такъ преждевременно похищеннаго смертью.

Нельзя не признаться, что нѣмецкіе соціалисты относятся къ предмету своихъ изслѣдованій весьма научно и серьезно.

Какъ и слѣдовало ожидать, они предварительно занялись разсмотрѣніемъ различныхъ народно-хозяйственныхъ *организацій прежняго времени*, и потомъ уже перешли къ коренным нападеніямъ противъ современнаго капитализма. Другими словами, они начали съ критики *исторической*, гдѣ часто выказываютъ гораздо болѣе широкій и свободно-научный взглядъ, чѣмъ многіе либеральные экономисты. Послѣдніе слишкомъ легко увлекаются одностороннимъ убѣжденіемъ, что *современный* капитализмъ представляетъ собою абсолютную и вѣчную форму соціальной хозяйственной организаціи.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы соціалисты были вполнѣ безпристрастны въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Они слишкомъ часто сравниваютъ современную гегемонію капитала съ феодальнымъ и деспотическимъ (основаннымъ на рабствѣ) хозяйственнымъ строемъ, и такимъ образомъ впадаютъ въ тенденціозность; они умышленно опускаютъ многія темныя стороны вопроса и съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на свѣтлыхъ его чертахъ. Какъ бы то ни было, соціалисты, вынужденные къ исторической критикѣ своей опозиціей противъ капитализма, выработали тщательный историческій очеркъ основныхъ народно-хозяйственныхъ формъ прежняго времени, и этотъ очеркъ представляетъ высокій интересъ какъ самъ по себѣ, такъ и по отношенію къ ясному пониманію богатой соціалистической литературы настоящаго времени. Въ этомъ смыслѣ важное значеніе принадлежитъ трудамъ Лассаля и Марло.

Поэтому, приступая къ спеціальному изученію соціалистическихъ доктринъ, мы прежде всего разсмотримъ соціалистическую критику противъ основныхъ историческихъ формъ народнаго хозяйства.

Въ характерѣ *греческаго*, *римскаго* и *средневѣковаго* общества находимъ одну общую черту—существованіе *привиллегированныхъ единицъ;* такими единицами являются отдѣльные индивидуумы, сословія, званія и цѣлыя національности.

Не только въ практическомъ примѣненіи права, но и въ теоретическихъ о немъ представленіяхъ мы не встрѣчаемъ еще господства идеи *нравственнаго достоинства* всѣхъ индивидуумовъ самихъ въ себѣ, ихъ бытія „per se“.

Соціализмъ видитъ въ греческомъ, римскомъ и особенно въ феодальномъ общественномъ строѣ одну и ту же систему,—„систему *монополизма*,“ понимая слово „монополія“ въ обширномъ значеніи, какъ равносильное понятію о „привиллегіяхъ“, о „неравной правоспособности.“ Вслѣдствіе преобладанія людей полноправныхъ надъ неполноправными, привиллегированныхъ единицъ надъ непривиллегированными, древнѣйшія экономическія системы должны быть названы несвободными.

По справедливому замѣчанію Марло (I, 1, стр. 35), писатели всѣхъ временъ относятъ сословное неравенство правъ къ тремъ

главнымъ источникамъ: къ божественной волѣ, къ праву сильнаго и къ неравенству природныхъ способностей. Первый источникъ опирается на фикцію; второй содержитъ внутреннее противорѣчіе; оба главнѣйшимъ образомъ возникаютъ позднѣе эпохи древняго міра, хотя и нисколько не отвѣчаютъ идеи истиннаго христіанства. Третья причина существовала еще въ древности, и теперь еще за нее стоитъ наше наслѣдственное дворянство. Два великихъ философа древней Греціи, Платонъ въ Спартѣ и Аристотель въ Іоніи, сходятся во мнѣніи, что люди вообще раздѣляются на двѣ существенно различныя породы: *благородную* и *неблагородную*. Хотя и эта третья причина не выдерживаетъ критики и опровергается опытомъ, тѣмъ не менѣе она удержалась во всѣхъ правовыхъ возрѣніяхъ античнаго міра. Въ силу этого, а также на основаніи весьма распространеннаго естественнаго закона, что „высокое должно властвовать надъ низкимъ,“ *Аристотель* выводитъ оправданіе рабства и призваніе грековъ господствовать надъ варварами. Въ *греческомъ* обществѣ, въ аѳинско-іоническомъ также какъ и спартанско-дорическомъ, существовало поэтому *два* или *три неравноправныхъ слоя* народонаселенія: *полноправные граждане*, призванные къ управленію государствомъ и *рабы;* допускалось еще одно сословіе людей лично вполнѣ свободныхъ, но не участвовавшихъ въ государственныхъ дѣлахъ.

Соціализмъ охотно провозглашаетъ себя истинною системою индивидуальнаго *полноправія всѣхъ* („Панполизмъ“) [1]; поэтому онъ естественнымъ образомъ нападаетъ на древній и средневѣковый государственный строй за эксплуатацію рабовъ, ленниковъ и крѣпостныхъ. Онъ не признаетъ ни божественнаго призванія, ни права насилія, ни благородной крови будто бы текущей въ жилахъ привилегированнаго сословія. Но тѣмъ не менѣе онъ во многихъ случаяхъ хвалитъ соціальныя учрежденія прежнихъ временъ, а въ особенности экономическую организацію *общины полноправныхъ граждань*.

---

[1]) Марло.

Въ періодъ процвѣтанія государственныхъ учрежденій, *Спарта* и *Аѳины*, такъ повѣствуютъ соціалисты, заботились о томъ, чтобы по возможности установить равенство имущественныхъ отношеній, чтобъ каждый полноправный гражданинъ владѣлъ имуществомъ. Въ Спартѣ земля, предназначенная для обработки, была раздѣлена на 9000 фамильныхъ участковъ, которые не могли быть ни раздробляемы, ни отчуждаемы; лѣса же, пастбища и охотничьи участки были доступны всѣмъ. На каждомъ фамильномъ участкѣ было поселено семь семействъ гелотовъ (крѣпостныхъ); движимаго имущества почти не существовало такъ какъ золото и серебро были воспрещены, роскошь изгнана, а семейный эгоизмъ находилъ себѣ противодѣйствіе въ однообразной системѣ воспитанія и въ общественныхъ обѣдахъ. Въ *Аѳинахъ*, правда, было сначала оставлено болѣе свободы частному пріобрѣтенію; но и тамъ право наслѣдства было разсчитано такъ, чтобъ сохранить цѣлостность фамильныхъ участковъ; 20,000 полноправныхъ гражданъ имѣли въ своемъ распоряженіи 400,000 рабовъ, и съ послѣдними обходились человѣчно. Слѣдствіемъ конкуренціи являлось все большее и большее неравенство имуществъ, и этому неравенству противодѣйствовали различными способами: во первыхъ системою колонизацій, причемъ завоевывали чужія земли и потомъ населяли ихъ путемъ добровольныхъ (апокіи), и принудительныхъ переселеній (клерукіи); во вторыхъ установленіемъ денежнаго вознагражденія за участіе въ судебной дѣятельности и въ общественныхъ собраніяхъ; этимъ обезпечивалось существованіе обѣднѣвшихъ полноправныхъ гражданъ; въ третьихъ наконецъ введеніемъ системы прогрессивныхъ налоговъ, установленной еще Солономъ. Такимъ-то образомъ оба государства, всякое по своему, сдѣлались могущественны и получили всемірное значеніе; но не въ силу капиталистическаго принципа свободнаго соперничества; они не только не приняли этотъ принципъ, но даже противодѣйствовали ему. Государственная и земельная организація Спарты была идеализирована *Платономъ* въ его сочиненіяхъ: „О государствѣ“ и „О законахъ“; точно также аѳинскій государственный строй послужилъ для *Аристотеля* основою его политическихъ и экономическихъ построеній. Обѣ организаціи далеко не чужды соціально-комунистическаго характера,

такъ какъ онѣ управленіе и распредѣленіе имуществъ и дохода отдаютъ въ руки государства. Платонъ хотѣлъ подчинить бракъ государству (женская община), образовать общины изъ семейныхъ группъ („фаланстеріи"), ввести общественныя обѣды и общественную гимнастику, воспретить обращеніе денегъ во внутренности страны, раздробить землю на нераздѣльные и неотчуждаемые родовые участки, ограничить собственность частную и семейную; управлять и руководить общественною жизнію государственнымъ путемъ;—всѣ эти мысли по праву сдѣлались источникомъ всевозможныхъ системъ государственнаго романтизма и комунизма новыхъ временъ. Какъ ни смутны (?) были элементарныя понятія Платона и Аристотеля о національной экономіи, эти два философа никогда не теряли изъ виду простаго и основнаго положенія, вытекающаго изъ естественнаго закона;—того положенія, что имущества создаются не только дѣятельностью человѣческихъ силъ, но *также и* дѣятельностью *природы;* что поэтому земельная организація, колоніальная система и политика народонаселенія должны заботиться о снабженіи всѣхъ полноправныхъ гражданъ природными источниками дохода. Здѣсь приходится изслѣдовать вопросъ о противодѣйствіи частному и семейному эгоизму, объ опредѣленіи истинныхъ размѣровъ и прочнаго разграниченія городскихъ округовъ, объ ограниченіи права наслѣдства, объ отчужденіи части земли въ собственность государственную. Такія изслѣдованія убѣждаютъ насъ, что въ античномъ соціализмѣ великихъ эллинскихъ философовъ и государственныхъ людей гораздо болѣе послѣдовательности и глубины, чѣмъ въ жалкомъ экономическомъ либерализмѣ новыхъ временъ.

Самое отношеніе къ гелотамъ и рабамъ было мягко и гуманно, такъ какъ господинъ жилъ среди своихъ вассаловъ, жилъ вмѣстѣ съ ними. Конечно, владѣлецъ рабовъ, какъ напр. Крассъ, могъ сосредоточить въ своихъ рукахъ громадные естественные доходы; но онъ могъ ихъ только тратить и не имѣлъ возможности ихъ капитализировать; такимъ образомъ, каждая капля пота несвободнаго работника не могла быть обращена въ частичку капитала, а слѣдовательно не было возможности „набивать свою мошну" путемъ постоянно возрастающей и усиливающейся капиталистиче-

ской эксплуатаціи другихъ работниковъ и чуждыхъ народовъ. О современномъ самовозрастаніи денежныхъ капиталовъ не было еще и рѣчи. Сочиненіе Ксенофонта объ искусствѣ домоводства и размышленія Аристотеля о томъ же предметѣ убѣждаютъ насъ, что отношенія господина къ рабу далеко не были лишены гуманности. Само по себѣ справедливое осужденіе рабства съ точки зрѣнія современнаго капитализма и либерализма должно считаться во многихъ отношеніяхъ лицемѣрнымъ; такъ какъ на самомъ дѣлѣ фабричный пролетарій поставленъ въ гораздо болѣе жестокія условія трудоваго рабства; разница только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ на господинѣ не лежитъ обязанности заботиться о своемъ рабѣ и нѣтъ ему интереса о немъ заботиться. Въ новѣйшее время европейскій капитализмъ подалъ американскимъ плантаторамъ недорого стоющій совѣтъ: уничтожить рабство и замѣнить его свободнымъ трудомъ; въ густо населенной Европѣ голодъ можетъ конечно сильнѣе понудить къ труду, чѣмъ кнутъ, но не то будетъ въ странѣ, гдѣ много свободной необработанной земли, которой пролетарій можетъ воспользоваться, чтобы завести свое самостоятельное хозяйство; въ современной Европѣ „свобода труда" во всякомъ случаѣ выгодна для владѣющаго класса; но не то находимъ въ современныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ, не то было въ древности и въ средніе вѣка, когда господство и эксплуатація были немыслимы безъ принудительнаго труда. Изъ сочиненія Ксенофонта видно, что аѳинскій рабъ находился въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ бѣдный полноправный гражданинъ и во всякомъ случаѣ ему было не хуже, чѣмъ современному пролетарію; у Ксенофонта ясно сказано, что рабы не отличаются отъ бѣдныхъ гражданъ ни одеждой, ни внѣшнимъ видомъ, что многіе изъ нихъ находятся даже въ болѣе блестящемъ положеніи, такъ какъ ихъ господа — договорившись предварительно о поштучной платѣ—за благо считали сдѣлать своихъ рабовъ дольщиками въ доходѣ съ выполненныхъ ими торговыхъ и ремесленныхъ предпріятій.

Самъ по себѣ прочный экономическій жизненный строй древняго міра—такъ продолжаютъ соціалисты—сталъ рушиться, какъ только его коснулась пагубная струя капитализма и открылось

широкое поприще для свободной конкурренціи. Разрушеніе это подъ вліяніемъ капиталистической закваски шло невѣроятно быстро. Вскорѣ послѣ отмѣны стараго аграрнаго уложенія, въ Спартѣ оказывалось не болѣе 100 граждаиъ, владѣвшихъ всѣми земельными участками; въ Аѳинахъ все глубже разверзалась пропасть между немногими чрезмѣрно богатыми денежными аристократами и массою пролетаріевъ. Изъ этой пропасти возникла тиранія, а позднѣе македонское владычество. Въ *Римѣ* повторились тѣ же явленія, но только въ результатѣ они были еще болѣе пагубны. Римское государство, повѣтствуютъ соціалисты, было также какъ и Греція рабскимъ государствомъ, но рабство въ немъ было суровѣе и безчеловѣчнѣе. Къ тому же оно было во всѣ времена въ глазахъ всего свѣта разбойничьимъ государствомъ, о которомъ Ювеналъ долженъ былъ сказать: „мы пожираемъ народы и обгладываемъ ихъ до костей." Въ Римѣ правовый принципъ былъ строго индивидуаленъ и выработался въ либеральную систему имущественныхъ правъ, которая перешла и въ новѣйшія времена. Въ Римѣ капиталистическая спекуляція могла развиться въ обширныхъ размѣрахъ подъ вліяніемъ системы провинціальнаго управленія и вслѣдствіе громадныхъ богатствъ, которыя пріобрѣтались постоянными войнами; такія спекуляціи совершались торговыми обществами, подобными нашимъ современнымъ акціонернымъ обществамъ и тѣмъ средневѣковымъ компаніямъ въ имперскихъ городахъ, которыя Лютеръ и другіе громили за лихоимство; Цицеронъ находитъ вполнѣ достойнымъ свободнаго гражданина быть „пайщикомъ" такихъ обществъ, лишь бы прибыль ими доставляемая была достаточно велика (sin vero magna et copiosa), такъ какъ подобная прибыль можетъ служить для пріобрѣтенія поземельной собственности. Когда, вслѣдствіе политическихъ событій и комерческихъ спекуляцій, громадныя богатства стали накопляться въ рукахъ немногихъ, тогда масса самостоятельныхъ гражданъ лишилась земельной собственности; подобнымъ образомъ образовались латифундіи въ древне-израильскомъ царствѣ въ періодъ высшаго его процвѣтанія, какъ о томъ сѣтуетъ Исаія; такъ образовались онѣ въ Спартѣ и Аѳинахъ и позднѣе въ Италіи, гдѣ послѣ крестовыхъ походовъ города, богатые ка-

питалами, начали поглощать крестьянское сословіе и опустошать Кампанію; такъ они образовались наконецъ и въ новѣйшее время въ Англіи и другихъ государствахъ, гдѣ подъ вліяніемъ капиталовъ промышленныхъ городовъ, к. н. въ Нормандіи, мелкіе крестьянскіе участки слились въ латифундіи и обширныя арендныя хозяйства. Реакція, вызванная Гракхами, не могла помочь дѣлу; она только съ ужасающей ясностью открыла человѣчеству несчастное положеніе пролетаріевъ и въ настоящее время можетъ найти себѣ откликъ въ фабричномъ пролетаріатѣ. Эгоистическій духъ римскаго государства, его либеральное право пріобрѣтенія открыло широкое поприще капитализму. Въ восточныхъ странахъ и въ древней Спартѣ, при однообразномъ жизненномъ строѣ, существованіе пролетаріата было невозможно; онъ появляется впервые въ Аѳинахъ и достигаетъ страшнаго развитія въ Римѣ при господствѣ капитализма и безграничнаго права пріобрѣтенія имущества. Изъ пропасти, которая разверзлась между пролетаріями и денежными аристократами съ изумительной быстротой возникъ цезаризмъ, на одинаковую пагубу и богатымъ, и пролетаріямъ.

Конечно, древній міръ не выработалъ полнаго капитализма. Это справедливо замѣчаетъ *Лассаль*, выставляя при этомъ тотъ фактъ, что самыя крупныя имущества древности главнѣйшимъ образомъ существовали въ формѣ поземельной собственности, а не въ формѣ спекуляціозныхъ и процентныхъ капиталовъ. „Имущества римскихъ сенаторовъ были *почти всѣ* сосредоточены въ поземельныхъ владѣніяхъ, но *небольшая часть* ихъ составляла однако процентный капиталъ"; слова эти принадлежатъ Плинію, а слѣдовательно относятся къ позднѣйшему времени [1]). Подобный же примѣръ видимъ въ *Крассѣ*: богатство его вошло въ поговорку и оцѣнивалось древними въ 7100 талантовъ, что составляло бы теперь, полагая талантъ равнымъ 1400 талерамъ, сумму въ 9.940.000 талеровъ. Плутархъ, въ своемъ сочиненіи перечисляетъ его имущество: серебряныя копи, которыми онъ владѣлъ, земельные участки съ поселенными

---

[1]) Plin. Epp. III. 19. Sum quidem prope totus in praediis; aliquid tamen foenere. Ср. Лассаля. Bastiat, стр. 165.

*

на нихъ рабами и т. д.; въ заключеніе онъ говоритъ: *„но все это можно было считать за ничто* сравнительно съ *цѣнностью его домашнихъ рабовъ*, такъ ихъ было много и такъ они были замѣчательны; между ними находились и чтецы, и писцы, и оцѣнщики, и управляющіе, и столовщики." Почти всѣ эти рабы представляли только средства для пользованія. Античное хозяйство именно характеризуется подобными *средствами потребленія*, а не „капиталами"; въ предѣлахъ своей пріобрѣтательной организаціи, основанной на принципѣ владычества, оно *не является хозяйствомъ, основаннымъ на капиталѣ*. Въ древнемъ мірѣ существуютъ орудія труда, средства потребленія, цѣнности и богатства, но нѣтъ „капиталовъ"; мы встрѣчаемъ, напр., тотъ фактъ, что отецъ Софокла заставляетъ своихъ рабовъ заниматься спеціальнымъ ремесломъ—выдѣлкой мечей; но это еще не доказываетъ существованія въ тѣ времена производительности капитала. Подобное производство, становясь источникомъ *торговли*, утрачиваетъ правда характеръ *хозяйства естественнаго*; но *съ одной стороны* оно сохраняетъ на себѣ вліяніе *деспотическаго отношенія* господина къ рабамъ, *съ другой стороны* оно можетъ переходить только въ *торговлю*, которая во всякомъ случаѣ предполагается уже на извѣстной степени развитія; рабы должны производить всѣ нужныя господину *средства потребленія*; если они въ частномъ случаѣ заняты производствомъ *мечей*, то эти мечи предназначаются исключительно для „обмѣна" на другія средства потребленія, т. е. они могутъ опять-таки переходить только въ *средства потребленія* или въ соотвѣтственныя *денежныя количества*, которыя должны служить *къ пріобрѣтенію* всѣхъ остальныхъ *предметовъ потребленія*, и имѣютъ значеніе *только на столько, на сколько* они представляютъ собою эти предметы. Но такое производство мечей не указываетъ еще ни на существованіе прибыль приносящихъ капиталовъ, ни на ихъ свободную и самостоятельную производительность, ни на ихъ способность къ росту путемъ процентнаго накопленія. Подобное производство служитъ правда первымъ шагомъ къ установленію *мѣновой цѣнности*, но не приводитъ

къ ожидаемымъ результатамъ вслѣдствіе вліянія совокупности всѣхъ соціальныхъ отношеній античнаго міра. Въ немъ богатства и золото являются не болѣе какъ *зародышами капитала*, которымъ не удалось развиться въ *особенныя* и *спеціалистическія* формы капитала.

Во всякомъ случаѣ, въ древности существовалъ только пролетаріатъ полноправныхъ гражданъ, экономическимъ зломъ которыхъ былъ недостатокъ въ поземельной собственности; обладая политическими правами, этотъ пролетаріатъ требуетъ „хлѣба и зрѣлищей", требуетъ денегъ за избирательную и служебную дѣятельность, и возстаетъ противъ „обширныхъ владѣній", противъ перехода всей государственной поземельной собственности въ руки богатыхъ; съ экономической точки зрѣнія этотъ пролетаріатъ носилъ на себѣ *аграрный* характеръ. О пролетаріатѣ фабричныхъ рабочихъ и умственнаго труда тогда не было и рѣчи; всѣ тяжелыя работы и мелкія ремесла лежали на рабахъ.

Но тѣмъ поразительнѣе сходство аграрнаго соціализма въ древности, какъ напр. во времена Гракховъ, съ аграрными движеніями нынѣшняго столѣтія, какъ напр. въ Ирландіи и Англіи. Гракхи, также какъ и ирландцы, возстаютъ противъ латифундій, которыя накопляются въ рукахъ крупныхъ богачей; огромныя массы земли пропадаютъ при этомъ безъ всякой пользы, тогда какъ при интенсивномъ хозяйствѣ и самостоятельномъ крестьянскомъ населеніи, онѣ могли бы пріютить и обезпечить множество людей. Я укажу на поразительное сходство нѣкоторыхъ рѣчей Гракховъ, которыя приводитъ Плутархъ, съ современными жалобами на англійскихъ землевладѣльцевъ, которые отводятъ обширные участки земли подъ луга и охоту. Въ жизни Тиберія у Плутарха говорится напр. слѣдующее: „Римляне частью продавали, частью обращали въ государственную собственность земли, завоеванныя у сосѣдей; сначала они раздавали эти земли бѣднымъ гражданамъ, не имѣвшимъ недвижимой собственности, обязывая ихъ самой незначительной податью въ пользу государственной казны; при этомъ каждому гражданину нарѣзывалось не свыше 500 югеровъ. Но впослѣдствіи богатые, чрезъ подставныхъ третьихъ лицъ, забрали себѣ всѣ эти земли въ аренду, и наконецъ

открыто сдѣлались владѣльцами большей части поземельной собственности. Бѣдные остались безъ куска хлѣба.“ Тиберій Гракхъ потребовалъ, чтобъ эти земли были возвращены бѣднымъ, признавая впрочемъ справедливымъ вознаградить за это богатыхъ. Но богатые, какъ буквально разсказываетъ Плутархъ, стали ругаться въ народѣ, стали говорить, „что Тиберій требуетъ раздѣленія земли съ одной цѣлью—вызвать государственный переворотъ и ниспровергнуть всѣ существующія отношенія.“ „Но они ни на чемъ не порѣшили“, продолжаетъ Плутархъ, „Тиберій боролся за прекрасное и благородное дѣло, онъ оставался твердъ и непоколебимъ; народъ массами тѣснился вокругъ его трибуны и онъ держалъ такую рѣчь къ бѣднымъ: Животныя, которыхъ откармливаютъ въ Италіи, всѣ имѣютъ просторное убѣжище; а люди, которые сражаются и умираютъ за Италію, лишены всего, всего, кромѣ воздуха и свѣта; они сражаются и умираютъ за богатство и распутную жизнь чуждыхъ имъ людей.“ Сравните съ этими словами Плутарха слѣдующую пѣснь, которая должна храниться въ устахъ всѣхъ ирландскихъ аграрныхъ соціалистовъ:

„Der Herr sorgt, dass sich Hirsch und Ochs
. . . . maeste,
Statt auszutrocknen seine Boggs;
Ihr kent sie ja, Irlands Moraeste!
Er laeszt den Boden nuzlos ruhn,
Drauf Halm an Halm sich wiegen koennte,
Er læszt ihn schnöd dem Wasserhuhn
Dem Kibitz und der wilden Ente.
Ja doch, bei Gottes Fluche—Sumpf
Und Wildniss vier Millionen Acres!“ [1])

---

[1]) «У господина лишь одна забота
Кормить оленей и быковъ;
И нѣтъ ему охоты высушивать земли;
А кто не знаетъ ихъ—ирландскія болота!
Пропадаютъ земли даромъ,
Гдѣ могъ бы хлѣбъ произрастать,
Однѣ лысухи, да утки дикія,

Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ настоящее время у Плутарха параллельныя біографіи Агиса и Клеомена, Тиберія и Каія Гракха. Почти каждая строчка напоминаетъ въ нихъ какую нибудь современную намъ личность, какой нибудь современный доводъ. Передъ нами Каій Гракхъ, говорящій „цвѣтисто, краснорѣчиво", человѣкъ модный, часто слишкомъ увлекающійся, котораго партія Друза упрекнула разъ въ томъ, что онъ купилъ серебряныхъ дельфиновъ. заплативъ за фунтъ 1250 драхмъ. Невольно вспоминается намъ при этомъ геніально-умный Лассаль! Встрѣчаемъ въ древности и женскіе умы, подобные Гацфельдъ, которые парятъ надъ демагогами. Встрѣчаемъ и консерваторовъ, какъ то показываетъ приведенная нами фраза о государственномъ переворотѣ, которые грубо отстраняли всякую примиряющую, спасительную реформу. Также какъ и теперь встрѣчаемся мы съ характерами шаткими, нерѣшительными; таковъ сотоварищъ Тиберія — трибунъ *Октавій*; Плутархъ разсказываетъ о немъ слѣдующее: „просьбы Тиберія тронули Октавія и онъ не *могъ* казалось остаться непреклоннымъ; глаза его наполнились тихими слезами, и онъ долгое время оставался погруженный въ молчаніе. Но когда онъ взглянулъ въ сторону богатыхъ, толпившихся тутъ же у трибуны, онъ казалось устыдился самого себя и побоялся навлечь на себя ихъ презрѣніе!" Далѣе Плутархъ повѣствуетъ о дружномъ сопротивленіи богатыхъ, о ихъ предразсудкахъ и испорченности, о ихъ суровомъ судѣ надъ женщинами и побѣжденными противниками; повѣствуетъ о народномъ трибунѣ — Ливіи Друзѣ, который обманными уступками въ пользу народа старается подорвать значеніе народныхъ вождей, разыгрываетъ за одно съ сенатомъ демагогическую комедію и по его повелѣнію выставляетъ себя ярымъ соціалистомъ, точь въ точь какъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1870 г.; повѣствуетъ о малодушіи и слабости народа; о томъ какъ благородные друзья человѣчества компрометировались сообществомъ пьяныхъ сумасбродовъ, подобныхъ Фуль-

---

Да пиголицы тамъ шныряютъ.
И Боже, на какомъ просторѣ
Раскинулись эти топи и болота!

вію, который побудилъ Каія Гракха прибѣгнуть къ преступной мѣрѣ; онъ повѣствуетъ наконецъ объ испорченности и низости торжествующей плутократіи, которая обѣщаетъ награду за головы Каія и Фульвія и между тѣмъ оцѣниваетъ на вѣсъ золота одинъ только залитый свинцомъ черепъ Каія, потому что онъ былъ принесенъ оптиматомъ Септимулеемъ; „черепъ Фульвія,“ говоритъ Плутархъ, „принесли люди низкаго происхожденія и поэтому не получили за него ничего.“

Да послужитъ исторія борьбы этихъ двухъ партій предостереженіемъ для современнаго соціалистическаго движенія. Въ Римѣ повторилось подобное же явленіе: сперва аристократія одержала безплодную побѣду надъ соціальной демократіей и затѣмъ пала подъ гнетомъ цезаризма!

Перейдемъ къ разсмотрѣнію народнаго хозяйства *среднихъ вѣковъ*. Въ немъ мы также не встрѣчаемъ господства капитализма. *Феодальная* система въ селахъ и система *корпорацій* и *цеховъ* въ городахъ являютъ въ себѣ первые его признаки.

Средневѣковая экономическая система—такъ говорятъ соціалисты—представляетъ въ своемъ зародышѣ общественную организацію антикапиталистическую, а именно монопольную.

По нашему мнѣнію, историческая критика соціализма противъ средневѣковаго хозяйства особенно ясно и обстоятельно изложена *Лассалемъ*; въ этомъ отношеніи кромѣ упомянутаго труда его заслуживаетъ еще вниманія сочиненіе о „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“ (System der erworbenen Rechte); я намѣренъ подробнѣе остановиться на изслѣдованіяхъ этого писателя, оставляя конечно въ сторонѣ его личную политику съ своимъ противникомъ — Шульце.

Лассаль въ своемъ обращеніи къ Шульцу, говоритъ слѣдующее: „Взгляните на другую эпоху человѣческой культуры. Взгляните на средневѣковаго владѣтеля, на благороднаго Seigneur'а въ

его замкѣ, окруженнаго крѣпостными, *дворовыми*, всельниками и колонами, владѣющаго деревнями и городами, которые всѣ отправляютъ извѣстныя ленныя повинности. Неужели мы назовемъ такого человѣка капиталистомъ? Мы должны остерегаться отъ грубаго, но весьма распространеннаго представленія, что въ тѣ времена всѣ жили исключительно продуктами земледѣлія! Производство было достаточно развито, роскошь—значительна, средства потребленія—разнообразны, многочисленны и утончены. Укажемъ для примѣра, на описаніе женской комнаты и женскаго костюма, которое дѣлаетъ въ одной изъ своихъ пѣсней [1]) миннезингеръ, рыцарь Ульрикъ фонъ Лихтенштейнъ (тринадцатое столѣтіе): *Милая* сидѣла на *постели* и приняла меня стыдливо; она сказала мнѣ привѣтствіе. На ней была надѣта короткая *рубашка*, поверхъ нея *алая сукенія* [2]), подбитая *горностаемъ*, зеленая *мантія*, *камзолъ* съ широкой оторочкой. Вокругъ нея стояло *восемь женщинъ*, также *хорошо* одѣтыхъ; на постели былъ положенъ *бархатный тюфякъ*, покрытый двумя *шелковыми простынями* и великолѣпнымъ одѣяломъ; тутъ же лежали *дорогія подушки*, *кровать была со всѣхъ* сторонъ обтянута *красивыми коврами*; у подножія постели горѣли въ двухъ огромныхъ *подсвѣчникахъ* двѣ большія свѣчи, а болѣе *ста свѣчей* горѣло по стѣнамъ."

Весьма замѣчателенъ также разсказъ рыцаря Ульрика о его путешествіи подъ именемъ дамы Венуссины: "Въ этомъ мѣстѣ я провелъ зиму и заказалъ себѣ женскія платья; мнѣ сшили *двѣнадцать камзоловъ* и *тридцать рубашекъ съ рукавами*, я досталъ себѣ *двѣ косы*, въ которыя вплелъ множество *жемчугу*; приготовили мнѣ также *три бѣлыя бархатныя мантіи*; мастеръ сдѣлалъ мнѣ *съ большимъ стараніемъ сѣдла, блестящія какъ серебро*; ихъ прикрывали длинные

---

[1]) Ulrich von Lichtenstein, Frauendienst, p. 160.

[2]) (Сукенія Soscania), обыкновенно очень богатое, шитое золотомъ и шелкомъ верхнее платье у женщинъ, ср. Ducange, Gloss. s. v. Soscania.

прекрасные чахлы изъ *бѣлаго сукна*; *мундштуки* также были *прекрасной работы*. У меня было *двѣнадцать оруженосцевъ*, которымъ были сдѣланы платья изъ *бѣлаго сукна*; мнѣ также приготовили *сто копій, блестящихъ какъ серебро*; все на мнѣ и на моей свитѣ было *бѣло* какъ *снѣгъ*; мой шлемъ былъ бѣлый, мой щитъ также былъ бѣлый; изъ *пяти кусковъ бѣлаго бархата* заказалъ я три *попоны* для своего коня [1]). Въ тѣ времена господа ни въ чемъ себѣ не отказывали."

Но неужели мы должны считать средневѣковыхъ бароновъ — владѣльцевъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей — *капиталистами*! Отнюдь нѣтъ! Въ средніе вѣка *рабство* было *уничтожено*, мѣсто его заступило *крѣпостное* состояніе, которое въ теченіи среднихъ вѣковъ постепенно смягчалось и перешло въ систему личной несвободы, которая проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ личныхъ повинностей. Средніе вѣка почерпаютъ въ этомъ фактѣ свой спеціальный характеръ. Я уже въ другомъ мѣстѣ указалъ на эту особенность, которая характеризуетъ средніе вѣка съ историко-философской точки зрѣнія. *Частною собственностью* является здѣсь уже не человѣкъ, но его воля и особенныя проявленія его воли [2]). Отсюда появленіе въ области политической экономіи системы *индивидуальныхъ услугъ*, системы *правовыхъ отношеній отдѣльнаго* лица къ *отдѣльному* лицу, которыя проявляются только въ формѣ *индивидуальныхъ явленій* и *индивидуализированныхъ продуктовъ* (цѣнность пользованія въ противуположность всеобщей *мѣновой цѣнности*: *деньгамъ*); — другими словами появленіе системы *средневѣковыхъ* натуральныхъ повинностей.

Это главнѣйшимъ образомъ характеризуетъ хозяйство и производство въ средніе вѣка. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе хозяйство средневѣковаго феодальнаго землевладѣльца. Кромѣ крѣ-

---

[1]) Frauendienst p. 84,

[2]) См. „System der erworbenen Rechte" Leipzig, Brockhaus, 1861. T. I, стр. 260—264.

постныхъ въ собственномъ смыслѣ, у него есть тягловые крестьяне, обязанные обработывать его поля, частью собственноручно, частью съ поставкою рабочаго скота, оброчные на опредѣленные и неопредѣленные сроки, наконецъ свободные и несвободные колоны; такъ какъ не должно забывать, что свободные mansi (mansa — дворокъ, домъ съ огородомъ), наравнѣ съ несвободными, должны были нести барщину; съ тою разницей, что послѣдніе должны были работать на барщину около трехъ дней въ недѣлю, а первые отъ пяти до шести недѣль въ году. При существованіи ленной системы, не было такой повинности, которую бы не обязаны были нести in natura въ пользу феодала свободные и несвободные mansi, также какъ и жители селеній и небольшихъ городовъ, обложенныхъ самыми разнообразными оброками. Представимъ себѣ мысленно тотъ день, когда благородный феодальный владѣтель собираетъ слѣдуемые ему оброки. Въ нашемъ воображеніи возстаютъ цѣлыя груды ржи, ячменю, куръ, окороковъ, быковъ, свиней, яицъ, масла, плодовъ, воска, свѣчей, меду, даже *пироговъ*, *букетовъ* и chapeaux de roses [1]), принесенныхъ феодалу, его оброчными. Портные и сапожники, живущіе въ городкѣ подвластномъ феодальному господину, твердо помнятъ основное правило: nulle terre sans seigneur, и несутъ ему платье и сапоги, сработанные для него и для его слугъ въ недѣлю барщины [2]). Точно также должны на него работать безъ всякаго вознагражденія (sine mercede) перчаточники („Hentshuhern"), кубочники („Becherere"), столяры и плотники („Zimberliute"); кузнецы поставляютъ ему, кромѣ замковъ, цѣпей и пилъ, извѣстное количество подковъ и гвоздей [3]). Въ началѣ среднихъ вѣковъ всякаго рода ремесленники и художники (mechanici et artifices) жили на земляхъ самихъ феодаловъ; тутъ

---

[1]) Напр.: Monteil, hist. du XIV siècle, chap. la Table de Pierre, T. I, p. 84.

[2]) См.: le Compte rendu par le bailli d'Aval, en 1347 у Monteil, тамъ же, стр. 85.

[3]) Р. Мауреръ: Geshichte der Frohnhöfe, 1862, T. II, стр. 323; Trier Weisthum, X, 8—10 и 3.

были мясники (carnifices), кожевники (cordones), бочары (doliatores), скорняки (polli-fices et polli-parii), каретники (carrifices et carpentarii) [1]), молочные торговцы (institores), плотники (aeditui), каменщики и каменотесы (coemantarii et lapicidae), живописцы (pictores), даже купцы (negotiatores), золотыхъ дѣлъ мастера (aurifices) и рѣзчики на деревѣ (lignorum cacosres) [2]); другими словами мастера ко всѣмъ ремесламъ („Von einem iecliehen antwergke ein antwergmann") [3]), находились при самомъ дворѣ феодала, въ пользу котораго они отправляли барщину; хотя въ позднѣйшія времена среднихъ вѣковъ такой порядокъ вещей измѣняется и ремесленники, и художники не поселяются болѣе на земляхъ феодаловъ, тѣмъ не менѣе въ воспоминаніе первоначальныхъ отношеній, а также за mansi и лены, которыми они сами владѣютъ, они продолжаютъ поставлять феодалу продукты своего ремесленнаго труда: ножи, ножницы и клещи, заступы и топоры, блюда, кубки, сѣдла и другія хозяйственныя принадлежности (sellae et cetera utensilia). Кузнецъ долженъ былъ доставлять ему шпоры; а ткачь—скатерть въ шесть аршинъ длины и такъ называемый „Handquel". Мы вправѣ предполагать, что женщины не отставали въ этомъ общемъ стремленіи снабжать феодала всѣми хозяйственными принадлежностями. Такъ, жена каждаго колона была обязана поставлять кусокъ полотна и кусокъ шерстяной матеріи (camisilem I и sarcilem I), варить солодъ и печь хлѣбъ. Однѣ должны были кромѣ труда жертвовать и матеріалъ (pannos ex proprio lino), другія должны были только обработывать сырой матеріалъ, который имъ выдавалъ феодалъ (si datur eius linificium, faciunt camsilos etc.); поэтому нѣкоторые mansi, кромѣ обыкновенныхъ оброчныхъ статей: льнянаго сѣмени, чечевицъ и т. д. должны были доставлять въ хозяйство феодала опредѣленное количество льняной пряжи. Рыбаки должны были снабжать его лососями и другими рыбами („оброчныя рыбы"), выловленными въ извѣстные промежутки времени, и перевозить въ чел-

---

[1]) См. Ducange, s. v. curifices

[2]) P. См. Мауреръ, тамъ же, Т. II, стр. 316 и слѣд.

[3]) Гриммъ, Weisthümer I, 763, § 33.

покѣ его и его мельниковъ всюду, куда бы онъ не пожелалъ. Разносить же его письма, и вообще исполнять обязанность почтальона и эстафета — составляло почетную привиллегію мясниковъ. Я бы могъ еще долго, очень долго перебирать весь этотъ хозяйственный инвентарь, если бы не боялся васъ утомить. Я приведу еще нѣсколько примѣровъ, чтобъ убѣдить васъ въ совершенной невозможности подыскать такую потребность, которая бы не восполнялась особенной оброчной статьей при подобной системѣ натуральныхъ повинностей. Особенные оброчные должны были удовлетворять in natura каждой особенной потребности феодала. Въ настоящее время человѣкъ желающій выиграть какое нибудь дѣло долженъ брать за дорогую цѣну адвоката. Средневѣковый сеньеръ не нуждается въ томъ. Всѣ буржуа подвластныхъ ему коммунъ обязаны подавать ему мудрый совѣтъ во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ [1]). Мы ходимъ за большія деньги въ балетъ, и разныя увеселительныя мѣста. Феодалу нѣтъ надобности дѣлать это! У него есть ленники, которые по праву обязаны представлять пьяныхъ [2]), кувыркаться на маперъ акробатовъ [3]) и сочинять двусмысленныя пѣсни дамѣ его сердца [4]).

Изъ всего сказаннаго вполнѣ выясняется экономическое положеніе такого феодала! Онъ человѣкъ богатый, очень богатый. Но онъ *не можетъ капитализировать* свой доходъ! въ томъ его *различіе отъ современнаго намъ фабриканта*, въ томъ несчастная сторона его экономическаго состоянія. Онъ не можетъ капитализировать ни кувыркацій, ни прыжковъ, ни двусмысленныхъ пѣсенекъ, ни личныхъ услугъ; не можетъ также капитализировать воскъ, яйца, куръ, медъ, быковъ, блюда, тарелки, льняную пряжу, холстъ, кубки, веревки, бочки, мѣха,

---

[1]) Privilèges du château de Simpodium von 1396 y Monteil, Hist. du XIV siècle, chap. maître Dalmac, T. I, p. 39.

[2]) См. Sauval, Antiquités de Paris. Fol. 1724, T. II, liv. 8 chap. Redevances ridicules: était obligé pour toute protestation de foi et devoir seigneurial de contrefaire l'ivrogne.

[3]) Sauval, ib. ib.:—de courir la Quintaine à la manière des paysans.

[4]) Sanval, ib. ib.:—de dire une chanson gaillarde à la Dame de Levarai.

котлы, насосы, шерстяныя матеріи, вино, пиво, сѣдла и т. д., не можетъ также капитализировать услугъ купорщиковъ, парѣзниковъ, кожевниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, рѣзчиковъ, живописцевъ и т. д., которые всѣ обязаны отправлять на него барщину.

Всѣми этими средствами потребленія, доставляемыми ему въ такомъ изобиліи, Seigneur можетъ пользоваться неограниченно, и онъ пользуется ими беззаботно, весело и съ гораздо большимъ жизненнымъ наслажденіемъ, чѣмъ въ настоящее время какой нибудь богатый фабрикантъ, который слушая въ оперѣ Моцарта или Бетговена вдругъ вспоминаетъ о какомъ нибудь рискованномъ предпріятіи и этимъ отравляетъ себѣ все удовольствіе. Но съ другой стороны онъ можетъ *только* пользоваться этими средствами потребленія или отчасти сберегать ихъ для будущаго пользованія; но онъ не можетъ *пустить ихъ въ ростъ*. Въ его рукахъ множество повинностей, множество *отдѣльныхъ цѣнностей потребленія*, но почти нѣтъ *всеобщей мѣновой цѣнности—денегъ;* онъ не становится еще лицомъ къ лицу съ капиталомъ. Мауреръ справедливо замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи [1]), что *личныя услуги* представляютъ тѣ узы, которыми всѣ члены государства связываются между собою и съ главою государства.

Если бъ даже феодалъ располагалъ излишними денежными процентами, и тогда онъ не могъ бы, при существовавшей системѣ производства умножать и капитализировать ихъ. Опредѣленность взаимныхъ натуральныхъ повинностей, опредѣленность всѣхъ трудовыхъ силъ, способовъ пользованія, натуральныхъ правъ и натуральныхъ обязанностей, всѣ эти условія дѣлаютъ экономическую организацію до того прочной, неизмѣнной и неподвижной, что въ ней не остается ни мѣста, ни возможности къ такому накопленію и умноженію прибыли. Такъ напр. опытъ показываетъ, что выгоднѣе засѣвать поле овсомъ, чѣмъ рожью и кормовыми травами, или наоборотъ выгоднѣе засѣвать его клеверомъ и люцерной,

---

[1]) Geschichte der Frohnhöfe, I, 376.

чѣмъ овсомъ. Но на этомъ полѣ лежитъ натуральная рента въ десять мальтеровъ ржи и вотъ его обрекаютъ на вѣчныя времена ростить одну только рожь. Возьмемъ другой примѣръ: положимъ что было бы выгоднѣе обратить лѣсной участокъ въ пахатную землю. Но вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ отношеній владѣтеля къ колонамъ, къ общинамъ, къ церкви и т. д., вслѣдствіе цѣлаго ряда взаимныхъ натуральныхъ повинностей, на такомъ лѣсномъ участкѣ лежитъ множество натуральныхъ привилегій, которыя дѣлаютъ невозможнымъ всякую производительную его переработку. Вслѣдствіе такой системы индивидуальныхъ натуральныхъ повинностей, необходимо [1]) возникла германская система собственности или раздѣленная собственность (въ юридическомъ смыслѣ собственность верховная и зависимая, доминія и утилитарная собственность), а это сдѣлало невозможнымъ даже при посредствѣ денегъ всякое производительное видоизмѣненіе или умноженіе собственности.

Не должно думать, что въ городахъ существовалъ иной порядокъ вещей. На первый взглядъ можно конечно предполагать, что въ средніе вѣка положеніе гражданъ и мастеровъ въ городахъ было совсѣмъ иное, чѣмъ феодальныхъ владѣльцевъ. Но въ дѣйствительности мы встрѣчаемъ тотъ же порядокъ вещей, который приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, только выраженнымъ въ другой формѣ. Я буду говорить о первомъ періодѣ средневѣковой эпохѣ, когда въ городахъ всѣ производства находились въ рукахъ патриціевъ, выполнявшихъ ихъ руками оброчныхъ ремесленниковъ, и когда слѣдовательно источникомъ всякаго производства являлась только верховность. Я остановлюсь на времени развитія цеховой организаціи. Самое поверхностное изученіе этой организаціи приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: цеховой мастеръ, пріобрѣтая извѣстныя права (Meisterrecht), выполняетъ извѣстное производство въ силу индивидуальной привиллегіи; а пріобрѣтаетъ онъ эти права только потому, что отецъ его былъ такимъ же скорнякомъ какъ и онъ, или потому что онъ

---

[1]) Подробности объ этомъ у Лассаля; «System der erworbenen Rechte», т. I стр. 160 и сл.

состоитъ гражданиномъ извѣстнаго города, или потому наконецъ, что онъ отвѣчаетъ одному изъ тѣхъ особенныхъ индивидуальныхъ условій, на пестрой совокупности которыхъ средневѣковая цеховая организація основываетъ права мастера. Феодальный владѣтель пользуется доходомъ съ производства въ силу того же принципа, въ силу особенной индивидуальной своей правоспособности, въ силу особенныхъ, лично ему принадлежащихъ правъ, однимъ словомъ въ силу того, что онъ привиллегерованный индивидуумъ, тогда какъ современный намъ фабрикантъ пользуется такимъ доходомъ только на основаніи фактическихъ отношеній. Но если существуетъ одинъ привиллегированный индивидуумъ, то изъ самаго этого понятія необходимо слѣдуетъ, что существуютъ и другія привиллегированные индивидуумы, пользующіеся своими особенными правами; такимъ образомъ возникаетъ цѣлый рядъ особенныхъ индивидуальныхъ правъ и привиллегій, которыя другъ съ другомъ сталкиваются, другъ друга стѣсняютъ, другъ друга ограничиваютъ и дѣлаютъ невозможнымъ свободное экономическое развитіе. На этихъ простыхъ соображеніяхъ основывались всѣ безчисленныя средневѣковыя постановленія относительно производителей; въ нихъ говорится о сырыхъ матеріалахъ, которые производители должны употреблять, о способахъ обработки и методахъ ремесленнаго труда, которые они должны измѣнять, о количествѣ рабочихъ часовъ, которымъ они должны ограничиваться, о задѣльной платѣ, которую они должны платить, о качествѣ производимыхъ ими предметовъ, о цѣнѣ и максимумѣ прибыли, которою они должны довольствоваться и т. д. Для ближайшаго ознакомленія съ безконечнымъ рядомъ такихъ и подобныхъ имъ ограниченій предлагаю читателямъ просмотрѣть средневѣковые статуты и ордонансы, относящіеся къ этому предмету, я же укажу теперь на два ограниченія, которыя имѣютъ особенныя значенія и могутъ считаться общеизвѣстными. Мастеръ, въ силу права мастера Meisterrecht'а является привиллегированнымъ индивидуумомъ. Но въ силу того же права ему должны быть противопоставлены два другихъ рода, одинаково привиллегированныхъ индивидуумовъ. Вопервыхъ мастера по всѣмъ другимъ ремесленнымъ отраслямъ; они являются точно такими же привиллегированными личностями, и поэтому ни одинъ мастеръ не

имѣетъ права соединять два мастерства, какъ бы близко они не подлежали другъ къ другу и какъ бы выгодно не было такое соединеніе для производства. Во вторыхъ ему быть должны противопоставлены всѣ остальные мастера по одной съ нимъ ремесленной отрасли; они всѣ пользуются точно такими же правами какъ онъ самъ; и поэтому въ каждомъ городѣ всѣ мастера по извѣстному ремеслу обязаны ограничиваться одинаковыми трудовыми силами, т. е. другими словами въ каждомъ городѣ, по каждой ремесленной отрасли, число подмастерьевъ, которыми могутъ располагать въ отдѣльности всѣ мастера по извѣстному ремеслу, опредѣляется точными постановленіями.

Изъ этихъ двухъ ограниченій сама собою вытекаетъ *полная невозможность* капитализировать доходъ съ производства. Самыя остроумныя изобрѣтенія и открытія теряютъ свою силу при такомъ узаконенномъ разграниченіи различныхъ отраслей производства, не допускающемъ соединенія ихъ въ рукахъ одного фабриканта; это разграниченіе дѣлаетъ невозможнымъ *дешевизну* производства, вызываемое этой дешевизной *производство въ большой массѣ* и достигаемую такимъ производствомъ *еще большую дешевизну*. Но допустимъ даже, что вопреки всѣмъ ограниченіямъ, стѣсняющимъ производителя въ его промышленной дѣятельности, въ пріобрѣтеніи сыраго матеріала, въ выборѣ способовъ обработки, установленіи цѣнъ и т. д., что вопреки всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ ему удалось заработать *больше* чѣмъ его сотоварищамъ-мастерамъ, что̀ будетъ онъ въ состояніи *предпринять* съ этимъ *избыткомъ дохода?* Онъ не можетъ прибыльно приложить его къ своему производству, такъ какъ въ силу статутовъ, опредѣляющихъ число подмастерьевъ, онъ не имѣетъ права увеличивать своихъ трудовыхъ силъ, и расширять такимъ образомъ свое предпріятіе. На томъ же основаніи онъ не можетъ ссудить этотъ излишекъ дохода своимъ товарищамъ-мастерамъ или мастерамъ другихъ ремесленныхъ цеховъ, такъ какъ и они въ силу тѣхъ же статутовъ не имѣютъ права расширять свое производство. Такимъ образомъ въ средніе вѣка, даже при существованіи промышленнаго производства, доходъ съ производства не могъ имѣть капитализирующей силы. Талеръ, заработанный

мастеромъ, является мертвымъ талеромъ, не приносящимъ дальнѣйшей прибыли. Онъ можетъ служить для пріобрѣтенія средствъ потребленія или можетъ быть сберегаемъ для пользованія на будущее время. Но онъ еще не имѣетъ въ себѣ живой, постоянно обнаруживающейся силы. Такимъ образомъ въ промышленности, также какъ и въ рукахъ феодальнаго владѣльца, доходъ съ производства переходитъ только въ средства, нужныя для потребленія.

Въ средніе вѣка капиталъ, въ собственномъ смыслѣ капитала начинаетъ развиваться только въ одной области экономіи—въ міровой торговлѣ, преимущественно въ торговыхъ сношеніяхъ Венеціи съ Востокомъ. Это происходитъ частью оттого, что къ этому времени многіе изъ вышеупомянутыхъ ограничительныхъ статутовъ утрачиваютъ въ этой мѣстности свое значеніе и отмѣняются, частью оттого, что даже тамъ гдѣ они еще сохраняются, они оказываются уже безсильными подрывать капиталъ въ его основѣ, вслѣдствіе живой, путемъ новыхъ накопленій постоянно возрастающей силы послѣдняго. Когда португальцы открыли морской путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды, городъ Аугсбургъ въ одну экспедицію получилъ чистаго дохода 175,000 дукатовъ за покрытіемъ расходовъ въ 100,000 дукатовъ; другими словами получилъ 175 процентовъ прибыли! Къ этимъ громаднымъ доходамъ, доставленнымъ міровой торговлей, присоединяется прибыль, доставляемая финансовымъ лихоимствомъ, которое въ средніе вѣка было особенно сильно развито между земскими чинами и въ заемныхъ банкахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что капиталъ, являющійся зародышемъ въ античномъ мірѣ, достигаетъ въ средніе вѣка отроческаго и юношескаго возраста и приближается къ тому моменту, когда будетъ въ состояніи сбросить съ себя послѣднія оковы и сдѣлаться человѣкомъ, т. е. достигнуть полнаго своего развитія! Все способствуетъ этому развитію, каждый успѣхъ на поприщѣ соціальнаго развитія, каждое событіе, каждое изобрѣтеніе и открытіе, каждый успѣхъ въ системѣ раздѣленія труда, каждое сбереженіе издержекъ при производствѣ, каждое расширеніе сбыта, наконецъ каждое орудіе производства, которое не могло примѣняться при прежнемъ по-

рядкѣ вещей [1]). Такимъ же образомъ юноша мало по малу набиралъ силъ, чтобъ наконецъ сбросить всѣ сдерживавшія его оковы. Вспыхнула французская революція, исчезли всякія стѣсненія и ограниченія правъ человѣка, установилась свободная конкуренція, и передъ глазами міра возсталъ полный силы и жизни гигантъ — „капиталъ." Я говорю — установилась гражданская „свобода", другими словами — всѣ безъ различія получили законное право сдѣлаться милліонерами!

При свободной конкуренціи предприниматель относится къ работнику какъ къ товару! Работникъ осуществляетъ собою работу, а работа является продуктомъ необходимыхъ издержекъ производства. Вотъ какъ можно спеціально характеризовать наше время, время господства свободной конкуренціи. Но справедливость требуетъ сказать, что всѣ отношенія прежняго времени, — отношенія господина къ рабу въ древности, отношенія феодальнаго владѣтеля къ крѣпостнымъ и оброчнымъ въ средніе вѣка, — что всѣ эти отношенія были человѣческими отношеніями: человѣческими не въ смыслѣ филантропическомъ, не въ смыслѣ лучшаго и худшаго обращенія однихъ съ другими; но не объ этомъ здѣсь идетъ рѣчь, хотя нашимъ теперешнимъ работникамъ долго придется ждать такихъ жизненныхъ условій, въ какія гуманные греки и римляне поставили своихъ рабовъ; эти отношенія были человѣческими по самому внутреннему своему принципу. Они были человѣческими, говорю я потому что были отношеніями *властителя* къ *подвластнымъ* ему, а такія отношенія во всякомъ случаѣ должны назваться человѣческими. Они были человѣческими отношеніями потому, что представляли собою отношенія *одного* извѣстнаго, лица къ *другому* извѣстному лицу. Они были человѣческими отношеніями, на что указываютъ самыя угнетенія и дурное обращеніе, которому подвергались рабы и крѣпостные. Потому что *гнѣвъ*, также какъ и *любовь*, есть человѣческое чувство, и если я съ кѣмъ нибудь въ порывѣ гнѣва обращаюсь дурно, то я тѣмъ самымъ признаю его за человѣка и все-таки обращаюсь съ нимъ какъ съ человѣкомъ,

---

[1]) См. Лассаля: „Arbeiterprogramm" Zürich, 1868, Meyer und Zeller p. 10—18.

такъ какъ только одинъ человѣкъ можетъ возбудить во мнѣ гнѣвъ.

Наоборотъ, отношеніе предпринимателя къ работнику является вполнѣ *холоднымъ, нечеловѣчнымъ*; онъ видитъ въ работникѣ вещь, которая, подобно всякому *другому товару* на рынкѣ, получаетъ цѣнность соотвѣтственно издержкамъ производства; это отношеніе придаетъ специальный, въ высшей степени нечеловѣчный характеръ современному буржуазному періоду экономическаго развитія! Отсюда понятна ненависть либеральной буржуазіи противъ государства, не противъ извѣстнаго государства, но противъ понятія о государствѣ вообще, которое бы она хотѣла вовсе стереть съ лица земли, поглотивъ его понятіемъ о гражданскомъ обществѣ; другими словами — пропитавъ его вполнѣ идеей о свободной конкуренціи. Оно и понятно: государство во всякомъ случаѣ смотритъ на работниковъ какъ на людей, тогда какъ въ гражданскомъ обществѣ, гдѣ господствуетъ *начало свободной конкуренціи* они разсматриваются какъ вещи, оцѣниваются только по стоимости издержекъ производства. Отсюда упорная ненависть буржуазіи противъ всякаго сильнаго государства, какъ бы оно не было хорошо устроено и организировано въ своихъ частяхъ; буржуазія не въ силахъ вовсе его уничтожить, но они постоянно стремятся дать возможно болѣе широкое примѣненіе индивидуализму свободной конкуренціи для того, чтобы гдѣ только возможо асимилировать государство гражданскому обществу и подчинить его нечеловѣческому преобладанію вышеприведенной законности.

Таковы слова Лассаля, такова квинтъ-эссенція сравнительной исторической критики, приложенной соціализмомъ изученію историческихъ формъ соціально - экономическаго соединенія человѣческихъ силъ!

Конечно, въ картинѣ не мало искуственнаго распредѣленія свѣта и тѣней. Но тѣмъ не менѣе въ ней много истиннаго, и было бы несправедливымъ утверждать, что соціализмъ сознательно

отстаиваетъ несостоятельный порядокъ вещей прежняго времени, чтобъ подорвать современный капитализмъ. Соціалисты не оправдываютъ ни привиллегій, ни „монополизмъ“, и положительно отвергаютъ всякую реакцію въ пользу прошлаго, какъ то показываетъ сочиненіе Марло; отвергаютъ не только реакціонную систему барона фонъ-Галлера, но и мечтанія Родовица [1]) и Сталя, которые стремились слить съ современной плутократіей средневѣковый элементъ феодальной верховности.

Впрочемъ, считаю своею обязанностью, оканчивая мое чтеніе, предложить рядъ вопросовъ исторической критикѣ соціализма.

Послѣдующія мои чтенія разрѣшаютъ эти вопросы; теперь же я обращаюсь къ соціалистамъ и говорю имъ:

Всѣ ваши историко-критическія изслѣдованія заканчиваются однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: капиталистическая закваска погубила эллиновъ; капитализмъ, вызванный міровыми сношеніями римлянъ и поддержанный римскимъ правомъ, въ концѣ концовъ погубилъ Римъ; и тотъ же духъ зла порвалъ лучшія, а именно „болѣе человѣческія“ отношенія, возникшія изъ связнаго средневѣковаго жизненнаго строя.

Но въ такомъ случаѣ объясните намъ:

Почему этотъ капитализмъ возникалъ каждый разъ, когда дѣло шло о посредничествѣ между отдаленными общинами производства?

Почему міровая торговля пріобрѣтала, по вашему же признанію, всегда и вездѣ характеръ капиталистическій?

Почему какъ древнія, такъ и средневѣковыя хозяйственныя организаціи, сложившіяся на принципѣ верховности, государства и церкви, почему эти организаціи могли удовлетворять только тѣсному кругу человѣческаго общенія и оказывались вполнѣ несостоятельными съ развитіемъ національнаго и интернаціональнаго обмѣна между людьми?

Почему не могли воспрепятствовать „опустошительному“ вторженію капитализма никакія консервативныя тенденціи привиллеги-

---

[1]) «Gespräche über Staat und Reiche. Marlo I, p. 55.

рованныхъ собственниковъ и распредѣленныхъ по цехамъ сословій?

Не обязанъ ли подобный идеализированный патріархальный порядокъ вещей своимъ кратковременнымъ существованіемъ тому, что массы народа были принесены въ жертву привиллегированнымъ сословіямъ и общинамъ?

Если капитализмъ, въ первое время своего появленія, причинилъ столько вреда, не слѣдуетъ ли искать причину такого явленія въ томъ, что несчастная, угнетенная масса народа была поставлена лицемъ къ лицу съ капиталомъ, не почерпнувъ еще фактической силы во всеобщей политической правоспособности, и не имѣя еще добраго руководителя въ формѣ удовлетворительнаго общаго образованія?

Не вызвалъ ли капитализмъ новый, можетъ быть худшій видъ аристократіи именно потому, что былъ связанъ съ остатками прежнихъ, отжившихъ хозяйственныхъ формъ? Современный капитализмъ упрекаютъ въ глубокой испорченности, въ страшномъ неравенствѣ доходовъ; но я спрошу у васъ, не слѣдуетъ ли искать къ тому повода напр. въ постоянномъ военномъ бытѣ, который оказываетъ такое ужасное вліяніе на народное хозяйство, на злоупотребленіе государственнымъ кредитомъ, на мошенничества и биржевыя спекуляціи, на повышеніе барышей и процентовъ съ капитала?

Неужели прежнія народно-хозяйственныя формы, основанныя на принципѣ верховности и монополизма, мало поглотили производительныхъ силъ? Неужели вамъ недостаточно извѣстно страшное, почти скотоподобное положеніе крѣпостныхъ во всѣ времена?

Зачѣмъ вы почти ничего не говорите о томъ, сколько неподвижная цеховая организація убила талантовъ, свободы, живыхъ стремленій, въ лицѣ множества учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ?

Зачѣмъ раздаются чрезъ цѣлыя поколѣнія жалобы цеховыхъ ремесленниковъ, что ихъ производительныя силы гибнутъ и распредѣляются въ высшей степени нехозяйственно?

И какъ можно считать хотя бы только относительно болѣе бла-

гопріятною ту специальво-экономическую организацію, которая не полагаетъ чисто хозяйственныхъ мотивовъ основной регулирующей силой въ народно-хозяйственномъ организмѣ? Поэтому какъ можете вы признавать за лучшую хозяйственную организацію такой порядокъ вещей, который опирается не на принципъ хозяйственности, а на принципъ верховности и который лишенъ самостоятельнаго экономическаго центра тяжести, постоянно присущаго капитализму?

Къ чему же съ вашей стороны такая смѣлая, безцѣльная оппозиція противъ свободы конкуренціи, противъ дѣйствительно и непосредственно хозяйственной организаціи, опирающейся на экономическіе мотивы? Вѣдь ни одинъ мыслящій человѣкъ не станетъ отрицать, что капитализмъ не долженъ остаться вѣчной и абсолютной формой соціальной организаціи, и что хозяйственное движеніе общественной культуры должно подчиняться опредѣленію права и любви къ ближнему?

Нѣтъ, лучше вы разрѣшите такую задачу: какимъ образомъ въ современномъ всемірномъ обществѣ производства и при необходимости въ такой интенсивной системѣ хозяйства, гдѣ бы земля, капиталъ и производительныя силы пріобрѣтали бы высшую индивидуальность; какимъ образомъ сдѣлать въ высшей степени индивидуально производительными милліоны разнообразныхъ производительныхъ силъ, не сообщая имъ путемъ индивидуальной свободы и соціальныхъ импульсовъ наиболѣе хозяйственную самоиндивидуализацію?

Вы не доказали, что капитализмъ не поддается обновленію.

Вы не доказали, что большія массы равноправныхъ людей могутъ быть хозяйственно управляемы силами, лежащими внѣ хозяйственной области.

Вы не придумаете также новой положительной системы соціализма, которая бы могла потягаться съ капитализмомъ въ современную намъ эру міровой торговли и міроваго хозяйства; вы даже не указали на то, что единственное здоровое мѣсто въ вашей организаціи, — именно ассоціаціи, имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ обновленный капитализмъ.

Поэтому не требуйте и не ожидайте отъ насъ, что мы объявимъ низложенной капиталистическую форму производства и оборота, что мы отречемся отъ соціальнаго механизма, занимающаго первое мѣсто въ исторіи и обезпечивающаго за народнымъ хозяйствомъ чисто хозяйственное движеніе; что мы сдѣлаемъ это подъ вліяніемъ вашей геніальной исторической критики, въ которой вы съумѣли особенно ярко освѣтить наиболѣе слабыя стороны капитализма—экономической организаціи, во многомъ, правда, не выработанной и несостоятельной, но не безусловно испорченной.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Современное правосознаніе. — Отмѣна привилегій. — Всеобщая нравственная равноправность. — Одностороннее пониманіе этой правовой идеи. — *Либерализмъ и комунизмъ.* — *Федерализмъ.* — *Направленія либерализма: во первыхъ*: старыя экономическія теоріи либерализма и меркантилизма. — *Во вторыхъ*: *чистый* либерализмъ. — Школа чистаго либерализма во Франціи и въ Англіи. — Кене и физіократы, — Смитъ, Рикардо, Мальтусъ. — Либеральные эпигоны. — Опозиція противъ либерализма. — «Сознательные» и «безсознательные» либералы.

Съ наступленіемъ, такъ называемыхъ, новѣйшихъ временъ происходитъ совершенный переворотъ въ *правовыхъ воззрѣніяхъ* человѣчества: это вполнѣ признаютъ и соціалисты. Конечно, на практикѣ человѣчество и теперь, какъ и въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, ведетъ исконную борьбу изъ за распредѣленія труда и пользованія имуществомъ или, что тоже, изъ за распредѣленія труда и его продуктовъ, — „система монополій не пала, монополіи перешли только въ другія руки." Однако же, нельзя не признать, что христіанское воззрѣніе на нравственное достоинство всякаго человѣка постепенно проникаетъ во всеобщее правосознаніе. Принципъ „привилегій" для благороднаго сословія уступилъ мѣсто требованію равнаго надѣленія всѣхъ индивидовъ правами, съ цѣлью возможно большаго развитія ихъ индивидуальности. Системамъ „монополизма" противупоставляются системы равной для всѣхъ правоспособности, системы напполизма, какъ говоритъ Марло.

Это новое воззрѣніе, которое стремится сдѣлаться основою всего современнаго общественнаго права, сдѣлалось однако въ тоже время источникомъ односторонняго направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

принципъ равноправности только медленно искореняетъ старый, но все еще живучій міръ привилегій; и по нынѣ уцѣлѣвшія отъ разрушенія вѣтви этого дерева бросаютъ свою тѣнь на современное общество.

Всѣ люди равноправны, всѣ должны нравственно, т. е. въ свободной разумной дѣятельности, развивать свою личность или индивидуальность, этого требуетъ правосознаніе новѣйшихъ временъ, возвысившееся надъ началомъ привилегій. Эта правовая идея есть только отголосокъ несомнѣнно лежащей въ христіанскомъ ученіи идеи о нравственно-разумномъ призваніи человѣка.

Изъ этого требованія можно сдѣлать *двоякій* выводъ. Съ одной стороны изъ этого заключается, что отнынѣ каждый человѣкъ *свободенъ*, служитъ самъ для себя нравственною цѣлью, неподчиненъ никому другому, ничьимъ частнымъ интересамъ. Съ другой стороны: каждый имѣетъ наравнѣ со всѣми другими людьми право давать нравственное содержаніе своей жизни, никто не имѣетъ права исключать другаго отъ пользованія общими фондами для удовлетворенія жизненныхъ потребностей человѣческаго общества. Изъ общепризнанной отправной точки, т. е. идеи о нравственной самоцѣльности (бытія per se, личности) всѣхъ индивидовъ, могутъ такимъ образомъ возникнуть два одностороннія направленія,—исключительное стремленіе къ *свободѣ* или исключительное стремленіе къ *равенству*. Въ чемъ же истина? Не слѣдуетъ, во первыхъ, разъединять свободы и равенства, связанныхъ между собою уже тѣмъ, что обѣ утверждаются на той же почвѣ. Во вторыхъ нужно признать доказаннымъ самою силою событій, что свобода пуста и не имѣетъ никакой цѣны для людей безъ того жизненнаго содержанія, которое создаетъ ихъ счастье, что равенство не имѣло-бы никакой прелести, никакого значенія для человѣка безъ возможности саморазвитія всѣхъ духовныхъ принадлежностей лицъ. Изъ этого слѣдуетъ, въ третьихъ, что только при гармоническомъ саморазвитіи всѣхъ индивидовъ могутъ быть совмѣщены свобода съ равенствомъ, счастье съ нравственнымъ довольствомъ: въ наукахъ экономическихъ правда не составляетъ исключительной принадлежности того или другаго направленія.

Между тѣмъ, на опытѣ, логика народовъ, ихъ исторія при-

даетъ вначалѣ отдѣльнымъ моментамъ общечеловѣческой идеи только односторонній образъ; по видимому только тяжелый историческій опытъ можетъ обнаружить въ глазахъ народовъ всю несостоятельность одностороннихъ увлеченій. Быть можетъ, этою цѣною, истина вовсей ея полнотѣ и найдетъ наконецъ отголосокъ въ сердцѣ народовъ.

Еще въ самомъ началѣ новѣйшихъ временъ *данъ былъ толчекъ* самымъ горячимъ и возвышеннымъ стремленіямъ къ равной для всѣхъ *свободѣ*, путемъ упраздненія или болѣе точнаго ограниченія авторитетовъ. Новая эпоха сдѣлалась эпохою либерализма, колебанія авторитетовъ, ослабленія правительственной власти до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ. Міръ феодальныхъ и цеховыхъ стѣсненій разрушенъ до основанія въ періодъ либерализма; такъ что въ современномъ строѣ государственнаго и народнаго хозяйства только кое-гдѣ замѣтны слѣды этихъ развалинъ старыхъ привилегій и монополій.

Но и при самой широкой свободѣ индивидовъ можетъ возникнуть величайшее неравенство, если либеральное общество и либеральное государство не обратитъ должнаго вниманія на то, что немногія личности изъ всей массы свободныхъ индивидовъ присваиваютъ себѣ все ограниченное въ своемъ обьемѣ общественное снабженіе: очевидно, что такое накопленіе цѣнностей на счетъ другихъ индивидовъ дѣлаетъ для послѣднихъ свободу пустою, безсодержательною, лишаетъ ее всякой цѣны. При господствѣ самой полной свободы большинство индивидовъ впадаетъ въ самое глубокое неравенство и бѣдность; свобода становится горькимъ сарказмомъ для бѣдныхъ пролетаріевъ, потому что при такихъ условіяхъ она приводитъ ихъ къ фактическому закрѣпощенію. Ламене говоритъ въ этомъ смыслѣ, что въ наше время безкапитальный наемный работникъ, этотъ истинный рабъ капитала, „несетъ оковы гораздо болѣе тяжелыя, чѣмъ крѣпостной среднихъ вѣковъ, такъ какъ надъ нимъ тяготѣетъ неумолимый голодъ!“ Въ виду этого въ обществѣ естественно пробуждается столь-же горячее поклоненіе *„равенству“* или *„матеріальной свободѣ*. За одностороннимъ либеральнымъ стремленіемъ къ „свободѣ“ слѣдуетъ и логически, и исторически одностороннее движеніе къ ра-

венству. Проповѣдники послѣдняго отыскиваютъ средства, чтобы насильственно, во имя требованій всего общества, обезпечить за каждымъ пользованіе одинакими благами. Для достиженія этого природное снабженіе общества удерживается, какъ общее имущество, внѣ общественныхъ оборотовъ, при посредствѣ „организаціи труда;“ на подобномъ основаніи всѣмъ должно быть обезпечено пользованіе равными благами.

Въ то время, какъ либерализмъ является слишкомъ центробѣжнымъ въ отношеніи къ государству, комунизмъ требуетъ слишкомъ большой правительственной опеки; либерализмъ слишкомъ стѣсняетъ предѣлы того, что можетъ и должно сдѣлать государство; комунизмъ ихъ расширяетъ.

Можно сказать, что если при необузданной хозяйственной свободѣ свободный фабричный трудъ *обращается* въ „каторжную работу“ [1]), то съ другой стороны все коммунистическое государство *представляетъ* съ начала до конца рабочій домъ, галеры. Нужно надѣяться, что міръ не будетъ свидѣтелемъ комунистическихъ экспериментовъ въ большихъ размѣрахъ, хотя въ наше время коммунистическое направленіе сильно распространяется въ массахъ. Конечно, если господство экономическаго либерализма станетъ еще односторониѣе чѣмъ теперь, то человѣческому обществу предстоитъ испытать на себѣ всѣ разрушительныя комбинаціи комунизма.

Къ счастью, уже замѣтно сильное возбужденіе того духа, который соединитъ все что есть истиннаго въ либерализмѣ и комунизмѣ, отвергнетъ ихъ ошибки и достигнетъ гармоническаго саморазвитія нравственныхъ особенностей всѣхъ индивидовъ, — конечной цѣли обѣихъ теорій, т. е. свободы и равенства. Только такимъ образомъ будетъ осуществлена идея, общая либерализму и комунизму, идея права на *всестороннее* свободное саморазвитіе для всякаго нравственнаго существа.

Это „третье направленіе не можетъ отрицать необходимости, посредствомъ примѣненія общественной власти, завоевать для каж-

---

[1]) Даровитый нѣмецкій политико-экономъ графъ фонъ-Соденъ сдѣлалъ это замѣчаніе уже 60 лѣтъ тому назадъ.

даго матеріальную пользу свободы, и защищать индивида отъ упадка силами другихъ индивидовъ; это направленіе не является, такимъ образомъ, въ отношеніи къ т. н. „соціальному вопросу" противнымъ государству. Но въ то-же время эта теорія не признаетъ того, что *вся* хозяйственная жизнь должна направляться правительственными путями: напротивъ того, она положительно утверждаетъ, что хозяйственная жизнь народовъ достигаетъ своей высокой цѣли только при *федеративной* организаціи всего строя хозяйственнаго и политическаго общенія. Только при свободномъ соединеніи одинаково развитыхъ индивидуальныхъ силъ, при жаркомъ соперничествѣ въ обмѣнѣ между членами этого союза, при свободномъ единогласіи всѣхъ въ минуты общихъ затрудненій—только при этихъ условіяхъ каждому можетъ быть обезпеченъ извѣстный кругъ благодѣтельной свободы и твердая матеріальная почва для этой свободы, чѣмъ будетъ достигнута цѣль народнаго хозяйства.

Это направленіе можно обозначить стариннымъ названіемъ „*федерализма.*"

По моему мнѣнію, политическаго и экономическаго спасенья человѣческаго общества можно искать только путемъ истиннаго *федерализма*. Легко видѣть, что высказанные мною положительные взгляды на „капитализмъ и соціализмъ" являются основами федералистическаго міросозерцанія. Я того мнѣнія, и это мнѣніе сложилось у меня не со вчерашняго дня, что роль государства въ области хозяйства не состоитъ только въ томъ, чтобы сидѣть сложа руки или ограничиться только полицейскимъ надзоромъ. Я убѣжденъ въ томъ, что государство, какъ представитель общественной власти всего цѣлаго, какъ органъ „архитектонической" идеи права въ отношеніи къ обществу, должно осуществить условія для гармоническаго развитія всѣхъ индивидовъ. Въ особенности я глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ государствахъ съ густымъ населеніемъ, въ отличіе отъ С. Американскихъ штатовъ, которые нельзя не сравнивать въ этомъ отношеніи съ Западною Европою, регулирующая сила индивидуальной свободы *далеко* недостаточна. Болѣе того, я нахожу, что вездѣ, гдѣ запасъ средствъ пропитанія становится уже слишкомъ узкимъ, всѣ постановленія

права собственности должны быть тщательно направлены на то, чтобы сдѣлать всѣ формы имущества возможно производительными, съ цѣлью приспособленія внѣшнихъ имущественныхъ фондовъ къ трудовымъ силамъ всѣхъ индивидовъ. Я уже показалъ, въ какой степени къ этому способно частное имущество; мнѣ предстоитъ еще показать, что капитализмъ и федерализмъ нисколько не исключаются взаимно.

Не менѣе глубоко я убѣжденъ и въ томъ, что невозможно выводить изъ невыгодъ ничѣмъ не ограниченной хозяйственной свободы необходимость упраздненія всякой свободы; — изъ того, что часть общества низведена необузданнымъ капитализмомъ на степень пролетаріата — выводить необходимость обращенія всего государства въ принудительный рабочій домъ. Дѣлать такіе выводы значитъ, по моему, изгонять діавола вельзевуломъ.

Для меня въ такой же степени несомнѣнно, что многое, что обыкновенно ставятъ въ упрекъ капитализму и либерализму, должно приписать не имъ, но остаткамъ среднихъ вѣковъ и той политической централизаціи, при которой нѣкоторыя династіи правителей, вмѣсто того чтобы наполниться идеею служенія гармоническому развитію всѣхъ индивидовъ, считаютъ возможнымъ управлять своими народами, какъ феодальными крѣпостными и рабочимъ скотомъ. Далѣе я убѣжденъ, что писатели, которые въ сущности оспариваютъ свободу конкуренціи, или даже, подобно *Марло*, обращаютъ свои взоры на цеховое устройство, — эти писатели не суть послѣдовательные и истинные „федералисты,“ хотя и называютъ себя этимъ именемъ: ибо конкуренція представляется самымъ простымъ двигателемъ для всей федераціи производительныхъ силъ и въ ея лицѣ народное хозяйство пріобрѣло чисто хозяйственный двигательный механизмъ. Я считаю основнымъ заблужденіемъ разсматривать государство, какъ универсальное лекарство противъ всякихъ золъ; вмѣсто того, чтобы каждый разъ, передъ тѣмъ какъ призывать публичную власть къ совершенію соціальныхъ реформъ, спросить себя: да простирается ли въ самомъ дѣлѣ такъ далеко свойственныя государству, такъ сказать, техническія его силы? Не располагаетъ ли государственный соціальный организмъ большими средствами помощи?

Я сознаю, впрочемъ, что я, можетъ быть настойчивѣе всѣхъ другихъ писателей, утверждалъ, что всѣ формы общественныхъ союзовъ и соединеній индивидуальныхъ силъ имѣютъ только относительное примѣненіе.

Наконецъ, я очень хорошо знаю, что положительныя начала истиннаго федерализма служатъ въ наше время предметомъ только самой элементарной выработки, что они обнаруживаются въ большинствѣ случаевъ съ примѣсью элементовъ другихъ воззрѣній, что они не сложились въ одинъ великій и свѣтлый кристалъ. Тѣмъ не менѣе, я нахожу, что въ отдѣльности самые здравые результаты соціальной реформы и экономическаго мышленія въ общихъ чертахъ принадлежатъ кругу идей федерализма. Въ самомъ дѣлѣ, организація асоціацій, законодательство о фабрикахъ, преобразовательныя стремленія въ области желѣзно-дорожнаго дѣла, стремленія къ обезоруженію государствъ, истинныя реформы податной системы и многія другія требованія нашего времени—развѣ все это не продукты идеи федерализма? развѣ всѣ эти реформы не отстоятъ одинаково далеко отъ устарѣвшаго либерализма и широковѣщательнаго государственнаго комунизма. Федерализмъ, который имѣетъ задачею въ области политики и экономіи создать многообразное сочетаніе свободы и авторитета, единства и разновидности, не можетъ имѣть какого либо односложнаго лозунга. Онъ не придерживается ни дешеваго искуства государственнаго управленія по принципу „laisez faire," ни деспотической политики, которая втискиваетъ всѣ проявленія народной жизни въ тѣсную рамку обозначаемую правительственною властью. Въ глазахъ разумныхъ людей, то обстоятельство, что ученіе федерализма не сводится къ одному лозунгу, должно служить лучшимъ оправданіемъ этой системы.

Прежде чѣмъ развивать мои собственныя экономическо-федералистическія воззрѣнія, я долженъ изложить читателю теоретическую и практическую сторону либерализма и коммунизма.

Нашему времени суждено быть свидѣтелемъ борьбы обоихъ воззрѣній, одностороннихъ, вышедшихъ изъ одного и того же абсолютно справедливаго положенія и представляющихъ только относительную правду и заблужденіе. Эта борьба идетъ на поприщѣ

науки и на поприщѣ законодательства. Каждый образованный и мыслящій человѣкъ пользуется долею всего запаса размышленій той и другой системы. Каждый индивидъ безсознательно подвергается вліянію начальныхъ положеній обоихъ направленій. Главное затрудненіе для болѣе яснаго пониманія дѣла происходитъ вслѣдствіе того, что большинство законодателей и писателей не сознаютъ ясно своей исходной точки, какъ въ вопросѣ о юридической свободѣ, такъ и въ теоріяхъ, относительно стремленія къ матеріальному равенству; они безцѣльно вращаются въ хаотическомъ безпорядкѣ своихъ мыслей, съ отрывками обѣихъ системъ, примѣшивая къ нимъ остатки прежней системы монополій.

Поэтому, моя ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы представить читателю очеркъ либеральныхъ, комунистическихъ и федеральныхъ (на сколько послѣднія успѣли сложиться) хозяйственныхъ системъ въ ихъ теоретической формулировкѣ, ихъ законодательныхъ предначертаніяхъ и практическихъ результатахъ.

Идея всеобщей правоспособности, свободы и равенства не съ разу проникла въ общественную жизнь; господство привилегій, несвободы и неравенства только мало по малу опустило предъ ней свой флагъ.

Многіе думаютъ что свобода и равенство появились на свѣтъ божій совершенно внезапно, въ эпоху политическихъ треволненій 1789 г.; однако достаточно всмотрѣться въ исторію права, чтобъ убѣдиться, что это несправедливо какъ вообще, такъ и въ особенности относительно народнаго хозяйства: сочиненія Токвиля [1]) доказываютъ, что, даже относительно до революціонной Франціи, начало экономическаго либерализма и комунизма нужно искать гораздо раньше.

Въ экономической и политической наукѣ чистому либерализму *предшествуетъ старо-либеральное* направленіе. Это направленіе нашло свое теоритическое выраженіе въ такъ называемомъ *меркантилизмѣ*, свое практическое примѣненіе въ *кольбертизмѣ*. Формировавшись, такимъ образомъ, оно сдѣлась экономическою системою, господствующею въ цѣлой Европѣ; она жи-

---

[1]) L'ancien regime et la révolution.

ветъ еще до сихъ поръ въ сохранившихся остаткахъ системы покровительственныхъ тарифовъ.

Старую экономическую систему капитализма можно также назвать феодальнымъ либерализмомъ [1]) потому, что такого рода либерализмъ еще глубоко коренился въ феодализмѣ. Мощному потоку капитализма свободной конкуренціи удалось размыть въ своемъ теченіи только нѣкоторыя изъ устарѣлыхъ учрежденій экономической системы „добрыхъ“ старыхъ временъ феодализма.

Большинству моихъ слушателей уже извѣстно, что отличительною чертою меркантилизма и кольбертизма, въ экономическомъ отношеніи, считаютъ стремленіе къ возможному сбереженію денегъ, почему эту систему и называли денежной системою. — Большею частью встрѣчается мнѣніе, что весь міръ, вмѣстѣ съ такимъ проницательнымъ человѣкомъ какъ Кольберъ, увлекся идеею Мидаса. Деньги составляли, по ихъ мнѣнію, все *богатство* народовъ, почему нужно было установить путемъ „меркантилизма искуственую систему торговли, чрезъ которую могло быть достигнуто наибольшее обогащеніе народа благороднымъ металломъ, постоянно благопріятный торговый балансъ“, и все это вслѣдствіе непрерывнаго перевѣса ввоза денегъ надъ вывозомъ. Изъ этого меркантилизмъ выводилъ заключеніе, что сырые продукты должны быть допускаемы къ вывозу только въ обработанномъ видѣ, что необходимо искуственно поощрять вывозъ дорогихъ мануфактурныхъ произведеній и наоборотъ препятствовать привозу продуктовъ иностранныхъ фабрикъ; вмѣстѣ съ тѣмъ считалось необходимымъ удерживать богатыя металломъ колоніи отъ торговли со всѣми странами, кромѣ ихъ метрополіи и пріобрѣтать возможно болѣе такихъ колоній; относительно мѣстныхъ торговыхъ сношеній требовать, чтобы страна вела ихъ непремѣнно подъ собственнымъ флагомъ и недоставляла, такимъ образомъ, должнаго дохода иностраннымъ кораблямъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію многихъ, сложились извѣстные главные элементы научнаго и практическаго инвентаря меркантилизма, а именно: запрещеніе вывоза сырыхъ матеріаловъ,

---

[1]) Это остроумное замѣчаніе заимствовано мною у Марло.

премія для вывозныхъ фабричныхъ издѣлій, таможенная система съ цѣлою массою обширныхъ таможеныхъ предписаній, запрещающихъ ввозъ, запретительныя и охранительныя таможни (прогибиціонизмъ и протекціонизмъ—система запретительная и покровительственная) наконецъ такъ называемая колоніальная, навигаціонная и дифференціальная система съ исключительнымъ и ревнивымъ національнымъ характеромъ. Вмѣстѣ съ принципомъ возможнаго накопленія денегъ, основанная на подобныхъ началахъ торговая политика распространилась на всю Европу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ остается до сихъ поръ господствующею. Таково общепринятое понятіе о меркантилизмѣ.

Тотъ, кто изучалъ этотъ вопросъ по источникамъ, конечно уже давно понялъ, что мнѣніе будто преувеличенное представленіе о хозяйственной важности денегъ вызвало систему Кольбера, что кольбертизмъ является *во всѣхъ* отношеніяхъ только запретительною системою, что это мнѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ.

Многія обстоятельства способствовали тому, что во всѣхъ экономическихъ соображеніяхъ выступило на первый планъ значеніе денегъ. Этому содѣйствовало ощутительное вліяніе перехода отъ системы натуральныхъ услугъ къ денежному обмѣну (отъ натуральнаго хозяйства — къ денежному), значительное возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія, вслѣдствіе прогрессивнаго паденія цѣнности денегъ еще съ самаго 16-го столѣтія, анархія, царствовавшая въ монетной системѣ, а отчасти и живой примѣръ Испаніи, обогащавшейся золотомъ своихъ американскихъ колоній. Не смотря на эти условія, обратившія особенное вниманіе современниковъ на хозяйственное значеніе денегъ, нельзя сказать, чтобы писатели меркантилизма и запретительной системы: Серра, Геновези, Мелонъ, Давенантъ, Клокъ, Бехеръ, а тѣмъ менѣе политическіе практики того времени руководствовались исключительно только преувеличеннымъ понятіемъ о значеніи денегъ. Они имѣли въ виду и другія цѣли, помимо стремленія не выпускать изъ страны денегъ.

Эта система сообразовалась съ требованіями большихъ абсолютныхъ монархій того времени, ихъ внутренней и въ особенности ихъ

внѣшней политики, роскоши и финансовыхъ потребностей королевскихъ дворовъ. Можно сказать, что меркантилизмъ составляетъ политико-экономическую сторону того абсолютнаго монархизма, который составляетъ въ исторіи переходъ отъ феодализма къ современному либеральному государству, обнимая собою эпоху отъ 16-го до 18-го и даже 19-го столѣтія.

Поэтому въ историческомъ опытѣ меркантильная система должна была быть по своей сущности и дѣйствительно была въ главныхъ чертахъ, на половину феодальною, на половину либеральною или феодально-либеральною.

Меркантилизмъ имѣлъ еще *феодальный* характеръ; хотя онъ поставилъ на мѣсто многихъ властителей — одного, но зато этого монарха разсматривалъ не какъ главнаго органа правительственной власти праваго общественнаго порядка, но считалъ его абсолютнымъ владѣльцемъ государства, называлъ его „seigneur“ и „serenissimus“, признавая его подданныхъ частнымъ имуществомъ короля, его крѣпостными, простою податною силою. Феодализмъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ энергическихъ представителей королевскихъ династій, поглотилъ мелкихъ феодаловъ, своихъ собственныхъ дѣтей; но вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ владычества на началахъ частнаго права, принципъ привилегій, достигъ своего высшаго развитія. Людовикъ XIV, величайшимъ министромъ котораго былъ Кольберъ, признавалъ себя, какъ видно изъ его извѣстнаго изрѣченія: „l'état—c'est moi“, личнымъ воплощеніемъ государства. Когда королю вздумается воздвигать новыя зданія, весь народъ обращается въ крѣпостнаго каменьщика; королевскіе расходы на предметы роскоши, по словамъ Людовика, „милостыня народу“. Эксплуатація и выжиманіе народа для пополненія кошелька расточительнаго монарха — вотъ цѣль новой финансовой системы. Меркантильно-камеральная наука политики была направлена къ тому, чтобы удовлетворить потребностямъ государей, блеску иностранной политики, ихъ роскоши. Нѣмецкіе камеристы прямо высказываютъ это: „когда королю, говорятъ они, вздумается жать хлѣбъ — государство должно сѣять, когда онъ захочетъ рыбы — государство должно ловить ее, когда онъ хочетъ доить корову — подданные должны ее кормить“. Еще Джемсъ

Стюартъ (1767), послѣдній изъ замѣчательныхъ меркантилистовъ и предшественникъ Адама Смита, говоритъ въ этомъ смыслѣ, что „государь долженъ быть правителемъ и народнымъ хозяиномъ. Верховная власть уполномочиваетъ его на то и другое“.

Сообразно этому, прежняя феодальная и цеховая организація не была совершенно отмѣнена, но только преобразована. Только въ періодъ чистаго либерализма, въ эпоху революціи, совершилась эмансипація поземельной собственности и установилась свобода ремеслъ.

Наконецъ, антилиберальное или абсолютно-монархическое государственное хозяйство, въ той же мѣрѣ отрицало экономическую равноправность всѣхъ народовъ и направлялась къ наибольшей эксплуатаціи иноземныхъ національностей, на сколько во внутренней политикѣ оно придерживалось системы правительственныхъ монополій. Въ отношеніи къ международной торговой политикѣ, новая экономическая система стояла ниже общаго уровня международнаго права, смягчившагося подъ вліяніемъ идей христіанства; эта система снова возвращалась къ греко-римской системѣ грабежа всѣхъ чужеземныхъ народовъ, всѣхъ „варваровъ.“

Однако меркантилизмъ или экономическая система абсолютной монархіи не является только системою самовластія и эксплуатаціи; въ ней замѣтны вмѣстѣ съ тѣмъ и *рѣшительныя либеральныя стремленія*; на послѣднее обстоятельство было обращено въ экономической литературѣ преимущественное вниманіе. Старый либерализмъ подготовилъ господство чистаго либерализма.

Тотъ же Кольберъ, который во внѣшней торговлѣ придерживается запретительной системы, уничтожаетъ таможенныя стѣсненія по всѣмъ провинціямъ страны; такимъ образомъ, онъ создаетъ для конкуренціи поприще въ области великаго народнаго обмѣна. Онъ наноситъ смертельный ударъ мѣстнымъ корпоративнымъ учрежденіямъ и регулируетъ цеховую организацію. Въ лицѣ обширныхъ мануфактуръ и фабрикъ онъ впервые вызываетъ къ жизни крупные производительные капиталы въ современномъ ихъ значеніи. Онъ создаетъ обширныя цѣли для индустріализма и поддерживаетъ спекулятивный капитализмъ посредствомъ проведенія каналовъ и дорогъ и упрощенія системы взиманія пошлинъ. Кольбера нельзя считать приверженцемъ стараго феодализма, великихъ мѣ-

стныхъ сюзеренов и воззрѣній клерикальной партіи; напротивъ того, множество выраженій, встрѣчающихся какъ въ прежде изданныхъ, такъ и въ недавно появившихся въ свѣтъ томахъ его административной кореспонденціи, обнаруживаютъ въ первомъ министрѣ Людовика XIV человѣка съ либеральнымъ образомъ мыслей, хотя и не чуждымъ бюрократическаго старо-либерализма. Вполнѣ неосмысленной политикой населенія, доходившей въ своихъ стремленіяхъ доставить промышленности хорошихъ работниковъ и государству хорошихъ солдатъ до назначенія премій отцамъ многихъ дѣтей мужескаго пола, меркантилизмъ значительно поколебалъ узкія рамки народонаселенія стараго жизненнаго строя.

Если мы сопоставимъ съ старымъ либерализмомъ теоріи современныхъ намъ соціалистовъ, то мы нерѣдко встрѣтимъ у послѣднихъ горячія симпатіи къ старому либерализму. Да и почему же нѣтъ? Развѣ старо-либерализмъ не придерживался принципа регламентаціи народной жизни въ виду „блага всѣхъ," развѣ онъ не требовалъ обширнаго, неограниченнаго вмѣшательства государства? Конечно, идея государственной дѣятельности не унижена еще въ старомъ либерализмѣ до той „идеи ночной стражи" (Nachtwächteridee), которая, по мнѣнію Лассаля, составляетъ сущность дѣятельности государства, согласно понятіямъ чистаго либерализма. Вмѣстѣ съ Лассалемъ и Марло въ своемъ очеркѣ старо-либеральной системы [1]), столь удачномъ во многихъ отношеніяхъ, рисуетъ въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ регламентирующую экономическую систему абсолютизма: побужденіемъ къ этому служитъ антипатія обоихъ мыслителей къ чисто либеральной экономической системѣ.

Пропаганда экономической системы *чистаго либерализма* „началась въ салонахъ маркизы де Помпадуръ."

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ версальскомъ замкѣ, постройка котораго сдѣлалась возможною благодаря финансовому искуству Кольбера, жилъ въ самой бѣдной мансардѣ лейбъ-медикъ Людовика XV, другъ либеральныхъ политиковъ, философовъ и

---

[1]) I, 2, стр. 60—186.

энциклопедистовъ, *Кене* (Quesnay). Онъ принадлежалъ по своимъ общественнымъ связямъ и по своимъ воззрѣніямъ къ кружку Дидеро, Даламбера, Гелвеціуса, Бюффона и Тюрго. Король обыкновенно называлъ своего лейбъ-медика „мыслителемъ" и далъ ему при возведеніи его въ дворянское званіе гербъ съ изображеніемъ цвѣтка „pendée;" при этомъ Людовикъ XV собственноручно составилъ для Кене девизъ: pauvres paysans—pauvre royaume, pauvre royaume—pauvre roi (бѣденъ народъ, бѣдно и государство, бѣдно государство, бѣденъ и король)."

Какія же идеи развивалъ этотъ человѣкъ, который скоро нашелъ ревностныхъ учениковъ въ лицѣ Мирабо (старшемъ), Ривіера, Дюпона, Бодро, Тюрго и горячихъ поклонниковъ между всѣми образованными людьми, котораго „экономическія таблицы" взаимнаго хозяйственнаго соотношенія поземельныхъ собственниковъ, крестьянъ и ремесленниковъ были выставляемы повсюду, въ качествѣ какой-то волшебной формулы (formule étonnante)?

Кене размышлялъ очень много и притомъ съ совершенно гуманной точки зрѣнія о положеніи крестьянъ.

Это сословіе было въ высшей степени отягощено податями и рекрутскою повинностью; въ виду именныхъ интересовъ городской фабричной промышленности, которой низкая цѣна хлѣба доставляла дешевыхъ работниковъ, крестьяне должны были продавать свои продукты съ ничтожнымъ барышемъ; феодальныя стѣсненія почти что разрушали ихъ хозяйство. Хотя уже во время Людовика XIV многіе замѣчательные умы старались противодѣйствовать меркантилизму и искуственной поддержкѣ мануфакпурной промышленности въ ущербъ крестьянскому сословію, хотя въ этой опозиціи, господствующей экономической системѣ, самыя яркія звѣзды начала національной экономіи XVII, вѣка, Буагильберъ и Вобанъ, не отступили даже передъ опасностью попасть въ немилость у короля, однако въ эту эпоху еще не настало время рѣшительной либеральной опозиціи. Для того, чтобы Кене могъ формулировать свою „физіократическую систему" и сгруппировать подъ ея знаменемъ обширную школу, необходимы были очевидныя доказательства непрочности прежней системы. Разстройство финансовъ должно было предварительно дойти до крайней степени, дол-

жна была обнаружиться полная несостоятельность народнаго хозяйства Франціи, подъ вліяніемъ финансовой администраціи одного изъ самыхъ остроумныхъ меркантилистовъ, Дж. *Ло*.

Королевскаго лейбъ-медика упорно преслѣдовала мысль, вполнѣ гармонировавшая впрочемъ съ духомъ времени, что въ народномъ хозяйствѣ, равно какъ и вообще въ государственной жизни, необходимъ поворотъ отъ искуственной регламентаціи къ системѣ болѣе естественныхъ отношеній. Господство природы (le gouvernement de la nature, physiocratie) должно было быть возстановлено въ своихъ правахъ въ человѣческомъ обществѣ. Эта система должна было доставить благосостояніе единственно производительному и многочисленнѣйшему классу крестьянъ; только такимъ образомъ путемъ обогащенія поземельныхъ собственниковъ и сельскихъ хозяевъ могло быть, по мнѣнію Кене, достигнуто дѣйствительное улучшеніе государственныхъ финансовъ. На языкѣ того времени, возстановить господство природы въ обществѣ значило ограничить искуственную регламентацію со стороны государственной администраціи. *Гурне* (Gournay), одинъ изъ образованныхъ практическихъ торговыхъ дѣятелей своего времени, приближавшійся къ воззрѣніямъ физіократовъ, обращаясь къ королевскимъ министрамъ, говорилъ, что лучшее, что они могутъ сдѣлать для поднятія народнаго хозяйства состоитъ въ томъ, чтобы предоставить полную свободу экономическимъ движеніямъ: laissez passer, laissez faire?“ Разсказываютъ, что самъ Кене на вопросъ дофина, чтобы онъ сталъ дѣлать, если бы былъ королемъ, отвѣчалъ „*ничего*.

Такимъ образомъ, „господство природы“ означало *отрицаніе активной* и искуственной *политики* народнаго хозяйства и требованіе свободы экономической дѣятельности. Отвергая всѣ путы прежняго узкаго экономическаго строя, приверженцы „господства природы“ признавали единственнымъ двигателемъ хозяйства— произволъ отдѣльныхъ индивидовъ.

Новое направленіе поставило себѣ задачею установленіе *индивидуальной свободы*, нестѣсняемой никакою объективною организаціею: оно только примѣнило въ области политической экономіи теорію *чистаго* и полнаго *либерализма*.

Отдѣльными требованіями чисто-либеральной экономической теоріи были: свобода хлѣбной торговли, внутренняя и внѣшняя свобода торговли, уничтоженіе цеховъ, свободная конкуренція въ сельскомъ хозяйствѣ, ремеслахъ и торговлѣ, свобода въ системѣ взиманія податей, освобожденіе поземельной собственности отъ всѣхъ феодальныхъ стѣсненій, задерживающихъ развитіе интенсивнаго и спекулятивнаго сельскаго хозяйства.

Всѣмъ извѣстно, что эти требованія чистаго либерализма достигли всемірнаго господства. Правда, что Тюрго поплатился своимъ политическимъ значеніемъ за стремленіе провести въ жизнь физіократическое ученіе о свободѣ. Однако хитрое противодѣйствіе Неккера и другихъ не надолго задержало побѣдоносное шествіе либерально-экономическихъ теорій. Революція 1789 года и послѣдующее законодательство всѣхъ странъ, проникнутое ея теоріями, доставили полный тріумфъ экономическому, равно какъ и политическому либерализму, и въ Германіи либерализмъ въ послѣднія десятилѣтія разрушилъ мало по малу послѣдніе столбы феодализма и меркантилизма; весьма немногія изъ этихъ экономическихъ системъ уцѣлѣли отъ разрушенія.

Замѣчательнѣйшіе научные представители экономическаго либерализма появились въ странѣ, гдѣ раньше чѣмъ въ другихъ странахъ и съ наибольшею силою развился современный капитализмъ— въ Англіи. *Адамъ Смитъ*, *Рикардо*, *Мальтусъ*—вотъ классическіе представители чисто либеральной, капитальной экономической системы. Дюнойе, Бастіа и другіе новѣйшіе французы слѣдуютъ за ними какъ вѣрные эпигоны. *Въ Германіи* экономическая наука оставалась до сихъ поръ на почвѣ англійско— французскаго либерализма, и оказала значительную услугу преимущественно относительно его доктринерской разработки. Однако ни одинъ германскій экономистъ не составляетъ эпохи подобно Кенэ, Смиту и Рикардо; къ тому же наша національная экономія не слѣдовала въ лицѣ большинства своихъ представителей либеральному направленію въ его конечныхъ выводахъ, но отчасти удерживала нѣкоторую долю системы меркантилизма, примѣняясь къ все еще меркантильной политикѣ правительства, отчасти успѣло уже пуститься въ соціализмъ, выбравъ изъ его области срав-

нительно менѣе скользкій путь. Только въ новѣйшее время встрѣчаются въ германской литературѣ болѣе типическіе представители либерализма и соціализма.

Вліяніе Кене и его учениковъ не ограничилось тѣмъ, что они произвели переворотъ въ воззрѣніяхъ во Франціи, что они значительно способствовали французской революціи 1789: ихъ ученіе имѣло обширное вліяніе и на чужеземныя націи.

Германскій ученый *Зонненфельсъ* придерживался также вполнѣ физіократическихъ началъ.

Физіократизмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на писателя, считающагося творцемъ науки политической экономіи,—на *Адама Смита*, бывшаго прежде профессоромъ нравственной философіи въ глазговскомъ университетѣ, въ Шотландіи. Самъ Адамъ Смитъ, познакомившійся во время своихъ путешествій съ кружками парижскихъ энциклопедистовъ и физіократовъ, признаетъ свою систему наиболѣе близкой въ системѣ физіократіи.

Во всякомъ случаѣ, теоретическій исходный пунктъ Адама Смита, какъ это уже было показано выше, совершенно иной, чѣмъ у физіократовъ; по его мнѣнію, а тѣмъ болѣе по мнѣнію его великаго ученика Рикардо, трудъ есть источникъ всего богатства народа, между тѣмъ, какъ Кене признавалъ такимъ источникомъ — природу. Если Смитъ и можетъ быть названъ чистымъ либераломъ въ духѣ Кене, то единственно только въ виду практическихъ требованій своей системы, въ виду классической критики той узкой меркантильной и цеховой системы, которая имѣла самое обширное вліяніе на европейскую политику; въ этомъ смыслѣ и безчисленные ученики Смита кончая Бастіа и Дюнойе, сохраняющіе до сихъ поръ значеніе передовой экономической школы, могутъ быть названы чистыми либералами. До сихъ поръ лозунгомъ господствующей экономической науки служитъ свободная конкуренція, при которой однимъ капитальнымъ имуществамъ предоставляется руководить соединеніемъ и передвиженіемъ производительныхъ силъ. Этотъ либерализмъ, практическимъ представителемъ котораго служитъ безгранично свободный, либеральный оборотный капиталъ, пріобрѣлъ и доселѣ сохраняетъ значеніе первенствующей силы въ европейской жизни, какъ въ государсвенной и цер-

ковной, такъ и экономической. Въ силу самыхъ событій крупный капитализмъ и кормящаяся на его счетъ „интеллигенція", являются повсюду поборниками либеральныхъ идей. Капитализмъ беретъ на себя, въ противуположность феодальной и клерикальной партіи, защиту прогреса;—въ противуположность пролетаріату и соціализму онъ является консервативнымъ. Политико-экономической программою капитализма остается до сихъ поръ ученіе Адама Смита.

Ученая заслуга Смита и Кене, заключается, какъ уже часто на это указывали, въ ихъ методѣ. Какъ тотъ такъ и другой восходятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ до элементовъ экономическаго процеса, т. е. до природы, по мнѣнію Кене, и труда по мнѣнію Смита: такимъ образомъ, въ области экономіи впервые возникаетъ научная теорія, въ строгомъ смыслѣ слова. Хотя этотъ методъ былъ первоначально примѣненъ Смитомъ и Кене, этими великими отцами экономической науки только односторонпимъ образомъ, но они все же остаются творцами экономической науки. Для Адама Смита, который мѣстами не остался вполнѣ вѣренъ своему принципу индустріи (труда) и для всей науки было большимъ счастьемъ, что ученикомъ Смита явился человѣкъ такого послѣдовательнаго ума, какъ Рикардо. Этотъ послѣдній провелъ во всей строгости теорію возникновенія цѣнности вслѣдствіе труда.

Методъ изслѣдованія, основаніе которому положилъ меркантилизмъ и смитизмъ, имѣетъ въ нашихъ глазахъ болѣе важное и долговѣчное значеніе, чѣмъ чисто-либеральная критика несостоятельной меркантильной практики стараго времени. Нельзя однакоже отказать либеральнымъ воззрѣніямъ *Кене*, *Смита* и *Рикардо* въ истинной любви къ свободѣ. Нельзя не замѣтить, что *Кене* оставилъ замѣтный пробѣлъ въ своей системѣ, не разъяснивъ, какимъ образомъ при предположеніи одинаковой производительности почвы, существующей въ ограниченномъ размѣрѣ, свобода можетъ доставить всѣмъ индивидамъ сообразное съ человѣческимъ достоинствомъ существованіе. Онъ даже прямо не поставилъ себѣ этого вопроса. Борьба Кене и его школы противъ меркантилизма и несвободы, эта ожесточенная борьба, наполнив-

шая своимъ шумомъ весь просвѣщенный міръ, не позволяла останавливаться передъ такими затрудненіями. Тюрго выразилъ по этому случаю слѣдующее мнѣніе, полное истиннаго благочестія и прямодушія: „Богъ,“ сказалъ онъ, „создавая человѣка съ природными потребностями, которымъ онъ можетъ удовлетворить только трудомъ, сдѣлалъ *право на трудъ* достояніемъ каждаго человѣка, и это право есть первая наиболѣе священная и неотчуждаемая собственность человѣка“. Такимъ образомъ физіократы еще не знаютъ различія между либеральнымъ правомъ *трудиться* и соціалистическимъ „правомъ *на трудъ*“.

Въ своемъ глубоко обдуманномъ очеркѣ политико-экономической роли капитала, который является для новыхъ временъ первымъ яснымъ и научнымъ признаніемъ значенія капитала—*Адамъ Смитъ* и *Рикардо* нисколько не стараются уничтожить то подчиненное положеніе, къ которому будетъ приведенъ задѣльный трудъ при свободѣ и конкуренціи предпринимателей. Адамъ Смитъ и Рикардо нетолько ясно сознаютъ, что владѣльцы плодородныхъ поземельныхъ участковъ въ видѣ „поземельной ренты“ получаютъ то что они не сѣяли, но они не скрываютъ и того, что равномѣрно и въ индустріи конкуренція приводитъ къ низведенію заработной платы до размѣровъ необходимаго жизненнаго содержанія: они не лицемѣрятъ подобно-либеральнымъ эпигонамъ, умудряющимся съ помощью какого-то hocus pocus приравнивать задѣльную плату рабочаго къ цѣнности продуктовъ ихъ наемнаго труда. Они съ полною наивностью высказываютъ основныя положенія великой либеральной реакціи своего времени и безъ всякой предвзятой тенденціи анализируютъ ту роль, которую играетъ капиталъ въ соціально экономическомъ соединеніи производительныхъ силъ. Впервые эпигоны либерализма взяли на себя трудъ въ виду всѣхъ золъ, уже успѣвшихъ развиться подъ вліяніемъ новѣйшей чисто либеральной системы производства,—выводить изъ свободы труда какія-то полныя и экономическія гармоніи, прикрашивать дѣйствительность и выставлять премію на капиталъ простымъ „доходомъ съ труда“ или даже „вознагражденіемъ за лишенія“ (налагаемыя на

*

себя капиталистомъ). Вскорѣ мы увидимъ, какой жестокій отвѣтъ далъ на эти доводы соціализмъ.

И самъ *Мальтусъ*, въ виду теорій народонаселенія предъшествующихъ ему писателей какъ-то: Валласа, Герберта, Франклина, Юма, Стюарта, Таунсенда,— показалъ себя приверженцемъ экономическаго либерализма. Изъ числа всѣхъ учениковъ Смита, не считая Рикардо, Мальтусъ вызвалъ своими воззрѣніями самую сильную литературную полемику.

Нельзя приписывать Мальтусу наивное мнѣніе, будто индивидуальная свобода уже сама по себѣ обезпечиваетъ гармоническое благоденствіе всѣхъ людей, вмогая сюда и наемныхъ работниковъ. Напротивъ того онъ доказалъ, что вслѣдствіе несоотвѣтствія между размножительною способностью людей и природными источниками, голодная смерть представляется неизбѣжнымъ зломъ. Мальтусъ разъясняетъ всю важность природныхъ факторовъ для экономическаго снабженія населенія; мы знаемъ, что Смитъ, напротивъ того, совершенно умалчиваетъ объ этомъ значеніи. Эти воззрѣнія Мальтусъ высказываетъ въ своемъ „опытѣ о принципѣ народонаселенія“ (1798), написанномъ въ опроверженіе согласія Годвина о политической справедливости (1793), въ которомъ непрерывныя бѣдствія человѣчества приписывались человѣческимъ установленіямъ, а не самой природѣ.

Мальтусъ утверждаетъ, что постоянное стремленіе населенія къ размноженію выше средствъ питанія, происходящее отъ несоразмѣрности между возрастаніемъ народонаселенія человѣка и природными источниками, уравновѣшивается, во первыхъ *предупредительною* дѣятельностью человѣка: какъ пороками людей, уменьшающими воспроизводительныя способности, такъ и нравственнымъ воздержаніемъ, обуздывающимъ половыя влеченія; во вторыхъ, *разрушительными* вліяніями, истребленіемъ человѣчества вслѣдствіе войны, убійствъ, болѣзней, *голода*. Попеченіе о бѣдныхъ только увеличиваетъ бѣдствіе и только откладываетъ голодную смерть. Процесъ возстановленія равновѣсія между населеніемъ и средствами къ жизни развитъ Мальтусомъ съ хладнокровіемъ и откровенностью, которая хотя и можетъ показаться читателю отталкивающею, но тѣмъ не менѣе внушаетъ ему глубокое уваженіе къ

автору. Не устрашимость, съ которою этотъ чисто либеральный экономистъ выводитъ свои заключенія, кажется намъ гораздо болѣе достойною уваженія, чѣмъ толпа тѣхъ филантропическихъ и клерикальныхъ писателей, которые, прикрашивая дѣйствительность, согласны лучше отрицать неоспоримый антагонизмъ между размножительною способностью человѣка и медленнымъ развитіемъ ограниченныхъ жизненныхъ средствъ, чѣмъ отказаться отъ удобнаго оптимистическаго воззрѣнія на жизнь. Представители такихъ воззрѣній цѣлою массою напали на неизвѣстнаго автора „Essay on population". Съ другой стороны Мальтусъ гораздо болѣе достоинъ уваженія, чѣмъ тѣ новѣйшіе писатели, которые морочатъ пролетаріатъ обманчивою картиною: — осчастливливающаго всѣхъ смертныхъ государственнаго общенія имуществъ, между тѣмъ, какъ подобное общеніе или поведетъ, вслѣдствіе размноженія пролетаріата, къ самымъ тяжкимъ бѣдствіямъ, или должно будетъ деспотически обуздать самое сильное животное стремленіе человѣка.

Несоотвѣтствіе между размножительною способностью человѣка и средствами пропитанія, на которыхъ строитъ свои выводы Мальтусъ — вызывается безъ всякаго сомнѣнія природными условіями земли. Мальтусъ хладнокровно, даже безсердечно, выяснилъ эту несоразмѣрность — и въ этомъ его заслуга. Теорія Мальтуса является отталкивающею только въ томъ отношеніи, что она ограничиваетъ *нравственное* противодѣйствіе избытку народонаселенія — этотъ единственный достойный человѣка способъ обузданія природнаго стремленія къ излишнему размноженію — ограничиваетъ это противодѣйствіе одними только требованіями нравственнаго воздержанія со стороны бѣдныхъ. Между тѣмъ, такого нравственнаго самоограниченія совсѣмъ нельзя ожидать отъ необразованныхъ пролетаріевъ. Развалившись въ мягкихъ креслахъ, очень легко совѣтывать пролетаріату ограничивать свой половой инстинктъ. Легко понять, что грубый человѣкъ не станетъ отказываться отъ своихъ животныхъ инстинктовъ. Для того, чтобы онъ могъ нравственно ограничивать свои влеченія или искать себѣ пропитанія на чужбинѣ, онъ долженъ имѣть извѣстное духовное образованіе, ему должна быть дана возможность увеличенія своихъ заработковъ за предѣлы необходимыхъ средствъ пропитанія; работникъ

долженъ расчитывать на то, чтобы въ извѣстный возрастъ начать истинно нравственную семейную жизнь, которая дастъ ему болѣе нравственной выдержки, долженъ сберегать и обезпечивать свое существованіе путемъ вступленія въ асоціаціи—словомъ, онъ долженъ имѣть въ виду заключить когда нибудь „нравственный супружескій союзъ“, съ твердою надеждою выполнить свои обязанности къ женѣ и дѣтямъ. Что же сказать про тѣхъ, кто для устраненія слишкомъ густаго населенія расчитываетъ исключительно на субъективную нравственность пролетаріевъ, не требуя никакихъ объективныхъ мѣропріятій со стороны всего общества? Подобныя воззрѣнія привели бы насъ на практикѣ къ тому, что мы положили бы всю надежду на голодную смерть, какъ единственный дѣйствительный противовѣсъ излишнему умноженію населенія. Но подобный исходъ является болѣе тягостнымъ для человѣчества, чѣмъ убійство слабосильныхъ дѣтей, чѣмъ та „смерть безъ страданія (painless extinction) отъ угольнаго угара“, которую проэктировалъ для сверхкомплектныхъ дѣтей пролетаріата неизвѣстный врачъ, скрывавшій свою фамилію подъ псевдонимомъ „Маркусъ.“ *Мальтусъ* не возвышается до точки зрѣнія общественныхъ мѣропріятій; даже въ области благотворительности онъ рубитъ все съ плеча, отрицаетъ въ принципѣ публичныя учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ и дѣтей. Если бы онъ пожелалъ возвыситься до положительныхъ воззрѣній на свой предметъ, то онъ конечно отказался бы отъ чисто либеральной точки зрѣнія и подумалъ бы о томъ, какъ бы съ помощью государства—конечно *не единственно только* съ помощію государства—противодѣйствовать природной дисгармоніи. Онъ не сдѣлалъ этого: по видимому въ наукѣ экономіи задача единичнаго изслѣдователя выполняется уже тѣмъ, что онъ возбудилъ великое и обильное выводами сомнѣніе въ справедливости господствующихъ научныхъ мнѣніяхъ. Подобное сомнѣніе не повело Мальтуса дальше чисто экономическаго воззрѣнія. Онъ пріобрѣлъ навѣки почетное имя въ исторіи науки уже тѣмъ, что показалъ *взаимодѣйствіе* факторовъ хозяйства, указанныхъ Кенэ и Смитомъ; это былъ шагъ впередъ въ постановкѣ основныхъ началъ политической экономіи.

Безъ сомнѣнія, писатели соціальнаго направленія не могутъ относиться къ Мальтусу иначе какъ враждебно.

Впервые, эпигоны чистаго либерализма видѣли въ одной только индивидуальной свободѣ абсолютное средство для установленія полной гармоніи въ экономическомъ строѣ общества.

Въ особенности такого взгляда придерживался *Бастіа*, авторъ прекрасно написанныхъ, но далеко не глубокихъ „экономическихъ гармоній“. Во всякомъ случаѣ, взглядъ Бастіа вполнѣ искрененъ.

Другіе, чисто либеральные писатели только послѣ мучительныхъ сомнѣній, которыя они стараются побѣдить съ помощью логическихъ изворотовъ, приходятъ къ признанію полной гармоніи въ либеральной системѣ экономіи. Такъ напримѣръ, извѣстный французскій экономистъ *Дюнойе*, насквозь пропитанный либерализмомъ, былъ приведенъ къ необходимости прибѣгнуть къ такого рода доводу: бѣдствія пролетаріата нераздѣльны съ бытіемъ человѣческаго общества: они являются предостереженіемъ отъ той кары, которая постигаетъ въ обществѣ расточителей и т. п. „Нельзя не видѣть пользы въ томъ, что въ обществѣ существуетъ подчиненное соціальное положеніе, къ которому приходятъ семейства, худо ведущія свои дѣла. Нищета представляетъ собою это ужасное подземное царство; она является пропастью жадно поглащающею всѣхъ безсмышленыхъ, развратныхъ и расточительныхъ людей.“ Какъ же назвать подобное успокоительное сужденіе, какъ не логическою уловкою? Пролетарій уже въ четвертомъ поколѣніи влачитъ свое существованіе въ этой преисподней нищетѣ, а ему говорятъ: „Ты расточитель, лѣнтяй, глупецъ—и за это по справедливости несешь нищету!“ Развѣ это не будетъ въ его глазахъ самою возмутительною насмѣшкою? развѣ многіе изъ пролетаріевъ не отвѣтятъ на это: „Вы называете меня лѣнтяемъ и расточителемъ, а я работаю 14 часовъ въ сутки и вырабатываю едва только средства къ существованію; вы говорите про развитіе, но гдѣ же я могъ его получить? За что же меня караетъ общество?

Существуютъ еще третьяго рода экономисты, которые вмѣстѣ съ практическими представителями капитализма, въ отвѣтъ на всякое сомнѣніе въ совершенствѣ чисто либеральнаго и исключительно либеральнаго общественнаго строя, требуютъ смерти дерз-

кихъ противниковъ. Свое господство они основываютъ на терроризмѣ, безпрестанно обращаются къ содѣйствію пушекъ, полиціи и правительственныхъ властей. Съ прискорбіемъ должно признаться, что до сихъ поръ остается въ силѣ то общее правило, по которому всякая господствующая общественная партія одинаково наклонна къ преслѣдованіямъ своихъ противниковъ, одинаково ставитъ ихъ внѣ покровительства закона. Въ общественномъ строѣ всегда оказываются жертвами преобладающаго сословія, по словамъ Гете, тѣ „немногіе, которые понимали зло и были настолько безумны, что недостаточно ревниво охраняли тайну своего сердца, обнаружили самодовольной черни свои чувствованія; во всѣ времена ихъ распинали, ихъ сжигали на кострахъ [1])“.

Такая воинственность либеральнаго капитализма напоминаетъ намъ извѣстное изреченіе, что исторія существуетъ не для того, чтобы ею поучаться, но чтобы, по возможности, забывать ея уроки. Пусть либералы вспомнятъ, что не прошло и столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ величайшій и чисто *либеральный* государственный человѣкъ Тюрго былъ отвергнутъ по причинѣ своихъ чисто либеральныхъ преобразованій старымъ поколѣніемъ парламентаризма съ неменьшею грубостью, чѣмъ въ наше время высоколиберальная денежная аристократія отвергаетъ даже самыя умѣренныя преобразовательныя стремленія. Въ то время парламента, говорилъ Тюрго: „французскій народъ по собственному желанію организовалъ свой политическій бытъ на началахъ податей и барщинныхъ повинностей,“ не прошло и двадцати лѣтъ какъ весь феодальный строй вмѣстѣ съ королемъ и парламентомъ уже не существовалъ. Придворная партія говорила королю про его любимца Тюрго: „Упрямый министръ, не понимающій ни людей, ни потребностей государства, шарлатанъ какъ въ добродѣтели, такъ и въ своей административной дѣятельности, день и ночь мечтаетъ о философіи, свободѣ, равенствѣ и чистомъ доходѣ [2])“.

---

1) Die Wenigen. die was davon erkannt,
Die thöricht gnug ihr volles Herz nicht wahrten
Dem Poebel ihr Gefühl, ihr Schauen offennbarten
Hat man von je gekreuzigt und verbrannt.

2) См. Марло I, 2, стр. 215 и сл.

Развѣ въ наше время денежная аристократія не пускаетъ въ ходъ точно такихъ же неосмысленныхъ аргументовъ?

Безъ сомнѣнія, насъ нельзя будетъ обвинять въ непризнаніи исторической заслуги либерализма, если мы скажемъ, что одинъ онъ не далъ и не могъ дать полнаго содержанія идеѣ права, выработанной новымъ временемъ. Опытъ показываетъ, что современный капитализмъ привелъ къ глубокому матеріальному неравенству и открылъ широкое поле для милліонныхъ спекуляцій, близко стоящихъ къ кражѣ. Чистый либерализмъ приводитъ также и къ *политическому* неравенству. Правда, онъ разрушилъ систему средневѣковаго корпоративнаго представительства, основаннаго на началахъ привилегій, но за то онъ установилъ привилегію въ пользу самаго себя, напримѣръ въ лицѣ французскаго народнаго представительства временъ Луи Филиппа или въ лицѣ бельгійскаго сената. Посредствомъ высокаго ценза онъ лишилъ и лишаетъ до сихъ поръ всякаго или почти всякаго политическаго вліянія низшіе классы народа, которые не только выполняютъ наибольшую часть труда, необходимаго для всего общества, но и поставляютъ для государства почти всю массу солдатъ, платятъ наибольшее количество косвенныхъ налоговъ и самые доходные прямые подати. Экономическій либерализмъ удерживаетъ свое господство при помощи союза съ просвѣщеннымъ и высоко оплачиваемымъ трудомъ высшаго разряда, съ церковью и государствомъ; уже Францискъ фонъ Баадеръ назвалъ, и не безъ основанія, капитализмъ и бюрократію сіамскими близнецами. Сословіе капиталистовъ прибѣгаетъ даже къ грубому подкупу для того, чтобы имѣть къ своимъ услугамъ правительственную власть. Могущественнѣйшее орудіе общественнаго мнѣнія—печать развилась въ капиталистическую спекуляцію; въ силу денежныхъ залоговъ, вносимыхъ при основаніи журналовъ и большой доходности объявленій, печать стала въ зависимость отъ дѣловаго капитализма. Упоминая о всѣхъ этихъ темныхъ сторонахъ капитализма, я только констатирую факты, не имѣя нисколько въ виду рекомендовать сознательное установленіе привилегій для противодѣйствія политическому либерализму и журнализму.

Что касается до меня лично, то я научился различать, подъ

личиною парламентскихъ либераловъ, капиталистовъ и бюрократовъ, нѣкоторыхъ дѣйствительно благожелательныхъ и искреннихъ людей. Указанные мною результаты развитія либерализма, были вызваны неуклоннымъ процесомъ исторіи: критически относиться къ послѣднему, не значитъ становиться на почву личностей.

Въ лицѣ соціалистической литературы и соціальнаго движенія, въ средѣ рабочихъ возникла сильная опозиція экономическому, равно какъ и политическому либерализму. Мысли, руководящія этою опозиціею, появились не со вчерашняго дня, для доказательства достаточно указать на писателя, затянувшаго уже столѣтіе тому назадъ, когда еще только что выработывался физіократизмъ, ту же жалобную пѣсню, которую въ наше время насвистываютъ со всѣхъ крышъ воробьи соціальной демократіи. Я говорю о современникѣ Кенэ, французскомъ писателѣ *Лингэ* (Linguet). Этотъ писатель, въ своемъ сочиненіи „Théorie des lois civiles 1767“ (Теорія гражданскихъ законовъ 1767 г.), подвергъ все зданіе либерализма самой строгой критикѣ. Изъ изслѣдованій гражданскихъ законовъ онъ вынесъ убѣжденіе, что какъ монопольный, такъ и либеральный, соціальный строй основанъ на *эксплуатаціи неимущихъ* классовъ—классами *достаточными*, что если въ первомъ существуетъ *прямое закрѣпощеніе*, то оно существуетъ и во второмъ, но только *косвенно*. Непрямое закрѣпощеніе, по мнѣнію Лингэ, еще болѣе *жестоко*, вслѣдствіе чего, въ суммѣ *монополистическое* общество имѣетъ преимущество предъ *либеральнымъ*. Эти конечные результаты своихъ изслѣдованій, столь замѣчательные для своего времени, онъ высказалъ съ такою точностью, съ такимъ жаромъ, остроуміемъ и безпощадностью, какіе мы едва ли найдемъ у кого либо изъ позднѣйшихъ противниковъ либерализма. Поэтому намъ всего удобнѣе привести его собственныя слова: „Голосъ природы, звучащій во всѣхъ сердцахъ, говоритъ, что люди рождены свободными и безусловно равными... Между тѣмъ, на опытѣ, каждому человѣку, съ самаго момента его появленія на Божій свѣтъ, назначаютъ мѣсто въ той безконечной цѣпи, которую называютъ обществомъ. Его спѣшатъ включить въ какое либо общественное состояніе, подъ предлогомъ, что онъ долженъ немедленно составить одно изъ

звеньевъ соціальной цѣпи; съ величайшей поспѣшностью заставляютъ его вступать въ различные соціальные союзы, которыхъ онъ не можетъ узнать, требованія которыхъ онъ не въ состояніи выполнить. Хитрость и насиліе рѣшили вопросъ о господствѣ въ этомъ мірѣ. По ихъ взаимному соглашенію участіе въ обладаніи земными благами удѣляется только тѣмъ, кто идетъ по начертанному ими пути, и уже ни одинъ клочекъ земли не представляетъ собою убѣжища отъ такого рода тираніи. Богачи безстыдно утверждаютъ, что только они имѣютъ право мыслить, и они дѣйствительно мыслятъ постоянно о томъ, какъ бы тяжелѣе угнетать бѣдныхъ изъ опасенія, чтобы они не поднялись изъ своего угнетеннаго положенія и не сдѣлали изъ своихъ силъ употребленія, не соотвѣтствующаго желанію богатыхъ. Правосудіе, говорятъ ученые юристы, есть неизмѣнное желаніе воздавать каждому свое (suum cuique tribuere). Но у бѣднаго нѣтъ ровно ничего, кромѣ его нищеты; что же можетъ дать ему при подобномъ взглядѣ законъ? Такимъ образомъ, онъ защищаетъ только богатство противъ нападковъ нищеты. Его величайшія усилія употреблены противъ тѣхъ, кто наиболѣе нуждается въ ея покровительствѣ. Земные законы даны богатыми въ виду ихъ собственныхъ интересовъ: это крѣпости, построенныя ими въ области ихъ враговъ... Упраздняя крѣпостныя отношенія, никакъ не имѣютъ цѣлью уничтожить монополіи богатства, ибо огромная масса населенія должна будетъ и впредь, какъ и прежде, жить ея подачками... Крѣпостныхъ замѣняютъ слуги... Подъ послѣдними я никакъ не разумѣю ливрейную челядь, добровольно отказавшуюся отъ своей свободы,— этихъ спутниковъ роскоши, которыхъ господа изъ чванства одѣваютъ въ пышную одежду, которые откармливаются на счетъ расточительности баръ. Города и села наполнены другаго рода слугами, гораздо болѣе многочисленными, трудолюбивыми и полезными, извѣстными подъ именемъ работниковъ. Эти люди проходятъ передъ нами не въ роскошныхъ платьяхъ, но въ лохмотьяхъ, въ одеждѣ нищеты, не имѣя доли въ избыткахъ, доставляемыхъ ихъ трудомъ. Какую пользу могутъ они извлекать изъ своей свободы? Развѣ только постоянное опасеніе голодной смерти... Рабъ, не исполняя даже никакихъ работъ, получаетъ свое пропитаніе.

Что же, напротивъ, будетъ изъ свободнаго человѣка, когда у него нѣтъ работы? Кому до этого дѣло? Кто теряетъ вслѣдствіе того, что онъ изнемогаетъ въ нищетѣ и голодѣ? Кого интересуетъ продолжительность его земнаго существованія?... Рабъ имѣетъ цѣнность въ глазахъ господина, по причинѣ заплаченныхъ за него денегъ; напротивъ, утопающій въ роскоши капиталистъ даромъ закрѣпощаетъ себѣ работника. Во времена рабства кровь человѣка имѣла свою цѣну: она цѣнилась въ ту сумму, за которую была куплена. Со времени уничтоженія подобнаго торга она потеряла всякую цѣну. На войнѣ саперы цѣнятся гораздо ниже строевыхъ лошадей; послѣднія стоятъ очень дорого, первые достаются даромъ. Съ уничтоженіемъ рабства военныя воззрѣнія перешли въ гражданскую жизнь; всѣ состоятельные буржуа стали на точку зрѣнія военныхъ героевъ. Такъ разсуждалъ и писалъ *Лингe* въ эпоху, когда весь міръ былъ объятъ увлеченіемъ, либерализмомъ и думалъ уврачевать при его посредствѣ всѣ угнетавшія его бѣдствія.

Прогностикъ Лингe сдѣлался съ тѣхъ поръ основою критическихъ воззрѣній всего міра фабричныхъ рабочихъ. Оппозиціонная программа, которую онъ противупоставляетъ уже впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а въ особенности въ наше время, экономическому либерализму и денежному дворянству сводится, въ самомъ умѣренномъ ея объемѣ. (какъ мы находимъ ее у Марло), къ слѣдующему:

„Хотя либераламъ и не удалось еще ни въ какой странѣ провести *вполнѣ* свои основныя начала, однако сдѣланные на нашихъ глазахъ опыты болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы обнаружить всю безплодность ихъ стремленій. Они хотѣли сдѣлать трудъ свободнымъ, а вмѣсто того подчинили его игу капитала; они стремились къ эмансипаціи всѣхъ народныхъ силъ. а на дѣлѣ закабалили ихъ нищетѣ. Они хотѣли уничтожить закрѣпленіе крѣпостныхъ работниковъ къ землѣ и ограбили его, скупивъ всю землю, на которой онъ жилъ; они мечтали объ общественномъ благосостояніи, а создали только нищету и избытокъ; они желали поднять достоинство труда, а на дѣлѣ поработили его собственникамъ; они поставили себѣ цѣлью уничтоженіе кор-

поративныхъ монополій, но замѣнили ихъ гигантской монополіею капитала; они стремились къ уменьшенію международныхъ войнъ, но за то зажгли междоусобныя войны въ средѣ самихъ народовъ; они усиливались высвободиться изъ опеки государства, а вмѣсто того еще умножили его тяготы; они хотѣли сдѣлать просвѣщеніе общимъ достояніемъ,—и сдѣлали его привилегіею богатства; они имѣли въ виду возвышеніе нравственнаго уровня общества, а на дѣлѣ привели его къ нравственной гнилости; словомъ они стремились къ безграничной свободѣ, а въ результатѣ получили самое тяжкое закрѣпощеніе. Они, по видимому, желали прямо противуположнаго тому, что въ дѣйствительности заключалось въ ихъ практическихъ требованіяхъ: такимъ образомъ, они ясно доказали, что либерализмъ, во всемъ его объемѣ, ничто иное, какъ самая полная *утопія.*"

Изъ этихъ разсужденій явствуетъ, что правосознаніе *сознательныхъ* и *безсознательныхъ* либераловъ на столько же различно, на сколько различаются предполагаемый и дѣйствительный результатъ ихъ системы.

Безсознательные либералы разсуждаютъ такимъ образомъ: во всѣ времена, на сколько простирается прозорливость исторіи, нашимъ глазамъ представляется печальное зрѣлище —угнетеніе однихъ людей другими. Нашимъ изслѣдованіямъ впервые удалось отыскать безошибочное средство для прекращенія этого бѣдственнаго положенія. Теперь остается только примѣнить эти средства и мы положимъ твердое основаніе благополучію человѣческаго рода. Когда будутъ упразднены всѣ оковы крѣпостныхъ отношеній, когда падутъ всѣ ограниченія свободы, когда не будетъ существовать привилегій, когда человѣкъ будетъ снова предоставленъ въ своей дѣятельности исключительно своимъ личнымъ побужденіямъ, когда онъ станетъ господиномъ своей судьбы: только тогда всѣ будутъ наслаждаться дарами свободы, каждому будутъ принадлежать плоды его труда, какъ награда за его прилежаніе; трудъ и наслажденіе будутъ болѣе уравновѣшиваться въ жизни каждаго человѣка и источники нищеты наконецъ изсякнутъ.

Въ чемъ же состоитъ міросозерцаніе *сознательныхъ* либераловъ?—Нѣтъ ничего новаго подъ луною, говорятъ они; древнее

зрѣлище эксплуатаціи слабыхъ сильными вѣчно повторяется передъ лицомъ исторіи, каждый фазисъ исторіи народа приноситъ только видоизмѣненную ея форму. Въ одинъ періодъ духовное сословіе злоупотребляетъ религіозными воззрѣніями для корыстнаго угнетенія народа, въ другой—военная каста пользуется своимъ мечемъ все для той же цѣли. Теперь настало наше время; мы сильнѣй нашихъ предшественниковъ потому, что мы нашли орудіе эксплуатаціи, обладающее непреодолимою для другихъ волшебною силою, мы господствуемъ съ помощью денегъ; мы располагаемъ плодами земли наравнѣ съ продуктами труда; ростовщичество, биржевая игра и обманъ—вотъ неизсякаемые источники нашего могущества, а голодъ—тотъ бичъ, которымъ мы побуждаемъ толпы нашихъ крѣпостныхъ работниковъ къ величайшему напряженію ихъ силъ.

Одного только взгляда на обѣ эти программы достаточно, чтобы видѣть, что большая часть либераловъ не принадлежитъ ни къ вполнѣ сознательнымъ, ни къ совершенно безсознательнымъ. „По самой природѣ вещей первые изъ нихъ, стремясь къ обладанію имуществомъ, превышающимъ ихъ личныя потребности, имѣютъ въ виду сдѣлать изъ него далеко не высоконравственное употребленіе. Однако такое замѣчаніе можетъ быть сдѣлано, — если принимать во вниманіе всю массу имущества, — въ гораздо меньшемъ числѣ случаевъ, чѣмъ это предполагаютъ. Не смотря на то, число такихъ сознательныхъ либераловъ гораздо значительнѣе, чѣмъ число вполнѣ безсознательныхъ либераловъ, къ которымъ въ наше время принадлежатъ развѣ только ученые мечтатели, ничего не понимающіе въ жизни за предѣлами своихъ литературныхъ взглядовъ. Въ самомъ дѣлѣ, та холодность, съ которою либералы выступаютъ для борьбы съ комунистами, показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что все одушевленіе на сторонѣ послѣднихъ. Хотя либералы защищаются упорно и даже съ раздраженіемъ, но безъ того жара, который всегда наполняетъ представителей великаго дѣла.“

Приведенныя нами заявленія соціализма обрисовываютъ все критическое содержаніе соціальной опозиціи. Я намѣтилъ его въ

самыхъ рѣзкихъ чертахъ потому, что теперь я долженъ перейти къ изображенію отдѣльныхъ партій этой опозиціи.

Я могъ бы привести еще болѣе ожесточенную критику чистаго либерализма, чѣмъ критика Марло. Я останавливаюсь однако же на его воззрѣніяхъ потому, что и критика Марло уже слишкомъ одностороння: и мнѣ кажется необходимымъ немедленно заявить объ этой крайней односторонности. Хотя я раздѣляю то мнѣніе, что либерализмъ самъ по себѣ ни въ какомъ случаѣ не возвысился до уровня великихъ задачъ нашего времени; онъ представляетъ только одну сторону развитія основной идеи христіанства, идеи о правоспособности всѣхъ людей, всякой индивидуальности; мы обязаны либеральному экономизму правильною и то только отчасти правильною постановкою вопроса объ одномъ изъ факторовъ всей хозяйственной жизни, а именно вопроса о трудѣ. Но либерализмъ не представляетъ собою и полнаго, всесторонняго заблужденія; полнымъ заблужденіемъ можно назвать его на столько же, на сколько и полною истиною. Съ одной стороны нельзя не согласиться, что либерализмъ имѣлъ послѣдствіемъ полное и неизбѣжное неравенство, такъ какъ онъ обезпечилъ путемъ права только одну сторону идеи нравственной правоспособности всѣхъ индивидовъ, а именно всеобщую ихъ свободу. Но съ другой стороны, нельзя видѣть возможный прогрессъ только въ томъ, чтобы вполнѣ отвергнуть либерализмъ и ожидать дѣйствительнаго улучшенія нашего положенія отъ уничтоженія свободы промысловъ. Гораздо раціональнѣе было бы стремиться къ осуществленію другой стороны современной идеи права — именно равенства. Подобное стремленіе не можетъ внушать опасеній честному капиталисту.

Однако, прежде чѣмъ мы придемъ къ нашимъ окончательнымъ выводамъ, необходимо остановиться на *другой односторонности*, на рѣшительно антилиберальномъ соціализмѣ и комунизмѣ. Въ немъ замѣтны еще сильнѣйшіе промахи политико-экономическаго мышленія, односторонность возрѣній, исходящихъ изъ идеи *равенства*, доведена въ нихъ до крайности. Мы постараемся развить нашу мысль въ слѣдующемъ чтеніи.

ЧТЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

2. Система совершеннаго равенства или комунизма.

Предварительныя замѣчанія объ историческомъ ходѣ и современномъ значеніи комунистическаго движенія. Особенныя причины, придающія этому движенію опасный характеръ.—Государственные романы. Т Морусъ и его Утопія. Компанелла, Верассъ, Фихте. — Комунисты новѣйшаго времени: Бабефъ, Кабе, Овенъ. - Приговоръ противъ комунистическихъ системъ.—Важныя нападенія на комунизмъ.—Важнѣйшіе доводы, служащіе къ опроверженію комунизма. Не состоятельность комунизма въ вопросѣ о народномъ—и всемірно экономическомъ соединенія производительныхъ силъ.

Мы видѣли, что въ современномъ обществѣ господствуетъ идея индивидуальной равноправности всѣхъ людей, естествено пробуждающая стремленія къ *свободѣ*; но мы видѣли также какимъ образомъ односторонній характеръ подобныхъ стремленіій приводитъ непосредственно къ неравенству, при посредствѣ неравенства къ фактической несвободѣ многихъ. Опытъ и логика одинаково убѣждаютъ насъ, что либерализмъ одинъ не въ состояніи удовлетворить временнымъ требованіямъ общества, при равномѣрномъ и индивидуальномъ правственномъ развитіи всѣхъ людей.

Духъ человѣческій не могъ оставаться въ недѣятельности и онъ на основаніи той же идеи сталъ строить системы *равенства*. Но комунизмъ такъ же односторонне опредѣлилъ равенство, какъ либерализмъ—свободу; хотя въ настоящее время низшіе классы, по крайней мѣрѣ та часть ихъ, куда начинаетъ проникать мысль, по видимому тяготѣетъ болѣе къ полюсу равенства, чѣмъ къ полюсу свободы.

Прослѣдимъ же справедливо и безпристрастно эти два направленія. Я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній о стремленіи къ равенству, прежде чѣмъ приступить къ разбору отдѣльныхъ комунистическихъ системъ.

Первыми проповѣдниками комунизма являются или идеальные мыслители, или проникнутые искреннимъ чувствомъ богословы. Таковъ *Платонъ*, таковъ Томасъ *Морусъ*. Почему именно такіе люди, неспособные къ хладнокровному разсчету, высказываютъ горячія стремленія къ равенству и братству,—вполнѣ естественно и не нуждаются въ поясненіи. Между комунистами новѣйшаго времени проявляется въ высшей степени благородная гуманность. Комунистическая попытка такой личности, какъ Робертъ Овенъ, была конечно вызвана чистой любовью къ ближнему, чуждой всякихъ положительныхъ религіозныхъ убѣжденій.

Впрочемъ, идея комунизма много разъ порождалась совершенно иными мотивами. Ею овладѣвали вожаки политическихъ партій для осуществленія своихъ честолюбивыхъ разсчетовъ; политическіе демократы и отчаянные аристократы-пролетаріи также играли комунистическимъ огнемъ. Такъ, Агисъ и Клеоменъ въ Спартѣ, Тиберій и Кай Гракхи въ Римѣ не могутъ назваться чистыми идеалистами въ вызванномъ ими движеніи; если вѣрить половинѣ того, что намъ разсказываютъ историки, едва ли можно признать искорку благородныхъ побужденій за аристократическимъ пролетаріатомъ, участвовавшимъ въ заговорѣ Катилины; въ эпоху французскихъ революцій, наряду съ политической демократіей, встрѣчаемъ также немало честолюбивыхъ вожаковъ партій. Наконецъ, и въ новѣйшее время, во Франціи и другихъ государствахъ рядомъ съ благородными личностями выплываетъ не мало грязненькихъ представителей соціальнаго движенія. Даже вѣрныя слуги деспотизма, — полицейскія бригады, являются бичами равенства. Вотъ все что мнѣ хотѣлось сказать о закваскѣ комунизма.

Чтобы стремленія къ равенству могли осуществляться и получать историческое значеніе, народная масса должна быть подготовлена къ ихъ воспріятію. *Рошеръ* выставляетъ три главныхъ условія, при которыхъ возникаютъ соціальныя и комунистическія движенія: рѣзкую противуположность между богатымъ и бѣднымъ,

какъ слѣдствіе паденія средняго сословія, значительную притязательность низшихъ классовъ, какъ слѣдствіе демократическаго государственнаго устройства; наконецъ замѣшательство въ сознаніи что законно и что нѣтъ,—какъ слѣдствіе постоянныхъ поблажекъ, дѣлаемыхъ народу партіями, заискивающими его благосклонности. Въ дѣйствительности эти условія существовали во всѣ времена. Они существовали въ Спартѣ, когда ахайскій союзъ присоединился къ Македоніи, устрашенный спартанскимъ соціализмомъ, проявившимся въ царствованіе Клеомена; они существовали въ сектѣ перекрещенцевъ, которые изуродовали характеръ реформаціи и впали въ безграничное общеніе женъ и имущества. Позднѣе мы также весьма часто встрѣчаемся съ вышеприведенными условіями, порождающими комунизмъ.

Впрочемъ, въ новѣйшее время для воспріятія соціалистическаго движенія явились совершенно особенныя благопріятныя обстоятельства.

Въ прежнія времена, народно-хозяйственная организація не обладала еще самостоятельнымъ, чисто хозяйственнымъ центромъ тяжести; капитализмъ не былъ еще господствующей формой народно-хозяйственной организаціи. Конечно, бѣдные могли быть возстановлены противъ богатыхъ, но глубокое противуположеніе между заработной платой и прибылью съ капитала не могло еще быть раціонально сознаваемо. Экономическая эксплуатація укрывалась за принципомъ политической верховности, который въ народномъ хозяйствѣ являлся единственнымъ связующимъ началомъ для отдѣльныхъ несвободныхъ индивидуумовъ. Къ тому же, чисто экономическій соціализмъ былъ въ то время не мыслимъ; всякое соціальное движеніе угнетенныхъ классовъ *должно* было прежде всего являться политическимъ движеніемъ.

Кромѣ того, въ прежнія времена значительная часть народонаселенія была лишена возможности участвовать въ какомъ либо движеніи большою массою, вслѣдствіе деспотическаго, феодальнаго и корпоративнаго изолированія индивидуальныхъ пріобрѣтательныхъ организацій. Въ средніе вѣка, въ большихъ городахъ масса работниковъ была разрознена цеховымъ устройствомъ; въ древности производство въ городахъ находилось въ рукахъ рабовъ и

мелкихъ гражданъ; но рабы и мелкіе граждане были разъединены, подобно тому, какъ въ новѣйшее время оставались разъединенными бѣлые пролетаріи и черные рабы въ Южныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Такимъ образомъ подвластная масса народонаселенія была лишена всякой возможности принимать участіе въ какомъ либо движеніи; и въ древности комунистическій порывъ могъ только отвѣчать нуждамъ бѣдныхъ полноправныхъ гражданъ, которые сами, въ противуположность рабамъ, принадлежали къ аристократіи; такъ комунизмъ Платона касается спартанскихъ аристократовъ, но не имѣетъ никакого отношенія къ гелотамъ. Гракхи также вели борьбу не за рабовъ. Въ предпослѣднемъ чтеніи было указано на непосредственность отношенія рабовъ и оброчныхъ къ господамъ; подобныя отношенія гораздо болѣе препятствовали укорененію соціалистическихъ идей въ массахъ населенія, чѣмъ современная капиталистическая форма хозяйства, при которой личная связь между хозяиномъ и работникомъ почти устраняется.

Въ настоящее время не нужно болѣе заискивать благосклонности низшихъ классовъ, имъ завѣщано обѣщаніе упрочить за *всѣми* право на индивидуальное развитіе; въ нынѣшній вѣкъ идея права не является уже болѣе въ формѣ наивной системы монополій, но имѣетъ девизомъ свободу и равенство; элементы свободы, послѣ временно односторонняго развитія, установили принципъ индивидуальной свободы, въ силу котораго всякій получилъ возможность ввести въ жизнь другой важный принципъ — принципъ равенства. Въ настоящее время работниковъ нельзя уже болѣе лишать права союзовъ, свободы пресы и свободы асоціацій. Два старѣйшихъ сословія отыскивали средства разорить свою богатую соперницу — буржуазію, и дали возможность работникамъ, хотя нѣсколько воспользоваться правомъ всеобщей подачи голосовъ. Въ новѣйшее время удивительныя средства сообщенія и обмѣна мыслей — желѣзныя дороги, телеграфы и народныя газеты служатъ для работниковъ могучими средствами дѣйствовать единодушно и поддерживать между собою связь далеко за предѣлами отдѣльныхъ государствъ. И міръ рабочихъ достаточно показалъ, что онъ умѣетъ пользоваться этими средствами. Какая разница съ

тѣмъ что было прежде. Какъ важно было для Каія Гракха стянуть мелкихъ италіанскихъ граждапъ въ Римъ и какъ искусно оттѣснили ихъ оптиматы!

Должно прибавить ко всему сказанному, что современный соціализмъ поставленъ въ зависимость отъ особенныхъ фактическихъ условій, которыя придаютъ ему гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ какое имѣли подобныя движенія въ прежнія времена.

До сихъ поръ еще ни одна комунистическая система не была практически испытана цѣлымъ народомъ.

Всѣ эти системы, съ *положительной* стороны, были такъ не практично задуманы, мечтательно формулированы, что никому не могло даже придти въ голову сдѣлать серьезную попытку ихъ осуществить.

Онѣ появлялись преимущественно въ формѣ *„государственныхъ романовъ“*, въ которыхъ изображался идеальный, вымышленный государственный строй. Въ нихъ идеи Платона—такъ или иначе измѣненныя согласно взгляду автора—постоянно признаются осуществимыми. Всѣ комунисты, до *Ш. Фурье* включительно, весьма очевидно проводятъ въ своихъ государственныхъ романахъ и реформаторскихъ фантазіяхъ мысли „Республики“ и „законовъ“ Платона.

Самъ Платонъ никогда не создавалъ государственнаго романа. Его *Критіи*, изображавшіе островскій народъ—атлантидовъ, также далеки отъ государственнаго романа, какъ и nova Atlantis (1626 г.) великаго Фр. Бэкона.

Во всякомъ случаѣ, идеи древняго греческаго міра приближаются къ комунизму болѣе, чѣмъ правовыя воззрѣнія римлянъ; и духъ Платона присущъ ему болѣе, чѣмъ духъ Аристотеля.

Предлагаемый мною краткій очеркъ комунистическихъ теорій составленъ преимущественно по Марло [1]), который прослѣдилъ

[1]) I, 2, 435—692.

фазы комунистической литературы, не прибѣгая ни къ крайностямъ, ни къ произволу спекулятивной діалектикѣ Гегеля. Онъ не выставляетъ разбираемый имъ предметъ въ карикатурной формѣ, чтобъ удобнѣе осмѣять его. Онъ группируетъ весь матеріалъ ясно, избѣгая всякой тенденціозности. Изъ сочиненій, о которыхъ я буду говорить, только немногія удалось мнѣ достать въ оригиналѣ.

Не должно думать, что прошедшія эпохи человѣческой культуры выработали самостоятельную „комунистическую школу", подобную либеральной школѣ меркантилизма и способную укоренить въ хозяйственной жизни прежняго времени, зачатки равенства. Собственно говоря, чѣмъ болѣе отдаленную эпоху народнаго хозяйства мы будемъ разсматривать, тѣмъ явственнѣе проявляется въ ней истинно-комунистическій характеръ, ибо тѣмъ прочнѣе въ ней корпоративное, родовое и семейное начало. Организаціи, основанныя на принципѣ власти, являются господствующими въ раннія эпохи хозяйственной жизни народовъ. Принципъ комунизма и верховности олицетворялся въ феодалѣ, въ духовномъ лицѣ и цеховомъ мастерѣ, и никому не приходило въ голову требовать болѣе широкаго его примѣненія въ жизни. Напротивъ, устраненіе верховности, привилегій и замкнутыхъ хозяйственныхъ организацій какъ нельзя болѣе отвѣчало интересамъ угнетенныхъ классовъ. Никому не приходило охоты сдѣлаться совершеннымъ либераломъ, вдохновиться началомъ абсолютной свободы, но тѣмъ сильнѣе обнаруживалось стремленіе отыскать *романтическій* идеалъ однообразнаго общественнаго строя.

Первая попытка новыхъ временъ начертать идеальную государственную организацію, относящуюся къ эпохѣ реформаціи, слѣдовательно къ новымъ временамъ, явилась въ формѣ государственнаго романа, построеннаго на принципѣ чистаго комунизма, абстрактнаго равенства. Я говорю о сочиненіи *Томаса Моруса*; de nova insula utopia, 1516 года. Эта книга имѣла мно-

жество изданій и была переведена почти на всѣ европейскіе языки. Авторъ ея—знаменитый государственный канцлеръ англійскаго короля Генриха VIII, прославившійся своею государственной дѣятельностью, своими литературными трудами и своей мученическою смертью за вѣру.

Подъ именемъ Утопіи (буквально переводя: не существующее мѣсто, вымышленное мѣсто) изображено островное государство съ полутора милліонами жителей, съ вполнѣ демократическимъ государственнымъ устройствомъ, съ должностными лицами, назначаемыми по выбору и съ пожизненно избираемымъ главою государства. Каждые сорокъ человѣкъ образуютъ одно семейство, съ однообразнымъ строемъ жизни; на каждыя 30 семействъ избирается особый глава—филархъ, а изъ десяти филарховъ выбирается одинъ протофилархъ; во главѣ всѣхъ дѣлъ, которыя не раздѣляются на политическія и соціальныя, поставленъ сенатъ, особеннымъ образомъ избираемый, который собирается подъ предсѣдательствомъ главы государства. Въ Утопіи считается 54 прекрасные города съ прямыми, параллельно проложенными улицами, съ домами, построенными по одинаковому плану и одинаковой величины. Дома каждой улицы образуютъ одинъ непрерывный рядъ, отдѣланы совершенно одинаково и чрезъ каждыя десять лѣтъ распредѣляются по жребію, чтобъ ни въ комъ не могла развиться склонность къ пріобрѣтенію частной собственности. За каждымъ домомъ разбитъ садъ, предоставленный въ пользованіе жильцамъ. Земли, принадлежащія городскимъ округамъ, раздѣляются на участки, на которой должны работать среднимъ числомъ 40 человѣкъ; въ центрѣ каждаго участка расположены всѣ хозяйственныя постройки и жилые дома. Всѣ жители Утопіи обязаны жить попеременно въ городѣ и деревняхъ; всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины, обязаны заниматься земледѣліемъ и, кромѣ того, какой нибудь спеціальной отраслью производства, которое предоставлено ихъ собственному выбору, насколько онъ отвѣчаетъ благу государства. Всѣ ежедневно должны заниматься ручной работой въ продолженіи 6 часовъ, 3 передъ обѣдомъ и 3 послѣ; остальное время предназначается частію для занятія науками и искуствами, частію для отдохновенія. Кто же-

лаетъ путешествовать, долженъ брать отпускъ и въ мѣстахъ, которыя онъ намѣренъ посѣтить, обязанъ принимать участіе въ работахъ по своей спеціальности. Всѣ производители должны складывать свои произведенія, какъ сельско-хозяйственныя такъ и ремесленныя, въ общественные магазины, расположенные въ центрѣ обитаемыхъ ими кварталовъ, откуда эти произведенія распредѣляются уже между потребителями. Правительство руководится подробными статистическими отчетами, для равномѣрнаго распредѣленія продуктовъ во всѣхъ общественныхъ магазинахъ, и сносится съ другими государствами для продажи спеціальныхъ продуктовъ страны. Особый, двухгодичный запасъ средствъ потребленія сберегается на случай неурожаевъ, для избѣжанія голода и нужды.

Жители Утопіи отнюдь не считаютъ преступнымъ полное наслажденіе жизнью; они признаютъ его естественнымъ назначеніемъ человѣка, а возможное имъ пользованіе—цѣлью гражданскаго общества, но они ставятъ духовныя наслажденія выше реальныхъ. Они одѣваются просто, удобно и со вкусомъ; ихъ одежда не подвергается капризамъ моды и однообразна для всѣхъ лицъ одного пола. Золото и драгоцѣнные каменья разрѣшается носить только дѣтямъ. Обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ за большими общественными трапезами, и изготовленіе обѣдовъ возлагается поочередно на женщинъ. Для больныхъ устраиваются за городомъ госпитали. Жители Утопіи ведутъ жизнь не только нравственную, но и религіозную; у нихъ великолѣпные храмы, и немногочисленное, но высокочтимое духовенство. Они допускаютъ полнѣйшую вѣротерпимость и исповѣдуютъ различныя религіи, которыя однако всѣ признаютъ единаго Бога и загробную жизнь. Они строго придерживаются неприкосновенности брака и поэтому опредѣляютъ самыя суровыя наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности. Они вступаютъ въ бракъ рано; впрочемъ женщины не прежде 18 лѣтъ, а мужчины не прежде 20. Чрезмѣрное возрастаніе народонаселенія устраняется *колонизаціей*. Законы государства самые простые и точно извѣстны всѣмъ гражданамъ. Тяжбы весьма рѣдки и разрѣшаются безъ посредства адвокатовъ. Тяжкія преступленія принадлежатъ къ числу исключительныхъ случаевъ. Обыкновенное на-

казаніе, налагаемое за нихъ на преступника, состоитъ въ обращеніи его въ рабы. Такіе рабы обязаны исполнять самыя тяжелыя и унизительныя работы и заковываются въ золотыя цѣпи; такимъ употребленіемъ драгоцѣнныхъ металловъ имѣется въ виду уничтожить всякую ихъ привлекательность въ воображеніи граждан. Всѣ жители Утопіи, даже женщины, учатся владѣть оружіемъ; но тѣмъ не менѣе они смотрятъ на войну, какъ на величайшее варварство, и ведутъ ее единственно только для защиты притѣсняемыхъ сосѣднихъ народовъ или въ случаѣ непріятельскаго нападенія.

Еслибъ я могъ долѣе остановиться на комунистическихъ государственныхъ романахъ и государственныхъ идеалахъ, мнѣ пришлось бы еще о многомъ поговорить съ вами; я бы долженъ былъ во-первыхъ указать на извѣстный „солнечный городъ“, сочиненіе калабрскаго монаха-доминиканца *Кампанеллы* (1620), претерпѣвшаго рядъ самыхъ суровыхъ политическихъ преслѣдованій. Іоганнъ Валентинъ *Андреа* въ своемъ „Христіанополисѣ“ переработалъ этотъ государственный романъ въ умѣренномъ стилѣ старовиртембергскаго протестантизма: во главѣ идеальнаго государства Кампанеллы поставлено духовное правительство. Далѣе я долженъ былъ бы упомянуть объ „Исторіи Северамбъ“ — идеальномъ народѣ солнцепоклонниковъ, написанной французскимъ юристомъ *Д. Верассомъ* въ 1677 году. Этотъ романъ имѣлъ большое вліяніе на „Соціетаризмъ“ французскаго соціалиста Шарля *Фурье;* наконецъ я бы долженъ былъ указать на замѣчательную теорію нашего великаго *Фихте*, изложенную въ его „замкнутомъ торговомъ государствѣ“ (geschlossener Handelsstaat) 1800 года. Но объемъ моего сочиненія не позволяетъ мнѣ подробно останавливаться на государственныхъ романахъ. Во всѣхъ нихъ, какъ я уже замѣтилъ, сказываются идеи Платона, и всѣ они почти сходятся въ своемъ конечномъ стремленіи установить для всѣхъ людей *равенство труда* и равенство *пользованія*, сообразно состоянію; это-то стремленіе и придаетъ всѣмъ государственнымъ романамъ чисто комунистическій характеръ. Во всѣхъ романтическихъ теоріяхъ проведена одна и та же мысль, которая противополагается либерализму. Мысль о томъ, что всеобщая сво-

бода вызываетъ алчность отдѣльныхъ лицъ и стяжаніе ими непомѣрныхъ доходовъ на счетъ всѣхъ членовъ общества, тогда какъ всѣ люди имѣютъ неотъемлемое право на одинаковое пользованіе извѣстной части естественныхъ богатствъ и на одинаковое наслажденіе жизни. Обезпеченіе одинаковаго матеріальнаго существованія должно быть поставлено выше всякой индивидуальной свободы.

Комунисты новѣйшаго времени, — Гракхусъ *Бабефъ*, Робертъ *Овенъ* и *Кабе* представляютъ для насъ гораздо болѣе интереса чѣмъ Кампанелла, Верассъ и Фихте; они являются типами самостоятельныхъ комунистическихъ направленій и партій.

Гракхусъ Бабефъ замѣчателенъ не только по страшной послѣдовательности, съ которой онъ отстаивалъ свой планъ, но также и потому, что этимъ планомъ онъ старался осуществить принципъ равенства, выработанный французской революціей. Въ 1796 году онъ составилъ заговоръ противъ плутократическаго порядка 1795 г. который отдалъ кормило правленія въ руки торжествующей денежной аристократіи, и былъ приговоренъ къ смертной казни въ 1796 году.

Бабефъ долженъ считаться самымъ смѣлымъ и самымъ послѣдовательнымъ комунистомъ; Марло говоритъ о немъ слѣдующее: Гракхусъ Бабефъ былъ главою движенія, завершившаго собою французскую революцію; одаренный большой силой ума и непреклоннымъ мужествомъ, онъ, подобно вожакамъ партіи монтаньяровъ, велъ борьбу за античную гражданскую доблесть. Успѣхи плутократіи убѣдили его, что для народа нѣтъ блага въ либерализмѣ, и онъ сдѣлался ярымъ проповѣдникомъ комунизма. Онъ основалъ комунистическій союзъ „общество равныхъ,“ и сильно дѣйствовалъ на низшіе классы народонаселенія увлекательно краснорѣчивыми статьями своего органа „Народный трибунъ.“ Но ему не удалось привлечь на свою сторону всю склонную къ возстанію партію, которая распалась на двѣ: либеральную и комунистическую. Обѣ, правда, сходились въ желаніи возстановить демократическій порядокъ 1793 года, но думали осуществить свои стремленія различными путями. Директорія, какъ извѣстно, закрыла союзъ Бабефа; побужденные этой мѣрой, комунисты преобразовались въ тайное общество заговорщиковъ, но подготовлен-

ный ими заговоръ не удался, такъ какъ правительство своевременно арестовало главныхъ заговорщиковъ, изъ которыхъ одни были приговорены къ смерти, другіе—къ ссылкѣ; Бабефъ и его товарищъ *Дарте* вышли на казнь, исполненные непоколебимаго мужества, сознанія своей доблести и фанатическаго воодушевленія къ проповѣданной ими идеи. Особая комиссія изъ заговорщиковъ составила цѣлый рядъ декретовъ, которыми опредѣлялось введеніе комунистическихъ учрежденій. Изъ этихъ декретовъ мы узнаемъ слѣдующее о планахъ Бабефа и его послѣдователей:

Комунистическій порядокъ долженъ быть установленъ въ государствѣ постепенно; собственность общинъ, школъ и благотворительныхъ заведеній переходитъ въ руки общества тотчасъ; частная собственность отдѣльныхъ индивидуумовъ послѣ ихъ смерти. Такимъ образомъ образуется совокупность національныхъ имуществъ, которыми всѣ члены общества пользуются совокупно. Внутри страны всѣ долговыя обязательства уничтожаются, а внѣшніе долги—какъ государства такъ и частныхъ лицъ—принимаетъ на себя все общество. Всѣ граждане обязаны передъ обществомъ извѣстнымъ трудомъ, соотвѣтствующимъ индивидуальнымъ способностямъ каждаго изъ нихъ, и непремѣнно должны его выполнять. Съ этой цѣлью, сочлены каждой общины раздѣляются на столько классовъ, сколько главныхъ отраслей производства. Во главѣ каждаго класса стоитъ имъ избранное довѣренное лицо; во главѣ каждой общины стоитъ общинный совѣтъ изъ выборныхъ отъ вышепомянутыхъ классовъ; онъ распредѣляетъ работы и дѣлаетъ всѣ необходимыя по управленію распоряженія. Земля раздѣляется на округи и провинціи съ соотвѣтствующими окружными и провинціальными управленіями. Во главѣ всего управленія стоитъ правительство, которое имѣетъ высшій надзоръ за производствомъ, распредѣленіемъ средствъ для удовлетворенія потребностей и перемѣщеніемъ гражданъ изъ одной общины въ другую; вышепомянутыя провинціальныя и окружныя управленія являются посредствующими звеньями, которыми поддерживается связь между правительствомъ и общинными совѣтами; они обязаны представлять правительству самые тщательные отчеты о дѣятельности и нуждахъ подвѣдомственнаго имъ населенія. Готовые продукты сбере-

гаются въ общественныхъ магазинахъ, и оттуда отпускаются потребителямъ. Правительство сносится съ заграницей и для этой цѣли содержитъ на извѣстныхъ пограничныхъ мѣстахъ большіе склады товаровъ; избытокъ сельско-хозяйственныхъ произведеній тщательно сберегается на случай плохихъ урожаевъ. Законъ опредѣляетъ нормы, по которымъ общинные совѣты распредѣляютъ работы между членами общины. Тѣмъ же порядкомъ регулируется время поденнаго труда, при чемъ тщательно избѣгается чрезмѣрное напряженіе рабочихъ силъ. Совмѣстная жизнь многихъ людей въ городахъ вліяетъ на человѣка безнравственно и противно природѣ; поэтому всѣ граждане живутъ въ деревняхъ; при чемъ каждый получаетъ удобное жилище и одежду одинаковаго качества и однообразнаго покроя. Пища употребляется не прихотливая и всякая роскошь, какъ противная истинному назначенію человѣка, строго воспрещается. Главнымъ занятіемъ гражданъ признается земледѣліе, какъ наиболѣе соотвѣтствующее человѣческой природѣ; напротивъ, изъ искусствъ и ремеслъ удерживаются только тѣ, которымъ легко можетъ выучиться каждый. Всѣ литературныя произведенія подлежатъ предварительному разсмотрѣнію особаго управленія, и могутъ быть напечатаны и распредѣляемы только тогда, когда это управленіе признаетъ ихъ не опасными и общеполезными. Система воспитанія очень проста и вполнѣ равномѣрна; ребенокъ съ юныхъ лѣтъ отнимается у семьи и поступаетъ на воспитаніе въ общественныя заведенія, чѣмъ искореняется всякій возможный зародышъ неравенства.

Этотъ-то прекрасный планъ долженъ былъ до основанія передѣлать измученный революціей міръ! Міръ отвѣчалъ на него смертнымъ приговоромъ. Но идеи Бабефа не остались безъ вліянія на парижскія возстанія тридцатыхъ годовъ: одинъ изъ заговорщиковъ,— ***Буанаротти***, напомнилъ о нихъ въ эпоху іюльскаго правительства своимъ сочиненіемъ „La conjuration de Baboeuf“.

Послѣдними спокойными словами Бабефа на эшафотѣ были: „Я погружаюсь въ добродѣтельный сонъ.“ Какъ мало его страшилъ конечный результатъ идеи равенства,—видно изъ того, что онъ одинаково горячо возставалъ противъ аристократіи искуствъ и наукъ.

Совершенное подавленіе всякой свободы, полнѣйшая деспотія,

отрицаніе наукъ и искуствъ, которыя призваны наиболѣе возвышать и облагораживать человѣческое счастіе, несбыточная мечта о томъ, что хозяйствомъ цѣлой націи можно управлять изъ произвольно созданнаго центра, безъ стимула рыночной цѣны и хорошо организованной системы капиталовъ, что въ цѣлой націи можно регулировать равенство труда и равенство пользованія, и что при этомъ не придется даже заботиться о чрезмѣрномъ возрастаніи народонаселенія;—всѣ эти конечные выводы изъ теоріи Бабефа представляютъ до того очевидныя заблужденія, что я считаю излишнимъ вдаваться въ спеціальную критику плановъ смѣлаго фанатическаго заговорщика; тѣмъ болѣе, что подобная критика вытекаетъ сама собою изъ всего моего сочиненія.

Монотонная соціальная организація Бабефа мало подходитъ къ реформаторскому плану другаго французскаго комуниста, государственнаго романтика *Кабе.* Съ 1815 года, до своего бѣгства въ Англію въ 1834 году Кабе принималъ участіе во всѣхъ политическихъ заговорахъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ далекъ отъ желанія утвердить комунизмъ насильственно, путемъ государственнаго переворота. Находясь въ изгнаніи, онъ написалъ главный свой трудъ „Путешествіе въ Икарію“ (Voyage en Icarie), который появился въ 1840 году. До и во время февральской революціи онъ старался осуществить свой идеалъ во Франціи; торжество буржуазіи заставило его покинуть отечество; онъ эмигрировалъ съ немногими вѣрными ему послѣдователями въ Новый Свѣтъ и тамъ хотѣлъ осуществить задуманное имъ образцовое государство; но его икарійская колонія не имѣла успѣха.

Онъ хотѣлъ доставить торжество комунизму единственно только силою свободнаго убѣжденія. Въ своемъ „Voyage en Icarie“ онъ предлагаетъ установить пятидесятилѣтнюю переходную эпоху, впродолженіи которой частная собственность будетъ сохранять еще свое значеніе, но въ то же время будетъ постепенно подготовляться позднѣйшее общеніе имуществъ въ икарійской республикѣ. Въ своихъ соображеніяхъ Кабе остается вполнѣ вѣренъ характеру французской націи. Онъ не лишаетъ наслажденія жизнью эстетическаго элемента и разнообразія и не отрицаетъ науки и искуства; въ его планѣ соціальной организаціи не забыты ни театры, ни

парфюмерные предметы; не забыть также и Пантеонъ для увѣковѣченія великихъ геніевъ. Моногамія признается священною; но отношенія къ женщинамъ вполнѣ рыцарскія. Въ религіи утверждается монотеизмъ, но догматъ о безсмертіи души не считается обязательнымъ. Государственный идеалъ Кабе отличается многими мягкими чертами, но въ принципѣ онъ остается комунизмомъ; въ немъ государство является единственнымъ владѣтелемъ всей собственности, единственнымъ руководителемъ воспитанія, промышленности и сельскаго хозяйства и во многомъ ограничиваетъ свободу призванія. Икарійское государство Кабе довольно мѣтко называютъ Геснеровой идилліей, облеченной въ комунистическую форму.

Самымъ кроткимъ, гуманнымъ, самоотверженнымъ и въ то же время консеквентнымъ комунистомъ долженъ по праву считаться знаменитый англичанинъ *Робертъ Овенъ.* У Марло находимъ прекрасную его характеристику: Робертъ Овенъ принадлежитъ къ тѣмъ недюжиннымъ натурамъ, которыя всѣмъ обязаны своимъ собственнымъ силамъ; одаренный большой энергіей и рѣдкой добротой, исполненный истинно христіанской любовью къ человѣчеству, онъ съ свойственнымъ британской націи постоянствомъ всю жизнь посвятилъ своимъ филантропическимъ идеямъ, которыя проводилъ въ обществѣ и осуществлялъ на практикѣ. Сынъ недостаточныхъ родителей, онъ росъ въ нуждѣ и уже десяти лѣтъ былъ помѣщенъ въ одно торговое общество. Овенъ обладалъ необыкновеннымъ талантомъ къ промышленной дѣятельности, онъ поочередно принималъ участіе во многихъ крупныхъ фабричныхъ предпріятіяхъ и достигши зрѣлыхъ лѣтъ успѣлъ накопить себѣ порядочное состояніе.

Въ 1789 году онъ былъ назначенъ управляющимъ обширнымъ прядильнымъ заведеніемъ въ Нью-Ланаркѣ, на берегахъ Клейда, и избралъ эту деревеньку мѣстомъ своей соціально-реформаторской дѣятельности. Почва была какъ нельзя болѣе благопріятна; жители Нью-Ланарка находились въ крайней бѣдности, были убиты нравственно и физически и сильно нуждались въ какой нибудь благотворной для нихъ реформѣ. Овенъ тотчасъ приступилъ къ кореннымъ улучшеніямъ. Онъ выстроилъ хорошенькіе домики съ небольшими садиками и сталъ отдавать ихъ въ наймы безъ раз-

счета на прибыль; онъ завелъ складочные магазины, въ которыхъ жители могли получать за настоящую цѣну купленные оптомъ товары; онъ основалъ общія столовыя, гдѣ работники могли получать за умѣренную плату здоровую и достаточную пищу; изъ части заработываемыхъ жителями денегъ онъ образовалъ особый запасный капиталъ; всякія наказанія были исключены; похвала и порицаніе — вотъ что должно было побуждать работника къ труду; съ этой цѣлью въ различныхъ рабочихъ мѣстахъ вывѣшивались бѣлыя, желтыя, голубыя и черныя доски, которыя выражали собою различныя степени прилежанія: очень хорошее, посредственное и дурное; дѣти моложе десяти лѣтъ не допускались на фабрику, а время поденной работы для всѣхъ работниковъ вообще было опредѣлено въ десять часовъ. Для дѣтей былъ основанъ пріютъ и безплатная школа. Ревностная дѣятельность Овена привела къ самымъ блестящимъ результатамъ. Въ короткое время нравственное и матеріальное положеніе жителей Нью-Ланарка значительно улучшилось, и чистый доходъ съ предпріятія возросъ до весьма почтенной цифры.

Въ 1816 и 1817 годахъ, когда съ паденіемъ Наполеона въ европейскомъ обществѣ интересы мира снова выступили на видное мѣсто, предпріятія Овена обратили на себя вполнѣ заслуженное вниманіе; имъ въ особенности заинтересовалась аристократія, которая видѣла въ этомъ попытку возстановить патріархальныя отношенія; а отношенія эти были для нея тѣмъ болѣе дороги, что большинство поборниковъ Реставраціи имѣло своимъ девизомъ патріархальныя воспоминанія. Герцогъ Кентскій предложилъ Овену свое покровительство, что немало подвинуло его дѣло; множество путешественниковъ перебывало въ Нью-Ланаркѣ, чтобы ознакомиться съ ея организаціей и подивиться тому что было сдѣлано. Заграницей также откликнулись на идею Овена: Россійскій Императоръ и Король Прусскій сочувственно посмотрѣли на возникновеніе счастливой колоніи; и до того времени мало извѣстный соціальный реформаторъ былъ поднятъ на пьедесталъ. Всецѣло проникнутый полезностью и правотой своей идеи, Овенъ принялъ болтовню аристократовъ и любопытство досужныхъ путешественниковъ за серьезное участіе къ дѣлу, и почувствовалъ въ себѣ

призваніе облагодѣтельствовать весь свѣтъ реформами, которыя были введены въ Нью-Ланаркѣ. Онъ посылалъ свои сочиненія всѣмъ европейскимъ дворамъ, дѣлалъ предложенія парламенту, основывалъ союзы, держалъ митинги и т. д. и въ короткое время навлекъ на себя своими гуманистическими стремленіями преслѣдованіе со стороны духовенства. Тогда онъ эмигрировалъ въ Новый Свѣтъ, чтобъ тамъ осуществить свои реформаторскіе планы, которые выработались въ правильную систему полнаго комунизма. Въ Америкѣ онъ основалъ комунистическую общину, Нью-Гармони, которая должна была заниматься сельскимъ хозяйствомъ и ремеслами на ниже приводимыхъ основаніяхъ; когда различныя обстоятельства воспрепятствовали и здѣсь удовлетворительному осуществленію его плана, Овенъ возвратился въ Англію и снова принялся за прерванную на время агитацію. Онъ принималъ участіе во всѣхъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью улучшить положеніе работника; и между прочимъ въ одномъ рабочемъ союзѣ, который хотѣлъ замѣнить средства мѣны личными свидѣтельствами о выполненной работѣ; сдѣлалъ новую, за недостаткомъ средствъ неудавшуюся, попытку основать комунистическую общину; и до глубокой старости не утратилъ непоколебимой вѣры въ всемірное значеніе своихъ идей и надежды на то, что рано или поздно онѣ восторжествуютъ.

Овенъ изложилъ свое *ученіе* въ двухъ большихъ трудахъ: „New views of society, or essays upon the formation of human character“ и „Book of the new moral world,“ а также во множествѣ мелкихъ брошюръ.

Авторъ вполнѣ справедливо избираетъ исходной точкой своихъ разсужденій изслѣдованіе душевныхъ свойствъ человѣка и тѣхъ условій, при которыхъ эти свойства могутъ получать лучшее, въ нравственномъ отношеніи, развитіе; по его мнѣнію, соціальныя учрежденія должны вполнѣ сообразоваться съ этими условіями.

Овенъ разсуждаетъ такъ: человѣкъ является продуктомъ внутреннихъ и *внѣшнихъ* вліяній и поэтому субъективно находится въ состояніи невмѣняемости и не можетъ быть отвѣтственнымъ ни за добрые ни за худые свои поступки; подъ вліяніемъ окружающихъ его обстоятельствъ, которыхъ онъ не въ силахъ устра-

нить человѣкъ съ наилучшими зачатками можетъ подвергнуться полному перерожденію. Весьма важно поэтому установить лучшія и возможныя условія нравственнаго развитія человѣка; при этомъ автору смутно вспоминаются начала нравственности, преподанныя христіанскимъ ученіемъ, хотя онъ вполнѣ ощущаетъ положительную сторону христіанства. Благопріятными условіями, по мнѣнію Овена, должно признать: здоровое состояніе тѣла и души, *необходимую* гимнастику и воспитаніе, какъ необходимо обусловливающія такое состояніе, пробужденіе въ человѣкѣ любви къ ближнему, обезпеченія необходимыхъ средствъ потребленія, трудъ разнообразный, но обязательный для всѣхъ, тѣсное общеніе между людьми, возможность для всякаго предпринимать путешествія, свободу мысли и слова, искорененіе суевѣрій и совершенную отмѣну наказаній.

Овенъ хочетъ осуществить эти условія въ комунистическихъ общинахъ въ 500 — 2000 человѣкъ, причемъ онъ требуетъ исключенія большихъ городовъ и возможнаго равенства состояній. Главное управленіе дѣлами передается общинному совѣту, въ составъ котораго могутъ быть приняты 30—40 лѣтніе члены общины; совѣтъ рѣшаетъ всѣ общественные вопросы на публичныхъ совѣщаніяхъ: воспитаніе должно быть общественное и одинаковое для всѣхъ. Брачныя отношенія сохраняются въ ихъ обычной формѣ, но бракъ можетъ быть расторгнутъ, когда супруги разлюбятъ другъ друга. Всѣ члены общинъ получаютъ все нужное отъ общины, обязаны одинаково работать, и въ видахъ возможно болѣе строгаго осуществленія принципа равенства должны въ теченіе жизни принимать участіе во всѣхъ отрасляхъ производительной дѣятельности. Производство всѣхъ необходимыхъ предметовъ и вся политическая работа выполняются въ восемь пятилѣтій или возрастныхъ періодовъ; въ каждомъ періодѣ на всѣхъ членовъ общины приходится одинаковыя или совершенно подобныя занятія. Единственной связью между различными общинами извѣстной страны является, какъ кажется, конгресъ, который долженъ собираться время отъ времени для обсужденія общихъ вопросовъ государства.

Какой же теперь произнесемъ мы приговоръ надъ этими системами чистаго, совершеннаго комунизма?

Люди, не взявшіе труда изучить комунизмъ по его источникамъ, обыкновенно низлагаютъ его весьма дешевыми орудіями. Они отдѣлываются шуточками и общими фразами.

Приводимъ главные доводы послѣдователей такой удобной полемической системы:

Комунизмъ противенъ религіи; послѣдователи комунизма признаютъ человѣческій разумъ единственнымъ руководителемъ человѣческой жизни; они должны по справедливости назваться гуманистами; но это невѣрно; Кабе, напримѣръ, былъ монотеистъ. Къ тому же, комунизмъ имѣетъ въ виду только жизнь на этомъ свѣтѣ, и старается устроить ее наилучшимъ образомъ; поэтому ему вовсе не приходится касаться догматовъ, опредѣляющихъ будущую жизнь; съ другой стороны, мы можемъ насчитать и между либералами не меньшее число гуманистовъ и матеріалистовъ—адептовъ факта и убѣжденія. Да наконецъ, пора бы откинуть въ соціальныхъ вопросахъ неблаговидную увертку на счетъ невѣрованія въ Бога.

Комунизмъ противенъ христіанству — второй casse tête, изумышленный противъ комунистовъ.

Это совершенно ложно. Если комунизмъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ и принесъ нѣкоторую пользу, то именно христіанскимъ своимъ характеромъ. Принципъ равенства, положенный въ основу всѣхъ комунистическихъ системъ, любовь къ ближнему, избранная девизомъ комунистическаго воспитанія — являются вполнѣ христіанскими идеями; и во всякомъ случаѣ соотвѣтствуютъ христіанскому ученію болѣе, чѣмъ система привиллегій и алчность денежной аристократіи.

Комунизмъ заключаетъ въ себѣ одну суетную страсть къ наслажденію; онъ однозначенъ съ матеріализмомъ. И это не вѣрно! отдѣльные пролетаріи могли конечно воображать себѣ въ фаланстеріи какую-то блаженную страну, гдѣ жизнь текла въ раздольи и въ привольи, но люди, въ головѣ которыхъ созрѣвали планы комунистическихъ организацій, строго требовали простоты и умѣренности, даже въ степени, противной человѣческой

природѣ. Бабефъ и Овенъ хотѣли именно съ корнемъ уничтожить большіе города, въ которыхъ гнѣздилось распутство денежныхъ аристократовъ и либераловъ. Спартанскій комунизмъ Платона былъ не болѣе какъ общиною воздержанія, такъ какъ, по словамъ Плутарха, лакомки того времени съ ужасомъ отзывались о знаменитой черной похлебкѣ, которая подавалась спартанцами за общими трапезами. Нѣтъ, жажды къ наслажденіямъ должно искать не у комунистовъ, а у милліонеровъ и ихъ женъ! Бабефъ, правда, мало заботится объ идеальныхъ интересахъ человѣка; но не такъ понимаетъ вопросъ Платонъ, не такъ смотрятъ на дѣло Кабе и Овенъ.

Комунисты, говорятъ намъ, во многомъ руководятся чувствомъ зависти; упрекъ ни на чемъ не основанный; всѣ великіе комунисты, отъ Платона и апостоловъ до Моруса и Овена, были личности въ высшей степени одаренныя, и вполнѣ равняли себя со своей низшей братіей; неужели мы посмѣемъ упрекнуть ихъ въ зависти? Очень возможно, конечно, что многіе становились и становятся подъ знамя комунизма изъ чувства зависти; но вѣдь и либеральная партія далеко не свободна отъ этого недостатка.

Комунизмъ ведетъ къ уничтоженію семейнаго элемента и всякой собственности; обвиненіе это всего чаще повторяется, но и оно несправедливо. Комунизмъ не требуетъ уничтоженія „всякой" собственности; онъ возстаетъ только противъ „частной собственности", вмѣсто которой хочетъ упрочить коллективную собственность рода или общины. Комунизмъ отнюдь не требуетъ также совершеннаго уничтоженія общепринятыхъ брачныхъ отношеній; напротивъ, онъ стремится освободить эти отношенія отъ развращающаго ихъ въ настоящее время элемента, когда всѣ брачныя рѣшенія опредѣляются деньгами. Что же касается дикаго половаго общенія, то комунисты желаютъ и могли бы обуздать его. Во всякомъ случаѣ богатому современному міру либераловъ, гдѣ распутство возрастаетъ въ омерзительной пропорціи, гдѣ скандальныя хроники достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ [1], гдѣ нарушеніе супружеской вѣрности становится обыденнымъ явле-

---

1) Процесъ лорда Мордаунта.

ніемъ, этому міру не приходится дѣлать никакихъ упрековъ комунистамъ. Морусъ, Кабе и Овенъ отнюдь не могутъ считаться приверженцами общенія женъ; а общественное воспитаніе, котораго они требуютъ, во всякомъ случаѣ должно было бы совершенно измѣнить существующія отношенія дѣтей къ родителямъ.

Комунизмъ ведетъ къ рабству и отличается чисто отрицательнымъ характеромъ; и это обвиненіе, исходя отъ либераловъ или отъ прежнихъ привиллегированныхъ сословій, не имѣетъ основанія. Комунизмъ относится къ существующему порядку отрицательно ровно на столько же, на сколько отрицательно относится къ нему всякое новое направленіе извѣстной эпохи; такъ христіанство относилось отрицательно къ рабству, феодализмъ—къ предшествовавшей ему свободѣ народа, государственная власть—къ феодализму, либерализмъ — къ феодализму и къ монархическому абсолютизму. Сами въ себѣ реформы соціальной организаціи, выставляемыя комунизмомъ, имѣютъ гораздо болѣе положительный характеръ, чѣмъ пустыя представленія о государствѣ, выработанныя либералами. Фантастическій избытокъ положительныхъ мѣропріятій составляетъ именно слабую сторону комунизма. Конечно, извѣстныя комунистическія организаціи могутъ привести косвеннымъ путемъ къ рабству; но въ основѣ своей комунизмъ также какъ и либерализмъ возстаетъ противъ рабства деспотическихъ и феодальныхъ временъ, которое составляло правовый принципъ древнихъ и среднихъ вѣковъ; комунизмъ вступаетъ по этому вопросу въ борьбу съ либерализмомъ на столько, на сколько ему приходится возставать противъ фактическаго рабства труда, которое такъ мало согласно съ либеральнымъ правомъ и которое однакожъ косвеннымъ образомъ терпитъ массы свободныхъ пролетаріевъ.

Опровергнутые мною доводы противъ комунизма въ настоящее время, въ образованныхъ и владѣющихъ классахъ, у всѣхъ на устахъ; явленіе, какъ мнѣ кажется, весьма опасное; эти доводы могутъ только подстрекать и возбуждать массу народа, которая сознаетъ ихъ несправедливость. Люди сами себя обманываютъ и пресѣкаютъ себѣ путь къ разумной реформѣ. Они выставляютъ

*

доводы, которые, по отношенію къ чистому, полному комунизму, содержатъ только малѣйшую долю истины среди цѣлой массы діалектическаго пустоцвѣта, и этими же доводами заставляютъ считать опровергнутыми всѣ реформаторскіе планы, свободные отъ всякаго комунистическаго характера. Сочиненія, подобныя книги Тьера „La propriété" (1848), пропитанныя софизмомъ и сознательнымъ искаженіемъ истинъ, приносятъ только вредъ самому владѣющему классу.

Комунизмъ долженъ быть опровергнутъ иными, я бы хотѣлъ сказать, болѣе честными доводами, проникнутыми серьезнымъ стремленіемъ исправить вредные результаты односторонняго капитализма; подобные доводы, какъ мнѣ кажется, должны будутъ убѣдить и рабочихъ, получающихъ заработную плату, въ очевидныхъ заблужденіяхъ комунизма.

Я попробую въ короткихъ словахъ представить такую систему опроверженія; уже Марло излагаетъ эту систему, но она требуетъ пополненія въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ [1]).

Писатель этотъ замѣчаетъ вполнѣ справедливо, что комунизмъ не представляетъ собою одну, чисто экономическую систему. Либерализмъ выработываетъ особенныя системы экономіи, политики и этики, между тѣмъ, какъ въ комунистическихъ теоріяхъ экономическія, политическія и этическія представленія сливаются всѣ вмѣстѣ. Въ своихъ системахъ, проповѣдники равенства одновременно нападаютъ и на современныя условія нравственнаго развитія, и на государственное, по ихъ мнѣнію, неустройство, и на имущественныя организаціи. Поэтому, желая мотивировать приговоръ противъ комунизма, мы должны различать чисто экономическую сторону его теорій отъ этико-политической.

Съ этико-политической точки зрѣнія комунизмъ формулируетъ такое положеніе: всѣ люди равны и равноправны; при одинаковомъ воспитаніи и одинаковомъ пользованіи матеріальнымъ благосостояніемъ всякое неравенство между отдѣльными индивидуумами совершенно или почти совершенно уничтожится.

Мы можемъ признавать совершенною несправедливостью господ-

---

[1]) I, 2, 484—518.

ствовавшее въ древнія и феодальныя времена неравенство между господиномъ и рабомъ, которое будто бы обусловливалось закономъ природы и волею божества, мы можемъ допускать безусловно справедливымъ, что въ свободной, чисто либеральной борьбѣ за существованіе всѣхъ со всѣми открывается слишкомъ обширное поле развитію неравенства между людьми, мы можемъ, наконецъ, съ радостью привѣтствовать въ сочиненіяхъ мыслящихъ комунистовъ всякій успѣхъ въ методѣ этическихъ изслѣдованій, какъ напримѣръ ученіе Овена о громадной зависимости нравственнаго жизненнаго развитія отдѣльныхъ индивидуумовъ отъ окружающихъ его внѣшнихъ соціальныхъ вліяній,—и все таки опытъ не позволитъ намъ отстаивать безусловное равенство всѣхъ индивидуумовъ. Личности, принадлежащія одному и тому же сословію, совершенно одинаково воспитанныя, пользующіяся совершенно одинаковымъ матеріальнымъ благосостояніемъ, развиваются тѣмъ не менѣе вполнѣ различно. Впрочемъ, можно, мнѣ кажется, указать еще на другой доводъ, опирающійся на опытъ и на факты, который подтвердитъ наше мнѣніе сильнѣе, чѣмъ фактъ неодинаковой индивидуализаціи личностей, принадлежащихъ къ одному и тому же сословію: мальчики и дѣвочки,—дѣти одного семейства, для которыхъ слѣдовательно, въ одной и той же парѣ индивидуумовъ (и ихъ имуществѣ) были сгруппированы одни и тѣже благопріятныя и неблагопріятныя условія воспитанія и жизненнаго развитія, развиваются индивидуально совершенно различно.

Типъ или родъ открываетъ человѣку весьма обширное поприще развитію его индивидуальности.

Второе основное свое положеніе комунисты формулируютъ такъ: всѣ люди имѣютъ право пользоваться одинакой долей внѣшнихъ, дарованныхъ богомъ, природныхъ цѣнностей.

Такое положеніе стоитъ конечно выше правовыхъ представленій минувшихъ вѣковъ, когда спокойно смотрѣли на то, какъ одинъ классъ людей, и наиболѣе многочисленный, пользовался самымъ скуднымъ матеріальнымъ благосостояніемъ, получалъ, такъ сказать, крохи со стола богача, а избранное меньшинство широко черпало всѣ блага въ сокровищницѣ міра, и когда люди наивно вѣрили, что такъ и быть должно по божественному опредѣленію и по

естественному закону. Вышеприведенное положеніе комунистовъ заключаетъ въ себѣ также не лишенную справедливаго основанія реакцію противъ односторонняго либерализма, который дозволяетъ сильнымъ, хитрымъ и счастливымъ захватить себѣ львиную часть; въ чтеніи объ имуществѣ мы уже познакомились съ либеральными теоріями собственности, основывающими собственность только на трудѣ, мы показали какимъ образомъ они, частью по наивности, частью путемъ софизмовъ обходятъ весьма важный вопросъ, вопросъ о томъ, какъ видоизмѣнить свободный трудъ въ имущественное благосостояніе въ томъ случаѣ, когда весь природный фондъ, включая и капитальную собственность, слѣдовательно все то, что дѣлаетъ трудъ производительнымъ, составляетъ уже собственность другихъ.

Впрочемъ, комунизмъ съ своей стороны заходитъ слишкомъ далеко. Не всѣ одинаково способны къ труду, не всѣ одинаково расположены трудиться; а по этому не многіе только способны стать во главѣ гегемоніи національной общины производства. Одинаковое притязаніе на ограниченный природный фондъ, видоизмѣненный въ капитальную форму и совершенно равное для всѣхъ обязательство трудиться были бы явленіемъ противоестественнымъ и даже совершенно несбыточнымъ, принимая во вниманіе неравенство трудовыхъ силъ. Всякая попытка обязать всѣхъ людей равнымъ трудомъ и установить для нихъ равенство капитальной собственности, была бы въ высшей степени антиэкономична и нанесла бы громадный ущербъ производительности всеобщаго капитала и всеобщихъ трудовыхъ силъ. Это значило бы уложить всѣхъ людей на Прокустово ложе и сдѣлать невозможнымъ истинное уравненіе между ними путемъ специфической производительности соціальныхъ отношеній.

Третье основное положеніе комунистовъ говоритъ, что всѣ люди имѣютъ одинаковыя потребности;—это невѣрно. Качественно и количественно потребности весьма различны. Одинъ и тотъ же трудъ не долженъ быть, по этому, возложенъ на всѣхъ; онъ потребуетъ отъ различныхъ индивидуумовъ различное количество усилій и доставитъ имъ различное количество наслажденія. Нивеллируя мѣру наслажденія, мы лишаемъ трудъ самыхъ дѣя-

тельныхъ его рычаговъ, а нивеллируя самый трудъ мы дѣлаемъ невозможнымъ развитіе сильныхъ талантовъ.

Намъ говорятъ, что одинаковое коллективное пользованіе имуществомъ, одинаковое для всѣхъ обязательство трудиться и одинаковая мѣра наслажденія обезпечиваетъ человѣческое, нравственно достойное развитіе всѣхъ индивидуумовъ; это далеко не такъ. Современный комунизмъ, напримѣръ, забываетъ, что природные источники существованія ограничены, могутъ быть исчерпаны и что запасъ ихъ можетъ быть только весьма незначительно увеличенъ раціональнымъ хозяйствомъ. Поэтому, если бы наступило чрезмѣрное возрастаніе пролетаріатскаго населенія, то всякое равенство имущества, труда и наслажденія оказалось бы только равенствомъ нищеты, горя и трудоваго рабства. Комунизмъ не только не устраняетъ чрезмѣрное возрастаніе народонаселенія; онъ ему благопріятствуетъ. Предположимъ, что мы сняли съ каждаго члена общества обязанность самому заботиться о себѣ и о своихъ дѣтяхъ, и что мы установили между всѣми приличное равенство, причемъ никому не придется расчитывать, ни въ супружеской, ни въ семейной жизни, на обезпеченное удовлетвореніе высшихъ жизненныхъ потребностей; что тогда будетъ? Наиболѣе дѣйствительные мотивы, обуздывающіе неограниченное половое стремленіе, будутъ уничтожены и люди, по выраженію Мирабо, станутъ размножаться какъ крысы. На ряду съ коллективной формой имущества, должна быть необходимо удержана наслѣдственная частная собственность; не потому, что собственность общинная или государственная не можетъ считаться собственностью, а потому, что наслѣдственная частная и семейная собственность вызываетъ нравственное противодѣйствіе неограниченному стремленію къ размноженію, представляетъ лучшую основу наиболѣе дѣятельной индивидуализаціи трудовыхъ силъ и пробуждаетъ во всѣхъ особенный интересъ накоплять и сберегать капиталы. Наслѣдственность частной собственности является главнымъ средствомъ, ограничивающимъ чрезмѣрное возрастаніе народонаселенія. Въ комунистическомъ государствѣ, даже при его возникновеніи, едва ли возможно благосостояніе. Богатство немногихъ, правда, распредѣлилось бы между всѣми, но на долю каждаго

выпала бы весьма ничтожная ихъ частица. Покойный Ротшильдъ встрѣтилъ на улицѣ двухъ пролетаріевъ, которые просили его подѣлиться съ ними; онъ далъ каждому изъ нихъ по талеру, такъ какъ именно столько пришлось бы на долю каждаго нѣмца, при раздѣлѣ его богатствъ. Но и этотъ ничтожный излишекъ, возможный въ началѣ, конечно исчезъ бы въ переходное время путемъ мотовства и укрывательства.

Выставленная комунистами аксіома, что преступленія и развратъ являются результатомъ худаго соціальнаго порядка, также далеко не вполнѣ справедлива. Всякій человѣкъ, по природѣ, имѣетъ стремленіе къ разврату; какъ это объяснить — дѣло другое; но фактъ существуетъ. Во внутренней нравственной борьбѣ, которую каждый изъ насъ долженъ вести въ жизни, намъ приходится укрощать и обуздывать присущій намъ животный элементъ. Всѣ люди не могутъ быть одинаково хороши и одинаково дурны. Бремя, лежащее на каждомъ изъ нихъ, не можетъ совершенно исчезнуть и во всякомъ случаѣ не можетъ зависѣть только отъ неравенства имущества. У здоровыхъ націй, нравственность стоитъ наиболѣе высоко въ обширномъ поясѣ средняго сословія, которое работаетъ, имѣя собственное имущество. Но именно въ этомъ нравственномъ поясѣ общества имущество, по цѣнности и способу распредѣленія, индивидуализируется наиболѣе различно. Нравственность общества отнюдь не обусловливается имущественной нивеллировкой, когда эта послѣдняя имѣетъ только цѣлью противодѣйствовать быстрому развитію пролетаріата и накопленію богатствъ въ рукахъ плутократіи, которой и безъ того закрыты пути къ царствію небесному.

Впрочемъ, несмотря на все сказанное, мнѣніе комунистовъ о внѣшней причинѣ, потворствующей безнравственности, не лишено значенія: послѣдняя не есть одинъ только продуктъ субъективной испорченности. Наши современники отвертываются съ лицемѣрнымъ ужасомъ отъ преступленія, вызваннаго по большей части соціальными отношеніями,—и въ тоже время снисходительно смотрятъ на богачей—мошенниковъ, грабящихъ милліоны и на нашу noblesse dorée, которая старается ослѣпить всѣхъ мишурнымъ блескомъ своей цивилизаціи и не стыдится эксплоа-

тировать бѣдность для удовлетворенія своего распутства. Въ этомъ отношеніи реакція комунизма достойна вниманія; ею въ особенности должны бы проникнуться теологи-моралисты, т къ охотно уклоняющіеся отъ обязанности бичевать нравственность въ придворныхъ церквахъ и салонахъ, и такъ искусно маскирующіе зависимость народной нравственности отъ объективныхъ соціальныхъ учрежденій. Но если моральный приговоръ, дѣлаемый комунистами противъ существующаго соціальнаго положенія, не лишенъ нѣкоторой справедливости, то съ другой стороны мы должны назвать колосальнымъ преувеличеніемъ ихъ мнѣніе, что господствующіе и владѣющіе классы, во всѣ времена—вотъ уже болѣе 6000 лѣтъ, были не болѣе, какъ громадной шайкой разбойниковъ.

Все сказанное противъ комунизма можетъ быть сведено, въ коротвихъ словахъ, къ слѣдующему: комунисты пренебрегаютъ индивидуальностью, совершенно отрицаютъ особыя свойства, присущія каждой личности.

Безграничный либерализмъ допускаетъ безконечное разнообразіе индивидуальности въ ущербъ принципу равенства, и допускаетъ непосредственное уничтоженіе равенства, а посредствомъ него—уничтоженіе истинной свободы между людьми; такъ точно комунизмъ отчаянно ратуетъ за принципъ равенства въ ущербъ свободно формирующемуся обособленію личности. Онъ непосредственно отнимаетъ у личности нравственно индивидуальную ея сторону—свободу, и отвергая свободу тѣмъ самымъ отвергаетъ и равенство, такъ какъ истинное равенство и истинная справедливость могутъ существовать только тамъ, гдѣ трудъ и наслажденія распредѣляются между людьми не по ровну, а соразмѣрно индивидуальнымъ особенностямъ отдѣльныхъ личностей. Со времени Аристотеля этотъ фактъ былъ много разъ замѣчаемъ, но на практикѣ такъ же часто забывался.

Спеціально экономическая несостоятельность комунистическихъ системъ,—другими словами, ихъ антиэкономическій характеръ является результатомъ отрицанія индивидуальности.

Марло приводитъ нѣсколько разбросанно причины, лишающія комунизмъ хозяйственнаго значенія.

Комунизмъ отнимаетъ у человѣка возможность наслаждаться, такъ какъ наслажденіе основывается на возможности распоряжаться индивидуальной собственностью. Внѣшнее назначеніе средствъ потребленія, лишаетъ субъекта свободнаго ихъ выбора и слѣдовательно лишаетъ его наслажденія; такъ точно комунизмъ уничтожаетъ наслажденіе, которое субъектъ могъ бы находить въ трудѣ, внѣшнимъ образомъ ограничивая количество труда для отдѣльныхъ индивидуумовъ и внѣшнимъ образомъ назначая объектъ труда.

Комунизмъ ослабляетъ производительность; отдѣльные индивидуумы не находятъ никакихъ побудительныхъ причинъ къ сбереженію и накопленію богатствъ,—трудовыя силы становятся менѣе производительны, потому что лѣнтяй получаетъ столько же сколько трудолюбивый, потому что индивидуальный талантъ не находитъ никакой оцѣнки, потому что техническое искуство и снаровка ставятся наравнѣ съ неловкимъ и не уклюжимъ авторитетомъ, вслѣдствіе чего для самой техники наступаетъ пора застоя. Наконецъ, и природныя силы также не эксплоатируются съ надлежащей тщательностью.

Комунизмъ не только ослабляетъ производительность и потребительную хозяйственность, каждую отдѣльно—онъ нарушаетъ равновѣсіе между ними обѣими, пробуждая въ людяхъ стремленіе къ чрезмѣрному размноженію.

Наконецъ, комунистическія системы требуютъ для назначенія работъ и распредѣленія продуктовъ огромное число должностныхъ лицъ, что практически неудобо-исполнимо; вспомнимъ философовъ Платона, духовныхъ лицъ Кампанеллы и общинныхъ совѣтниковъ и трибуновъ Бабефа, Кабе и Овена. Постоянный надзоръ за исполненіемъ работъ и сбереженіемъ запасовъ былъ бы въ высшей степени неудобенъ и затруднителенъ, и потребовалъ бы громадныхъ издержекъ.

Я постарался собрать вмѣстѣ всѣ чисто экономическія возраженія, которыя Марло въ своемъ сочиненіи разбросанно приводитъ противъ комунизма. Мнѣ кажется, что эти возраженія далеко не исчерпываютъ предмета и далеко не достаточно убѣдительны. Марло самъ неодобрительно относится къ свободѣ кон-

куренціи, а потому коснулся весьма поверхностно главнѣйшихъ обвиненій противъ комунизма.

Все сказанное Марло можетъ быть формулировано въ слѣдующихъ словахъ: производительность можетъ достигать высшаго и наиболѣе плодотворнаго развитія только тамъ, гдѣ существуетъ производительная индивидуализація труда, природы необработанной и природы обработанной или капиталовъ. Высшее наслажденіе жизнью, повсемѣстное равновѣсіе между народонаселеніемъ и природнымъ фондомъ возможны только тогда, когда продукты личнаго труда, переходя въ имущество, получаютъ высшую индивидуализацію. Комунизмъ отвергаетъ индивидуальное развитіе трудовыхъ силъ, свободный выборъ дѣятельности отвергаетъ индивидуальное, наиболѣе раціональное формированіе оборотныхъ и неподвижныхъ капиталовъ, отвергаетъ индивидуальное приспособленіе потребительнаго имущества, а слѣдовательно дѣлаетъ невозможнымъ въ хозяйствѣ высшее сбереженіе издержекъ, высшій валовой доходъ и извлеченія высшей пользы изъ производительной и потребительной дѣятельности. Другими словами, комунизмъ уничтожаетъ всѣ тѣ элементы, которые составляютъ, такъ называемую, хозяйственность, какъ я уже показалъ во второмъ своемъ чтеніи. И онъ не только уничтожаетъ хозяйственность отдѣльныхъ отраслей производительной и потребительной дѣятельности;—онъ стѣсняетъ, парализируетъ, уродуетъ истинное хозяйство, которое разсматриваетъ индивидуальный жизненный строй, какъ одно самостоятельное цѣлое. Истинное народное хозяйство, истинное народное имущество, а слѣдовательно и высшее развитіе всѣхъ людей было бы съ экономической точки зрѣнія немыслимо, еслибъ не существовало тысячи отдѣльныхъ хозяйствъ и имущественныхъ накопленій—частныхъ и коллективныхъ.

По непонятной причинѣ, комунизмъ отрицаетъ также все то что въ настоящее время самымъ разумнымъ образомъ осуществляетъ его же идею. Такъ онъ стремится уничтожить добровольныя пожертвованія, такъ сильно сглаживающія неравенство между людьми. Въ комунистическомъ государствѣ не могло бы быть и рѣчи ни о добровольныхъ жертвованіяхъ въ пользу воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеній, ни о всякой другой благотвори-

тельной дѣятельности; некому было бы отстаивать общіе интересы противъ насилія верховныхъ „уравнителей"; человѣчество лишилось бы также въ высшей степени плодотворной дѣятельности избранныхъ тружениковъ—мыслителей и художниковъ, путешественниковъ, открывающихъ новыя страны, и изобрѣтателей, обогащающихъ технику новыми фактами; однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые, во всѣ времена, дѣлали большіе или меньшіе вклады въ умственную сокровищницу міра. А между тѣмъ такой искуственный комунизмъ, который самъ долженъ былъ бы, рано или поздно, привести къ полнѣйшему неравенству, заглушилъ бы истинный, законный, раціональный и хозяйственный комунизмъ, проявляющійся въ научной и художественной дѣятельности, въ прогресивной политической и соціальной дѣятельности, въ формѣ семейства, товарищества, дружбы и асоціаціи; комунизмъ,—обращающій трудъ болѣе сильныхъ на пользу болѣе слабыхъ съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ всевозможныя государственныя системы педагогики, наукъ и искуствъ.

По моему мнѣнію, величайшее экономическое заблужденіе комунизма состоитъ въ слѣдующемъ: онъ не хочетъ признать, что индивидуализмъ самъ можетъ служить наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ, чтобъ осчастливить всѣхъ людей; что онъ, другими словами, можетъ быть сдѣланъ наиболѣе плодотворнымъ комунистомъ. Истиннымъ руководителемъ экономической жизни всѣхъ людей является всякій индивидуумъ, который, побуждаемый рентой, доставляетъ честнымъ индивидуальнымъ трудомъ огромныя сбереженія всему обществу;—всякій частный капиталистъ, который достигаетъ высшаго сбереженія издержекъ и наибольшаго повышенія дохода, и установляетъ лучшую оцѣнку цѣнности пользованія. Комунисты, ратующіе въ своихъ системахъ о высшемъ благѣ всѣхъ людей, уничтожаютъ самые дѣятельные рычаги истиннаго и полнаго благосостоянія всего общества.

Экономическимъ міромъ нельзя руководить изъ одного произвольно выбраннаго центра. Господствующими и дѣятельными существами явились бы въ комунистическомъ государствѣ немногія частныя лица, дерзнувшія руководить цѣлымъ міромъ нравственныхъ существъ, и они конечно стали бы эксплоатировать

массы не менѣе, чѣмъ эксплоатируютъ ихъ современные капиталисты. Каждый индивидуумъ долженъ непрестанно, каждый день и каждый часъ, двигать экономическій механизмъ всего человѣчества. И это легко выполнимо: при свободной конкурренціи частныхъ и коллективныхъ имуществъ, всякій долженъ наиболѣе дѣйствительно прилагать свои индивидуальныя силы къ какой нибудь производительной дѣятельности; всякій долженъ самъ подыскивать и стараться осуществить формы капитальнаго имущества, наиболѣе соотвѣтствующія его производительной силѣ; всякій долженъ самъ себѣ устроить свое „домоводство", позаботиться объ индивидуальныхъ потребностяхъ, ему одному извѣстныхъ, и удовлетвореніе которыхъ составляетъ конечную цѣль хозяйственной дѣятельности; всякій долженъ сберегать, имѣя въ виду будущность хозяйства и имѣть интересъ въ ограниченіи необузданнаго стремленія къ размноженію, даже при существованіи proles. Современный индивидуализмъ, который къ счастію не перешелъ за предѣлы разумнаго своего ограниченія, доставляетъ громадныя сбереженія для всѣхъ! Только каждый отдѣльный индивидуумъ можетъ вполнѣ хорошо знать свои способности къ труду и свои потребности, а поэтому немыслимо, чтобы немногіе могли установлять для всѣхъ оцѣнку цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія. Вспомнимъ что мы говорили въ третьемъ чтеніи объ оцѣнкѣ, какъ о стимулѣ универсальной хозяйственности; этой хозяйственности не въ состояніи осуществить такая система, гдѣ даже въ принципѣ совершенно отвергается до безчисленности разнообразная индивидуальная оцѣнка стоимости издержекъ и полезности, и гдѣ она возлагается на немногихъ должностныхъ лицъ; будь эти должностныя лица ангелами, а не простыми смертными, и тогда они не были бы въ состояніи исполнить то, чего отъ нихъ требуютъ. Именно съ точки зрѣнія хозяйственности должны мы признать комунистическія теоріи нелѣпостью и анахронизмомъ, отодвигающимъ насъ на тысячи лѣтъ назадъ.

Отрицая многое, существенно важное въ народномъ хозяйствѣ, комунизмъ совершенно игнорируетъ, насколько трудно управлять изъ одного пункта народно и всемірно хозяйственными соціальными организаціями. Въ настоящее время милліоны и мил-

ліоны людей, живущихъ на пространствѣ двухъ гемисферъ, отдѣленныхъ во времени годами, десятками и сотнями лѣтъ, индивидуализируютъ на общую свою пользу въ высшей степени дѣйствительно свои трудовыя, капитальныя и почвенныя силы, подъ организующимъ и ликвидирующимъ руководствомъ столь сильно преслѣдуемаго капитала; но мы и придумать не съумѣемъ, какимъ образомъ одно должностное лицо будетъ въ состояніи такъ направить эти милліоны людей, чтобы они могли наиболѣе хозяйственно осуществить оцѣнку стоимости издержекъ и полезности. Къ тому же, самое понятіе о „всемірной экономіи“ исчезаетъ, когда люди будутъ заключены въ тѣсныя границы семейства и общины, когда великій, всеоживляющій потокъ міровой асоціаціи для производства и потребленія цѣнностей будетъ запруженъ и раздробится на мелкіе, теряющіеся въ пескѣ ручейки. Конечно, комунисты не мало облегчаютъ себѣ задачу, загоняя, такъ сказать, все человѣчество въ общинные и семейные циклы. Они весьма наивно обходятъ эту невѣроятную реакцію противъ данной исторіей культуры. Во всякомъ случаѣ государственное управленіе можетъ до нѣкоторой степени хозяйственно руководить только ничтожно малыми соціальными организаціями.

Замѣтимъ еще, что указанный нами тѣсный комунизмъ существуетъ уже въ обществѣ и въ гораздо лучшей формѣ: помимо капитализма, поставляющаго въ лицѣ предпринимателей лучшихъ хозяйственныхъ дѣятелей во всѣ страны свѣта, мы обладаемъ благодѣтельнымъ семейнымъ, общиннымъ и государственнымъ комунизмомъ. Тѣсныя хозяйственныя организаціи, устроенныя нами гораздо болѣе хозяйственно, чѣмъ то могли бы сдѣлать комунисты, мы включили, подобно клѣточкамъ, въ капитализмъ. Намъ остается только позаботиться о лучшей организаціи коллективныхъ имуществъ! Здѣсь многое еще должно быть улучшено, чтобъ остановить частную собственность отъ разорительнаго и уродливаго развитія. Но съ другой стороны исключительное развитіе небольшихъ государственныхъ и общинныхъ собственностей было бы во первыхъ невыносимо однообразно, а во вторыхъ, что главное, оказалось бы въ экономическомъ отношеніи страшнымъ прыж-

комъ назадъ. Безотвѣтственные руководители, которыхъ комунизмъ ставитъ во главѣ этихъ однообразныхъ, едва способныхъ къ ничтожному народно-хозяйственному развитію, коллективныхъ имуществъ, конечно, оказались бы гораздо худшими управителями, чѣмъ частные предприниматели, которые по крайней мѣрѣ отвѣтственны сами передъ собою. На землѣ установился бы въ высшей степени зловредный „монополизмъ" блюстителей равенства. И такой монополизмъ былъ бы гораздо болѣе злой насмѣшкой по отношенію къ „равенству", чѣмъ излишне развитый капитализмъ по отношенію къ современнымъ идеямъ о свободѣ.

И такъ, мы пришли къ весьма простому заключенію: комунизмъ совершенно отрицаетъ необходимость частной хозяйственности для всемірной экономіи, и въ то же время не можетъ предложить обществу ни одной государственной хозяйственной организаціи, которая бы оказалась лучше существующихъ. Въ самой тѣсной своей сферѣ, въ сферѣ веденія всемірной экономіи, онъ совершенно несостоятеленъ.

Марло слишкомъ мало сознаетъ относительное значеніе свободы производства и конкуренціи, другими словами,—всемірно экономическое значеніе капиталистической системы производства; онъ слишкомъ упорно ратуетъ за цеховую организацію, чтобы имѣть притязанія на удовлетворительное опроверженіе комунизма. Онъ признаетъ, правда, что отрицаніе всякой индивидуальности — антиэкономично; но онъ ничего не говоритъ о томъ, что необходимая для всемірной экономіи индивидуализація можетъ развиваться наиболѣе широко и наиболѣе плодотворно только при свободной конкуренціи; онъ ничего не говоритъ о томъ, что капитализмъ обезпечиваетъ сильный и продолжительный прогрессъ исторической культуры и представляетъ собою необходимую форму соціальной экономіи.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о попыткахъ осуществить комунистическія теоріи.

Замѣчу прежде всего, что общеніе имуществъ, удавшееся въ нѣкоторыхъ орденахъ и сектахъ, нисколько не доказываетъ повсемѣстной примѣнимости комунизма.

Какъ я уже сказалъ, современныя комунистическія тео-

ріи страдаютъ большимъ недостаткомъ даже по отношенію къ идеямъ Платона и Моруса; онѣ не предупреждаютъ опасности чрезмѣрнаго возрастанія населенія, тогда какъ Морусъ имѣлъ по крайней мѣрѣ въ мысляхъ раціональную колонизацію. Тамъ, гдѣ практическій комунизмъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, онъ не пренебрегъ этимъ вопросомъ. Такъ на Критѣ была дозволена педерастія! Въ христіанскихъ комунистическихъ организаціяхъ, какъ напр. въ монастыряхъ и въ швабской сектѣ раппистовъ въ Америкѣ, вышеупомянутую опасность имѣлось въ виду устранять безбрачной жизнью; но уже поэтому самому подобный фактъ не долженъ служить доказательствомъ всеобщей примѣнимости комунизма.

Общеніе имуществъ, имѣвшее успѣхъ въ религіозныхъ орденахъ и сектахъ, также отнюдь не доказываетъ, что можно обойтясь безъ капиталистической организаціи человѣческаго общества. Подобныя комунистическія общины являлись постоянно малыми соціальными единицами, которыя принимаютъ участіе въ народно хозяйственномъ обмѣнѣ только въ силу капиталистическихъ основъ. Онѣ покупаютъ и продаютъ по цѣнамъ, регулируемымъ конкуренціей. Ихъ существованіе опиралось и опирается на капиталистическій базисъ хозяйственной жизни всего человѣческаго общества точно также, какъ въ настоящее время общеніе имущества въ семействѣ, государствѣ и общинѣ опирается на капиталистическую организацію всеобщаго производства и всеобщаго потребленія цѣнностей.

Такимъ образомъ, общеніе имуществъ въ небольшихъ кружкахъ человѣческаго общества ничего не говоритъ въ пользу всеобщей его примѣнимости; потому что съ расширеніемъ подобныхъ кружковъ соціальной общины производства, регулированіе ихъ путемъ государственнаго управленія будетъ становиться все затруднительнѣе; связь, поддерживаемая всеобщимъ знакомствомъ и привязанностью между людьми будетъ все болѣе ослабѣвать; и въ концѣ концовъ удачное осуществленіе комунистическихъ теорій въ небольшихъ общинахъ не будетъ въ состояніи нисколько убѣдить насъ въ безполезности капитализма для всемірной и народной хозяйственности.

Только въ одномъ пунктѣ важномъ комунизмъ заслуживаетъ похвалы по своей послѣдовательности. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ хочетъ подвести хозяйственную общину подъ государственное управленіе, устраняя въ соціальной общинѣ производства гегемонію капитала и капиталистическую организацію. Онъ, такимъ образомъ, сознаетъ, что индивидуальныя силы должны обладать какой нибудь связующей ихъ организаціей. Въ этомъ отношеніи собственно соціальныя теоріи, къ которымъ мы теперь переходимъ, гораздо болѣе недостаточны и мечтательны. Онѣ хотятъ уничтожить конкуренцію и капиталистическую спекуляцію, и не въ состояніи предложить ничего взамѣнъ той связующей соціальной организаціи, которую капитализмъ доставляетъ индивидуальнымъ производительнымъ силамъ.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

3) *Экономическій федерализмъ.* А) Переходъ къ нему. *Во первыхъ: Полукомунизмъ* или соціализмъ въ собственномъ смыслѣ—утопически-анархическій федерализмъ. — Морелли, Луи Бланъ, Вейтлингъ, *Сенъ-Симонъ*, Базаръ, Анфантенъ. — *Карль Фурье* и Бенжаменъ Консидеранъ.—Система Фурье въ собственномъ смыслѣ.—Возможно-подробное изложеніе этой системы и ея критика.—*Во вторыхъ:* преобразовательные планы *полулиберализма.* — Многочисленность ихъ. — Краткое ихъ обсужденіе.

Абсолютное равенство труда и наслажденія — вотъ принципы, характеризующіе комунизмъ. И комунизмъ, подобно одностороннему либерализму, не выдерживаетъ критики. Крайнія увлеченія равенствомъ, также какъ и крайности свободы, приводятъ окончательно къ результатамъ, вполнѣ противуположнымъ исходному началу.

Стремленіямъ федерализма не удалось согласить начала свободы и равенства, привести индивидуализмъ и комунизмъ къ внутреннему единству въ идеѣ гармоническаго нравственнаго саморазвитія всѣхъ индивидовъ. Эта основная мысль экономическаго и политическаго федерализма только медленно прокладываетъ себѣ дорогу и мало по малу формулируется въ конкретно-практическія требованія и программы.

Обѣ крайности сближаются между собою только шагъ за шагомъ. Въ одномъ лагерѣ мы видимъ полукомунистическія системы, въ другомъ—полулиберальныя требованія.

Полукомунисты приходятъ въ своихъ выводахъ, по самой необходимости, къ системѣ комунизма: хотя они уже не строятъ своихъ теорій на безплодной почвѣ равенства, труда и наслажденія, но все также упорно отрицая начало свободной конкуренціи, они чрезъ то отрицаютъ и самую свободу операцій политико-экономи-

ческаго процеса. Подобныя полукомунистическія системы называю я соціализмомъ въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова. Полулиберальныя теоріи, напротивъ того, стремятся устранить всѣ недостатки либеральнаго капитализма посредствомъ единичныхъ, паліативныхъ мѣръ. Я постараюсь въ этомъ чтеніи представить въ краткихъ чертахъ обѣ эти системы.

Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, я считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что въ этомъ чтеніи, слово соціализмъ имѣетъ болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ до сихъ поръ. До сихъ поръ мы разумѣли подъ соціализмомъ всю совокупность возрѣній, противупоставлявшихся чистому либерализму, общею чертою которыхъ было стремленіе осуществить теорію равенства; одни изъ мыслителей этого направленія требовали прямыхъ мѣропріятій государства, какъ представителя всего общества, другіе искали выхода въ обособленіи всѣхъ промышленныхъ предпріятій въ формѣ асоціаціонныхъ производительныхъ союзовъ. Въ этомъ же чтеніи мы будемъ разумѣть подъ соціализмомъ одно изъ этихъ возрѣній, а именно полукомунизмъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ чтеніяхъ я снова буду принимать слово „соціализмъ“ въ прежнемъ обширномъ смыслѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда мнѣ придется говорить о соціализмѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ полукомунизма, я буду, въ виду болѣе точнаго обозначенія понятія, употреблять выраженіе—соціализмъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Ближе всего къ чистому комунизму стоятъ тѣ оттѣнки антилиберальной экономической системы, которые обозначены въ исторіи экономической литературы именами Морелли и Луи Блана.

Въ то самое время, какъ Кене и его школа побѣдоносно вводили въ сознаніе современнаго имъ общества теорію экономическаго либерализма, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей XVIII вѣка, Морелли, въ двухъ своихъ сочиненіяхъ „Basiliade de Bilpay 1753“ (Базиліада Бильпайя 1753) и „Code de la nature 1755“ (Законы природы 1755) положилъ основаніе своеобразной полукомунистической теоріи.

Хотя онъ и стремится къ равному распредѣленію наслажденія, но допускаетъ на ряду съ этимъ неравенство труда, (сообразно неравенству самихъ трудовыхъ силъ), причемъ на болѣе

*

сильныхъ индивидовъ возлагается обязанность помогать слабѣйшимъ. Его планъ организаціи во многомъ сходенъ съ приведенными выше чисто комунистическими проектами, которые отчасти заимствовали у него свое содержаніе. Морелли не указываетъ на то, какимъ именно путемъ можетъ быть отъ лица государства обезпечена за всѣми гражданами равномѣрность награжденія при неравномѣрности труда. Замѣчательно, что исходя, подобно Кене, изъ принципа „господства природы", Морелли приходитъ къ совершенно противуположнымъ выводамъ. Современники не оцѣняли трудовъ Морелли: они имѣли вліяніе только на позднѣйшее развитіе теоріи равенства.

Гораздо болѣе выдающимся мыслителемъ является позднѣйшій представитель полукомунистическихъ теорій Луи Бланъ.

Уже во время своей молодости онъ научился собственнымъ опытомъ презирать буржуазію, это сословіе сдѣлалось для него предметомъ проклятій; въ самомъ началѣ своей литературной карьеры онъ выступилъ противъ него въ ежедневной прессѣ Луи-Филиппа. Большое вліяніе доставили Луи Блану прекрасно написанныя историческія сочиненія („Десять лѣтъ французской исторіи" и „Исторія французской революціи"); его сочиненіе „Организація труда"— выдержавшее до 1850 г. девять изданій,—сдѣлало его однимъ изъ любимцевъ парижской демократіи. Послѣ февральской революціи онъ былъ назначенъ членомъ временнаго правительства, гдѣ являлся представителемъ крайнихъ воззрѣній. Онъ былъ душею собраній рабочихъ, происходившихъ въ Люксембургскомъ дворцѣ; однако, смѣлая попытка Луи Блана осуществить свои планы, какъ это теперь сдѣлалось извѣстно, была задержана его сочленами.

Основная мысль „организаціи труда" Луи Блана — (нужно замѣтить, что съ его легкой руки это выраженіе сдѣлалось лозунгомъ партіи) — можетъ быть коротко обозначена въ слѣдующихъ словахъ: обязательный трудъ сообразно трудовымъ силамъ и распредѣленіе наслажденія сообразно индивидуальнымъ потребностямъ; равномѣрность наслажденія не является уже основнымъ началомъ, какъ у Морелли.

Такимъ образомъ, Луи Бланъ отказался отъ отвлеченной, чисто комунистической теоріи равенства въ его обоихъ отношеніяхъ, т. е.

относительно обязательнаго труда и равноправности всѣхъ въ наслажденіи; между тѣмъ, какъ Морелли и чистые комунисты требуютъ и равенства наслажденій. Однако же мѣра наслажденія индивида еще не поставлена въ прямую зависимость отъ количества его труда. Чисто федеральный принципъ заключается въ слѣдующемъ: возможное производительное индивидуальное распредѣленіе имуществъ сообразно индивидуальнымъ трудовымъ силамъ и индивидуальнымъ склонностямъ къ труду, и предоставленіе каждому права на добытые имъ, при такомъ распредѣленіи имущества, продукты труда. Луи Бланъ не возвышается до подобнаго воззрѣнія, но развиваетъ своеобразный принципъ: обязанность къ труду сообразно индивидуальнымъ силамъ и наряду съ этимъ право на наслажденіе сообразно индивидуальнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, онъ доходитъ до совершенно невыполнимыхъ требованій. Его планъ неисполнимъ прежде всего потому, что онъ не находитъ и не можетъ найти практическаго средства уравнять индивидуальную способность къ труду и индивидуальныя потребности.—Не будучи въ состояніи представить удовлетворительнаго средства для осуществленія своихъ собственныхъ требованій, онъ на практикѣ возвращается къ чистому комунизму. Однако же, этотъ писатель такъ глубоко проникъ въ сущность соціальнаго движенія, что мы считаемъ нужнымъ ближе остановиться на разсмотрѣніи его плановъ.

Итакъ, обязательный трудъ сообразно индивидуальнымъ способностямъ, наслажденіе сообразно индивидуальнымъ потребностямъ! Человѣкъ, одаренный способностями, не имѣетъ, такимъ образомъ, преимущества въ правахъ, на немъ лежитъ только больше обязанностей.

Эти основныя положенія могутъ быть, по мнѣнію Луи Блана, осуществлены, если наряду съ обязанностью работать, за каждымъ будетъ признано и право на пользованіе орудіями труда и средства производства будутъ повсемѣстно обращены въ общую собственность. Во всякомъ случаѣ общій капиталъ для производства не долженъ быть непремѣнно обращенъ въ публичную (государственную) коллективную собственность; напротивъ, большая часть отраслей промышленности должна имѣть основный капиталъ для

производства въ формѣ имущества свободныхъ союзовъ, асоціацій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Луи Бланъ приближается къ программѣ современнаго асоціаціоннаго движенія. Средства потребленія должны стать, по мнѣнію Луи Блана, сообразно индивидуальнымъ потребностямъ, предметомъ частнаго имущества, однако наслѣдственнаго права не должно существовать.

Теорія „организація труда" Луи Блана, страдаетъ столько же ложностью своихъ основныхъ предположеній, какъ и непрактичностью средствъ осуществленія. Луи Бланъ нетолько не указываетъ средствъ для таксированія трудовыхъ силъ всѣхъ недѣлимыхъ; но не придумалъ даже и удовлетворительнаго средства прослѣдить въ самой практичной дѣятельности эту, съ трудомъ подмѣчаемую разницу въ способности индивида къ доставленію извѣстныхъ услугъ. На практикѣ организаціонный планъ Луи Блана, уже по одному этому, долженъ повести къ равному труду, а слѣдовательно къ комунизму.

Но кому же поручить опредѣленіе индивидуальныхъ потребностей? Вопросъ не разрѣшимый, если принять во вниманіе, что всѣмъ предоставляется возможность удовлетворять свои безконечно растяжимыя потребности изъ дохода всего соціальнаго производства. Даже при соціальномъ производствѣ, доходъ всей массы индивидовъ не будетъ столь великъ, чтобы всѣ могли потреблять безгранично. Луи Бланъ совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что потребности индивида почти безконечно растяжимы, и, что еще важнѣе, что населеніе имѣетъ наклонность къ чрезмѣрному размноженію. Такимъ образомъ, сумма всего народнаго дохода, какъ это логически выходитъ изъ теоріи Луи Блана, должна быть обращена на ограниченное, хотя и соразмѣрное удовлетвореніе потребностей индивидовъ. Но кто-же въ состояніи правильно опредѣлить размѣръ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія частной потребности?—Никто—Въ одномъ случаѣ, допуская возможность наибольшей уравнительной справедливости мы придемъ къ равенству наслажденій, въ другомъ случаѣ къ ограниченію одного другимъ. Въ первомъ случаѣ, „организація труда" сводится, и въ отношеніи потребленія, къ началамъ чисто комунистическимъ. Равенство въ наслажденіи, также какъ и

равенство въ трудѣ, является практическимъ выводомъ изъ теоріи Луи Блана.

Луи Бланъ часто повторяетъ прекрасную мысль, дѣлающую честь его сердцу, а именно, что способности даны человѣку Богомъ для того, чтобы онъ помогалъ своимъ слабымъ братьямъ; но при этомъ онъ упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что на человѣкѣ можетъ лежать только нравственная обязанность удѣлять ближнимъ плоды своихъ выдающихся способностей и что, напротивъ того, всякая попытка обратить эту обязанность въ юридическую, не можетъ не убить въ индивидѣ всякое прилежаніе, всякое стремленіе къ улучшенію своего труда. Луи Бланъ не принялъ въ соображеніе также и того, что на опытѣ при здоровомъ экономическомъ строѣ масса среднихъ собственниковъ трудится для доставленія себѣ приличнаго содержанія. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что необходимо оказать сильную поддержку страховымъ учрежденіямъ для бѣдныхъ, для того, чтобы обратить излишки, доставляемые трудомъ человѣка въ теченіи его здороваго возраста или получаемые имъ вслѣдствіе благопріятныхъ комбинацій заработной платы, на содержаніе инвалидовъ, стариковъ, незанятыхъ рабочихъ, вдовъ и сиротъ. Въ семействѣ, въ нормальномъ его положеніи, является такая добровольная работа сильныхъ и здоровыхъ для поддержанія дѣтей, больныхъ и стариковъ. Между тѣмъ, Луи Бланъ лишаетъ семейство подобнаго значенія, отрицая наслѣдственное право!

Еще болѣе несостоятельна система Луи Блана въ отношеніи къ предлагаемому имъ „устройству“ производительнаго общенія; это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что заглавіе его труда, „организація труда,“ предполагаетъ съ его стороны болѣе раціональныя возрѣнія на этотъ предметъ.

Луи Бланъ отвергаетъ капитализмъ вмѣстѣ съ его регулирующимъ механизмомъ, т. е. свободною конкуренціею. Какой же организаціи требуетъ онъ для производства?

Онъ полагаетъ, что производство можетъ безъ всякаго законодательнаго принужденія организироваться въ форму промышленныхъ асоціацій. Онъ требуетъ иниціативы государства и его руководящихъ инструкцій, только на первое время устройства

такихъ асоціацій; первый толчекъ долженъ дать, по его мнѣнію, какой-то (вполнѣ неосуществимый на практикѣ) облигаціонный банкъ: этотъ банкъ будетъ содѣйствовать переходу къ соціалистической формѣ производства. Допуская возможность подобной операціи, остается еще раздѣлить все движимое и недвижимое имущество между асоціаціями: кому же поручить соразмѣрное распредѣленіе кредитовъ производства между отдѣльными предпріятіями, какъ поддержать правильность такого распредѣленія? Кто будетъ рѣшать вопросъ о вступленіи работниковъ въ отдѣльныя асоціаціи и выходѣ изъ нихъ? Луи Бланъ отвѣчаетъ на это: Должностныя лица отдѣльныхъ асоціацій! Но если какой либо работникъ не будетъ принятъ ни въ одну изъ асоціацій?! Какъ поступать, если онъ не найдетъ занятій „сообразно своимъ способностямъ?“ Кто будетъ имѣть наблюденіе за правильностью оцѣнки издержекъ производства? Представляется еще одинъ вопросъ существенной важности, оставленный Луи Бланомъ безъ всякаго разрѣшенія: кто будетъ заботиться о правильной оцѣнкѣ цѣнности потребленія?—а между тѣмъ отъ такой оцѣнки зависитъ конкретное удовлетвореніе потребностей общества. Если никто не будетъ нести отвѣтственности за степень сбереженія издержекъ производства и наивыгоднѣйшее формированіе цѣнности потребленія, то водворится необузданная безхозяйственность. Зачѣмъ уничтожать въ такомъ случаѣ систему капиталистической конкуренціи, при которой для всѣхъ существуетъ въ этомъ отношеніи самая строгая отвѣтственность. Какія трудности представляетъ въ наше время сбереженіе издержекъ и опредѣленіе цѣнности пользованія въ экономической дѣятельности государства и общины! А между тѣмъ производительная дѣятельность государства, выражающаяся въ доставляемыхъ имъ услугахъ и содержимыхъ имъ учрежденіяхъ, имѣетъ при настоящемъ объемѣ государственной цѣли весьма опредѣленныя и своеобразныя задачи. Какъ несовершенно однако же осуществляется въ этой хозяйственной дѣятельности финансовый контроль, опредѣленіе цѣнности издержекъ и цѣнности пользованія: какую малую гарантію можетъ представить право вотировать бюджетъ!

Въ замѣнъ отвергаемому имъ регулятору свободной конкурен-

ціи, Луи Блапъ предлагаетъ, во первыхъ, установленіе „нормальной преміи“ для всѣхъ товаровъ и личныхъ услугъ; во вторыхъ, водвореніе общей солидарности всѣхъ асоціацій съ цѣлью взаимнаго страхованія и вспомоществованія; для осуществленія подобной солидарности, Луи Блапъ предлагаетъ поставить во главѣ всѣхъ асоціацій особую комисію, которая имѣла бы въ своихъ рукахъ страховой фондъ, образованный изъ 25% чистаго дохода каждой асоціаціи, а оказывала бы пособіе асоціаціямъ, впадающимъ въ нищету за недостаткомъ сбыта своихъ продуктовъ.

Эту мѣру предлагаетъ и Лассаль. Мы уже указали въ общихъ чертахъ на его возрѣнія относительно этого предмета, ниже мы разсмотримъ ихъ съ большею подробностью. Здѣсь нужно замѣтить, что Лассаль въ немногихъ своихъ положительныхъ выводахъ сильно заимствовался у Луи Блана и Прудона.

По нашему мнѣнію, трудно отъискать болѣе утопическую систему чѣмъ та, въ которой хозяйственная организація труда установляется всеобщимъ нормированіемъ цѣнъ и взаимнымъ страхованіемъ промышленнаго риска.

„Нормальная цѣна“ должна быть назначаема сообразно издержкамъ производства. Такое требованіе заставляетъ насъ безплодно вращаться въ заколдованномъ кругѣ, чтобы вернуться снова къ капитализму. Какой размѣръ издержекъ производства должно положить въ основу опредѣленія нормальной цѣны? Тотъ ли размѣръ, который онѣ имѣютъ въ дѣйствительно хозяйственно производящихъ предпріятіяхъ или въ предпріятіяхъ нехозяйственныхъ? Какимъ образомъ можетъ быть достигнутъ наименьшій размѣръ издержекъ производства, къ которому теперь принуждаетъ производителей конкуренція?

Вспомнимъ, что въ проектируемой организаціи производства, не существуетъ никакой отвѣтственности за недостаточное сбереженіе издержекъ и каждая асоціація можетъ всегда расчитывать на премію изъ страховаго фонда, если при нехозяйственномъ веденіи дѣлъ ея издержки на производство будутъ превышать нормальную цѣну продуктовъ. Цѣнность издержекъ производства является сама, въ качествѣ денежной величины, продуктомъ всеобщей хозяйственности, регулируемой конкуренціею; однимъ сло-

вомъ, эта денежная цѣнность является капиталистической отправною точкою; трудно видѣть въ ней непосредственное выраженіе чистой стоимости издержекъ производства. Даже современное государство, дѣлая смѣту издержекъ производства, придерживается цѣнъ, создаваемыхъ капиталистическимъ оборотомъ; въ прежнее время, при феодальномъ натуральномъ хозяйствѣ, государство оплачивало личную службу и содержало свои учрежденія изъ феодальныхъ сборовъ—это объясняется тѣмъ, что самое феодальное владычество было принципомъ хозяйственной организаціи; никто не станетъ отрицать, что такое натуральное финансовое хозяйство было далеко нехозяйственно. Но если мы окончательно устранимъ изъ общественнаго организма капитальную, а равно и феодальную организацію и въ тоже время не установимъ согласно идеалу комунизма никакого технически опредѣленнаго принудительнаго размѣра производства для каждой асоціаціи, тогда именно и сдѣлается немыслимою всякая „организація труда,“ всякая гражданственность въ области хозяйственности.

Пособіе, выдаваемое асоціаціи „въ случаѣ недостаточности сбыта,“ было бы, по нашему мнѣнію, преміею не только за нехозяйственный расчетъ издержекъ производства, но въ равной мѣрѣ и за ошибочное формированіе цѣнности пользованія; при такомъ порядкѣ вещей, самое снабженіе общества могло бы быть поставлено въ опасность. Вся масса асоціацій, плохо ведущихъ свои дѣла, дорого производящихъ и невѣрно комбинирующихъ, пользовалась бы, при посредствѣ общаго страховаго фонда, чистымъ доходомъ состоятельныхъ асоціацій и заставила бы эти послѣднія въ самомъ непродолжительномъ времени терпѣть весьма тяжкія послѣдствія ихъ экономическаго превосходства.

Въ самомъ дѣлѣ, доходныя асоціаціи отдаютъ 25% своихъ избытковъ въ составъ общаго страховаго капитала, затѣмъ слѣдующіе 25% придется жертвовать въ пользу больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ, 25% пойдетъ на погашеніе основнаго капитала. Кромѣ того, допуская чистый доходъ отъ предпріятія, который можетъ возникнуть только вслѣдствіе разности между цѣнностью издержекъ производства и нормальною цѣною, мы дѣлаемъ уже вполнѣ капиталистическое предположеніе. Съ одной стороны,

понятіе чистаго дохода, какъ мы уже показали, можетъ быть съ трудомъ приведено на практикѣ при подобной организаціи труда, съ другой стороны, оно противорѣчитъ самому принципу этой организаціи. Тѣ небольшія указанія на порядокъ хозяйственной оцѣнки, цѣнность пользованія, которыя мы находимъ въ системѣ Луи Блана, повсюду заимствованы имъ изъ системы капитализма.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно построенной Луи Блапомъ системы „организаціи труда.“ Эта система можетъ привести насъ къ двумъ результатамъ: 1) или мы должны допустить, чтобы всѣмъ хозяйственнымъ общеніемъ руководила, съ полною авторитетностью, особая комисія, хотя бы часто упоминаемое Луи Бланомъ „министерство прогресса“,— такое руководство необходимо уже для того, чтобы могла существовать какая либо организація. Въ такомъ случаѣ, падаетъ все различіе между соціализмомъ Луи Блана и чистымъ комунизмомъ, причемъ не будетъ достигнуто ни большей хозяйственности, ни свободы, ни индивидуализаціи гегемоніи капитала; 2) или же мы возвратимся къ организованному хозяйственному соединенію и распредѣленію производительныхъ силъ, къ экономической оцѣнкѣ цѣнности пользованія и издержекъ производства. Но весь общественный процесъ производства явится, въ такомъ случаѣ, безъ надлежащаго представительства; онъ былъ бы постоянно нарушаемъ посредствомъ выдачи премій нераціональнымъ хозяйствамъ. Ничто не обезпечивало бы правильное распредѣленіе труда и капитала. Короче, при такомъ порядкѣ вещей водворилась бы полная противуположность всякой организаціи, т. е. безхозяйсвенная анархія.

По нашему мнѣнію, Марло еще весьма снисходительно относится къ системѣ Луи Блана, отзываясь слѣдующимъ образомъ о полной экономической несостоятельности проводимыхъ послѣднимъ принциповъ—таксаціи цѣнъ и страхованія: таксація цѣнъ, говоритъ Марло, была бы совершенно неосуществима „вслѣдствіе великаго разнообразія товаровъ,“ а страхованіе было бы недѣйствительно для назначенія нормальныхъ цѣнъ (1, 2, 544). Во всякомъ случаѣ, разнообразіе товаровъ, при весьма различномъ по условіямъ мѣста и времени, предложеніи, было бы равнымъ обра-

зомъ ограниченнымъ препятствіемъ къ осуществленію всего плана; при обмѣнѣ между асоціаціями возникло бы вавилонское смѣшеніе различныхъ таксъ.

Первоначальное установленіе всей системы Луи Блана, чрезъ посредство государственнаго банка, не создало бы никакихъ новыхъ капиталовъ; напротивъ того, оно разрушило бы многіе прежніе капиталы, именно вслѣдствіе уничтоженія наслѣдственнаго права. При этомъ не должно упускать изъ виду и того, что принципъ, по которому наслажденія распредѣляются согласно индивидуальнымъ потребностямъ и удовлетворяются изъ общей массы продуктовъ соціальнаго производства, въ сильной степени способствовалъ бы излишнему размноженію народонаселенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе способные, одаренные природою и нравственно крѣпкіе работники, которые въ наше время и формируютъ, главнымъ образомъ, капиталъ, имѣли бы весьма мало побудительныхъ причинъ стремиться къ возможно большему производству цѣнностей въ интересахъ всего соціальнаго общенія. Въ виду всего этого, можно сказать, что уже въ переходную эпоху своего осуществленія планъ Луи Блана долженъ привести къ общему обнищанію и пролетаріату.

Наконецъ, Луи Бланъ преувеличиваетъ значеніе асоціаціонной формы производства; онъ, а подъ его вліяніемъ и Лассаль, разсматриваетъ ее какъ всеобщій рычагъ производства. Ниже мы покажемъ, что, хотя асоціація, въ качествѣ капитальной формы промышленнаго предпріятія, и должна въ будущемъ получить, по видимому, все большее и большее значеніе, но она все же не можетъ сдѣлаться исключительною и всеобщею промышленною организаціею. По той-же причинѣ вся масса капиталовъ никогда не можетъ перейти изъ преобладающей нынѣ формы частнаго имущества въ форму соціальнаго коллективнаго имущества.

Луи Бланъ, глубоко чувствуя всѣ темныя стороны капитализма, вполнѣ отказался отъ него и, такимъ образомъ, потерялъ всякую твердую почву. Замѣчательно, что онъ прежде всего не подумалъ только о томъ, чтобы устранить возможность злоупотребленій началомъ конкуренціи, возможность безчестнаго пріобрѣтенія богатствъ. Я уже упомянулъ вкратцѣ, и надѣюсь сказать еще

подробнѣе, о томъ, что можно достигнуть въ этомъ отношеніи путемъ широкаго развитія современнаго государственнаго хозяйства.

Луи Бланъ заслуживалъ особеннаго вниманія съ нашей стороны: онъ замѣтно выдается изъ ряда прочихъ соціалистовъ своими обширными дарованіями, замѣчательною мѣткостью своего изложенія, наконецъ высокимъ политическимъ положеніемъ, которое доставила ему февральская революція.

Наряду съ Луи Блано́мъ должно упомянуть о просвѣщенномъ нѣмецкомъ подмастерьѣ портнаго цеха, В. Вейтлингѣ.

Главнымъ его трудомъ должно признать его сочиненіе: „Гарантіи гармоніи и свободы“ 1842 г. краткое извлеченіе изъ этого труда представляетъ брошюра: „Человѣчество, какъ оно есть и какимъ оно должно быть.“ Вейтлингъ эклектически соединилъ въ одно цѣлое отрывки изъ системъ Кампанеллы, Овена, Кабе и соціалиста Фурье. Проводимая въ его трудахъ связь комунизма и соціализма сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что онъ различаетъ трудъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей отъ труда, имѣющаго своею цѣлью покрытіе издержекъ на предметы излишества; относительно перваго рода труда онъ требуетъ комунистическаго равенства, послѣднему онъ желалъ бы дать соціалистическую организацію.

Мы видѣли, что Луи Бланъ въ своихъ теоритическихъ выводахъ, а еще болѣе въ практическихъ результатахъ своей системы склоняется къ началамъ комунизма. Его теорія болѣе чѣмъ всякая другая можетъ быть разсматриваема какъ переходъ отъ возрѣній комунизма къ возрѣніямъ той литературной школы, которая получила названіе соціалистической въ тѣсномъ смыслѣ и которую мы назвали утопически—федералистическо—экономическою школою.

Сущность соціализма состоитъ въ слѣдующемъ: онъ признаетъ неравенство какъ способностей, такъ и потребностей человѣка: требуетъ пропорціональности заработной платы услугамъ, доставляемымъ лицемъ; наконецъ, соціализмъ наряду съ коллективнымъ имуществомъ допускаетъ и частное.

Такимъ образомъ, въ принципѣ, соціализмъ совершенно удаляется отъ комунистическихъ началъ Моруса, Овена, Бабефа, и Кабе: онъ отказывается отъ отвлеченнаго принципа равенства, признаетъ въ сущности начало индивидуальности, отвергаетъ какъ принципъ неполнаго равенства Морелли, такъ и дуализмъ Луи Блапа.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, соціализмъ не можетъ быть названъ истиннымъ федерализмомъ! въ своихъ практическихъ результатахъ онъ гораздо ближе къ комунизму, чѣмъ къ истинному федерализму. Онъ отрицаетъ спекулятивно-капиталистическую организацію производства, также какъ и свободное регулированіе соціальнаго хозяйственнаго процесса конкуренціи. Такъ какъ соціализмъ, отрицая, такимъ образомъ, самую основу либерализма, не съумѣлъ найти никакой другой организаціи для хозяйственнаго процесса, то мы должны признать его утопіею еще въ гораздо большей степени, чѣмъ комунизмъ; послѣ изложенія главнаго содержанія теоріи соціализма, я буду въ состояніи доказать это ближайшимъ образомъ.

Несмотря на такую несостоятельность соціализма, его теоріи имѣли значительное вліяніе на экономическую жизнь. Это вліяніе не исчерпывается тѣмъ, что соціализмъ далъ мощный толчекъ къ признанію слабыхъ сторонъ безграничнаго капитализма; онъ въ тоже время способствовалъ и постепенному нарожденію плодотворныхъ идей практическаго федерализма, въ особенности развитію асоціаціоннаго движенія.

Во Франціи соціализмъ сложился въ самостоятельную школу уже въ теченіе трехъ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка. По времени онъ предшествовалъ Кабе и Луи Блану, которые находились подъ сильнымъ его вліяніемъ. Эта система получила свое названіе вѣроятно потому, что она, имѣя источникомъ опозицію противъ слѣпаго увлеченія политическою жизнью, старалась выяснить всю матеріальную безплодность. Отъ первой французской революціи ожидали возвышенія всеобщаго матеріальнаго благосостоянія. Съ теченіемъ времени, для всѣхъ стало ясно, что эта революція послужила только къ обогащенію немногихъ; что постоянная перемѣна правительствъ и министровъ, самый наплывъ

звучныхъ девизовъ политическихъ партій отнюдь не производитъ всеобщаго благосостоянія, а выгоденъ только для любостяжательныхъ и честолюбивыхъ людей. Подъ вліяніемъ такого сознанія, возникла опозиція, объявившая себя, по самому принципу, враждебною всѣмъ доктринерамъ либеральной политики, эта партія ненавидѣла политиковъ и адвокатовъ, вращавшихся въ предѣлахъ юридической формулы, называя этихъ говоруновъ гордыми и самодовольными „законниками" (légistes). Не государство, такъ гласилъ основной принципъ этой опозиціи, не государство, а все соціальное тѣло, вся сумма общественныхъ жизненныхъ процесовъ—должна стать предметомъ реформъ. Политика, въ сущности, ничто иное, какъ поле для соперничества честолюбцевъ, изъ которыхъ каждый стремится вытѣснить другаго; произнося самыя звучныя фразы о народномъ благѣ, либеральные политики въ душѣ помышляютъ только объ одномъ; ими руководитъ извѣстное начало: постараюсь, чтобы мнѣ занять твое мѣсто (ôte toi, afin que je m'y mette).

Соціализмъ возникъ именно изъ такой соціальной опозиціи современной либеральной политики, слишкомъ бѣдной матеріальными реформами и уже черезъ чуръ богатой пустыми формами и звучными словами.

Первымъ въ ряду соціалистовъ стоитъ французскій графъ Сенъ-Симонъ, умершій въ 1825 году. По происхожденію онъ принадлежалъ къ древнему поземельному дворянству; лишившись вслѣдствіе революціи всѣхъ своихъ помѣстій, Сенъ-Симонъ принужденъ былъ обратиться къ промышленнымъ оборотамъ; не смотря на успѣхъ на этомъ поприщѣ, онъ вскорѣ впалъ уже на долгое время въ самую горькую нищету. Онъ поставилъ себѣ задачею поднять значеніе класса наемныхъ рабочихъ или фабричныхъ (industriels), какъ онъ ихъ называетъ, на одну высоту съ буржуазіею, этою новою недворянскою аристократіею—„Эманципація фабричныхъ"—таково стремленіе его жизни. Графъ Сенъ-Симонъ критиковалъ, и даже съ большимъ остроуміемъ, теоріи легистовъ и буржуазіи (онъ первый далъ право гражданственности слову „буржуазія" въ современномъ его значеніи); вмѣстѣ съ тѣмъ, Сенъ Симонъ положилъ основаніе новому соціально экономическому во-

зрѣнію на исторію; что же касается собственно до положительной части его ученія, то она резюмируется, главнымъ образомъ, общимъ желаніемъ эмансипаціи наемныхъ рабочихъ и возрожденія христіанства въ смыслѣ чистой любви къ ближнимъ.

Оба его главныя сочиненія соотвѣтствуютъ этимъ двумъ стремленіямъ. Они носятъ заглавіе „Катехизисъ рабочихъ" (Cathechisme des industriels) и „Новое христіанство". По поводу одной изъ его брошюръ, подъ заглавіемъ „Парабола", Сенъ Симонъ подвергся судебному преслѣдованію. Въ этой брошюрѣ Сенъ Симонъ приходитъ къ тому выводу, что если лишить Францію 300 первыхъ ея художниковъ и ученыхъ, то эта потеря отзовется на жизни цѣлаго поколѣнія, напротивъ, если она лишится 30.000 человѣкъ изъ господствующаго сословія,—если смерть похититъ брата его величества короля, герцогиню Ангулемскую, Беррійскую, Орлеанскую и Бурбонскую, всѣхъ коронныхъ чиновниковъ, государственныхъ совѣтниковъ, маршаловъ, кардиналовъ, епископовъ и префектовъ, также какъ и богатѣйшихъ и самыхъ расточительныхъ буржуа;—если всѣ эти бѣдствія постигнутъ Францію, то она почувствуетъ только сердечную боль, но ни какъ не ущербъ въ матеріальныхъ интересахъ.

Создавая свое „новое христіанство", Сенъ-Симонъ идетъ въ разрѣзъ какъ съ избитымъ гуманизмомъ, такъ и съ языческими искателями ученія Христа; его возрѣнія заключаютъ въ себѣ многія глубокія мысли. Сенъ-Симонъ съ большимъ безпристрастіемъ указываетъ на всѣ односторонности современнаго религіознаго міросозерцанія католичества и протестантства. Онъ сѣтуетъ, что истинное христіанское чувство любви къ ближнему исчезло, что, такимъ образомъ, общество лишилось связующей силы истинной религіи.

Въ этихъ жалобахъ много правды. Мы вполнѣ согласны, что на протестантской и католической церкви лежитъ большая доля отвѣтственности нетолько въ собственномъ распаденіи, но и въ возвращеніи нашихъ временъ къ языческому началу презрѣнія къ ближнему, возможной его эксплоатаціи, она слишкомъ исключительно стоитъ на почвѣ догматическаго элемента, пренебрегая на практикѣ чисто христіанскимъ принципомъ любви къ ближнему.

Служа „Te Deum“ по случаю побѣдъ и проповѣдуя съ каѳедры о „спасительности“ внесенія податей, духовенство забываетъ, что въ тоже время оно призвано проповѣдывать могущественнымъ, сильнымъ и счастливымъ вѣчныя нравственныя обязанности любви къ ближнему и идею о правѣ всѣхъ на нравственное развитіе жизни, указывать сильнымъ міра сего на все отвращеніе, внушаемое зрѣлищемъ цѣлыхъ сотенъ тысячъ человѣкъ, поглощаемыхъ войною, со всѣми сопровождающими ея болѣзнями. Таково ужасающее уклоненіе офиціальныхъ представителей христіанскихъ церквей отъ самой идеи христіанства,—и это въ наши дни совершается въ протестантской Германіи! Въ этомъ отношеніи критика Сенъ Симона можетъ найти себѣ, къ сожалѣнію, значительное основаніе.

Впервые ученики Сенъ Симона, Базаръ и Анфантенъ разработали, уже по смерти своего учителя, положительное научное содержаніе, такъ называемаго, сенъ-симонизма.

Они пріобрѣли много приверженцевъ въ первые годы послѣ іюльской революціи и завели свои собственныя аудиторіи; однако „отецъ“ школы сенъ-симонистовъ, Анфантенъ, вскорѣ отдѣлился отъ Базара. Своими практическими экспериментами въ помѣстьи Менильмонтанъ онъ сдѣлалъ новыя теоріи предметомъ насмѣшекъ и лишилъ ихъ всякаго довѣрія въ обществѣ. Однакоже журналъ этой школы „Globe“ имѣлъ очень большое вліяніе; этотъ органъ рѣшился немедленно послѣ побѣды, одержанной среднимъ сословіемъ въ лицѣ іюльской монархіи, противупоставлять въ глазахъ массъ населенія интересы народа (peuple) интересамъ „буржуазіи.“

Я остановлю на нѣсколько минутъ ваше вниманіе только на болѣе благородномъ въ нравственномъ отношеніи ученикѣ С. Симона—Базарѣ.

Базаръ сводитъ сущность своего ученія къ формулѣ: „Каждому человѣку должно быть назначено имущество соотвѣтственно его способностямъ, каждой способности заработная плата, сообразно ея дѣламъ.“ Этотъ принципъ долженъ быть осуществленъ чрезъ конфискацію всѣхъ наслѣдственныхъ имуществъ и распредѣленія ихъ между живущими соотвѣтственно ихъ способностямъ.

Средство кажется легкимъ, но, на дѣлѣ, оно не только очень трудно осуществимо, но и ошибочно по своей сущности. Базаръ, также какъ послѣ него и Луи Бланъ, вовсе не могъ указать, какимъ именно способомъ можно оцѣнить индивидуальныя способности, и какъ съ помощью общественной таксаціи удовлетворить требованіямъ разъ оцѣненныхъ индивидовъ; современный капитализмъ гораздо проще осуществляетъ такую оцѣнку, побуждая каждаго завоевывать себѣ посредствомъ развитія и реализаціи своей индивидуальности прочное положеніе среди всѣхъ треволненій конкуренціи.

Требуя уничтоженія наслѣдственнаго права, Базаръ рѣшительно упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что индивидуальность дѣтей, уже разъ пріобрѣтенная при помощи имущества родителей, должна быть неизбѣжно подавлена при постоянномъ разрушеніи нравственныхъ силъ и уничтоженіи индивидуальнаго счастія. Въ этомъ отношеніи я могу указать въ опроверженіе Базара на замѣчанія, сдѣланныя мною въ четвертомъ чтеніи; только относительно наслѣдства въ отдаленныхъ боковыхъ линіяхъ можно сказать, что оно излишне въ томъ смыслѣ, что жизнь этихъ, почти чуждыхъ умершему, наслѣдниковъ обоснована уже въ своемъ дальнѣйшемъ продолженіи другимъ наслѣдственнымъ правомъ.

Теоріи комунистовъ въ этомъ отношеніи практичнѣе и менѣе грозны. Посредствомъ общественнаго воспитанія, они заботятся о томъ, чтобы какъ прирожденныя (необходимыя), такъ и немногія привитыя воспитаніемъ потребности были по возможности однообразны, и затѣмъ даютъ всѣмъ равное право пользованія. Вмѣсто этого, соціализмъ, въ собственномъ смыслѣ, сперва допускаетъ неравное семейное воспитаніе и индивидуальное развитіе потребностей, въ силу неравнаго имущества родителей, а затѣмъ требуютъ подавленія этихъ уже разъ привитыхъ потребностей путемъ конфискаціи наслѣдствъ.

Кромѣ того, съ уничтоженіемъ наслѣдственнаго права, многія богатства совсѣмъ бы не формировались, расточались бы или расхищались; снабженіе людей имуществомъ, „сообразно ихъ способностямъ“, нашло бы, въ такомъ случаѣ, весьма незначительный фондъ для распредѣленія, и эта незначительная масса наслѣдствен-

наго имущества была бы распредѣлена между многими, ибо при имущественномъ снабженіи людей отъ лица всего общества пришлось бы распустить удила стремленію индивидовъ къ размноженію, которое находитъ самое могущественное ограниченіе въ обязанностяхъ, налагаемыхъ при настоящемъ бытѣ семействомъ.

Наконецъ, снабженіе имуществомъ „сообразно индивидуальнымъ способностямъ „было бы большою несправедливостью относительно неспособныхъ. Базаръ окончательно игнорируетъ тотъ фактъ, что различные роды труда требуютъ, при той же степени таланта, весьма различныхъ капиталовъ: для обыкновеннаго крестьянина капитала нужно гораздо больше, чѣмъ для отличнаго художника. Но что всего хуже въ этомъ отношеніи это то, что система Базара создаетъ привилегію для не проявившагося еще таланта, „аристократію таланта“, какъ очень вѣрно замѣчаетъ Марло,— между тѣмъ какъ капитализмъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ обогащенія безчестными промыслами, — создаетъ истинную экономическую аристократію заслугъ, чрезъ то именно, что наиболѣе хозяйственнымъ индивидамъ достается на долю наибольшая рента въ формѣ ли процентовъ съ ссуды заработной платы или промышленнаго барыша [1]).

Наиболѣе даровитымъ изъ числа соціалистовъ является Карлъ Фурье, что не мѣшаетъ ему быть въ тоже время величайшимъ фантазеромъ и предметомъ безконечныхъ насмѣшекъ со стороны враждебной ему критики.

Отецъ его былъ купцомъ; молодой человѣкъ, конечно, не могъ забыть побоевъ, которые нанесъ ему отецъ, когда онъ открылъ одному изъ покупателей настоящее достоинство товаровъ своего отца. Помнилъ онъ также какъ одинъ знакомый ему купецъ изъ Марсели при всеобщемъ вздорожаніи и возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ бросилъ свой запасъ хлѣба въ море: негодованіе, возбужденное подобнымъ поступкомъ, содѣйствовало тому, что Фурье вступилъ въ борьбу съ современнымъ капиталистическимъ строемъ общества.

По моему мнѣнію, лучшую и относительно наиболѣе справедливую

---

[1]) Смотри четвертое чтеніе.

оцѣнку и изложеніе системы Фурье представилъ Марло. Онъ отзывается о Фурье слѣдующимъ образомъ:

Въ то время какъ С. Симонъ, въ отдаленномъ углу Парижа, занимался развитіемъ своихъ соціально-реформаторскихъ идей, такая же задача тревожила и Карла Фурье, бывшаго тогда прикащикомъ въ одномъ изъ городовъ южной Франціи. Оба преслѣдовали всю свою жизнь одну и ту же цѣль, нисколько не зная другъ друга.

Карлъ Фурье былъ съ самой молодости предназначенъ къ карьерѣ отца и получилъ сообразное тому воспитаніе. Его жизнь, не ознаменовавшаяся никакимъ замѣчательнымъ событіемъ, протекла среди величайшаго однообразія. Такъ какъ его довольно значительное состояніе сдѣлалось жертвою революціи, то онъ остался на всю жизнь помощникомъ въ одномъ торговомъ домѣ, исполняя съ точностью мелкія обязанности своего званія и посвящая остальное время научнымъ занятіямъ. Также какъ и С. Симонъ, онъ не былъ ни понятъ, ни уважаемъ своими современниками и несъ эту тяжелую участь съ мужествомъ и самоотверженіемъ. Впрочемъ, его постоянство не осталось безъ награды; уже при его жизни образовалась цѣлая школа его послѣдователей, пропагандировавшая не безъ успѣха, ученіе Фурье и окружившая заботливыми попеченіями его безсемейную старость. Онъ умеръ такъ, какъ жилъ—полный самоотверженія и довѣрія въ будущее. Его скромная могила покрыта камнемъ съ слѣдующею надписью, заключающею въ себѣ всю сущность его ученія: „Влеченія отвѣчаютъ ихъ назначенію; изъ серіи этихъ влеченій возникаетъ гармонія."

Фурье обладалъ столько же критическимъ, какъ и творческимъ талантомъ. Онъ вполнѣ оригиналенъ въ своихъ возрѣніяхъ; по обширному богатству мысли онъ стоитъ высоко надъ своимъ бѣднымъ мыслью временемъ. Его объемистые труды состоятъ изъ пестрой смѣси поражающихъ картинъ, изумительныхъ вычисленій, сказочныхъ фантазій, грубыхъ заблужденій и важныхъ истинъ. Его рѣчь запутана, наполнена новыми, большею частью, пріисканными имъ сложными словами; часто она такъ туманна, что истинный ея смыслъ остается загадочнымъ. Фантазмы Фурье часто подвергались осмѣянію, его заблужденія выставлялись на позоръ, но высказан-

ныя имъ истины не были ни замѣчаемы, ни оцѣнены. Его критики занимались разыскиваніемъ грязи, вмѣсто того, чтобы собирать золото. Только потомство удѣлитъ смѣлому мыслителю должное ему мѣсто въ наукѣ — заключаетъ Марло.

Два главныя сочиненія Фурье суть слѣдующія: „Теорія четырехъ движеній, 1808 г.“ заключающее въ себѣ развитіе всей совокупности его міросозерцанія, и „Домохозяйственная и сельскохозяйственная асоціація, 1822 г.“ содержащее спеціальное изложеніе его соціальной системы. Распространенію этихъ сочиненій препятствовали нѣкоторые формальные ихъ недостатки. Впервые, школа Фурье, во главѣ которой сталъ Бенжаменъ Консидеранъ, придала должную форму его ученію. Эта школа выступила на литературное поприще, вскорѣ послѣ паденія сенъ-симонизма и издала цѣлый рядъ достаточно полныхъ изложеній фурьеризма. Изъ такихъ изложеній мы укажемъ, кромѣ главнаго труда: — „Соціальныя судьбы“ — Бенжамена Консидерана 1834 г., на сочиненіе „Фурье и его система“ Гатти де Гамона 1838 г., а также: „Введеніе въ соціальную науку“ А. Паже 1838 г. и „Слова предвидѣнія“ — Кларисса Вигуре (Vigoureux) 1835 г. Они основали въ 1832 году журналъ „Phalanstère“ (Фаланатерія, въ 1843 г. ежедневную газету „Мирная демократія.“

Эта послѣдняя проводитъ мысль, что всѣ политическіе вопросы представляютъ только второстепенный интересъ и что даже самая совершенная демократическая организація не обѣщаетъ народу никакого благополучія, если впередъ не будетъ разрѣшенъ вопросъ объ организаціи новаго соціальнаго порядка.

Такъ какъ соціальная система Фурье можетъ быть понята только въ связи со всѣмъ его, въ высшей степени оригинальнымъ, міросозерцаніемъ, то мы должны познакомиться съ нимъ по крайней мѣрѣ въ самомъ сжатомъ очеркѣ. Фурье разсуждаетъ такимъ образомъ: Всеобщая цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій есть счастіе. Мы всѣ преслѣдуемъ эту цѣль, хотя и совершенно различными путями. Религія указываетъ ему осуществленіе въ будущей жизни; философія никогда не дѣлала его предметомъ своихъ изслѣдованій. Ни та, ни другая меня не удовлетворяютъ.

Единственно истинная наука, занимающаяся вопросомъ объ осчастливеніи человѣческаго рода, еще ждетъ своего основанія; основаніе этой науки составляетъ самую неотложную необходимость. Къ этому можетъ привести только изслѣдованіе неизмѣнныхъ началъ міроваго порядка. Всѣ явленія одушевленной и неодушевленной природы суть движенія, проистекающія изъ различныхъ притяженій (тяготеній, — attractions), присущихъ существамъ природы и называемыхъ у одушевленныхъ существъ влеченіями (passions). Всѣ эти влеченія направлены къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, которыя суть ихъ назначенія (destinées), и всякое влеченіе отвѣчаетъ своему назначенію. Если мы слѣдуемъ нашимъ влеченіямъ, то достигаемъ нашего назначенія, ибо проистекающая изъ нихъ дѣятельность, доставляющая намъ непрерывное удовлетвореніе,—и есть счастіе.

Міръ слагается изъ трехъ первоначальныхъ принциповъ. Первый изъ нихъ „Богъ или духъ“ есть начало движущее, второй „матерія“ — объектъ движенія, третій „справедливость или математика“ упорядочиваетъ движеніе. Гармонія этихъ трехъ принциповъ основывается на томъ, что Богъ заключаетъ свои дѣйствія въ предѣлы математическихъ законовъ. Существуетъ четыре главныхъ родовъ движенія „матеріальное, органическое, животное и соціальное,“ изъ которыхъ послѣднее обнимаетъ собою всѣ движенія человѣческаго общества. Только самое основное матеріальное движеніе раскрыто изслѣдованіями Ньютона; напротивъ того, движеніе соціальное—безконечно важнѣйшее, отъ познанія котораго зависитъ осчастливеніе человѣческаго рода—остается еще совершенно невыясненнымъ. Нельзя иначе возвыситься къ познанію „соціальной книги законовъ“, какъ чрезъ изслѣдованіе влеченій, которыя всегда отвѣчаютъ своему назначенію: отсутствіе такого соотвѣтствія противорѣчило бы понятію о мудрости Бога.

Влеченія бываютъ трехъ родовъ: чувственныя (p. sensuelles), сердечныя (affectives) и дистрибутивныя. Чувственныя влеченія, направленныя къ удовлетворенію всѣхъ чувственныхъ потребностей, совпадаютъ съ пятью чувствами человѣка: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Сердечныхъ (аффективныхъ) или

общительныхъ влеченій, ведущихъ къ образованію асоціацій, четыре: дружба, любовь, честолюбіе и семейныя влеченія (фамилизмъ); дистрибутивныхъ влеченій или влеченій къ серіямъ имѣется три: коварство (cabaliste), влеченіе бабочки (papillonne) и композитія. Кабалиста или стремленіе къ интригамъ побуждаетъ насъ соперничать съ другими, папильона или стремленіе къ перемѣнамъ—измѣнять свои занятія, а композитія или влеченіе къ единенію возбуждаетъ насъ къ душевному энтузіазму путемъ объединенія всѣхъ нашихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Изъ созвучія всѣхъ этихъ влеченій возникаетъ, подобно безцвѣтному свѣту, происходящему отъ смѣшенія цвѣтовъ унитеизмъ, т. е. любовь къ общему благу и — религіозное чувство. Однако же у всѣхъ людей существуютъ эти 12 основныхъ влеченій: 5 сенсуальныхъ и 7 психическихъ, хотя въ весьма различномъ сочетаніи. Вслѣдствіе такого смѣшенія образуются различные характеры, которые, сообразно тому, преобладаетъ ли одно влеченіе или нѣсколько, распадаются на односторонніе и многосторонніе. Влеченія не раздѣляются, какъ учатъ философы, на добрыя и злыя, полезныя и вредныя: они всѣ одинаково хороши и полезны. Всѣ пороки, обезображивающіе людской родъ, всѣ бѣдствія, его постигающія, проистекаютъ изъ того, что ошибочно желаютъ нарушать свободное, всегда гармоническое само по себѣ дѣйствіе влеченій; что люди, не зная человѣческой природы, подавляютъ стремленія, данныя самимъ Богомъ или направляютъ ихъ на ложный путь. Безъ этого заблужденія, распространеннаго на землѣ философами, жаждущими улучшенія человѣческой природы (т. е. нравственными теологами, политиками и экономистами), въ мірѣ господствовало бы не лицемѣріе и горе, а счастіе и истина, трудъ былъ бы не бременемъ, но удовольствіемъ. Однако господству философіи будетъ положенъ наконецъ предѣлъ, будетъ признанъ порядокъ природы и спадутъ всѣ оковы съ влеченій. Разъ это случится--настанетъ господство гармоніи. Мужчины и женщины сбросятъ съ себя всѣ обязательныя путы современнаго супружескаго союза и будутъ соединяться согласно влеченію; влеченіе къ общенію образуетъ группы, влеченіе къ серіямъ формируетъ серіи.

Каждая серія обнимаетъ извѣстный родъ труда, каждая группа извѣстный видъ его. Кабалистія побуждаетъ группы къ соревнованію; они горятъ желаніемъ выказаться и чрезъ то поднимаютъ производство. Влеченіе бабочки вноситъ въ работу разнообразіе; оно побуждаетъ производителей переходить изъ одной серіи въ другую и оставаться въ каждой изъ нихъ только короткое время, не болѣе 2 часовъ; но все же, не смотря на эту перемѣну занятій, производство выиграетъ, ибо перемѣна работы предупреждаетъ усталость. Композиція возбуждаетъ производителей къ временной дѣятельности и производство возвышается до соотвѣтствующей высоты. Такимъ образомъ физическія влеченія находятъ свое удовлетвореніе въ трудѣ и создаютъ въ то же время блага, служащія къ удовлетворенію духовныхъ потребностей; всякая двойственность исчезаетъ, ибо изъ серій, въ которыя соединяетъ людей трудъ, соотвѣтствующій общимъ ихъ влеченіямъ, возникаетъ гармонія и эта гармонія уже близка.

Жизнь человѣчества продолжается 80,000 лѣтъ. Она проходитъ, подобно жизни отдѣльнаго индивида, различные фазисы развитія. Она начинается дѣтствомъ, продолжающимся 5,000 лѣтъ; затѣмъ наступаетъ фазисъ развитія, обнимающій 35,000 лѣтъ; затѣмъ, фазисъ упадка, также въ 35,000 лѣтъ; наконецъ, старость, длящаяся 5,000 лѣтъ. Какъ дѣтство, такъ и старость, первая бурная, вторая спокойная, омрачается, подобно восходу и закату жизни отдѣльнаго индивида, различными страданіями; оба лежащіе между ними фазиса развитія представляютъ собою время ненарушимаго наслажденія. Фазисъ дѣтства представляетъ семь періодовъ развитія. Первый періодъ эдонизмъ, хотя и не является въ томъ радужномъ свѣтѣ, въ который облекаютъ его поэты, но все же носилъ на себѣ какъ бы „тѣнь счастія". Въ этотъ періодъ можно найти, хотя и смутные, признаки серій; тогда не было ни брака, съ его обязательствами, ни частной собственности, ни денегъ, ни дикихъ звѣрей, ни войнъ; земля изобиловала стадами, плодами, рыбою и дичью. Второй періодъ, періодъ дикости (sauvagerie) возникъ вслѣдствіе несоразмѣрности между количествомъ населенія и средствами пропитанія. Водворяются войны, грабежи и раздоры въ отдѣльныхъ семьяхъ.

Третій періодъ, патріархатъ, является временемъ подчиненія разросшихся семей деспотическимъ главамъ семейства, державшимъ рабовъ и поработившимъ женщинъ. Четвертый,—варварство, въ лицѣ котораго вырожденіе человѣческаго рода достигло своей высшей точки, возникъ изъ патріархата, вслѣдствіе распрей между отдѣльными семьями. То было царство гнета и произвола. Пятый періодъ, періодъ цивилизаціи продолжается для насъ и до сихъ поръ. Въ шестой періодъ гарантизма, не смотря на сохраненіе законнаго брака и раздробленнаго домохозяйства, мы видимъ вновь возстановленіе извѣстной степени солидарности, вслѣдствіе подчиненія торговли сельскому хозяйству и ремесламъ, чрезъ что увеличивается благосостояніе и устраняются бѣдствія революцій. По видимому, выясненіе такого періода должно было бы составить предметъ философскихъ построеній, если бы только философія была годна къ чему нибудь. Седьмой періодъ, періодъ асоціаціи, начинается съ образованія серій; онъ представляется „зарею счастія,“ за которою слѣдуетъ „переходъ изъ хаоса въ гармонію.“ Разъ этотъ переходъ совершился, серіи распространяются на весь земной шаръ, и всѣ четыре рода движенія приходятъ въ гармонію съ соціальнымъ (въ этомъ отношеніи фантазія Фурье, какъ кажется, подчинилась вліянію Овена); температура воздуха измѣняется, вся поверхность земли пользуется умѣреннымъ климатомъ; царство животныхъ получаетъ совершенно новый видъ, вредные звѣри вымираютъ, полезные же облагораживаются и развиваются въ своихъ утилитарныхъ свойствахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ еще болѣе полезныя животныя: китъ становится антикитомъ, съ помощью котораго передвигаются корабли и т. п. и даже сама морская вода превращается въ пріятную жидкость, со вкусомъ лимонада. Это счастливое видоизмѣненіе зависитъ вполнѣ отъ раскрытія законовъ соціальнаго движенія, ибо это движеніе состоитъ въ столь тѣсномъ взаимнодѣйствіи со всѣми остальными, что разъ водворившаяся въ немъ гармонія должна повлечь за собою всемірную гармонію. Собственно говоря, хаосъ долженъ былъ бы уже прекратиться, ибо, по предначертаніямъ Бога, фазисъ дѣтства обнимаетъ собою только 5,000 лѣтъ: не смотря на то, мы находимся все еще въ періодѣ циви-

лизаціи, хотя міръ и существуетъ уже болѣе 6,000 лѣтъ. Виновниками такого злополучія—философы, которые привели весь міръ въ заблужденіе своими „произвольными" (неточными, т. е этическими) науками, и постоянно противодѣйствуютъ водворенію гармоніи. И до сихъ поръ, половина земнаго шара населена дикими звѣрями; три четверти остальной поверхности занято варварами, и только одна четверть принадлежитъ народамъ цивилизованнымъ, но и тѣ живутъ среди бѣдности, испорченности, лжи и кровопролитія. Можно ли представить себѣ болѣе возмутительную анархію на земномъ шарѣ? Чѣмъ глубже вникаешь въ соціальныя отношенія цивилизованнаго міра, тѣмъ болѣе приходится удивляться ихъ извращенности. Все дисгармонично —семья не менѣе чѣмъ промышленность.

Какъ несовершенна организація семейства, какъ унизительно положеніе женщинъ! Свобода предоставленная женщинамъ всего вѣрнѣе согласуется съ извѣстною степенью развитія каждаго народа. Какою же свободою пользуются онѣ въ цивилизованномъ мірѣ? Могутъ ли женщины съ полною свободою вступать въ супружество? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Это товаръ, который дѣлаютъ предметомъ торговыхъ сдѣлокъ. Обязательныя узы супружества, любимая тема философовъ, всегда были и останутся институтомъ противнымъ природѣ человѣка; отсюда—всеобщее стремленіе обойти всѣ эти противоестественныя предписанія брака; такое стремленіе повсемѣстно: въ кругу свѣтскихъ женщинъ оно прикрывается маскою лицемѣрія, но за то является со всей откровенностью относительно бѣдныхъ жертвъ нищеты; отсюда та ужасающая несправедливость, которую наносятъ послѣднимъ, наталкивая ихъ сначала на проституцію, какъ средство пропитанія, а затѣмъ вмѣняя имъ въ вину ихъ паденіе. Такъ позорно въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ принижается въ болѣе или менѣе грубой и открытой формѣ достоинство женщины, поставленной въ созданномъ міровомъ порядкѣ на одну ступень съ ея поработителями!

Не менѣе жалобно положеніе труда.

Торговля, самое отвратительное пятно нашей цивилизаціи, эксплуатируютъ всѣ другія отрасли производства. Цѣль ея—не распредѣленіе товаровъ, но обогащеніе торговцовъ, изъ которыхъ болѣе

трехъ четвертей совершенно излишнее. Торговля — это омутъ „лжи, банкрутства, ажіотажа, ростовщичества и надувательства;“ торговцы — толпа гаеровъ, пожирающихъ земледѣліе и ремесла и порабощающихъ все общество. Банкрутство есть воровство относительно кредиторовъ. Скупщики жизненныхъ припасовъ не уравниваютъ цѣнъ, но повышаютъ ихъ искуственно; они поступаютъ какъ „палачи, которые обходятъ поле сраженія, чтобы растравлять раны страдальцевъ.“ Биржевые спекуляторы спѣшатъ сдѣлаться посредниками между правительствомъ и мелкими собственниками и обманываютъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ и мы должны ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени (писалъ Фурье въ 1868 г.), образованія торговаго феодализма, въ полномъ смыслѣ этого слова. Не смотря на это, философы, которые цѣлыя тысячелѣтія издѣвались и позорили торговлю, дѣлаютъ ее теперь предметомъ своихъ похвалъ. Они именно пришли къ заключенію, что люди, достигшіе богатства, непремѣнно должны были быть производителями; отсюда слѣдуетъ, что торговцы столь же полезны, какъ и сельскіе хозяева и ремесленники.

Положеніе сельскаго хозяйства также жалостно. Каждое семейство обработываетъ нѣсколько поземельныхъ участковъ, которые не лежатъ рядомъ, но отмежованы въ самыхъ разбросанныхъ мѣстностяхъ. Единственно вслѣдствіе проведенія поземельныхъ межъ и граней и излишнихъ дорогъ, при подобной раздробительной системѣ, теряется для земледѣлія довольно значительная часть земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мелкій сельскій хозяинъ долженъ постоянно думать объ удовлетвореніи своихъ неотложныхъ потребностей и вслѣдствіе того не можетъ обработывать свой участокъ сообразно его индивидуальнымъ качествамъ. Онъ не обладаетъ ни нужнымъ образованіемъ, ни необходимыми орудіями производства для успѣшнаго веденія своего хозяйства.

Уходъ за скотомъ, орудія земледѣлія и хозяйственныя постройки находятся въ самомъ плачевномъ положеніи; сбереженіе хозяйственныхъ запасовъ цѣлаго села въ 300 небольшихъ погребахъ, ригахъ и хлѣбныхъ амбарахъ обходится дорого и соединено съ значительными потерями. Еще болѣе значительная потеря силъ происходитъ при сбытѣ продуктовъ. 300 молочницъ, отправ-

ляющихся ежедневно въ городъ, не могутъ доставить на рынокъ болѣе, чѣмъ одинъ работникъ въ своей повозкѣ; далѣе, изъ всей массы сельскихъ работниковъ, посѣщающихъ ежедневно рынокъ, достаточно было бы немногихъ, чтобы продать весь запасъ продуктовъ.

Тѣми же недостатками страдаетъ и домохозяйство. Каждое семейство обитаетъ отдѣльный домъ, имѣетъ особую кухню и кухонную посуду; каждое семейство принуждено отдѣльно отъ всѣхъ другихъ заботиться объ уходѣ за дѣтьми, мытьѣ бѣлья, равно какъ и о доставленіи воды, топлива, съѣстныхъ припасовъ. Это раздробленное домоводство имѣетъ своимъ естественнымъ результатомъ такія же излишнія затраты на постройки и хозяйственную утварь, какъ и потери въ трудовыхъ силахъ.

Ремесла производятся въ бѣдныхъ, нездоровыхъ, грязныхъ, лишенныхъ всякихъ украшеній мастерскихъ. Работники прикованы въ продолженіи цѣлыхъ недѣль, нѣсколькихъ годовъ, въ теченіи всей своей жизни къ однообразной работѣ; только въ видѣ исключенія имѣютъ они занятія, соотвѣтствующія ихъ природнымъ способностямъ; часто они лишены всякаго общества. Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такихъ условіяхъ работа дѣлается для нихъ мученіемъ и они не могутъ развиться физически.

Ко всѣмъ этимъ темнымъ сторонамъ, характеризующимъ различныя отрасли промышленности, присоединяется еще тотъ общій фактъ, что большая часть производителей, даже при величайшемъ напряженіи силъ, не можетъ выработать болѣе того, что имъ нужно для пропитанія и часто не заработываетъ и этого. Что бы не говорило невѣжество и лицемѣріе, богатство составляетъ основное условіе счастія человѣка,—а въ средѣ цивилизаціи господствуетъ бѣдность и нищета! Если бѣднякъ спроситъ либерала, что способно примирить съ такимъ положеніемъ—либералъ станетъ говорить о возвышающемъ душу сознаніи своей свободы; о счастіи жить подъ конституціоннымъ режимомъ, какъ будто для голоднаго гражданина чтеніе хартіи можетъ замѣнить обѣдъ! Они кричатъ о правахъ человѣка, но умалчиваютъ о естественномъ правѣ каждаго утолить свой голодъ. Дикіе пользуются прирожденнымъ правомъ на пастбища, рыбную ловлю, охоту, собираніе

плодовъ. Цивилизація лишила работника этого права и не дала ему даже minimum'а вознагражденія. Каждый можетъ сказать своимъ согражданамъ: и я родился на этой землѣ; я требую свободнаго доступа ко всѣмъ производящимся на ней работамъ; я требую, чтобы мнѣ было обезпечено пользованіе плодами моего труда. Я требую, чтобы общество дало мнѣ необходимыя средства пропитанія и орудія производства, необходимыя для того, чтобы я могъ приступить къ труду; пусть оно вознаградитъ меня, такимъ образомъ, за отнятыя у меня естественныя права. Можно ли говорить о свободѣ, не обезпечивъ впередъ за народомъ право на необходимый трудъ, обусловливаемый потребностями существованія? Либерализмъ, самое отталкивающее изъ всѣхъ изобрѣтеній философовъ, привелъ не къ уменьшенію, а къ возрастанію бѣдности и несправедливости. Онъ увеличилъ общественныя издержки, не доставляя народу труда, ни средствъ пропитанія, онъ обманулъ народъ, сдѣлалъ изъ него орудіе интересовъ партіи демагоговъ, не указавъ ему никакого пути къ улучшенію его быта. Первое и вмѣстѣ послѣднее слово либеральной мудрости, это „общественная организація, покоящаяся на принципѣ голода и штыковъ."

Таково въ самомъ поверхностномъ очеркѣ міровоззрѣніе Фурье и его критика существующаго общества.

Соціальная система Фурье, цѣль которой состоитъ въ водвореніи гармоніи, распадается на двѣ части: организацію семейства и организацію производства.

Говоря о гармонической организаціи семейства, Фурье имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду эмансипацію женщинъ. Относительно послѣдняго вопроса, онъ принимаетъ за фактъ, что онѣ вообще находятся въ унизительной зависимости отъ мужчинъ, что выражается, ближайшимъ образомъ, въ налагаемой на нихъ обязанности подавлять свои наклонности. Поэтому онъ требуетъ для всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ и женщинъ права безпрепятственно слѣдовать своимъ влеченіямъ. Женщинамъ должно быть предоставлено на произволъ оставаться „весталками," пока имъ это угодно, ограничиться однимъ мужемъ, мѣнять своихъ мужей, или даже имѣть одновременно по нѣскольку мужей. Фурье думаетъ, что при

подобномъ условіи браки будутъ въ большинствѣ случаевъ полигамическіе, и въ виду этого проектируетъ три ступени брачнаго сожитія. Женщина должна имѣть одновременно: мужа перваго разряда, отъ котораго она должна прижить, по крайней мѣрѣ, двухъ дѣтей, мужа втораго разряда, отъ котораго у нея будетъ одинъ ребенокъ, и мужа третьяго разряда, отъ котораго она еще вовсе не имѣла дѣтей. Каждый мужчина естественно долженъ быть столь же богатъ женами. Фурье думаетъ, что при подобной организаціи семейной жизни, расположеніе жены будетъ несомнѣнно наградою за нѣжную внимательность и постоянную почтительность со стороны мужей, тѣмъ болѣе, что женѣ предоставлено будетъ право лишить мужа принадлежащаго ему сообразно его супружескому положенію титула, а вмѣстѣ и связанныхъ съ этимъ правъ наслѣдства. Дѣти и старцы, которыхъ Фурье разсматриваетъ какъ третій полъ, должны жить совершенно особнякомъ отъ женатыхъ: заботы о нихъ возлагаются на тѣхъ лицъ, которыхъ собственная наклонность побуждаетъ къ этого рода занятіямъ, такъ что индивидуальное домохозяйство не должно существовать. Фурье думаетъ удовлетворить посредствомъ такой организаціи семьи всѣ сердечныя влеченія. Онъ думаетъ, что такимъ образомъ молодые люди послѣдуютъ преобладающему въ нихъ влеченію къ страстной любви, старцы получатъ удовлетвореніе своему семейному влеченію (любви супружеской и любви къ дѣтямъ). Онъ убѣжденъ, что люди подъ вліяніемъ влеченія къ перемѣнамъ, влеченія къ интригамъ и влеченія къ единенію будутъ заключать и расторгать союзы сообразно потребностямъ, и что эта сплетающаяся игра влеченій сложится въ гармоническій жизненный процесъ. Онъ считаетъ несомнѣннымъ, что любящія другъ друга лица находятъ и теперь счастіе въ томъ, чтобы вопреки всѣмъ этическимъ законамъ, въ возможной степени слѣдовать предписаніямъ этихъ природныхъ влеченій, и заключаетъ изъ этого, что люди будутъ наслаждаться полнѣйшимъ счастіемъ, если изъ царства любви, чрезъ уничтоженіе тягостныхъ нравственныхъ законовъ, будутъ изгнаны всякая ложь и лицемѣріе.

Гармоническая организація производства, естественно, зависитъ также, какъ и организація семейства, отъ свободнаго раз-

витія влеченій. Фурье проводитъ слѣдующую теорію: существуетъ извѣстное число характеровъ, изъ которыхъ каждый склоненъ къ извѣстному ряду разнородныхъ трудовъ. Не только число, но и свойство этихъ характеровъ вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ соціальной жизни. Кругъ такихъ типическихъ характеровъ обнимаетъ собою 2,000 духовныхъ индивидуальностей, почему такое именно количество индивидовъ и необходимо для образованія „соціальной общины.“ Члены такой общины должны дѣлиться, сообразно существующему въ нихъ стремленію къ серіямъ и группамъ, на „соотвѣтствующія ихъ трудовымъ наклонностямъ серіи“ и „группы“, изъ которыхъ первыя осуществляютъ по личному произволу различные роды, вторыя—различные виды соціальныхъ отправленій. Наконецъ, индивиды должны вступать попеременно въ различныя серіи для того, чтобы каждый могъ послѣдовать всѣмъ своимъ влеченіямъ. Серіи должны имѣть въ виду кореннаго различія ихъ задачъ, центръ и два фланга, почему онѣ и должны съ одной стороны сами распадаться, сообразно своему объему, на 3, 5, 7 или 9 группъ, съ другой стороны серіи должны входить въ составъ могущественной „фаланги“, имѣющей такое же построеніе. Фурье утверждаетъ, что организованная, такимъ образомъ, община, если только въ ея распоряженіи находятся природныя данныя, займется производствомъ со всей силою страсти и формируютъ огромное изобиліе продуктовъ.. Жилищемъ для нихъ должны служить, по его мнѣнію, великолѣпно построенные, посреди поземельныхъ владѣній общины, дворцы—или какъ онъ ихъ называетъ „фаланстеры“. Фурье представляетъ намъ самую улыбающуюся картину жизни и дѣятельности такого рода общины. Онъ рисуетъ намъ картину того, какъ обитатели фаланстеры производятъ свой промыселъ въ великолѣпныхъ мастерскихъ; какъ они подъ знаменами своей серіи выходятъ толпами на полевыя работы, разодѣтые въ костюмы, соотвѣтствующіе ихъ призванію, какъ они горятъ любовью къ труду, и побуждаемые жаромъ соревнованія спѣшатъ отъ одного труда къ другому; какъ они живутъ въ своихъ фаланстеріяхъ съ большими удобствами, чѣмъ наши короли въ своихъ замкахъ, обѣдаютъ въ великолѣпныхъ столовыхъ, наслаждаются театральными представленіями и друже-

скимъ общеніемъ и гуляютъ въ вѣчно-зеленѣющихъ садахъ. При такой соціальной организаціи онъ обѣщаетъ бѣднымъ болѣе счастливую жизнь, чѣмъ жизнь богачей нашего времени, и увѣренъ, что совершенно достаточно основанія одной общины для того, чтобы убѣдить весь міръ въ преимуществахъ соціальной системы и обезпечить ея распространеніе по всей земной поверхности. Онъ представляетъ планъ новаго всемірнаго государства, организованнаго на этихъ основахъ: по этому плану государство должно имѣть правительственную іерархію въ 12 ступеней, съ „омніархомъ" во главѣ, и рядомъ съ нею 3 милліона общинъ, каждая съ своимъ „унархомъ"; наконецъ, центральнымъ пунктомъ міроваго государства назначенъ Константинополь. Такъ какъ приверженцы Карла Фурье придали его системѣ болѣе правдоподобный видъ, отбросивъ все баснословное, то мы будемъ держаться въ нашемъ изложеніи разъясненій одного изъ нихъ, Венжамена Консидерана, прочитавшаго незадолго до февральской революціи нѣсколько весьма талантливыхъ лекцій о системѣ Фурье во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ Франціи. Сущность его взглядовъ слѣдующая:

Соціальный порядокъ обѣщаетъ доставить всѣ выгоды крупнаго хозяйства; поэтому основаніе его касается всего ближе интересовъ сельскихъ хозяевъ. Поведеніе, котораго они должны держаться, весьма просто. Сельскіе хозяева образуютъ акціонерное общество, которому они уступаютъ всѣ свои поземельные участки, строенія, орудія земледѣлія, получая въ замѣнъ этого акціи, соотвѣтствующія цѣнности ихъ имущества. Посредствомъ такой организаціи будутъ совмѣстно достигнуты выгоды индивидуальнаго и общиннаго имущества. Употребительныя въ наше время асоціаціи далеко несовершенны, ограничиваясь областью капитала. Соціальныя общины соединятъ всѣ три фактора производства—капиталъ, трудъ и способности, и чрезъ то доставятъ наибольшій доходъ. Онѣ наиболѣе полнымъ образомъ эксплоатируютъ почву, собираютъ полученные продукты въ обширные, хорошо устроенные магазины, приготовляютъ пищу не во множествѣ мелкихъ кухонь, какъ это дѣлается нынѣ, а въ одной обширной, хорошо организованной кухнѣ, производятъ каждое даже самое незначительное ремесло на фабричныхъ началахъ и ведутъ

торговлю при посредствѣ небольшаго числа общинныхъ агентовъ, замѣняющихъ собой существующее у насъ великое множество безполезныхъ купцевъ.

Легко усмотрѣть, что подобной организаціей достигается большое сбереженіе капитала и труда: сумма рабочихъ орудій можетъ быть уменьшена и значительная часть трудовыхъ силъ, расходуемыхъ въ настоящее время въ торговлѣ, въ сельскомъ и домашнемъ хозяйствѣ, можетъ быть сбережена и во всякомъ случаѣ израсходована гораздо болѣе производительнымъ образомъ. Подобное сбереженіе силъ съ одной стороны даетъ возможность удовлетворять нуждамъ неимущихъ классовъ и съ другой стороны возвышать благосостояніе имущихъ. Въ соціальной организаціи имѣетъ большое значеніе архитектура, въ которой наиболѣе краснорѣчиво сказывается степень развитія всѣхъ народовъ. Дикіе живутъ въ шалашахъ, номады въ палаткахъ; а наиболѣе образованные народы нашего времени въ маленькихъ, неудобно устроенныхъ и некрасивыхъ домахъ.

Жилища соціетаристовъ,—ф а л а н с т е р і и, по постройкѣ, походятъ на дворцы. Фаланстерія должна удовлетворять всѣмъ требованіямъ производства и потребленія; въ ней должны помѣщаться: большая зала для совокупнаго пользованія всѣхъ членовъ общинъ и рядъ удобныхъ и обширныхъ помѣщеній, отдѣланныхъ изящно и со вкусомъ, предназначенныхъ для насмищиковъ, эти помѣщенія находятся въ сообщеніи съ мастерскими и освѣщаются, отопляются и снабжаются водою изъ одного центральнаго пункта посредствомъ особой системы проводниковъ; при фаланстеріи находится сторожевая башня съ обсерваторіей, соединенная телеграфомъ съ полями, на которыхъ работаютъ члены общины; всѣ отдѣльныя помѣщенія фаланстеріи могутъ сообщаться посредствомъ галлереи, зимой отопляемой, а лѣтомъ правильно вентилируемой; при нихъ находятся чистые дворы и красиво разбитые садики. Члены асоціаціи живутъ между собою мирно вопервыхъ потому, что они не знаютъ нужды, и чувство б л а г о с о с т о я н і я пробуждаетъ въ нихъ чувство доброжелательности, во вторыхъ потому, что съ с о л и д а р н о с т ь ю интересовъ пропадаютъ многочисленные поводы къ враждебнымъ отношеніямъ, возника-

ющимъ всегда тамъ, гдѣ есть разность интересовъ. Одинъ только „привлекательный трудъ", за который человѣкъ принимается съ охотой и удовольствіемъ, можетъ доставить ему свободу, которой онъ цѣлыя тысячелѣтія напрасно доискивался въ политическихъ переворотахъ. Когда мы перестаемъ трудиться, мы перестаемъ существовать, а по настоящее время большинство работъ является дѣломъ утомительнымъ и отталкивающимъ, другими словами составляетъ для насъ тягость, а не удовольствіе.

Изслѣдуя причины, дѣлающія трудъ не привлекательнымъ, мы естественно приходимъ къ желанію узнать условія, при которыхъ трудъ становится для насъ привлекательнымъ. Главнѣйшими изъ вышеупомянутыхъ причинъ должно признать: слишкомъ ничтожную доходность труда, отвратительное устройство мастерскихъ, однообразіе дѣятельности, чрезмѣрное напряженіе труда, недостатокъ въ соревнованіи и въ соціальномъ общеніи. Въ настоящее время трудъ до того мало приноситъ, что часто недостаточенъ на покрытіе необходимыхъ для существованія издержекъ. При такихъ условіяхъ трудъ можетъ быть сравниваемъ съ наказаніемъ наложеннымъ на Данаидъ, тогда какъ привлекательность его быстро возрастаетъ съ увеличеніемъ его доходности. Большинство нашихъ мастерскихъ отличается грязью, сыростью, отсутствіемъ вентиляціи и всякаго убранства, однимъ словомъ отвратительнымъ устройствомъ. Но стоитъ только устроиться удобно и изящно, и трудъ сдѣлается для насъ привлекателенъ. Точно также противно нашей природѣ однообразіе въ дѣятельности, а между тѣмъ оно въ настоящее время весьма распространено, въ особенности на фабрикахъ. Мы любимъ разнообразіе, требуемъ перемѣны, и самое привлекательное удовольствіе, постоянно повторяясь, становится намъ въ тягость. Разнообразіе труда должно представлять, поэтому, богатый источникъ наслажденія. Поденный трудъ нашихъ рабочихъ простирается обыкновенно до 12 и 14 часовъ. Такое напряженіе должно быть для рабочаго невыносимо тягостно, когда мы вспомнимъ, что насъ утомляетъ самая прекрасная опера, представленіе которой тянется десять часовъ. Но стоитъ сократить время поден-

наго труда, и трудъ станетъ для насъ не въ тягость, а въ удовольствіе. При существующихъ способахъ труда соревнованіе, одно изъ преимуществъ пагубной въ другихъ отношеніяхъ конкурренціи, находитъ себѣ самое ограниченное поле дѣятельности, и несомнѣнно, что съ увеличеніемъ соревнованія возрастаетъ прелесть труда. Наконецъ, большинству работниковъ приходится работать и заботиться о своихъ дѣлахъ въ одиночку. Но дайте имъ возможность трудиться въ обществѣ, въ общеніи другъ съ другомъ, и они съ радостью примутся за дѣло; отдѣльно трудящійся рабочій занимается своимъ дѣломъ вяло и неохотно, тогда какъ кучка рабочихъ, какъ напр. во время жатвы и уборки хлѣба, работаетъ всегда весело, живо и ревностно. При устройствѣ организаціи союзнаго труда должно принимать во вниманіе всѣ эти факты. Каждая отрасль труда должна быть возложена на извѣстную „серію“ людей, состоящую изъ индивидуумовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, посвятившихъ себя ей по свободному влеченію, каждая „серія“ дѣлится на группы сообразно различнымъ родамъ труда, заключающимся въ возложенной на „серію“ отрасли; такъ напр. сельскіе хозяева, посвятившіе себя хлѣбопашеству, составятъ „серію“, а лица, избравшіе воздѣлываніе отдѣльныхъ видовъ хлѣба, какъ то: овса, ячменя, ржи, составятъ отдѣльныя группы этой серіи. Затѣмъ каждый индивидуумъ долженъ выбрать сообразно своимъ способностямъ и наклонностямъ нѣсколько серій и въ короткіе промежутки времени переходить для работъ изъ одной серіи въ другую. Система рабочихъ серій установляетъ самое полное раздѣленіе труда и исключаетъ всякое его однообразіе, такимъ образомъ производитель, который при другихъ условіяхъ былъ обреченъ днями и годами тянуть одну и туже лямку, занимался одной производительной отраслью и часто одной отдѣльной вѣтвью этой отрасли, получаетъ возможность при новой системѣ развивать и прилагать къ дѣлу всѣ свои способности. Природа несомнѣнно предназначила человѣка къ многосторонней дѣятельности и строго караетъ его за нарушеніе данныхъ ему предписаній; кара эта видна въ физическомъ и нравственномъ вырожденіи человѣка, которое является слѣдствіемъ существующаго положенія мануфак-

турной дѣятельности. Таже система серій пробуждаетъ въ работающихъ соревнованіе, стимулъ неменѣе важный, чѣмъ разнообразіе труда. Такъ какъ отдѣльныя группы одной серіи занимаются весьма сходными вѣтвями производительной дѣятельности, то онѣ обоюдно стремятся превзойти другъ друга въ производствѣ, не доводя впрочемъ соперничества до вражды, что понятно и возможно; такъ какъ здѣсь соперничество проявляется не между индивидуами, а между цѣлыми группами. Соперничество является для членовъ одной группы источникомъ единенія и не можетъ въ тоже время сдѣлаться источникомъ раздора для различныхъ группъ, такъ какъ одни и тѣже индивидуумы вступаютъ членами во многія группы. Соревнованіе не можетъ принять враждебнаго характера уже потому, что прилежаніе каждой группы возвышаетъ приходъ всей серіи, и, такимъ образомъ, дѣятельность преуспѣвшихъ группъ доставляетъ выгоду отставшимъ группамъ. Группы отдѣльной серіи можно сравнить съ полками выведенной въ битву арміи: каждый полкъ стремится отличиться самъ, но въ тоже время желаетъ, чтобъ отличились другіе полки, такъ какъ они всѣ вмѣстѣ раздѣлятъ славу одержанной побѣды. Честолюбіе, котораго такъ опасаются поощрять, не можетъ нарушать единогласія соціетарной общины. Если оно въ настоящее время являлось источникомъ зависти, интригъ и столкновеній, то причину этого должно искать въ недостаточности случаевъ удовлетворить этому чувству. При соціетарномъ порядкѣ вещей честолюбіе утратитъ дурную свою сторону, такъ какъ для него откроется множество самыхъ разнообразныхъ путей. Въ соціетарной общинѣ всякій индивидуумъ будетъ принимать участіе въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ производства, человѣческія способности будутъ находить самое разнообразное себѣ примѣненіе, и можно съ увѣренностью сказать, что при этомъ всякому удастся пріискать себѣ хоть одинъ родъ дѣятельности, въ которомъ онъ бы могъ отличиться. Въ соціетарной общинѣ всѣ служатъ по выборамъ.

Старшины группъ и серій избираются своими сочленами. Всѣ располагающія избирательнымъ голосомъ какъ нельзя болѣе подготовлены къ хорошему выбору, такъ какъ они близко знакомы между со-

бою; съ другой стороны, такъ какъ отъ счастливаго выбора зависятъ интересы всѣхъ, то лицепріятіе и всякая интрига дѣлаются невозможными. Каждое должностное лицо избирается своими сотоварищами, и каждый сотоварищъ имѣетъ полное основаніе дѣйствовать согласно возложеннымъ на него обязанностямъ. При социетарномъ порядкѣ всякій получаетъ отличіе по заслугамъ и за всякой заслугой обезпечено отличіе. Другой весьма благодѣтельный результатъ такого порядка заключается въ вызываемой имъ умѣренности. Въ настоящее время часто можно встрѣтить въ низшихъ классахъ народонаселенія людей, шесть дней напряженно работающихъ, а въ седьмой день позволяющихъ себѣ всевозможныя излишества, но какъ скоро имъ будетъ доставлена возможность пользоваться разнообразными и многочисленными наслажденіями, не только физическими, но и психическими, они обуздаютъ въ себѣ дикое стремленіе къ удовольствіямъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ, въ какихъ оно замѣчается у высшихъ классовъ. Произведенныя въ общинѣ цѣнности распредѣляются между тремя факторами производства. На долю капитала приходится значительный дивидендъ, такъ какъ паіщики, они же и капиталисты, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія обрѣзывать его и такъ какъ кромѣ того община заинтересована въ томъ, чтобы съ уплатой высокаго дивиденда не допускать капиталистовъ помѣщать свои капиталы въ другія, конкурирующія съ нею общины. По отношенію къ распредѣленію заработной платы, трудъ раздѣляется на необходимый, полезный и пріятный, и всего дороже оплачивается необходимый. Каждая серія получаетъ вознагражденіе отъ общины, каждая группа отъ своей серіи, каждый отдѣльный индивидуумъ отъ группы, къ которой онъ принадлежитъ. Община выдаетъ особую сумму для вознагражденія талантовъ; сумма эта распредѣляется между служащими соотвѣтственно занимаемой ими должности. Раздора между должностными и не должностными лицами быть не можетъ, такъ какъ одни и тѣже индивидуумы въ одной серіи принадлежатъ къ одному классу, а въ другой—къ другому. Система рабочихъ до того сплотаетъ интересы, что даже своекорыстіе является мотивомъ справедливости. Извѣстные производители получаютъ не поштуч-

ную, а годовую плату, такъ напр. доктора получаютъ годовые дивиденды, возрастающіе съ улучшеніемъ санитарнаго положенія общины, такъ какъ на обязанности ихъ лежитъ не только пользованіе больныхъ, но и предупрежденіе могущихъ возникнуть болѣзней. Наиболѣе бѣднымъ членамъ общины выдается „минимумъ" изъ вознагражденія впередъ, а остальная часть въ концѣ года, что въ настоящее время, когда работа такъ непривлекательна, неминуемо привело бы къ бездѣятельности. Большія общеполезныя работы выполняются особенными ремесленными полчищами, похожими на наши военныя полчища, но призванными не для разрушенія производства. Они рубятъ лѣса, обработываютъ пустынныя земли, высушиваютъ болота, строятъ мосты, отводятъ русла рѣкъ, копаютъ каналы, строятъ желѣзныя дороги, прорываютъ перешейки, какъ напр. Суэзскій и Панамскій; однимъ словомъ, они прилагаютъ свой трудъ къ одному великому дѣлу — подчинить земной шаръ его властителю, пользующемуся всѣми его дарами, — подчинить его человѣку. Всѣ религіозныя свидѣтельства признаютъ человѣка господиномъ сотвореннаго міра. Но мы не можемъ считать эти свидѣтельства исполнившимися, когда видимъ человѣка въ лохмотьяхъ, умирающаго съ голода и горя. Соціетарная организація одна способна улучшить матеріальное его положеніе, дать ему возможность достигнуть своего высокаго призванія.

Таково ученіе Фурье, которое столько восхваляли, надъ которымъ столько смѣялись.

Какой произнесемъ мы надъ нимъ приговоръ?

Фурье основываетъ свое ученіе на началахъ общаго міровозрѣнія. Философія признаетъ два руководящихъ въ жизни принципа: предопредѣленіе—детерминизмъ, по которому всѣ естественныя и нравственныя явленія міра совершаются по неизмѣннымъ законамъ, и согласіе—гармонію, по которому человѣкъ получаетъ даръ достигать высшаго счастья, при возможно болѣе свободномъ управленіи присущими ему влеченіями.

Я нахожу, что оба начала одинаково ложны: отрицать всякую свободу воли, по моему мнѣнію, также ошибочно, какъ допускать свободную гармонію всѣхъ влеченій. Трудно сказать, которому изъ

этихъ двухъ философскихъ возрѣній должно отдать первенство: — нѣмецкіе философы сами затрудняются разрѣшить этотъ вопросъ; вѣрно только одно, что начало свободнаго согласія и начало предопредѣленія противорѣчатъ другъ другу.

У Фурье историческая критика и планы реформъ одинаково не соотвѣтствуютъ вышеназваннымъ началамъ философіи. Тамъ, гдѣ господствуетъ свободная гармонія, не можетъ быть мѣста описываемой Фурье дисгармоніи; тамъ, гдѣ господствуетъ предопредѣленіе, не можетъ быть мѣста исполненному оптимизма вѣрованію въ реформу! Такимъ образомъ, критика Фурье и догматическое ученіе о соціальной реформѣ находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ принятыми имъ же началами философіи. Человѣкъ, стремящійся къ соціальной реформѣ, долженъ быть убѣжденъ, по справедливому замѣчанію Марло, въ существованіи постоянной дисгармоніи во влеченіяхъ и полной свободѣ воли, такъ какъ онъ именно ставитъ себѣ цѣлью устранить эти дисгармоніи силою разумной, свободно выраженной воли общества; Фурье проповѣдуетъ соціальную реформу и въ то же время провозглашаетъ философскія начала предопредѣленія и гармоніи!

Ученіе Фурье о душѣ, заключающее много оригинальныхъ частностей, въ цѣломъ не выдерживаетъ критики. Говоря о многообразныхъ влеченіяхъ человѣка, онъ совершенно ошибочно причисляетъ къ нимъ пять чувствъ, а забываетъ влеченіе къ производству.

Ложныя психологическія заключенія доводятъ Фурье до чудовищнаго оптимизма въ дѣлѣ эмансипаціи женщинъ. Сѣтуя на распущенность нравовъ въ богатыхъ классахъ и на проституцію въ неимущихъ, какъ на слѣдствія выродившагося либерализма, онъ самъ, своей теоріей женской эмансипаціи, возводитъ распущенность нравовъ до общаго принципа. Уничтоженіе единобрачія представляетъ ничтожное обезпеченіе гармоніи влеченій, такъ какъ опытъ постоянно убѣждаетъ насъ въ неисчерпаемомъ разнообразіи одностороннихъ влеченій между индивидуами различныхъ половъ. Съ другой стороны, уничтоженіе единобрачія выдвигаетъ на первый планъ чувственную любовь. Фурье вовсе не сознаетъ нравственнаго значенія брака. Представляя въ себѣ полное и совер-

шенное сліяніе двухъ индивидуальностей со всѣми ихъ способностями и наклонностями, бракъ является источникомъ, удовлетворяющимъ высшія человѣческія потребности, основой воспитанія, и, какъ мы видѣли, истиннаго хозяйства; высшее этическое соединеніе индивидуовъ можетъ и должно обуздывать чувственныя стремленія между полами. Съ паденіемъ принципа единобрачія на землѣ установилось бы безгранично дикое и пагубное стремленіе къ размноженію, и тысячи прижитыхъ въ такомъ необузданномъ общеніи половъ дѣтей умирали бы за отсутствіемъ бережнаго за ними ухода. Тогда получили бы силу и значеніе наиболѣе суровыя мѣры Мальтуса противъ чрезмѣрнаго размноженія. Фурье оставляетъ безъ всякаго вниманія вопросъ о народонаселеніи! Съ хозяйственной и со всякой другой точки зрѣнія, улучшеніе семейныхъ отношеній, реформа въ семейномъ быту—должна проявляться въ нравственномъ облагороживаніи начала единобрачія. Въ планѣ реформы, развитомъ Фурье, есть много достойнаго замѣчанія. Наше домашнее хозяйство во многихъ своихъ проявленіяхъ въ высшей степени не хозяйственно, и въ настоящее время сдѣланы весьма важныя попытки къ ихъ реформѣ, попытки, которыя опираются на указанную Фурье критическую точку зрѣнія.

Въ настоящемъ сочиненіи для насъ имѣетъ особенное значеніе планъ Фурье „гармонической“ организаціи труда.

Планъ этотъ, безспорно, содержитъ немалую долю правды. Критическія начала, на которыхъ онъ построенъ, дали сильный толчокъ практической реформѣ. Всѣ позднѣйшіе и наиболѣе смѣлые приговоры противъ либеральнаго капитализма могли опираться на Фурье, и даже Прудонъ, по моему мнѣнію, написалъ свое блестящее критическое сочиненіе „Философія нищеты“, проникнутый мыслями фуріеристскаго ученія. Когда была неоспоримо доказана хозяйственность соціетарной формы экономическихъ операцій, союзнымъ организаціямъ труда открылся широкій путь къ развитію. Когда было неоспоримо признано важное значеніе производства въ большихъ размѣрахъ, явилась новая, гораздо болѣе свободная точка зрѣнія для національно-экономическихъ реформъ; я говорю болѣе свободная по отношенію къ современникамъ Фурье, которые высказывали сильную ненависть къ машинамъ и питали

немалый страхъ къ производству въ большихъ размѣрахъ. Фурье весьма основательно указалъ на укоренившіяся въ настоящее время совершенно ненужныя отягченія труда, и съ этой стороны Фурье, своей критикой, оказалъ услугу рабочему сословію, требовавшему покровительства фабричному труду. Фурье и всѣ комунисты желали сокращенія рабочаго дня; въ настоящее время это соціально-демократическое требованіе отчасти уже выполнено. Вопросъ о помѣщеніяхъ для рабочихъ составляетъ главную задачу пробудившагося въ обществѣ стремленія улучшить состояніе домашняго хозяйства, и нѣтъ сомнѣнія, что Фурье далъ толчокъ этому вопросу, хотя его фаланстеріи не соотвѣтствовали ни англійскимъ, ни германскимъ понятіямъ о семейномъ бытѣ. Ученіе Фурье содержитъ не малую долю хозяйственныхъ истинъ даже въ самыхъ слабыхъ, наиболѣе мечтательныхъ своихъ отдѣлахъ, въ отдѣлахъ объ уходѣ за дѣтьми, объ общественныхъ трапезахъ, объ общественныхъ прачешныхъ. Мы не имѣемъ въ виду требовать уничтоженія семейныхъ трапезъ, которыя такъ дороги понятію о семейномъ бытѣ и о наслажденіи семейнымъ счастьемъ, но мы должны признать, что многіе предметы могутъ быть пріобрѣтены обществомъ потребителей за меньшую цѣну и лучшаго качества, чѣмъ отдѣльными лицами. Точно также уходъ за дѣтьми въ пріютахъ можетъ быть гораздо раціональнѣе, чѣмъ въ семействѣ, и часто можетъ служить облегченіемъ для матерей, поставленныхъ въ тяжелыя семейныя условія; наконецъ, и мытье бѣлья внѣ дома и изготовленіе кушаній въ особенныхъ общественныхъ кухняхъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть хозяйственно выгодно. Окончательное изготовленіе многихъ вещественныхъ цѣнностей, составляющее въ настоящее время по большей части предметъ домашняго хозяйства, можно было бы удобно выключить изъ статей домоводства и въ результатѣ получить экономическую выгоду. По всѣмъ этимъ вопросамъ, касающимся реформы въ домашнемъ хозяйствѣ, идеи Фурье недалеки отъ разумнаго осуществленія.

Фурье неоднократно указываетъ на несостоятельность теперешней системы сельскаго хозяйства, на безполезную трату трудовыхъ силъ, и высказываетъ заслуживающее серьезнаго вниманія требованіе, чтобъ въ будущемъ сельское и домашнее хозяйство во-

лись болѣе экономическимъ путемъ, при гармонической смѣнѣ однѣхъ работъ другими. И мы должны признать безусловно справедливымъ, что существующая система сельскаго хозяйства, гдѣ рабочіе цѣлые мѣсяцы сидятъ сложа руки и затѣмъ самымъ непроизводительнымъ образомъ напрягаютъ свои трудовыя силы, что такая система, во многихъ отношеніяхъ, находится въ чудовищномъ противорѣчіи съ требованіями хозяйственности. Чтожъ касается „домашняго производства", то оно во всѣхъ отношеніяхъ нуждается въ коренномъ преобразованіи. Въ настоящее время это общепризнанная истина, но Фурье, десятки лѣтъ ранѣе, обратилъ уже на этотъ вопросъ серьезное вниманіе.

Признавая много справедливаго въ положительной и особенно въ критической части ученія Фурье, я однако же весьма далекъ отъ мысли, признавать выполнимымъ его планъ организаціи труда.

Соціализмъ Фурье, уже по формѣ своей, противорѣчитъ началамъ экономіи. Фурье стремится осуществить идею соціализма, въ общинной формѣ, въ формѣ фаланстерій. Но въ общинахъ, гдѣ 1,500—2,000 человѣкъ, совершенное въ экономическомъ отношеніи раздѣленіе труда было бы невозможно; въ однѣхъ общинахъ оказался бы недостатокъ талантовъ, способностей; въ другихъ—сильные таланты были бы стѣснены въ своемъ развитіи. Занятіе самыми разнообразными хозяйственными отраслями крайне затруднило бы производство, а гарантія противъ безполезной траты времени, труда и капитала—была бы весьма слабая. Работы выполнялись бы вяло; никто бы не заботился о прогрессѣ, напротивъ многіе старались бы уклоняться отъ возложеннаго на нихъ труда, и опредѣлить справедливую норму вознагражденія было бы въ высшей степени затруднительно. Однимъ словомъ, соціетарная организація Фурье, также какъ и система комунизма, отодвинула бы общество на давно уже пройденную имъ ступень народно-хозяйственнаго развитія.

Несостоятельна также посылка, что всякій трудъ можетъ быть когда либо возведенъ до наслажденія. Только самая небольшая доля труда, какъ напр. трудъ ученыхъ, артистовъ, можетъ доставлять наслажденье самъ по себѣ, но зато подобный трудъ, въ большинствѣ случаевъ, плохо оплачивается. Фурье допускаетъ

возможность, чтобъ очищеніе клоакъ, мытье дѣтей и бѣлья и т. д. сдѣлались „трудомъ по страсти"; но нужно быть очень большимъ мечтателемъ и оптимистомъ, чтобъ вѣрить въ такую ложную психологію.

Должно замѣтить, что фурьеристы, требуя сокращенія и ограниченія рабочаго времени, оказываются непослѣдовательными въ своихъ понятіяхъ о существующемъ мірѣ. Когда всякій трудъ перестанетъ быть тягостенъ и обратится въ наслажденіе, тогда никто не будетъ нуждаться въ сокращеніи и ограниченіи рабочаго времени.

Разнообразіе и отдыхъ въ работѣ до нѣкоторой степени, безъ сомнѣнія, благодѣтельно вліяетъ на рабочаго. Но это же разнообразіе труда теряетъ всякое хозяйственное значеніе, когда рабочій будетъ, какъ у Фурье, перепархивать, подобно бабочкѣ, съ одного дѣла на другое. Фурье придаетъ невѣроятное значеніе интригамъ и соревнованію; такъ напр., въ его фаланстеріи, между воздѣлывателями айвы и рѣпы должно разыграться больше интригъ, чѣмъ во всѣхъ кабинетахъ Европы, вмѣстѣ взятыхъ.

Всеобщая примѣнимость асоціаціонной формы производства есть также предположеніе невыполнимое. Подобная форма производства, какъ мы увидимъ ниже, должна имѣть опредѣленныя границы, даже въ спеціальныхъ техническихъ отрасляхъ.

Предлагаемый Фурье способъ распредѣлять доходъ — основанъ на большихъ заблужденіяхъ. По мнѣнію Фурье, доходъ долженъ быть распредѣляемъ между всѣми членами фаланстерій пропорціонально сдѣланному ими пожертвованію капиталомъ, талантами и трудомъ, причемъ трудъ долженъ быть оцѣниваемъ по степени своей необходимости; вообще же, для всѣхъ долженъ быть обезпеченъ, сообразно ихъ жизненнымъ потребностямъ, минимумъ дохода.

Но здѣсь является такого рода вопросъ: зачѣмъ гарантировать всѣмъ минимумъ дохода, когда производительность въ фаланстеріяхъ, по предположенію Фурье, будетъ постоянно давать блестящіе результаты? Еще замѣтить должно, что на практикѣ трудно будетъ раздѣлять талантъ (способности) и трудъ (прилежаніе); такъ какъ на произведеніе одной и той же работы будутъ потра-

чены и способности, и прилежаніе. Пропорція, въ которой доходъ долженъ быть распредѣленъ между капиталомъ, талантомъ и трудомъ, выбрана совершенно произвольно (такъ у Фурье $^4/_{12}$, $^3/_{12}$, $^5/_{12}$; у Консидерана уже иныя числа). При гармонической системѣ производства, безотлагательная „необходимость" извѣстнаго труда будетъ явленіемъ ненормальнымъ. Вообще, награжденіе соотвѣтственно оказаннымъ услугамъ противорѣчитъ философскимъ началамъ, выставляемымъ Фурье. Если всякій трудъ есть трудъ по призванію, то право на плодъ такого труда не должно быть необходимостью; и „если наши влеченія соотвѣтствуютъ нашему назначенію," то намъ остается только потреблять „соотвѣтственно потребностямъ." Трудиться и наслаждаться соотвѣтственно потребностямъ—вотъ, по остроумному замѣчанію Марло, строго логическій выводъ изъ міровозрѣнія Фурье.

Но не въ этихъ промахахъ главный недостатокъ экономической системы Фурье; наиболѣе важный и вполнѣ заслуженный упрекъ, который мы можемъ ему сдѣлать, состоитъ въ томъ, что соціетаризмъ есть совершенная утопія съ точки зрѣнія практической организаціи.

Фурьеризмъ, приближающійся во многихъ отношеніяхъ къ экономическому федерализму, въ вопросѣ о правильномъ своемъ осуществленіи является чистой утопіей. Съ этой точки зрѣнія, я еще выше назвалъ соціализмъ утопическимъ предвѣстникомъ федерализма.

Фурье мечтаетъ о міровомъ государствѣ, о соединеніи всѣхъ отдѣльныхъ соціетарныхъ общинъ на землѣ, подъ управленіемъ омніарха и цѣлой вереницы другъ другу подчиненныхъ должностныхъ лицъ. Но, хотя въ этомъ идеальномъ государствѣ предполагаются опредѣленные правовые институты относительно частной и коллективной собственности и распредѣленія дохода, тѣмъ не менѣе должностныя лица общинъ, до омніарха включительно, лишены всякой власти, всякаго авторитета. Опираясь на выработанныя имъ начала психологіи, Фурье былъ того убѣжденія, что стоитъ только повѣдать міру „новооткрытое ученіе", и всѣ индивидуумы тотчасъ соединятся въ соціетарныя общины, подобно тому какъ отъ дѣйствія мороза частички воды собираются

въ кристаллы. Чего же хочетъ Фурье?—установить анархическій порядокъ вещей, гдѣ бы не было ни принужденія, ни господства власти,—создать всемірно-хозяйственное государство, гдѣ бы царила „добродушная анархія"! Это по просту нелѣпость; глубокомысленный Прудонъ, слѣдовавшій тотчасъ за Фурье, отказался отъ этой мысли объ анархіи.

Почему соціальныя организаціи лишены всякой дѣйствительной силы, объясняется весьма просто тѣмъ, что соціалисты обращаютъ исключительное вниманіе на „соціальный элементъ" и сознательно отрицаютъ всякое значеніе „чисто" политическаго элемента въ народно-хозяйственныхъ организаціяхъ. Тѣмъ не менѣе мы должны признать за нелѣпую утопію систему, которая хочетъ осуществить всемірную экономическую гармонію во всемірной анархіи. Я называю подобную систему утопіей доведенной до абсурда потому, что она сама, при случаѣ, измѣняетъ своему вѣрованію въ свободную гармонію, требуя, напр., веденіе торговаго дѣла при посредствѣ должностныхъ лицъ. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, всѣ комунистическія системы неизмѣримо практичнѣе соціализма; такъ во всякой народно-хозяйственной системѣ мы должны обращать прежде всего вниманіе на то, какимъ образомъ въ ней предполагается осуществлять общее соціальное движеніе всего человѣческаго хозяйства. Какъ мы уже показали, комунизмъ въ сущности есть система реакціи, но предлагаемые намъ планы хозяйственной организаціи весьма положительны: правительственный авторитетъ раздробляетъ народно-хозяйственный организмъ на отдѣльныя части, эти части управляются государственнымъ путемъ и во главѣ поставляются лица съ вполнѣ опредѣленными полномочіями. Соціализмъ безусловно отвергаетъ такую всемірно-хозяйственную организацію, гдѣ капитализмъ обращаетъ индивидуальную свободу въ двигательную силу при посредствѣ конкурренціи; но не предлагаетъ въ замѣнъ подобной организаціи ничего другаго, кромѣ утопической надежды на водвореніе космополитической гармоніи, тогда какъ въ дѣйствительности отъ соціетаризма предвидится одинъ только соціальный хаосъ. Фурье хотѣлъ сдѣлаться Ньютономъ по отношенію къ законамъ соціальнаго движенія, и именно это ему не удалось.

Ньютонъ и Кеплеръ опредѣлили великій небесный механизмъ во взаимномъ тяготѣніи всѣхъ отдѣльныхъ небесныхъ свѣтилъ. Фурье, напротивъ, вовсе отвергнулъ подобнымъ же образомъ сочлененный механизмъ капиталистической конкурренціи, который связываетъ соціально экономическое мірозданіе. Идеи Фурье имѣли практическій смыслъ единственно только въ приспособленіи къ конкурренціи, — къ великому соціальному механизму народнаго хозяйства. Процвѣтающая нынѣ асоціаціонная форма производства, практическій соціетаризмъ Шульце-Делича, какъ мы увидимъ далѣе, не отвергаетъ капитализма.

Итакъ, по отношенію къ народно - хозяйственной организаціи отдѣльныхъ хозяйственныхъ индивидуальностей, соціализмъ лишенъ всякаго содержанія, и уступаетъ мѣсто не только капитализму, но и комунизму. Его плодотворная критика получитъ дѣйствительную цѣну только съ осуществленіемъ положительной реформы спекулятивныхъ и другихъ имущественныхъ формъ.

Въ настоящемъ чтеніи я познакомилъ васъ съ экономическими системами полукомунизма. Перехожу теперь къ хозяйственнымъ планамъ полулиберализма. Системами ихъ, въ собственномъ смыслѣ, назвать нельзя. Въ этихъ планахъ нѣтъ общей связи и послѣдовательности, въ силу которой ихъ можно было бы противуполагать либерализму и комунизму. Полулибералы довольствуются тѣмъ, что открываютъ темныя стороны чисто либеральнаго капитализма и стараются ограничить чистую индивидуальную свободу народно-хозяйственнаго движенія въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, или же пополнить и надлежащимъ, по ихъ мнѣнію, образомъ направить это движеніе посредствомъ государственныхъ установленій и строго опредѣленнаго государственнаго законодательства.

Отсутствіе единства и послѣдовательности въ ученіи полулибераловъ замѣняется большимъ числомъ написанныхъ ими сочиненій. Еще со времени февральской революціи полулиберальные реформаторы открыли свою пропаганду въ литературѣ неудержимымъ потокомъ. До настоящаго времени наплывъ сочиненій возрасталъ въ громадныхъ размѣрахъ, такъ что теперь едва ли най-

дется ученый, вполнѣ знакомый съ этой отраслью экономической литературы.

Я называю эту отрасль литературы полулиберальной потому, что она въ существѣ своемъ опирается на либеральныя начала, но въ то же время не полагаетъ, съ крайней послѣдовательностью либераловъ, спасенія общества единственно только въ свободномъ индивидуальномъ движеніи народнаго хозяйства. Она не вполнѣ либеральна, и поэтому я называю ее полулиберальной, хотя отдѣльные ея представители уклоняются отъ чистаго либерализма въ весьма различной степени.

Въ сочиненіяхъ и планахъ полулибераловъ мы прежде всего усматриваемъ вліяніе извѣстнаго практическаго опыта и опредѣленныхъ практическихъ интересовъ.

Мы здѣсь находимъ старо либеральныя представленія, находимъ элементы старой феодальной и абсолютической несвободы и новѣйшаго соціальнаго стремленія къ равенству; все это полулибералы противуполагаютъ чисто либеральному принципу laisser faire, laisser passer и охотно впадаютъ въ непослѣдовательность, лишь бы только высказать свою антипатію чистому и послѣдовательному либерализму. Такимъ характеромъ отличаются въ особенности извѣстные писатели по нѣмецкому полицейскому праву, которые въ теоріи создавали или по крайней мѣрѣ хотѣли создать типъ нѣмецкаго чиновника; въ этихъ сочиненіяхъ находимъ и небольшую долю монополизма, и большую привязанность къ либеральнымъ началамъ, и наконецъ весьма высокое мнѣніе о соціальномъ призваніи полиціи. Вообще говоря, эти писатели не безъ принциповъ, не безъ заслугъ и не безъ энергіи въ своей опозиціи крайнимъ либераламъ; я напомню только Р. фонъ Моля. Но имъ не достаетъ единой всепроникающей національно экономической точки зрѣнія, что въ дѣйствительности приводитъ ихъ къ сильнымъ противорѣчіямъ. Такъ, Моль, немного лѣтъ послѣ появленія въ свѣтѣ третьяго изданія его науки о полиціи, приводитъ совершенно другой взглядъ на значеніе рабочихъ движеній и ихъ вожаковъ, въ третьемъ томѣ своего сочиненія о политикѣ.

Много полулиберальныхъ сочиненій было написано людьми, посвятившими себя практическому и теоритическому изученію во-

проса о положеніи бѣдныхъ и заключенныхъ;—таковы труды бельгійца Дюкпецio (Ducpétiaux), Ф. Лихтенберга, Годфроа (Теорія бѣдности; 1834) и Раймонда (Reymond 1837).

Другая группа полулиберальныхъ сочиненій была написана людьми, проникнутыми идеями христіанскаго человѣколюбія, таковы сочиненія Вильнева (Христіанская государственная экономія, 1834), П. Гаскелля (Промышленное населеніе Англіи, 1832) и Морога (Morogues,—Причины богатства и бѣдности цивилизованныхъ народовъ, 1832), который стоитъ за всевозможныя системы колонизаціи. Послѣднія два сочиненія имѣли большое вліяніе на германскую литературу по полицейскому праву.

Другая группа подобныхъ сочиненій имѣла своимъ источникомъ официальныя ревизіи и донесенія. Но особенно богатый матеріалъ для характеристики полулиберальнаго направленія находимъ въ петиціяхъ и рѣшеніяхъ ремесленныхъ союзовъ 1848 года, въ которыхъ смѣшивались два начала: начало экономическаго федерализма и начало реакціонерно-цеховое.

Въ сороковыхъ же годахъ полулиберальная литература, подъ вліяніемъ христіанскихъ и гуманныхъ стремленій и началъ соціализма, начинаетъ болѣе или менѣе полно разработывать вопросъ объ асоціаціяхъ. Литературной разработкѣ этого вопроса не мало способствовали успѣшныя попытки практически осуществить начало асоціаціи во Франціи, Англіи и Германіи (Шульце-Деличъ). Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія сочиненія Ф. А. Губера и публичныя чтенія Шульце. До 1850 года мы находимъ еще много другихъ сочиненій, посвященныхъ вопросу о соціетарной формѣ народно-хозяйственныхъ организацій, такъ Ф. Вихара въ своемъ сочиненіи „соединенный трудъ 1849" проводитъ уже мысль о сельско хозяйственной и ремесленной асоціаціи производства.

Я перечисляю ниже большую часть реформъ, предложенныхъ полулибералами; всѣ эти реформы проникнуты благими намѣреніями, но онѣ лишены общаго единаго принципа, лишены связи между собою, часто являются только мѣрами паліативными и

заключаютъ много неяснаго. Вотъ вопросы, которыхъ касались реформы полулибераловъ:

Улучшеніе системы воспитанія, назначеніе наградъ за добродѣтельную жизнь.

Измѣненіе существующихъ системъ наказанія.

Устройство нищенскихъ союзовъ, земледѣльческихъ колоній и лотерей для бѣдныхъ, реорганизація пріютовъ для бѣдныхъ и для дѣтей.

Введеніе новыхъ народно-хозяйственныхъ управленій, имѣющихъ цѣлью охранить хозяйственное движеніе и способствовать ему.

Обложеніе предпринимателей обязательнымъ взносомъ на устройство вспомогательныхъ и сберегательныхъ банковъ для вспомоществованія наемнымъ рабочимъ.

Ограниченіе свободы переселенія и устройства ремесленныхъ колоній, введеніе испытаній по спеціальнымъ ремесленнымъ отраслямъ ограниченія фабричнаго производства, и т. д, однимъ словомъ, рядъ громкихъ реакцій, имѣющихъ цѣлью возвратить хозяйство къ давно отжившей цеховой организаціи.

Устройство выставокъ и раздачи премій за мануфактурное производство.

Округленіе и сохраненіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ; общинное наслѣдованіе ими и общинная ихъ обработка.

Колонизація и выселеніе;

Отдѣльныя реформы въ финансахъ и въ системѣ налоговъ.

Общедоступный кредитъ; мѣры противъ злоупотребленія кредитомъ.

Гарантія права на трудъ;

Регулированіе заработанной платы и рабочаго времени, опредѣленная закономъ доля участія въ барышѣ предпринимателя.

Введеніе асоціаціонной формы производства, подъ покровительствомъ государства.

Въ перечисленномъ рядѣ реформаторскихъ плановъ видно послѣдовательно возрастающее стремленіе къ соціально-демократической организаціи.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ плановъ.

Желаніе полулибераловъ сохранить всю земельную собственность въ формѣ государственнаго и общиннаго владѣнія отличается характеромъ реакціоннымъ. Такой порядокъ вещей препятствовалъ бы развитію интенсивнаго хозяйства и сдѣлалъ бы невозможнымъ достиженіе высшаго валоваго дохода, а слѣдовательно и высшаго благосостоянія народа.

Мысль о заселеніи худыхъ земель бѣдными колонистами несостоятельна по совершенно противоположнымъ причинамъ; неблагодарная почва будетъ самымъ непроизводительнымъ образомъ уничтожать трудъ, капиталъ и способности; она будетъ безвозвратно поглощать жизненныя силы человѣка, а колонистамъ взамѣнъ этого будетъ обезпечивать самое жалкое существованіе. Однимъ словомъ, подобная система, въ большей или меньшей степени, не хозяйственна. Для всякой почвы существуетъ свой предѣлъ, далѣе котораго приложеніе къ ней труда и капитала становится совершенно непроизводительнымъ, не хозяйственнымъ, и не только не повышаетъ дохода, но значительно его понижаетъ.

Полулибералы требуютъ государственной поддержки для переселенцевъ. Но удовлетвореніе подобнаго требованія открыло бы широкій путь чрезмѣрному возрастанію населенія и развитію пролетаріата. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я коснусь вопроса о томъ, какъ должно поступать государство относительно эмиграцій и колоній.

Реформы, предлагаемыя полулибералами въ финансахъ и въ государственномъ хозяйствѣ, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: полулибералы требуютъ введенія прогрессивной системы налоговъ; но должно замѣтить, что если мы даже вообще и признаемъ полезность подобной системы, то и тогда практическое ея выполненіе потребуетъ большой осмотрительности; полулибералы требуютъ

уничтоженія всей частной поземельной собственности и хотятъ отдать всю поземельную ренту въ руки государства, но въ этомъ случаѣ они высказываютъ много преувеличенныхъ надеждъ и упускаютъ изъ виду существенно важные, народнохозяйственные мотивы; полулибералы требуютъ наконецъ высокаго налога на наслѣдство и сокращеніе должностей по государственной службѣ. Должно замѣтить, что хотя высокій налогъ на наслѣдство можетъ имѣть законное основаніе, когда онъ падаетъ на отдаленнѣйшія степени родства, но, въ большинствѣ случаевъ, онъ приноситъ болѣе вреда чѣмъ пользы. Что же касается сокращенія должностей по государственной службѣ, то въ настоящее время, конечно, желательна была бы коренная реформа въ механизмѣ государственнаго управленія и особенно уничтоженіе громаднаго военно-подвижнаго состава. Но мы никакъ не можемъ считать за проявленіе соціальнаго прогресса передачу въ частныя руки извѣстныхъ отраслей народнохозяйственной организаціи, которыя могутъ гораздо лучше управляться государственнымъ путемъ; такова, напр., передача правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ частнымъ акціонернымъ обществамъ.

Основаніе государственныхъ кредитныхъ учрежденій, вообще говоря, не состоятельно, хотя нѣкоторыя реальные кредитные банки и могли бы процвѣтать въ формѣ государственнаго учрежденія; мы увидимъ далѣе, что выполненіе всѣхъ банковыхъ операцій государственнымъ путемъ противно экономическому характеру кредита. Точно также не состоятельны подобныя предложенія, сдѣланныя Марло и Лассалемъ. Отдѣльныя общества могутъ весьма удовлетворительно управлять банками, на что имѣются блестящіе примѣры. Въ послѣднее время я имѣлъ случай близко ознакомиться съ различными банковыми учрежденіями, и далеко не могу оправдать характера банковыхъ операцій: банки не являются исключительно кредитными учрежденіями, но служатъ эгидой всевозможныхъ аферъ, основанныхъ на лихоимствѣ, подкупѣ и ажіотажъ.

Планъ „безвозмезднаго кредита" развитъ Прудономъ очень неясно и мечтательно: доходъ съ капитала ограничивается одними издержками по администраціи. Капитальное имущество является

продуктомъ сбереженія и состоитъ изъ заработанныхъ естественныхъ предметовъ; капиталъ не создается самъ собою, и никто не сберегаетъ для другихъ. Но обращеніе капиталовъ въ высшей степени прибыльно. Этой прибыли всѣ бы лишились съ установленіемъ безвозмезднаго кредита; а если бы правительство образовало ссудный капиталъ сборомъ налоговъ, тогда бы подобный кредитъ нельзя было назвать безвозмезднымъ, что значило бы только страховать всѣхъ несущихъ налоги. Съ экономической точки зрѣнія весь проектъ является нелѣпостію.

Одно основаніе страховыхъ и сберегательныхъ кассъ также не въ силахъ искоренить великое зло пролетаріата. Во первыхъ многимъ работникамъ нечего сберегать. Во вторыхъ мелкіе сберегательные капиталы часто только усиливаютъ тяжелое положеніе въ худыя времена и увеличиваютъ лишенія въ хорошія; многіе писатели назвали сберегательныя кассы лицемѣрной уловкой, къ которой прибѣгло либеральное общество, чтобъ отдѣлаться отъ бремени вопроса о пролетаріатѣ и имѣть возможность понизить заработную плату до минимума издержекъ, необходимыхъ для поддержанія существованія! Наконецъ самый способъ помѣщенія сбереженныхъ денегъ часто оказывается несостоятельнымъ и не отвѣчаетъ интересамъ сберегающаго класса. Организація сберегательныхъ и страховыхъ учрежденій еще очень несовершенна и въ ней остается еще сдѣлать весьма много улучшеній; какъ отдѣльная попытка—разрѣшить сущность великаго соціальнаго вопроса—она почти не имѣетъ значенія.

Многіе полагаютъ великія надежды въ „правѣ на трудъ.“ Еще французская конституція 1791 года возлагала на общество обязанность „доставлять работу здоровымъ, неимѣющимъ дѣла бѣднякамъ.“ Законодательство европейскихъ государствъ, касающееся положенія неимущаго сословія, имѣло также въ виду эту обязанность общества—установивъ рабочіе дома для бѣдныхъ. Но очень часто, крупные городскіе капиталисты и крупные землевладѣльцы уклонялись отъ обязанности доставлять трудъ и пропитаніе остающимся безъ дѣла работникамъ и сваливали эту обязанность на сельскія крестьянскія общины: во время промышленныхъ кризисовъ, пролетаріевъ отсылали къ роднымъ сельскимъ общинамъ, а круп-

ные землевладѣльцы не дозволяли, въ силу постановленія о бѣдныхъ, водворенія оставшихся безъ дѣла работниковъ на своихъ земляхъ; примѣръ этому мы видимъ въ Англіи до того времени, пока новѣйшее законодательство этой страны не открыло для рабочихъ возможности пріобрѣтать, въ силу годичнаго пребыванія въ извѣстной мѣстности, право на вспомоществованіе съ ея стороны въ случаѣ бѣдности: установленіемъ такого кратковременнаго срока давности законодательство вступило въ борьбу съ подобной эксплуатаціею. Однако законодательство о бѣдныхъ служитъ только косвеннымъ признаніемъ права на трудъ, что видно въ рабочихъ домахъ для бѣдныхъ; гораздо ближе вытекаетъ изъ него право на необходимыя средства пропитанія.

„Право на трудъ“ послужило, равнымъ образомъ, предметомъ самыхъ горячихъ теоретическихъ споровъ, когда въ засѣданіяхъ временнаго правительства Франціи 1848 года появился представитель рабочихъ, занесенный туда февральскою бурею; это послужило сигналомъ къ изданію временнымъ правительствомъ опаснаго, по своему смыслу, декрета 25 февраля: „Временное правительство республики обязуется гарантировать рабочимъ трудъ, необходимый для ихъ существованія: оно обязуется доставлять работу всѣмъ гражданамъ.“ Совершенно ошибочно думаютъ, что осуществленіе этого декрета, наскоро придуманнаго Луи Бланомъ, должно видѣть въ основанныхъ временнымъ правительствомъ національныхъ мастерскихъ; изъ чего обыкновенно выводятъ неудачи этихъ ateliers nationaux и представляютъ указаніе самого опыта на полную невыполнимость всякой гарантіи права на трудъ. Національныя мастерскія были скорѣй тактическою уловкою противниковъ Луи Блана: сочлены Луи Блана по временному правительству хотѣли отвлечь праздныхъ парижскихъ рабочихъ отъ устроенныхъ Луи Бланомъ рабочихъ митинговъ въ Люксембургѣ. Гарантія права труда была уже въ томъ же году отвергнута въ учредительномъ собраніи огромнымъ большинствомъ голосовъ (15 сентября 1848— отрицательныхъ голосовъ было 596, противъ 187), причемъ Тьеръ произнесъ пресловутую рѣчь, наполненную софизмами.

„Право на трудъ,“ какъ уже было замѣчено, признано косвеннымъ образомъ вездѣ, гдѣ не имѣющіе работы пользуются пра-

вомъ на вспомоществованіе, и въ католическихъ, и въ протестантскихъ странахъ; при этомъ предполагается, во всякомъ случаѣ, что это необходимое содержаніе оплачиваетъ трудъ и что этотъ трудъ является въ возможно немногосложной и неспеціальной формѣ. Въ болѣе распространенномъ объемѣ оно было бы уже невыполнимо: даже самые приверженцы права на трудъ не идутъ далѣе этого. Однако же, и въ этомъ размѣрѣ оно можетъ быть реализированно вполнѣ безпрепятственно, если не найдется средства устранить излишнее размноженіе народонаселенія, что конечно останется недостигнутымъ, если способъ примѣненія постановленій о бѣдныхъ будетъ дѣйствовать „децимирующимъ" (губительнымъ, въ смыслѣ теоріи Мальтуса), образомъ.

Возраженіе Тьера, будто свобода труда уже сама по себѣ обезпечиваетъ работника — представляется чистымъ софизмомъ. Изъ представленныхъ нами разсужденій объ имуществѣ ясно, что трудъ, безъ обладанія орудіями его въ формѣ внѣшняго имущества, — непроизводителенъ и поэтому свобода труда не обезпечиваетъ даже и необходимой заработной платы.

На практикѣ попеченіе о бѣдныхъ служитъ признаніемъ этой истины, ибо оно даетъ незанятымъ рабочимъ необходимую для нихъ заработную плату, но чрезъ посредство отталкивающаго института общественныхъ рабочихъ домовъ. Забота нашего либеральнаго общества о бѣдныхъ рабочихъ, оставшихся безъ работы, является доказательствомъ рѣшительнаго недовѣрія къ экономической гармоніи, установляемой свободою труда. Упраздненіе всякаго права бѣдныхъ на вспомоществованіе, какъ это предполагалось нѣкоторыми писателями, хотя и является совершеннымъ варварствомъ, но представляется тѣмъ не менѣе вполнѣ консеквентнымъ выводомъ изъ началъ чистаго либерализма, консеквентнымъ въ духѣ суровой доктрины Мальтуса. Нищета, въ которую впадаютъ люди годные къ труду, показываетъ сколько „свободныхъ гражданъ" не можетъ пріобрѣсти себѣ необходимаго содержанія, тогда какъ въ теоріи всѣ работники должны были бы получать все большую заработную плату.

Впрочемъ гарантія необходимой заработной платы, путемъ признанія права на трудъ, не представляется особенно надежнымъ

даже съ точки зрѣнія пролетаріата. Соціальная реформа имѣетъ гораздо болѣе высокую задачу; эта задача состоитъ въ томъ, чтобы доставить каждому работу, индивидуально наиболѣе производительную. Что касается до этой цѣли, то она не можетъ быть достигнута чрезъ признаніе за бѣдными права на вспомоществованіе и гарантію права на трудъ, но только чрезъ задержаніе излишняго размноженія народонаселенія и видоизмѣненіе имущественнаго права: съ помощью этихъ мѣръ можетъ быть обезпечено за каждымъ индивидуумомъ индивидуально соразмѣренное участіе въ пользованіи ограниченными производительными средствами внѣшней природы. Въ этомъ именно направленіи и совершается современное соціальное движеніе въ Англіи, требующее выдачи вспомоществованій для выселяющихся и ограниченія злоупотребленій крупнаго землевладѣнія. Въ виду того факта, что природный фондъ человѣческаго существованія является ограниченнымъ, должно признать, что никакая сила на землѣ не можетъ, въ случаѣ излишка народонаселенія, обезпечить ему даже абсолютно необходимую для прожитія работу. Въ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ намъ еще неоднократно придется возвращаться къ этому основному положенію соціальнаго вопроса.

Гарантируя относительно отдѣльныхъ отраслей промышленностей болѣе чѣмъ достаточную заработную плату, мы легко придемъ къ необходимости ограничить въ этихъ отрасляхъ промышленности число работниковъ и пожертвовать въ пользу привилегированныхъ рабочихъ существованіемъ устраняемыхъ отъ промышленности индивидуумовъ; да и помимо этого изъ самой массы покровительствуемыхъ рабочихъ можетъ возникнуть новый пролетаріатъ.

Покровительство фабричнымъ рабочимъ, въ особенности дѣтямъ и женщинамъ,—безъ сомнѣнія представляетъ высокую задачу. Уже въ теченіе 40 лѣтъ этотъ вопросъ служитъ предметомъ обсужденія англійской печати и законодательства! Во всякомъ случаѣ направленные къ этой цѣли законы являлись совершенно безплодными, пока должности фабричныхъ инспекторовъ небыло придано должной независимости и значенія: эти безсиль-

ные законы были даже сознательнымъ надувательствомъ относительно наемныхъ рабочихъ.

Такого рода защита труда, сама по себѣ, въ силахъ устранить только безчеловѣчное злоупотребленіе здоровьемъ и жизнью рабочихъ. Она не обезпечиваетъ работнику болѣе чѣмъ необходимаго содержанія.

Тоже можно сказать и объ ограниченіи рабочаго дня, которое является прекраснымъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго напряженія рабочихъ силъ.

Напротивъ того, вторая цѣль этого нормированія рабочаго дня, а именно ограниченіе количества предлагаемыхъ рабочихъ часовъ, къ сожалѣнію не достигается и не въ состояніи противодѣйствовать возвращенію рабочихъ отъ случайно возвышающихся заработковъ къ насущной заработной платѣ. Ниже я возвращусь къ этому, весьма часто упоминаемому въ наше время вопросу. Здѣсь я ограничусь только замѣчаніемъ, что нормированіе рабочаго дня, ставши теперь самымъ горячимъ вопросомъ времени въ Германіи, не есть только что загорѣвшаяся идея, но составляетъ издавна предметъ требованій полу-либеральныхъ и истыхъ соціалистовъ.

Я признаю утопіей—желаніе дать рабочимъ законное право на участіе въ доходѣ и производствѣ; ни одинъ истинный экономистъ, будь онъ либералъ или соціалистъ, не раздѣляетъ подобнаго желанія. Уже одно установленіе законнымъ путемъ количественной нормы такого подоходнаго участія представляетъ непреодолимыя трудности.

Ограниченіе свободы переселенія для гражданъ, не принадлежащихъ къ общинамъ, опирается на весьма поверхностныя основанія. Общины въ самихъ себѣ являются источникомъ пролетаріата, который затѣмъ распространяется за ихъ предѣлы. Ограниченіе свободы переселенія является существеннымъ препятствіемъ къ мѣстному уравненію избытка населенія и къ наиболѣе хозяйственному соціальному распредѣленію трудовыхъ силъ. Тѣснымъ сельскимъ общинамъ пришлось бы очень плохо, если бы города отказались принимать избытокъ ихъ населенія; статистика наро-

донаселенія повсемѣстно указываетъ на постоянную эмиграцію сельскихъ работниковъ въ города.

Желаніе отдать торговлю въ руки правительственныхъ чиновниковъ—считаю я совершенной нелѣпостью Я не понимаю, какъ Марло можетъ придавать экономическое значеніе государственной системы торговли. Впослѣдствіи я подробнѣе остановлюсь на этомъ вопросѣ.

Предоставленіе одному сыну исключительнаго права наслѣдовать крестьянской поземельной собственностью, можетъ конечно противодѣйствовать излишнему возрастанію народонаселенія, но такое право будетъ носить на себѣ характеръ привилегіи.

Искуственное смѣшеніе и регулированіе размѣровъ поземельныхъ владѣній путемъ аграрно-политическихъ мѣропріятій, какъ то предполагаютъ Фр. Листъ и Винтеръ [1]) не опирается на прочныя экономическія начала, не обезпечиваетъ наиболѣе хозяйственной эксплоатаціи почвы и не даетъ возможности согласовать измѣненные способы обработки, средства сообщенія и формы продажи.

Итакъ, въ итогѣ полулиберальныя теоріи заключаютъ весьма почтенную сумму идей о соціальной реформѣ.

Если онѣ до сихъ поръ были безплодны съ практической точки зрѣнія, то причина этому заключается не столько въ ихъ ложности и непримѣнимости, сколько въ ихъ разрозненности, въ отсутствіи одной связующей ихъ системы и въ робкомъ ихъ противодѣйствіи могучимъ, фактически существующимъ монополіямъ, въ которыхъ либеральный капитализмъ такъ сильно злоупотребляетъ своимъ истиннымъ назначеніемъ.

Произнося такой приговоръ, я все-таки отдаю справедливость добрымъ намѣреніямъ и человѣколюбивымъ идеямъ полу-либераловъ. Во всѣ времена соціальныя идеи, подвигавшія насъ впередъ на пути прогреса, созрѣвали медленно. „Послѣдовательные,“

---

[1]) „Vertheilung des Landbesitzes nach den socialen Forderungen der Zeit 1849.“ Винтеръ предлагаетъ шесть величинъ для размѣровъ поземельныхъ участковъ, на которые должна быть разбита извѣстная страна съ самой тщательной численной точностью. Сравни замѣчательное сочиненіе Бернгарда о крупной и мелкой поземельной собственности.

нстые комунисты и фантастически смѣлые соціалисты создали обширные планы, съ которыми мы познакомились; но мы не имѣемъ права упрекнуть разсудительныхъ людей въ томъ, что они не желали погружаться въ воду, зная дорогу бродомъ. Simond de Sismondi [1]), человѣкъ безспорно справедливый и глубокій экономистъ, подъ конецъ утратилъ всякую надежду на возможность основнаго улучшенія существующаго экономическаго строя общества, и дошелъ даже до заблужденія оспаривать экономическое значеніе возможно болѣе широкаго развитія машиннаго производства.

---

1) Главный трудъ Sismondi носитъ названіе: „Новыя начала политической экономіи 1819."

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

В) Экономическій федерализмъ. Марло (Винкельблехъ), первый послѣдовательный и ученый федералистъ Германіи.—Содержаніе его сочиненія о федерализмѣ.—Участь его «Системы всемірной экономіи».—Первое обозрѣніе системы.—Соціалистическія погрѣшности федерализма у Марло.—Его обращеніе къ федерализму.—Критически-историческая часть системы: сословныя партіи.—Исторія борьбы новѣйшихъ сословныхъ партій во Франціи, Англіи и Германіи.—Различіе политическихъ и экономическихъ условій въ американскихъ штатахъ и въ европейскихъ государствахъ.—Положительно-догматическая часть: трудъ безплодный, непроизводительный, нечестный.—Трудъ прибыльный и разорительный. —Лихоимство. — Нехристіанская система эксплуатаціи; война.—Косвенная война народовъ; покровительственная система.—Производительныя силы; основной и оборотный капиталъ. — Мѣстное соединеніе производительныхъ силъ. — Крупное и мелкое производство. — Асоціація (общинная форма производства). — Ея выгодныя и вредныя стороны.—Ошибки, односторонности, пробѣлы въ ученіи о соціетаризмѣ.—Насильственное введеніе общинной формы производства въ сельское хозяйство.—Общественное веденіе торговли.—Превратное понятіе о взаимодѣйствіи экономической и политической федераціи; подъ названіемъ федераціи нельзя подразумѣвать разложеніе сросшихся общественныхъ массъ въ національные атомы путемъ культуры; въ федераціи высшіе человѣческіе интересы свободно и равномѣрно становятся значащими.—Формы имущества.—Свѣтлыя мысли; односторонности.—Надежды федерализма.

Въ послѣднихъ трехъ чтеніяхъ мы познакомились съ крайностями либерализма и комунизма и съ соціализмомъ, заимствовавшимъ многія начала изъ первыхъ двухъ ученій:

Съ либеральнымъ капитализмомъ въ собственномъ смыслѣ, который полагаетъ все благо въ личной свободѣ и невмѣшательствѣ правительства.

Съ комунизмомъ въ собственномъ смыслѣ, который уничтожаетъ свободу и навязываетъ равенство, подчиняя всѣхъ индивидуумовъ государству.

Съ полукомунизмомъ, который допускаетъ вознагражденіе соразмѣрное труду, но хочетъ установить это начало комунистическими средствами, хочетъ дать труду государственную организацію и уничтожить наслѣдственное право.

Съ утопическимъ соціализмомъ въ *собственномъ* смыслѣ, который опредѣляетъ каждому пользованіе благами жизни, соразмѣрно его таланту, капиталу и труду, т. е. признаетъ индивидуальное неравенство, допускаетъ наслѣдственное право и требуетъ свободнаго выбора труда „по [illegible]та“, но совершенно отрицаетъ конкуренцію и капитализмъ, не выставляя взамѣнъ ихъ никакой прочной и жизненно сильной организаціи общественнаго хозяйственнаго строя.

Наконецъ, съ полулиберализмомъ, который въ основаніи согласенъ съ теоріей чистаго либерализма, но въ примѣненіи допускаетъ нѣкоторыя положенія соціалистическаго ученія.

Относительно всѣхъ этихъ теорій *экономическій федерализмъ Марло* заключаетъ въ себѣ явный и важный шагъ впередъ.

Система Марло изложена въ его сочиненіи: „*Изысканія надъ организаціей труда или система всемірной экономіи*,“ которое, къ сожалѣнію, осталось послѣ смерти автора неоконченнымъ.

До настоящаго времени сочиненіе это было почти неизвѣстно, и, кажется, оставалось незамѣченнымъ наукою. Мнѣ самому былъ только извѣстенъ первый отдѣлъ перваго тома и ни одинъ писатель не обратилъ моего вниманія на послѣдующіе томы. Такое невниманіе къ сочиненію Винкельблеха объясняется весьма легко различными обстоятельствами. Оно стало выходить въ 1850 г., когда гражданское общество, послѣ сильнаго броженія, безсильно отдалось въ руки абсолютизму; появлялось отдѣльными выпусками послѣ долгихъ промежутковъ и прекратилось изданіемъ со смертью автора (1859?). Марло принималъ участіе въ движеніи по поводу цеховой реформы и этимъ нажилъ себѣ многихъ недоброжелате-

лей. Еще должно замѣтить, что хотя сочиненіе его написано популярнымъ языкомъ, но оно заключаетъ въ себѣ такую обширную начитанность, такъ строго безпристрастно, такъ независимо отъ всякаго комунистическо-соціальнаго и либеральнаго шарлатанства, что—къ сожалѣнію я вправѣ это сказать - этимъ объясняется такое долгое къ нему невниманіе. Не довѣряясь при всеобщемъ молчаніи личному своему сужденію, безусловно благопріятному, я въ послѣднее время нѣсколько разъ къ ряду прочелъ четыре тома Марло, и не могъ измѣнить своего мнѣнія. Поэтому считаю обязанностью обратить на Марло самое серьезное вниманіе и рекомендую всѣмъ прочесть его книгу, хотя авторъ не свободенъ отъ вліянія соціализма и часто предлагаетъ несостоятельные планы реформы.

Марло—„добродѣтельный" человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; система его поражаетъ насъ своею цѣльностью; она чужда всякой мечтательности и фантастической психологіи, зрѣло обдумана и построена на обширномъ знаніи литературы и жизни. Авторъ ставитъ во главѣ своего ученія древнюю, чисто христіанскую идею (до послѣдняго времени комраченную языческими преданіями) о соразмѣрной индивидуальной равноправности всѣхъ людей, которая одна совмѣщаетъ и примиряетъ принципы равенства и свободы. Съ неменьшимъ безпристрастіемъ и столь же обширнымъ знаніемъ исторіи и литературы подвергаетъ Марло съ исторической точки зрѣнія самой строгой, разрушающей критики не только старинныя понятія о всевозможныхъ привилегіяхъ, но и новѣйшія одностороннія ученія проповѣдниковъ свободы и равенства. Великая задача новѣйшаго времени: соразмѣрное саморазвитіе всѣхъ индивидуумовъ до высшаго нравственнаго благоденствія, или, какъ называетъ его Марло, панполизмъ подвергается національно-экономическому разсмотрѣнію. Рѣшеніе этой задачи вездѣ остается въ согласіи съ тѣмъ неизмѣннымъ закономъ природы, въ силу котораго развитіе и существованіе народонаселенія находится всегда въ зависимости отъ веществъ и силъ природы. Во всемъ сочиненіи проводится одна основная мысль, что природный факторъ производства ограниченъ и можетъ быть только усиленъ, но не умноженъ путемъ техники. Для достиженія благо-

действія—народонаселеніе должно оставаться въ равновѣсіи съ природнымъ факторомъ, и оно можетъ удержаться въ такомъ равновѣсіи посредствомъ соотвѣтственной организаціи семейныхъ и супружескихъ правъ и правъ пріобрѣтенія, не подчиняясь суровому закону Мальтуса о расправѣ природы надъ человѣкомъ. Но одно установленіе равновѣсія между народонаселеніемъ — природнымъ факторомъ и капиталомъ не разрѣшаетъ еще великаго соціальнаго вопроса: отдѣльные индивидуумы, въ подспорье своей дѣятельности, должны быть наиболѣе плодотворно снабжены имуществомъ, самымъ производительнымъ образомъ распредѣленнымъ, въ формѣ постоянныхъ и оборотныхъ капиталовъ. Уничтоженіе частнаго имущества и частнаго наслѣдственнаго права не можетъ помочь дѣлу; мы можемъ достигнуть желанныхъ результатовъ, давая обширное развитіе общинной формѣ производства (асоціаціи), и именно асоціаціямъ въ спеціальныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и крупной промышленности, а отнюдь не утопическому „асоціализму" фалангъ, созданныхъ воображеніемъ Фурье. Частная форма производительной дѣятельности (Particulär Betrieb)—другими словами, существующая организація производства, съ капиталистами—предпринимателями во главѣ и работой по найму, не должна быть вовсе исключена; она должна существовать на ряду съ сельско-хозяйственными и промышленными обществами, конкурируя съ ними и уступая имъ первенство. Соціетаризмъ остается въ силѣ, уравниваемый конкуренціей асоціаціи между собою и съ частными предпринимателями. Такимъ образомъ, въ сущности онъ подчиненъ капиталистическимъ законамъ хозяйственнаго движенія. Отдѣльнымъ индивидуумамъ предоставляется свобода добровольно вступать въ асоціаціи и оставлять ихъ. Для массы предметовъ потребленія единственной возможной формой имущества на всѣ времена признается частная собственность, такъ какъ большинство экономическихъ цѣнностей исключительно служитъ для удовлетворенія потребностей отдѣльныхъ индивидуумовъ, потребленіе же является процессомъ присвоенія.

Одностороннимъ проповѣдникамъ равенства и свободы не удалось разрѣшить задачи о равномѣрномъ нравственномъ саморазвитіи всѣхъ индивидуумовъ; Марло обратилъ серьезное вниманіе

на эту задачу, и старается разрѣшить ея противодѣйствія съ одной стороны избытку населенія, съ другой, доставляя наиболѣе плодотворное примѣненіе трудовымъ силамъ, прилежанію и капитальному имуществу, и этимъ, по возможности, удовлетворяя внѣшнимъ условіямъ, необходимымъ для обезпеченія благосостоянія всѣмъ индивидуумамъ.

Марло хочетъ противодѣйствовать „непроизводительнымъ видамъ производства" развитіемъ общинной формы хозяйственной организаціи, которая бы искоренила монополію крупныхъ капиталовъ. Онъ надѣется ограничить размѣры попечительства о бѣдныхъ принудительнымъ развитіемъ системы личнаго страхованія и укоренить начала болѣе равномѣрнаго распредѣленія имущества и болѣе равномѣрнаго пользованія благами жизни.

Какъ мы видимъ, Марло только въ немногихъ пунктахъ не соглашается съ началами существующаго соціально-экономическаго строя, но самой формой выраженія онъ кажущимся образомъ относитъ къ соціалистическимъ мѣропріятіямъ такія положенія, которыя находятся въ совершенномъ согласіи съ капиталистическимъ строемъ. Каждый „либеральный" сторонникъ общинной формы производства съ удовольствіемъ прочтетъ его спокойный, хотя и не достаточно полный анализъ преимуществъ рабочихъ организацій, основанныхъ на асоціаціи; къ сожалѣнію этотъ анализъ не былъ мнѣ извѣстенъ, когда я выпустилъ въ свѣтъ мой трудъ „О примѣнимости различныхъ формъ хозяйственныхъ предпріятій" [1]). Благодѣтельное впечатлѣніе оставляетъ истинно христіанская снисходительность, съ которой Марло беретъ человѣка такимъ, какимъ онъ есть, и весьма знаменательна мысль автора, который признаетъ демагогическими выходками всѣ стремленія осчастливить человѣчество, доставить благосостояніе пролетаріямъ, не подчиняя ихъ неизмѣнному закону о народонаселеніи; во всемъ своемъ сочиненіи авторъ оспариваетъ мнѣнія крайнихъ сторонниковъ свободы и равенства, оспариваетъ безпристрастно, серьезно, избѣгая всякихъ фразъ и всякаго предвзятаго мнѣнія, имѣя въ виду столь же

---

[1]) См. Tüb. Jahrg. 1869. „Anwendbarkeit der verschiedenen Unternehmungsformen."

справедливыхъ и безпристрастныхъ противниковъ. Мы не находимъ у Марло необузданнаго, безграничнаго преслѣдованія класса честныхъ собственниковъ и либеральныхъ экономистовъ, которымъ соціалисты такъ сильно повредили задуманной ими соціальной реформѣ. Набросанный во второмъ томѣ теоретическій очеркъ національной экономіи, съ федералистической точки зрѣнія, заключаетъ въ себѣ много новыхъ, весьма замѣчательныхъ взглядовъ.

Къ сожалѣнію, экономическій федерализмъ автора далеко не свободенъ отъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ вліяній. Часто онъ возлагаетъ на государство задачи, которыя ему не свойственно выполнять. Такъ, напримѣръ, онъ требуетъ принудительнаго и всеобщаго введенія общинной формы производства въ сельскомъ хозяйствѣ, но такое требованіе противорѣчитъ федерализму въ основной его идеѣ о свободномъ осуществленіи начала асоціаціи и о соразмѣрномъ саморазвитіи всѣхъ индивидуумовъ, и можетъ только ослабить достоинство развиваемой авторомъ системы, хотя онъ и становится на сторону соціализма только для того, чтобы сильнѣе противодѣйствовать либерализму. Практическое осуществленіе сельско-хозяйственнаго соціализма, которому начало положили Тюнены въ Германіи и Гурдонъ и другіе крупные землевладѣльцы въ Англіи, безъ сомнѣнія получитъ развитіе, соразмѣрное относительной его примѣнимости, безъ внезапнаго преобразованія, государственнымъ путемъ, всѣхъ постоянныхъ и оборотныхъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ въ коллективную собственность.

Равнымъ образомъ не согласно съ экономическими началами и не свободно отъ вліянія соціализма, желаніе Марло концентрировать всю торговлю въ отдѣльную отрасль государственной администраціи и отдать веденіе ея въ руки правительственныхъ чиновниковъ. Въ своемъ стремленіи положить предѣлъ непроизводительности „разбойническимъ“ видамъ торговли, передачей почти всей торговли изъ рукъ частныхъ лицъ въ руки правительства, Марло смѣшиваетъ, такъ сказать, плевела съ добрымъ сѣменемъ и прибѣгаетъ къ совершенно лишней крайности; уничтоженіе всѣхъ видовъ свободной торговой спекуляціи лишило бы необходимую въ всемирно-экономическомъ движеніи дѣятельность част-

ныхъ капиталистовъ органа, наиболѣе дѣйствительно и благодѣтельно вліяющаго на установленіе правильной оцѣнки. Марло поддается вліянію Фурье и другихъ соціалистовъ, придававшихъ слишкомъ маловажное значеніе торговлѣ, и не имѣетъ возможности выработать ясно опредѣленную теорію цѣнности.

Къ темнымъ сторонамъ экономическаго федерализма Марло должно, по моему мнѣнію, отнести его сочувственное отношеніе къ стариннымъ идеямъ о цеховой организаціи и къ таможенной системѣ, имѣющей цѣлью торговый протекціонизмъ. Авторъ былъ похищенъ смертью, не успѣвъ окончить изданія практической части своей экономической системы, и поэтому мы не можемъ составить себѣ вполнѣ опредѣленнаго понятія — какимъ образомъ онъ основалъ бы цеховое разграниченіе между различными отраслями производства. Но изданная часть его сочиненія достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ для всѣхъ индивидуумовъ допускалъ свободу вступать въ какія бы то ни было промышленныя отрасли и оставлять ихъ по желанію. Онъ не хотѣлъ только допускать образованія фактической монополіи крупныхъ капиталовъ; и если федерализмъ самъ по себѣ въ состояніи привести къ этой цѣли, то задуманное Марло цеховое дѣленіе производства не должно быть принято, какъ существенная часть его системы. Точно также легко доказать, что протекціонизмъ не имѣетъ никакого значенія для тѣхъ цѣлей, для которыхъ Марло хочетъ удержать его въ силѣ. Не должно забывать, что авторъ „Всемірной экономіи“ былъ въ 1849 и 1850 годахъ однимъ изъ выдающихся умственныхъ вожаковъ извѣстнаго движенія нѣмецкихъ мастеровыхъ. Марло требуетъ принудительнаго введенія асоціацій въ сельскомъ хозяйствѣ, стоитъ за цеховую систему ремесленнаго производства, предлагаетъ государственную организацію торговли; все это ставитъ его на почву ложнаго соціализма. Между тѣмъ онъ, по непонятной причинѣ, не даетъ ни критическаго, ни положительнаго разбора ни кѣмъ не оспариваемыхъ соціетарныхъ хозяйственныхъ формъ въ государствѣ, общинѣ и семействѣ, и различныхъ явленій либеральной дѣятельности частныхъ лицъ и общества. Но въ нынѣшнемъ государственномъ строѣ легко усматриваются многія возможныя улучше-

нія, которыя, косвеннымъ образомъ, безъ непосредственнаго вмѣшательства государства, привели бы къ искорененію многихъ весьма пагубныхъ уродливостей капиталистической организаціи народнаго хозяйства. Марло упустилъ изъ виду ту истину, что экономическій федерализмъ можетъ развиваться только наравнѣ съ истиннымъ политическимъ федерализмомъ. Наконецъ, постоянно обращая одностороннее вниманіе на общинную форму хозяйственно-производительной дѣятельности, онъ далеко не достаточно выставляетъ значеніе свободныхъ, соціальныхъ формъ, въ которыхъ федерализму надлежало развиться во всемъ своемъ совершенствѣ.

Я съ достаточной полнотой указалъ на слабыя стороны ученія Марло, и никто не можетъ заподозрить меня въ сильномъ поклоненіи человѣку, который присвоиваетъ своей системѣ великое названіе федерализма. Основная идея федерализма является вполнѣ истинною только тогда, когда мы очищаемъ ее отъ всѣхъ наслоеній ложнаго соціализма, которыя находимъ у Марло. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я именно имѣю въ виду очистить великую идею федерализма отъ всѣхъ соціалистическихъ наслоеній.

Теперь, мнѣ надлежитъ сдѣлать болѣе подробное обозрѣніе системы Марло, которая заслуживаетъ самаго большаго вниманія. Надѣюсь, что серьезные слушатели не попеняютъ мнѣ за это.

Прежде всего должно разсмотрѣть какимъ образомъ Марло сдѣлался федералистомъ, и федералистомъ съ соціалистической закваской.

Марло самъ отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ въ предисловіи ко второму отдѣлу перваго тома своего сочиненія:

„Въ 1843 г. я объѣхалъ сѣверную Европу. Въ то время я работалъ надъ однимъ технологическимъ трудомъ и съ этой цѣлью спеціально осматривалъ фабрики и заводы; между прочимъ я посѣтилъ также извѣстную норвежскую фабрику синьки въ Модумѣ, прекрасное мѣстоположеніе которой удержало меня на нѣсколько дней. Однажды, рано утромъ, я стоялъ на пригоркѣ и любовался пейзажемъ, который

могъ поспорить съ лучшими видами альпійскихъ странъ; въ это время ко мнѣ подошелъ нѣмецкій работникъ, вѣроятно, узнавъ во мнѣ соотечественника, и просилъ меня взять отъ него кое какія порученія на родину. Ободренный моей ласковой сговорчивостью, онъ изобразилъ мнѣ въ поразительныхъ чертахъ ужасную жизнь труда и лишеній, которую велъ съ своими товарищами. Я не могъ понять, какимъ образомъ райская страна, разстилавшаяся передо мной, могла совмѣщать столько горя и нищеты. Что могло быть источникомъ этихъ страданій, спрашивалъ я себя, природа или человѣкъ? До сихъ поръ я, какъ большинство научныхъ изслѣдователей, обращалъ вниманіе въ промышленныхъ мастерскихъ на машины и печи, а не на людей, я обращалъ вниманіе только на продукты человѣческаго труда, а не на самыхъ производителей, и потому былъ совершенно чуждъ того страшнаго міра нищеты, горя и страданій, который скрывала блестящая, прикрашенная оболочка нашей цивилизаціи. Знаменательныя слова простаго работника показали мнѣ всю пустоту и ничтожность моихъ научныхъ стремленій, и во мнѣ разомъ созрѣло рѣшеніе изучить страданія моихъ собратіевъ, узнать ихъ причину и найти средства ихъ искоренить. Въ продолженіи многихъ лѣтъ я съ величайшей добросовѣстностью знакомился съ положеніемъ рабочаго сословія, и ужасъ этого положенія превзошелъ всѣ мои ожиданія. Я встрѣчалъ повсемѣстную нищету: у предпринимателей и у работниковъ, у народовъ стоящихъ на высшихъ и на низшихъ ступеняхъ промышленнаго развитія, въ центрахъ самой блестящей роскоши, въ столицахъ и торговыхъ городахъ, — и въ хижинѣ сельскихъ обитателей, въ благословенныхъ равнинахъ Бельгіи и Ломбардіи, и въ безплодныхъ гористыхъ странахъ Скандинавіи. Я нашелъ, что не природа источникъ этой нищеты, но наши соціальныя учрежденія, опирающіяся на ложныя экономическія начала; что слѣдовательно единственное средство помочь такому печальному положенію дѣлъ заключается въ улучшеніи нашихъ соціальныхъ учрежденій, я пришелъ къ убѣжденію, что при существующемъ развитіи производства невозможно искорененіе нищеты; что какъ бы ни были громадны усовершенствованія въ техникѣ, они никогда не доставятъ благосостоянія всѣмъ людямъ,

*

другими словами, что цивилизація находится въ томъ періодѣ своего развитія, когда всякій ея дальнѣйшій успѣхъ тѣсно связанъ съ успѣхомъ политической экономіи, что слѣдовательно въ наше время политическая экономія является важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ. Въ то время какъ я практически знакомился съ увлекшимъ меня вопросомъ, экономическія доктрины и стремленія соціалистовъ были мнѣ извѣстны только по имени, я умышленно уклонялся отъ всякаго теоретическаго ознакомленія съ предметомъ, чтобы не поддаться чужому вліянію. Только тогда, когда я набросалъ результаты моихъ изслѣдованій, обратился я къ изученію относящейся къ предмету литературы и убѣдился, что выработанныя мною возрѣнія, хотя часто не новыя и нуждавшіяся въ подкрѣпленіи, въ сущности совершенно расходились съ началами, получившими въ экономической наукѣ права гражданства. Это побудило меня сдѣлать сравнительную критику господствовавшихъ теорій и моихъ собственныхъ возрѣній. Убѣдившись, путемъ такого сравнительнаго изслѣдованія, въ справедливости послѣднихъ, я осмѣлился сдѣлать опытъ новой системы политической экономіи; въ 1847 году я приступилъ къ разработкѣ задуманнаго мною труда, который теперь едва только на половину оконченъ."

И такъ сочиненіе Марло, которое намъ предстоитъ теперь разбирать, есть плодъ двадцатилѣтняго умственнаго труда и долгихъ практическихъ изслѣдованій.

Въ первой части „Всемірной экономіи" (два тома, составляющіе вмѣстѣ 1211 стр.) Марло излагаетъ сущность выработанныхъ до него экономическихъ системъ и разбираетъ ихъ критически.

Я ни въ одномъ сочиненіи не нашелъ такого подробнаго, яснаго, провѣреннаго по источникамъ разбора всѣхъ экономическихъ школъ: старо либеральной, чисто и полу-либеральной; старо-комунистической, чисто и полу-комунистической. Въ моихъ предшествовавшихъ чтеніяхъ я много матеріаловъ почерпнулъ изъ сочиненія Марло.

Уже въ первой части его труда, при разборѣ различныхъ экономическихъ системъ, выступаютъ въ яркомъ свѣтѣ основныя на-

чала федерализма. Въ концѣ критико-исторической части труда помѣщенъ сводъ мыслей объ „асоціализмѣ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства“ или о „федерализмѣ,“ причемъ эти мысли подведены въ весьма поучительномъ противуположеніи съ теоріями монополистовъ и приверженцевъ свободы и равенства. Этотъ краткій обзоръ федерализма имѣетъ для насъ тѣмъ болѣе цѣнности, что авторъ не успѣлъ окончить изданіемъ практической части своего труда, гдѣ должны были заключаться положительные планы реформъ.

Я прежде всего обращусь къ помѣщенному у Марло очерку сословно-политическихъ партій, частью для того, чтобъ выяснить федеральную точку зрѣнія, на которую становится Марло; частію, чтобъ ознакомить моихъ слушателей съ фактами изъ исторіи новѣйшаго соціально-экономическаго движенія, о которыхъ мнѣ до сихъ поръ еще не приходилось говорить.

Въ концѣ перваго тома прекрасно очерчено постепенно возрастающее преобладаніе крупной буржуазіи надъ аристократіей, денежной аристократіи надъ родовой; здѣсь же помѣщена характеристика главныхъ сословныхъ партій. Я обращаю особенное вниманіе на то, что Марло дѣлаетъ рѣзкое различіе между плутократіей, сословіемъ рентіеровъ и классомъ производительныхъ предпринимателей. Рентьеръ, который довольствуется обыкновеннымъ доходомъ съ капитала и не ищетъ безчестнаго увеличенія ренты, крупный и мелкій предприниматель, дѣятельно участвующій въ производительныхъ предпріятіяхъ, должны быть совершенно отдѣлены отъ плутократіи, безчестно и непроизводительно спекулирующей капиталами. Марло постоянно указываетъ на невыгодное для соціальной реформы смѣшеніе относительныхъ положеній сословныхъ партій. Борьба не должна происходить между владѣющимъ и невладѣющимъ классами, между предпринимателями и рабочими, между родовой и денежной аристократіей; борьбу должны вести всѣ честно наживающіе свой хлѣбъ съ безчестной плутократіей и государственной эксплуатаціей.

Марло прекрасно характеризуетъ современную земельную и родовую аристократію, — ея достоинства: „мужество, чувство чести, деликатность и снисходительность, и ея недостатки: властолюбіе,

высокомѣріе, честолюбіе и пренебреженіе къ труду; далѣе, онъ горячо возстаетъ противъ непроизводительной и безчестной плутократіи, которую онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: плутократическая партія или партія денежной аристократіи твердо отстаиваетъ широко понимаемое ею старинное либеральное право, и защищается имъ съ одной стороны противъ дворянства, тщетно пытающагося овладѣть неприступной крѣпостью прочныхъ ея монополій, съ другой стороны противъ народа, также тщетно старающагося освободиться отъ чистаго либерализма (монополіи капитала). Основной чертой характера плутократіи является вполнѣ справедливое и совсѣмъ не скрываемое убѣжденіе, что сила ея заключается не въ личномъ достоинствѣ. Плутократія знаетъ одно только мѣрило цѣнности — деньги, и себя также цѣнитъ на деньги, какъ вещь. Она очень хорошо сознаетъ, что не отличается отъ пролетаріата ни благородствомъ крови, ни благородствомъ характера, и что съ утратой своихъ капиталовъ она неминуемо опустится въ ряды этого пролетаріата. Пренебрегая всѣми высшими интересами, она исключительно преслѣдуетъ матеріальныя цѣли; она не знаетъ любви къ отечеству, не знаетъ чести, ни національной, ни сословной, и цѣнитъ имущество выше славы. Она не понимаетъ и не любитъ ни наукъ, ни искуствъ и только по степени полезности опредѣляетъ ихъ цѣнность. Она не вѣритъ въ существованіе нравственныхъ принциповъ, не имѣетъ никакого понятія о гражданской добродѣтели, и постоянно навязываетъ своимъ противникамъ собственные безнравственные мотивы. Она стремится къ главенству, не изъ властолюбія конечно, но разсчитывая на большія выгоды; не стоитъ за формы, но болѣе обращаетъ вниманія на содержаніе; не требуетъ ни любви, ни уваженія, а только уплаты въ точные сроки; и въ основаніе дружбы полагаетъ вѣрные счеты. Преслѣдуя свои цѣли, она предпочитаетъ окольные пути прямой дорогѣ, косвенный опытъ непосредственному, и довѣряется только тѣмъ врагамъ, которыхъ ей не приходится бояться. Такъ какъ мирное время является самымъ необходимымъ условіемъ промышленной борьбы, она ненавидитъ войну, будь это война изъ за политическихъ цѣлей или изъ за принциповъ; она пользуется оружіемъ только въ одномъ случаѣ,

для открытія новыхъ рынковъ сбыта своихъ товаровъ. Ей совершенно чуждъ духъ единства и никогда торжествующая денежная аристократія одной страны не подаетъ руки помощи своему же сословію, угнетенному въ другой странѣ. Она признаетъ принципы только насколько они ей полезны; вотъ почему она въ самыхъ богатыхъ странахъ требуетъ свободы торговли, въ болѣе бѣдныхъ — покровительственной системы таможенъ и во всѣхъ странахъ вообще уничтоженія рабочихъ союзовъ и нищенства. За вышеприведенными исключеніями, она признаетъ свободу пріобрѣтенія правомъ, стоящимъ выше всѣхъ другихъ; признаетъ плутократическій порядокъ лучшимъ государственнымъ строемъ, но готова привѣтствовать и всякую другую государственную организацію которая обезпечитъ ей свободу пріобрѣтенія.

„Весьма характеристической чертой денежной аристократіи является ея отвращеніе ко всѣмъ проповѣдникамъ и двигателямъ соціальныхъ реформъ. Она изображаетъ ихъ полуумными, разрушительными духами, врагами цивилизаціи, болѣзненными выродышами общества, и увѣряетъ, что „для спасенія цивилизаціи можно даже пожертвовать свободой, чтобъ искоренить этихъ чудовищъ; другими словами, выражаясь языкомъ разсудка, плутократія того мнѣнія, „что всякое насиліе дозволительно, когда рѣчь идетъ о сохраненіи постояннаго варварства. Въ либеральномъ государствѣ она является консервативной партіей, въ монополистическомъ — она замышляетъ революціи, и ведетъ упорную тактику, которая въ результатѣ подчиняетъ ей правительственную власть и отнимаетъ у дворянства его политическія и соціальныя привилегіи. Въ этомъ случаѣ она виляетъ съ необыкновеннымъ искуствомъ; — увѣряетъ народъ, что она защищаетъ его права противъ насилія правительства, а правительство, что она охраняетъ его безопасность противъ притязаній народа. Добираясь, такимъ образомъ, мало по малу до главенства, она самымъ искусньмъ образомъ эксплоатируетъ въ свою пользу на половину или вполнѣ пріобрѣтенную власть. Она является подъ самыми разнообразными именами, стараясь всегда олицетворять понятіе, противорѣчащее общепринятому способу выраженія. Хотя она занимаетъ первое мѣсто въ обществѣ, однако она называетъ себя среднимъ сословіемъ, на томъ

основанія, будто бы, что ея предки всегда занимали середину между дворянствомъ и низшими классами народа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она составляетъ только самую ничтожную, привилегированную часть этого сословія. Она называетъ себя конституціонной партіей, но понимаетъ только такое конституціонное правительство, гдѣ она можетъ царить чрезъ косвеннымъ образомъ назначаемыхъ министровъ; она даже называетъ себя демократической партіей, считая себя зерномъ, избранной частью народа, которая лучшимъ образомъ можетъ отстаивать его интересы. Но особенно любитъ она называть себя умѣренной партіей, партіей порядка; она считаетъ себя умѣренной партіей потому, что признаетъ право суверенитета не за всѣми членами государства, но только за наиболѣе способной ихъ частью, другими словами только за собою; она называетъ себя партіей порядка потому, что опасается всякаго непосредственнаго революціоннаго движенія, которое можетъ подавить неявную революцію, обусловленную либеральнымъ строемъ и для нея одной выгодную. Весьма характерна, сдѣлавшаяся въ послѣднее время въ устахъ плутократіи ходячая фраза о священной неприкосновенности семейной собственности и религіи. Эту фразу она повторяетъ постоянно; но подъ словомъ собственность разумѣетъ либеральное право пріобрѣтенія, которое даетъ ей возможность косвеннымъ образомъ посягать на чужую собственность и въ то же время обезпечиваетъ отъ всякаго прямаго и косвеннаго посягательства на пользованіе собственнымъ имуществомъ. Семейство, въ понятіи плутократіи, не является нравственнымъ устоемъ для всѣхъ членовъ общества, опираясь на который они могутъ достигать высшихъ человѣческихъ цѣлей; но такой хозяйственной организаціей, въ которой члены ея могутъ наслѣдовать имущество, слѣдовательно организаціей, имѣющей значеніе только для владѣющихъ классовъ; точно также религія является въ устахъ плутократіи словомъ попошенія; она видитъ въ религіи не высшее благо всего человѣческаго рода, но простую полицейскую мѣру, которая можетъ обезпечить прочный успѣхъ ея верховности и укрощать индивидуумовъ, въ семъ свѣтѣ обреченныхъ на него работать, а въ будущемъ получать за это награду. Такова характеристика денежной аристократіи. Ея недостатки: **алчность**,

себялюбіе, безсердечность, лукавство, безстыдство, эгоизмъ, коварство; ея хорошія стороны: трудолюбіе, любовь къ порядку и хозяйственность."

Демократія составляетъ противуположность съ чисто либеральной аристократіей. Марло различаетъ три оттѣнка демократической партіи: либерально политическую фракцію съ производительнымъ сословіемъ мелкой и средней буржуазіи; соціально уравнительную съ сословіемъ наемныхъ рабочихъ и наконецъ федералистическую. Задача послѣдней фракціи — соединять въ одной соціальной реформѣ рабочихъ и классъ производительныхъ собственниковъ. Будущность демократіи обусловливается, по мнѣнію Марло, ея освобожденіемъ, съ одной стороны, отъ сильнаго вмѣшательства денежной аристократіи, съ другой стороны отъ пролетаріевъ и безпокойныхъ поборниковъ равенства. Предводители демократической партіи отличаются многими достоинствами: самопожертвованіемъ, любовью къ ближнимъ, прямодушіемъ, сознаніемъ чести, выдержкой и мужествомъ; ихъ недостатки: слишкомъ высокое самомнѣніе, честолюбіе, страстность, неумѣренность, неуживчивость и отчаянная смѣлость.

Въ настоящее время демократія находится въ состояніи прострацiи, и долгое время будетъ еще находиться въ этомъ состояніи; фактъ этотъ обыкновенно объясняютъ неспособностью вождей и слабой, неохотной поддержкой, которую имъ оказываетъ народъ; Марло не соглашается съ такимъ объясненіемъ. „Если либерализмъ, говоритъ онъ, неспособный удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ народа, имѣетъ еще до настоящаго времени многочисленныхъ приверженцевъ, если сами поборники соціальной реформы не могутъ выработать себѣ никакой однообразной программы, мы должны объяснить это тѣмъ, что демократическая партія разщеплена, такъ сказать, на множество фракцій, по самой природѣ своей неспособныхъ къ соединенію, и тѣмъ, что вожди этой партіи до сихъ поръ не могли себѣ избрать общимъ девизомъ единой правовой идеи."

Сдѣлавъ характеристику сословныхъ партій, Марло переходитъ къ историческому очерку борьбы, которую эти партіи въ послѣд-

нее время вели между собою въ великихъ цивилизованныхъ государствахъ Европы.

Само собою понятно, что историческая критика федерализма останавливается прежде всего на Франціи. Марло не удается сказать почти ничего новаго о первой революціи и о реставраціи. Но тѣмъ интереснѣе излагаемая имъ съ соціально-экономической точки зрѣнія критика первой имперіи до времени ея паденія подъ ударами „коалиціи, олицетворявшей въ себѣ старо-монополистическіе интересы всей Европы.“ Въ исторіи іюльскаго правительства, Марло обращаетъ вниманіе на политическій тріумфъ чисто либеральной плутократіи, которая придала обновленное значеніе ученію С. Симонистовъ, утопическимъ теоріямъ Фурье (въ лицѣ Консидерана), комунистическимъ реформамъ Бабефа (въ лицѣ Буанаротти) и наконецъ ученіямъ Кабе и Л. Блана. Послѣдователи Бабефа, соединенные въ новый комунистическій союзъ, подъ предводительствомъ Бланки, Барбеса и Бернара, произвели возстаніе 1839 года, а девять лѣтъ позже февральская революція ниспровергла правительство Луи-Филиппа. Марло говоритъ объ этомъ паденіи съ озлобленіемъ: „Когда голова Лудовика шестнадцатаго скатилась къ подножію эшафота, всѣ народы Европы содрогнулись и милліоны людей пролили слезы печали и сожалѣнія. Всѣ сознавали, что въ поразившемъ міръ событіи было знаменательно не одно паденіе коронованнаго смертнаго; въ немъ было знаменательно паденіе тысячелѣтней правовой идеи; это былъ кровавый расчетъ современнаго правосознанія съ абсолютнымъ монополизмомъ. Когда Бонапартъ утратилъ похищенную имъ корону, поклонники его величія облеклись въ трауръ; когда Карлъ Десятый сошелъ съ престола своего отца, мы пожалѣли о его судьбѣ, какъ бы мы пожалѣли о судьбѣ честно разорившагося человѣка; но когда Л. Филиппъ бѣжалъ съ трона, на который онъ вскарабкался интригой и происками, міръ съ радостью привѣтствовалъ банкротство черезъ-чуръ счастливаго мошенника.“

Временное правительство 1848 года, какъ извѣстно, распадалось на двѣ фракціи, на фракцію соціалистической демократіи (Луи Бланъ, Альберъ) и на фракцію политической демократіи (Ламартинъ, Маррастъ, Гарнье-Пажесъ, Араго, Дюронъ, Мари

и Кремье; а также Ледрю Роллепъ и Флоконъ, занимавшіе по своимъ воззрѣніямъ середину между обѣими партіями). Марло признаетъ за обѣими фракціями достоинство характеровъ, и настаиваетъ на томъ, что обѣ фракціи не могли придти къ соглашенію, по отсутствію одной высшей связующей ихъ идеи права.

Нельзя было сомнѣваться во вторичномъ торжествѣ плутократіи; денежная аристократія сдѣлалась могущественна еще въ конституантѣ, и либеральной демократіи, противъ желанія, пришлось работать въ ея пользу. Торжество это завершилось въ іюнѣ 1848 года, когда учредительное собраніе закрыло національныя мастерскія, столь любезныя не соціалистической фракціи временнаго правительства, и когда вслѣдствіе этой мѣры вспыхнуло возстаніе пролетаріата; въ истинныхъ интересахъ всѣхъ сторонниковъ порядка, возстаніе это было счастливо подавлено Кавеньякомъ, но оно обезпечило въ ближайшемъ будущемъ могущество денежной аристократіи. Вторая имперія не разрѣшала великаго вопроса, хотя глава ея въ юные годы и выдавалъ себя за соціалиста. Подобно древней тираніи, выросшей также изъ борьбы сословныхъ партій, правительство второй имперіи стало эксплоатировать и владѣющій, и неимущій классъ, чтобы тѣмъ легче господствовать надъ обоими. Съ одной стороны цезаризмъ явнымъ образомъ льстилъ соціальной демократіи, съ другой стороны всячески потворствовалъ испорченности плутократіи. Въ настоящее время съ него спала соціалистическая шкурка; новѣйшая эра Оливье едва ли бы вселила автору большое довѣріе, принимая во вниманіе, что ее замѣнилъ Тьеръ.

Много интереснаго также представляетъ новѣйшая исторія Англіи, критически разсматриваемая съ соціально-федералистической точки зрѣнія. Марло видитъ въ англійской революціи 17 столѣтія борьбу болѣе или менѣе высокихъ монополій съ высшей, и въ тогдашней англійской конституціи—разрушеніе средневѣковаго порядка, въ которое была увлечена денежная аристократія. Въ Англіи любятъ все новое устраивать на старый ладъ: виговъ нельзя назвать чистыми плутократами;—это плутократы, покрытые староаристократическимъ лакомъ. Марло съ одинаковымъ безпристрастіемъ указываетъ на хорошія стороны англійскаго народа и

англійскаго государства, и не скрываетъ темныхъ сторонъ въ характерѣ обоихъ. Марло предсказываетъ съ пророческимъ предвѣдѣніемъ осуществившееся нынѣ политическое торжество радикаловъ; онъ какъ будто предугадалъ, что въ 1870 году во главѣ министерства будетъ стоять Брайтъ, и что вопросъ о всеобщемъ народномъ обученіи и объ ирландской аграрной организаціи получитъ толчокъ впередъ съ почину самого министерства. Справедливо говоритъ поговорка: нужда научитъ просить; ирландскій аграрный пролетаріатъ облекся въ самое опасное вооруженіе, пріобрѣтая въ феніанскомъ движеніи національный характеръ.

Марло съ радостью привѣтствовалъ бы успѣшныя практическія попытки производительныхъ асоціацій въ Рочдалѣ и сельскихъ асоціацій наемныхъ рабочихъ въ англійскомъ крупномъ землевладѣніи.

Агитація Гунта въ пользу „радикальной реформы“ открыла въ 1816 году демократическое движеніе въ Англіи. Вскорѣ послѣ 1820 года образовались союзы рабочихъ (trade unions), которые имѣли цѣлью съ одной стороны установленіе справедливой заработной платы, съ другой стороны распространеніе экономическихъ началъ ученія Р. Овена. Только въ 1830 году сплотились эти союзы въ одну развѣтвленную по всей странѣ организацію. Въ 1838 году вспыхиваетъ подготовленное этой организаціей движеніе чартистовъ, вожди котораго требовали чисто демократической конституціи (people's charter), но въ вопросѣ о государственной организаціи не отдѣляли своего политическаго радикализма отъ соціально-демократическихъ требованій экономическихъ реформъ. Возстаніе чартистовъ было вскорѣ подавлено и снова вспыхнуло въ 1841 году: масса петицій и громадныя уличныя скопища достаточно указываютъ, какъ высоко били волны этого возстанія. Только въ 1843 году произошло отдѣленіе либерально-политической фракціи отъ соціально-демократической.

Марло находитъ, что соціальная демократія въ Англіи неясно высказываетъ свои стремленія и дѣйствуетъ безъ всякой программы; событія послѣдующихъ двухъ столѣтій отнюдь не подтверждаютъ этого мнѣнія. Въ Англіи организація рабочаго сословія достигла такой прочности и такого широкаго развитія, какого

она не достигала ни въ одномъ другомъ европейскомъ государствѣ [1]). „Союзы рабочихъ" связываютъ сотни тысячъ рабочихъ; капиталъ разсчитывается съ ними въ постоянной борьбѣ за заработную плату, законодательство старается установить справедливое къ нимъ отношеніе покровительствомъ фабричнаго труда и системой страхованія; изъ этихъ союзовъ исходятъ и распространяются, помимо всѣхъ громкихъ фразъ о необходимости соціальнаго обновленія, конкретныя требованія реформъ; въ настоящее время партія политической демократіи отчасти добилась надлежащаго значенія, и всѣ ея усилія направлены къ измѣненію старинной организаціи, отдающей всю силу въ руки поземельной и денежной аристократіи: хартія (people's charter) 1838 года формулируетъ слѣдующіе шесть пунктовъ: всеобщее право подачи голосовъ—годовыя сессіи парламента—сеймы—тайное голосованіе—равенство избирательныхъ округовъ и отмѣна избирательнаго ценза; всѣ эти шесть пунктовъ остаются еще вопросами дня. Въ настоящее время, вопросъ о всеобщемъ народномъ обученіи получилъ вполнѣ право гражданства и можно ожидать, что въ ближайшемъ будущемъ будетъ въ основѣ подкошена вредная система латифундій въ Ирландіи.

Должно замѣтить во всякомъ случаѣ незаслуживающій одобренія фактъ существованія въ Англіи постоянно возрастающей сословной ненависти противъ буржуазіи, доходящей до того, что преступленія, совершаемыя надъ представителями буржуазіи, перестаютъ считаться преступленіями. Мишель Шевалье разсказываетъ въ Journal des Economistes (февр. 1869), что одинъ изъ вождей рабочихъ, по имени Broadhead, допрошенный одной изъ послѣднихъ парламентскихъ ревизіонныхъ комиссій по вопросу о снятіи отвѣтственности за преступленія 1867 года, признался, что онъ подкупилъ для своихъ цѣлей около 500 тайныхъ убійцъ и затѣмъ отъ имени trade unions помѣщалъ въ журналахъ исполненные нравственнаго негодованія протесты противъ совершаемыхъ ими преступленій и посягательствъ. Не смотря на это признаніе,

---

[1]) См. въ числѣ многихъ новѣйшихъ сочиненій статью Мангольда. Mangold. Tüb. Ztschr.

одинъ рабочій союзъ немедленно назначилъ того же Бродгеда на довѣренный постъ. Показанія англійскихъ фабрикантовъ, данныя во время большой французской enquête по вопросу о торговыхъ договорахъ, также указали на совершенный разладъ отношеній между наемнымъ трудомъ и частнымъ капиталомъ. Сословіе наемныхъ рабочихъ дисциплинировано и имѣетъ правильную организацію. Фишель [1]) дѣлаетъ весьма интересное замѣчаніе: „Большинство англійскихъ рабочихъ имѣетъ гораздо болѣе довѣрія къ торіямъ, которыхъ сила заключается въ мелкой аристократіи, gentry, чѣмъ къ вигамъ и къ буржуазіи радикаловъ. Точно также, рабочіе классы гораздо сильнѣе привержены къ монархизму, чѣмъ среднiе." Не даромъ и принцъ Валлійскій забываетъ иногда своихъ аристократическихъ любовницъ и снисходитъ до чувственныхъ удовольствій въ соціально-демократической сферѣ.

Очеркъ соціальнаго строя сѣверо-американскихъ штатовъ я нахожу въ цѣломъ справедливымъ и вѣрнымъ, хотя въ немъ есть многое, сильно идущее въ разрѣзъ съ общепринятыми воззрѣніями. Марло весьма обстоятельно указываетъ на блестящее и быстрое развитіе великой республики, которая опирается на безусловно либеральное право. Но онъ не признаетъ, чтобы процвѣтаніе свободныхъ штатовъ Америки доказывало пригодность чисто либеральнаго строя для Европы. Въ Америкѣ существуютъ два исключительно благопріятныхъ условія: избытокъ непочатой, дѣвственной почвы и доставляемое Европой высшее техническое развитіе національнаго трудоваго имущества. Долго еще не дойдутъ Соединенные Штаты до состоянія хозяйственнаго пресыщенія, когда трудъ постоянно возрастающаго населенія начинаетъ извлекать изъ почвы постоянно убывающій доходъ. Поэтому, въ Америкѣ всѣ могутъ достигать благосостоянія при существованіи неограниченной индивидуальной свободы, въ ней одной совмѣстимъ либерализмъ въ законодательствѣ съ истинной демократіей. Совсѣмъ иное положеніе дѣлъ въ Европѣ, гдѣ существуетъ двоякое отношеніе къ вышеуказанному состоянію пресыщенія, когда почва по-

---

[1]) Verfassung Englands, 2 Aufl. V. S V. 512.

лучаетъ высшее оплодотвореніе со стороны народонаселенія. Это состояніе пресыщенія частью давно уже наступило, частью не можетъ осуществиться, вслѣдствіе противоестественнаго распредѣленія поземельной собственности, которая поставляетъ массу народонаселенія въ зависимость отъ владѣющаго класса и заставляетъ рабочихъ часто довольствоваться заработной платой, едва достаточной для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Европѣ не приходится пожинать плоды американскаго либерализма; наоборотъ, Америка, съ возрастаніемъ народонаселенія, окажется чрезъ нѣсколько поколѣній въ тѣхъ же условіяхъ, которыя теперь гнетутъ Европу; и теперь уже въ восточныхъ штатахъ союза гнѣздится пролетаріатъ и денежная аристократія, которая алчностью, высокомѣріемъ и испорченностью ничѣмъ не уступаетъ худшимъ слоямъ европейской плутократіи; принимая во вниманіе существующую нынѣ прогрессію возрастанія народонаселенія въ сѣверо-американскихъ штатахъ, можно ожидать, что черезъ какихъ нибудь сто лѣтъ 20 милліоновъ населенія возрастутъ до 1000 милліоновъ.

Я сказалъ, что „въ цѣломъ" критика американскаго соціальнаго строя вѣрна. Политическая демократія Европы впадаетъ въ капитальную, съ національно-экономической точки зрѣнія, ошибку. Она не понимаетъ, что **существованіе либеральной демократіи совершенно невозможно**, разъ что народно-хозяйственное движеніе, въ своемъ развитіи, перешло за предѣлы указаннаго мною выше состоянія національно-экономическаго пресыщенія. Съ развитіемъ пролетаріата плата за трудъ вообще опредѣляется соразмѣрно умаляющейся производительности трудовыхъ силъ, которыя имѣютъ послѣднее приложеніе; когда же заработная плата непревышаетъ необходимаго для существованія минимума, масса рабочаго сословія лишается, въ силу экономическихъ условій, права на суверенитетъ; и экономическое могущество переходитъ, въ возрастающей мѣрѣ, къ рентьерамъ — землевладѣльцамъ и къ денежной аристократіи, и реакція массъ будетъ въ состояніи ихъ осилить развѣ только подъ эгидой цезаристической опеки. Въ густо населенныхъ государствахъ, съ давно развитой культурой, политическая демократія будетъ постоянно встрѣчать

разочарованія, пока она не выработаетъ себѣ одновременно яснаго и положительнаго взгляда на экономическіе вопросы.

Переходя къ Германіи, Марло также указываетъ на постепенное развитіе либеральныхъ идей, на отдѣленіе родовой аристократіи отъ денежной, на переходъ первой въ послѣднюю, наконецъ на отпаденіе соціалистической и демократической фракцій отъ либеральной партіи. Онъ объясняетъ, почему въ Германіи денежная аристократія не могла совершенно осилить земельной аристократіи; онъ утверждаетъ, что въ нѣмецкой денежной аристократіи не были (?) такъ сильно развиты отвратительныя черты плутократіи — въ 1870 году авторъ былъ бы вѣроятно совсѣмъ другаго мнѣнія — и наконецъ указываетъ на неясность и неопредѣленность нашихъ стремленій къ соціальной реформѣ. Програма соціальной демократіи, по мнѣнію Марло, недостаточно продумана, и отталкиваетъ отъ себя здоровое и производительное среднее сословіе, вмѣсто того, чтобы вести его противъ непроизводительной денежной аристократіи. Пока соціально-демократическая партія не выработаетъ себѣ ясной и умѣренной програмы, она не можетъ ожидать успѣшнаго осуществленія своихъ стремленій. Съ полнымъ довѣріемъ ожидаетъ Марло торжества своихъ идей. „Федерализмъ долженъ смѣнить своимъ блестящимъ розовымъ свѣтомъ брезжущій свѣтъ, распространяемый нынѣ соціализмомъ, и это также непреложно какъ восходъ солнца, смѣняющій утреннюю зарю."

Странно удивляетъ насъ настойчивое желаніе автора отвести подчиненное мѣсто политическому федерализму; Марло называетъ себя федералистомъ исключительно потому, что „онъ разсматриваетъ гражданское общество, какъ конфедерацію многихъ самыхъ разнообразныхъ асоціацій." Но неужели онъ полагаетъ возможнымъ „соціальный" федерализмъ при отсутствіи политическаго федерализма? Въ этомъ случаѣ онъ самъ себѣ противорѣчитъ сказаннымъ о „политическомъ" строѣ. Попытка—изслѣдовать соціальную реформу вполнѣ независимо отъ политическихъ условій— составляетъ самую слабую часть сочиненія Марло. Единственная политическая исповѣдь, которую Марло приводитъ въ первомъ томѣ своего труда, безъ всякихъ мотивовъ, касается въ высшей степени диковиннаго „политическаго строя" съ избирательнымъ

королемъ и почетнымъ легіономъ; вообще замѣтить должно, что государственно-политическія идеи автора могутъ быть предметомъ многостороннихъ нападеній.

Въ сочиненіи Марло, догматическая часть замѣчательна не менѣе критико-исторической. Къ сожалѣнію, второй отдѣлъ второй части, заключающей въ себѣ практическій сводъ національно-экономическихъ реформъ, остался неоконченнымъ. Но уже изъ критическихъ воззрѣній, помѣщенныхъ въ первой части, можно пополнить всѣ существенныя начала практическаго отдѣла.

Я, прежде всего, остановлюсь на оригинальныхъ мысляхъ теоретическаго (элементарнаго) отдѣла національно-экономическаго ученія.

Мы называемъ трудомъ такую дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью пріобрѣтеніе экономическихъ цѣнностей.

Задача хозяйства заключается въ осуществленіи возможно высокой плодотворности труда; опредѣляя понятіе экономіи, Марло, незнаю почему, оставляетъ вовсе безъ вниманія экономію потребленія.

Трудъ будетъ плодотворенъ, когда онъ доставляетъ больше хозяйственныхъ цѣнностей, чѣмъ сколько ихъ нужно для существованія; напротивъ, мы назовемъ неплодотворнымъ всякій трудъ, доставляющій только необходимыя средства существованія. Согласно этому, Марло съ самого начала настаиваетъ на необходимости установлять равновѣсіе между народонаселеніемъ и природнымъ фондомъ производства, такъ какъ только такое равновѣсіе можетъ сдѣлать трудъ плодотворнымъ; неменѣе необходимо, по мнѣнію автора, такое имущественное распредѣленіе средствъ производства, которое бы служило возможно болѣе плодотворнымъ и производительнымъ подспоріемъ національной трудовой силѣ. Далѣе, совершенно послѣдовательно устанавляется понятіе, что добро не есть продуктъ одной природы или одного труда, но есть продуктъ труда и природы вмѣстѣ; авторъ справедливо признаетъ правильное установленіе статическаго равновѣсія между обоими экономическими элементами за главную задачу народнаго хозяйства.

На ряду съ трудомъ плодотворнымъ поставляетъ Марло трудъ производительный; т. е. такой трудъ, который служитъ источникомъ средствъ наслажденія. Не всякая пріобрѣтательная дѣятельность можетъ быть названа производительнымъ трудомъ; такъ какъ трудъ пріобрѣтенія можетъ быть иногда обращенъ на плоды чужаго труда.

Марло прежде всего останавливается на прибыльномъ трудѣ (lucrative Arbeit), къ которому онъ относитъ игру на биржѣ, чисто спекулятивную торговлю и т. д. Въ этой части его труда мы встрѣчаемъ много истинъ, которыя обыкновенно совершенно игнорируются національно-экономическимъ либерализмомъ, и которыя тѣмъ не менѣе имѣютъ важное значеніе, такъ какъ выставляютъ въ надлежащемъ свѣтѣ гигантскій грабежъ, совершаемый безчестной частью нашихъ современныхъ капиталистовъ. Но авторъ не останавливается съ надлежащей полнотой на вопросѣ о производительной торговлѣ, которая составляетъ и всегда должна составлять истинную двигательную силу честнаго капитализма; соціальная реформа не можетъ успѣшно осуществиться, если федералистъ будетъ твердо стоять за проповѣдуемое соціалистами начало, что между торговлей и грабежомъ нѣтъ никакого различія, — мы должны напротивъ всячески стараться охранять честные торговые капиталы отъ безчестнаго и непроизводительнаго капитализма и добиться правъ гражданства для партіи честныхъ людей.

Трудъ становится непроизводителенъ, когда онъ не только не производитъ новыхъ экономическихъ цѣнностей, но еще разрушаетъ прежде произведенныя; кромѣ прибыльнаго труда существуютъ слѣдовательно трудъ разрушительный, основанный на элементѣ непроизводительности; съ точки зрѣнія доходности дѣйствуетъ разрушительно лихоимство, которое запутываетъ имущественное распредѣленіе и эксплоатируетъ нужду. Старинныя средства противъ лихоимства были крайне недѣйствительны; такъ же мало состоятельны дѣйствующія въ настоящее время законы противъ лихоимства; и горько ошибаются люди, утверждающіе, что въ настоящее время нѣтъ больше лихоимства. Марло не увлекается сдѣлавшейся въ послѣднее время ходячей ложью о томъ,

что не существуетъ болѣе лихоимства; но онъ заходитъ слишкомъ далеко въ изысканіи средствъ ему противодѣйствовать. Марло различаетъ три рода имущественной ссуды: кредитъ, систему найма и заемную ссуду.

Заемную ссуду, какъ непосредственную ссуду капиталовъ и экономическихъ цѣнностей, онъ совершенно отвергаетъ. Единственная выгодная ея сторона—поддержка мелкихъ предпринимателей („кредитъ въ товарѣ"), по мнѣнію Марло, совершенно не соотвѣтствуетъ вреду, который она приноситъ. Заемная ссуда побуждаетъ къ расточительности,—сосредоточиваетъ, въ ущербъ мелкихъ предпринимателей, силу въ рукахъ крупныхъ, богатыхъ предпринимателей, которые въ состояніи давать въ займы; подстрекаетъ къ лихоимному запутыванью бѣдныхъ людей,—къ неправильному повышенію цѣнъ на товары въ ущербъ платящей наличными деньгами публики,—къ спекулятивнымъ предпріятіямъ и къ игрѣ чужимъ имуществомъ. Марло хочетъ совершенно искоренить систему займовъ ограниченіемъ искового права кратчайшими сроками платежей.

Планъ Марло—регулировать обращеніе денежныхъ ссудъ кредита полицейскими мѣропріятіями—я нахожу не состоятельнымъ. Марло не отрицаетъ благодѣтельныхъ сторонъ кредита, который побуждаетъ къ бережливости, непрерывно питаетъ уже сложившіеся капиталы, уравниваетъ между предпринимателями силу капиталовъ, дѣлаетъ невозможной принудительную продажу предметовъ производства и потребленія. Но онъ признаетъ перевѣсъ за вредными сторонами кредита, который увлекаетъ къ непроизводительной расточительности, дѣлаетъ возможными нехозяйственныя спекуляціи съ чужимъ имуществомъ, благопріятствуетъ ненормальному росту уже существующихъ крупныхъ капиталовъ, несоразмѣрно эксплоатирующихъ реальный и личный кредитъ, наконецъ потворствуетъ игрѣ на биржѣ и лихоимству. Марло предлагаетъ установить подвижной максимумъ указныхъ процентовъ, который бы могъ повышаться или понижаться, регулируемый приливомъ и недостаткомъ денегъ на рынкѣ. Марло останавливается на теоретическомъ различіи кредита производительнаго и потребительнаго, кредита въ движимомъ имуществѣ и въ недвижимомъ; далѣе онъ указы-

*

ваетъ на важное значеніе децентрализаціи банковыхъ операцій, которая можетъ служить подспоріемъ свободному противодѣйствію пагубной системы кредита, со стороны асоціаціонныхъ предпріятій; наконецъ онъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что всегда главнымъ источникомъ безчестныхъ спекуляцій на кредитныхъ биржахъ является ложная система государственнаго хозяйства. Марло упускаетъ изъ виду принудительное погашеніе, которое, мнѣ кажется, гораздо важнѣе ограниченія процентныхъ нормъ. Я нахожу подвижную процентную таксу невыполнимой, и къ тому же излишней, такъ какъ существуютъ гораздо болѣе дѣйствительные способы противодѣйствовать непроизводительной и безчестной спекуляціи денежными ссудами.

Марло обстоятельно излагаетъ всѣ „невыгоды" системы аренды и найма: она прокармливаетъ лѣнивую аристократію поземельныхъ рентьеровъ, освобождаетъ собственниковъ отъ падлежащихъ хозяйственныхъ вкладовъ въ ихъ земельные участки, препятствуетъ улучшенію почвы и способствуетъ бездоходному расточенію основныхъ капиталовъ (охота, луга, парки и т. д.). Опираясь на всѣ эти невыгодныя въ хозяйственномъ отношеніи стороны, Марло требуетъ отчужденія всѣхъ имѣній отъ землевладѣльцевъ, которые не занимаются хозяйствомъ, въ пользу тѣхъ, которые сами обрабатываютъ свои земли и хозяйничаютъ на нихъ. Но авторъ заходитъ въ своемъ требованіи слишкомъ далеко и строитъ его на слишкомъ шаткихъ основаніяхъ. На практикѣ такое мѣропріятіе легко бы обходилось, такъ какъ землевладѣльцы могли бы прибѣгать къ кажущейся хозяйственной дѣятельности. Можно инымъ средствомъ положить предѣлъ системѣ латифундій, гдѣ она ведетъ къ расточенію основныхъ капиталовъ.

Здѣсь неумѣстно касаться вопроса, насколько справедливъ доходъ, являющійся въ формѣ поземельной ренты, и доходъ съ домовъ; я замѣчу только, что Марло слишкомъ поверхностно касается вопроса о признаніи такого дохода. Такъ, напр., онъ совсѣмъ не допускаетъ его въ хозяйственной дѣятельности асоціацій; что, конечно, совсѣмъ не понравится соціалистамъ.

Послѣ анализа труда, Марло переходитъ къ ближайшему разсмотрѣнію языческаго и христіанскаго принциповъ въ

экономіи. По языческому принципу, въ этой жизни немногіе индивидуумы наслаждаются на счетъ массы людей; христіанскій принципъ требуетъ, чтобы порождаемыя природою условія благосостоянія регулировались нравственнымъ началомъ въ интересахъ возможнаго и возможно соразмѣрнаго распредѣленія благъ земныхъ между всѣми индивидуами. Въ обсужденіи этого вопроса, Марло тщательно избѣгаетъ всѣ пустыя фантазіи соціалистовъ и комунистовъ. Онъ знаетъ насколько ограничена природная трапеза и насколько, по этому, трудно доставить всѣмъ людямъ участіе въ этой трапезѣ. Правильное и ясное сознаніе естественныхъ законовъ экономіи дѣлаютъ для Марло очевидно несостоятельными какъ мечтательные планы объ эпикурейской жизни всѣхъ индивидуумовъ, такъ и фаталистическое ученіе о томъ, что только самое ограниченное меньшинство призвано къ наслажденію. Марло съ величайшимъ безпристрастіемъ нападаетъ на языческое ученіе соціалистовъ и комунистовъ, которое оскорбляетъ истинное христіанство, а также противъ средневѣковой и современной эксплоатаціи массъ, которая находила постоянное оправданіе со стороны духовенства.

Марло различаетъ нѣсколько видовъ языческой эксплоатаціи людей: во первыхъ систему грабежа (рабство, крѣпостничество, кулачное право, война), затѣмъ систему чрезмѣрныхъ доходовъ, которая особенно сильно развита въ настоящее время, при существованіи прибыльно непроизводительныхъ средствъ пріобрѣтенія. Экономисты, приверженцы языческаго принципа хозяйства, въ своемъ ученіи постоянно и совершенно ошибочно смѣшиваютъ понятія производства и пріобрѣтенія и оправдываютъ послѣднее во всѣхъ случаяхъ, будь оно честно или безчестно, производительно или непроизводительно. Въ хозяйствѣ должна быть установлена неограниченная свобода производительнаго пріобрѣтенія, но отнюдь не свобода пріобрѣтенія непроизводительнаго. Экономическій либерализмъ отрицаетъ существованіе непроизводительнаго пріобрѣтенія вопреки всѣмъ существующимъ фактамъ.

Марло произноситъ справедливо суровый приговоръ противъ войны. Онъ съ прискорбіемъ сознается, что до сихъ поръ имѣютъ

значеніе слова Вольтера, который сказалъ, „что любовь къ отечеству состоитъ въ томъ, чтобъ желать какъ можно болѣе зла другимъ народамъ.“ Марло не дожилъ до того, чтобъ увидѣть, какъ въ настоящее время такимъ чувствомъ патріотизма спекулируетъ абсолютизмъ немногихъ соприкасающихся династій, которыя въ нашемъ столѣтіи твердо держатся за высшій монополизмъ, за автократію. Марло не достаточно сильно напираетъ на то, что всѣ стремленія установить миръ между народами останутся тщетными, пока не удастся призвать къ одной общей дѣятельности противниковъ монополизма во всѣхъ государствахъ, къ противодѣйствію грабежу во всѣхъ его видахъ, особенно же въ самомъ разорительномъ видѣ, въ видѣ войны. Въ настоящее время начало это коренится въ недостаточно подготовленной почвѣ, и не получитъ надлежащей силы, если мы будемъ придавать чрезмѣрное значеніе соціальному федерализму и вовсе отрицать федерализмъ политическій [1]).

Марло прекрасно критикуетъ теорію Листа о покровительственной системѣ таможенъ. Теорія эта, говоритъ Марло, построена на томъ положеніи, что существуетъ косвенная война народовъ, и

---

[1]) Австрія, по самой природѣ своей, призвана быть интернаціональной, монархической системой соединенныхъ государствъ. Прочность ея существованія, по моему мнѣнію, безусловно требуетъ, чтобъ она совершенно отказалась отъ солидарности монархическаго принципа съ потенціально автократическими династіями и возвысилась бы до мирной гуманной цивилизаціи, освободившись отъ узкаго, языческаго сознанія національностей, т. е. признавъ одновременно національныя права всѣхъ подвластныхъ ей народовъ. Австрійская монархія, можетъ быть, единственная въ свѣтѣ, которая можетъ укрѣпить свою монархическую силу внутри и распространить свою власть и значеніе извнѣ, при существованіи свободы и истиннаго федерализма; потому что разнородные элементы нуждаются въ индивидуальныхъ узахъ для своего соединенія, которое для нихъ имѣетъ гуманную цѣнность. Австрія, по природѣ, оборонительное государство, и поэтому она должна прежде всего осуществить переходъ къ экономической системѣ милиціи; чрезъ это она бы выиграла въ монархической силѣ, возвысила бы для всѣхъ своихъ членовъ цивилизующую силу государства, пожала бы славу и выгоду инниціативы къ европейскому обезоруженію, и поправила бы свои финансы. Конечно, этихъ результатовъ не достигнутъ слабыя, повторенныя попытки къ уравненію, которыя могутъ привести къ сепаратизму, но не къ истинному федерализму.

противорѣчитъ характеру истиннаго либерализма, такъ какъ она, даже въ области хозяйства, требуетъ для страны покровительства государства и ограниченія международной свободы конкуренціи. Въ этомъ смыслѣ въ теоріи, думаетъ Марло, есть доля правды, но только доля, потому что она признаетъ неограниченную свободу пріобрѣтенія внутри страны, и слѣдовательно допускаетъ косвенную (экономическую) войну гражданъ между собою. Листъ долженъ былъ идти гораздо далѣе. Критика Марло, сама по себѣ прекрасная, остается неясной, потому что онъ самъ стоитъ за измѣненную покровительственную систему и не предвидитъ того, что многіе изъ его же плановъ не только не ограничатъ косвенной войны гражданъ въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ областяхъ внутри государства, но еще болѣе ее раздуютъ.

Весьма важны для теоріи національной экономіи изслѣдованія Марло о естественныхъ и экономическихъ цѣнностяхъ, о цѣнностяхъ реальныхъ и идеальныхъ, о реальномъ производствѣ (промышленность) и объ идеальномъ производствѣ (культура), а также разсмотрѣніе вопроса, на сколько экономія можетъ имѣть главенство надъ ограниченнымъ и неограниченнымъ благомъ. Я очень сожалѣю, что не былъ знакомъ съ прекрасными замѣчаніями Марло объ идеальномъ производствѣ, когда я издавалъ свое сочиненіе о правѣ авторскомъ. Глава „Объ отношеніи экономіи къ наукамъ вообще“ (II, 128—197) отличается также громадными научными достоинствами, хотя многое можетъ быть сказано противъ отдѣльныхъ высказанныхъ въ ней взглядовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи политической экономіи, Марло самъ называетъ свою систему —„системой природы и труда“, въ отличіе отъ „естественной“ системы Кене и Смитовской системы „труда“.

Послѣ общаго вступительнаго обзора, Марло приступаетъ къ отдѣльнымъ теоретическимъ началамъ „элементарной“ части своей экономической системы.

Ученіе о цѣнности несостоятельно, лишаетъ автора возможности сдѣлать объективную оцѣнку капиталистической системы общественной организаціи, и не заключаетъ въ себѣ новыхъ или интересныхъ мыслей, кромѣ развѣ мысли о томъ, что „необходи-

мыя потребности простаго рабочаго должна служить всеобщимъ мѣриломъ цѣнности". Но за то во многихъ отношеніяхъ ново и оригинально ученіе о хозяйственныхъ цѣнностяхъ и о производительныхъ силахъ. Авторъ весьма оригинально указываетъ на моменты національно-экономическаго значенія имущества, которое можетъ обращаться или легко, или трудно, можетъ служить одному лицу, или нѣсколькимъ, или всѣмъ,—можетъ быть легко или трудно потребляемо, или быть вовсе негодно къ употребленію, — можетъ быть легко или трудно отчуждаемо, или не можетъ быть вовсе отчуждаемо и т. д. Но авторъ опускаетъ ближайшую оцѣнку этихъ различій для различныхъ видовъ имущества по отношенію къ экономической квалификаціи имуществъ на частныя, общинныя и государственныя.

Марло весьма тщательно анализируетъ производительныя силы и различныя отрасли производства. Онъ раздѣляетъ производительныя силы на первобытныя (безличная и личная природная сила) и усовершенствованныя (развитая природная сила и трудовая сила, пріобрѣтенная достаточнымъ продовольствіемъ).

Природная сила, усовершенствованная для производства, называется капиталомъ, который частью является основнымъ, постояннымъ(культурная почва), частью оборотнымъ. Основный капиталъ не можетъ быть потребленъ, но также не можетъ быть ни „умноженъ", ни „переложенъ"; капиталъ оборотный (орудія и пр.) можетъ быть потребленъ, можетъ быть произвольно умноженъ по отношенію къ ограниченному основному капиталу, и наконецъ въ большей части случаевъ можетъ быть переложенъ. Такимъ образомъ, Марло не отрицаетъ въ почвѣ характера капитала и уже въ элементарномъ анализѣ ясно устанавливаетъ глубокое экономическое различіе между такъ называемымъ подвижнымъ капиталомъ и недвижимымъ имуществомъ.

Реальное производство (служащее удовлетворенію вещественныхъ потребностей) проявляется частью въ формѣ основнаго производства, которое вслѣдствіе неподвижности своихъ источниковъ не можетъ быть переложено, частью въ формѣ оборотнаго производства (промышленность). Граница производства бы-

ваетъ съ одной стороны абсолютная, данная естественнымъ строемъ міра, по которому внѣшніе фонды производства не могутъ быть произвольно умножены или вновь пополнены; съ другой стороны граница производства можетъ быть экономическая. Экономически производство ограничивается въ томъ смыслѣ, что оно не можетъ доставлять высшую норму имущественнаго снабженія, но можетъ развиваться только до того пункта, на которомъ осуществляется высшее наслажденіе жизнью. Марло не оставляетъ безъ вниманія, а напротивъ надлежащимъ образомъ выясняетъ идею Фурье „о цѣнности наслажденія въ производствѣ" — идею, по которой трудъ самъ по себѣ можетъ быть сдѣланъ источникомъ наслажденія во первыхъ отрицательнымъ путемъ, посредствомъ установленія лучшихъ условій труда; во вторыхъ положительнымъ путемъ, посредствомъ того наслажденія, источники котораго онъ производитъ. У Марло я нашелъ наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе о цѣнности наслажденія по отношенію къ различнымъ имущественнымъ формамъ и къ различнымъ предпріятіямъ; первое преимущество асоціаціи Марло видитъ въ возможности для всѣхъ воспользоваться имущественнымъ благомъ, пріобрѣсти имущественное самосознаніе.

Разсмотрѣвъ отдѣльные виды вещественныхъ природныхъ силъ (почва, вода, руды), Марло переходитъ къ экономическому анализу человѣка, который сперва остается долгое время только потребителемъ, и потомъ уже становится также и производителемъ. Онъ подробно останавливается на тѣхъ вліяніяхъ, которыя обусловливаютъ его долговѣчность. Онъ указываетъ на недостаточное продовольствіе, на излишнюю напряженность труда и на вредныя и пагубныя условія производства, какъ на главнѣйшія причины, сокращающія срокъ человѣческой жизни. Общинная форма производства, возможно плодотворно направленная къ защитѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, можетъ всего дѣйствительнѣе осилить эти причины.

Я уже указалъ на ту точку зрѣнія, съ которой Марло разсматриваетъ ученіе о народонаселеніи. Онъ одинаково безпощадно разоблачаетъ ложность Мальтусова закона и ученія Тьера, который называетъ всѣ средства къ ограниченію размноженія „пре-

ступленіемъ противъ природы;“ безпечное и необузданное увеличеніе народонаселенія Марло называетъ тяжелымъ преступленіемъ противъ личности и собственности ближнихъ, такъ какъ чрезмѣрное увеличеніе народонаселенія понижаетъ заработную плату до минимума, едва хватающаго для существованія, заставляетъ родителей обрекать собственныхъ дѣтей на рабство, самымъ пагубнымъ образомъ вліяетъ на смѣшеніе сословій, уничтожаетъ среднее сословіе, въ самой рѣзкой формѣ противополагаетъ другъ другу плутократію и пролетаріатъ, и особенно гибельно дѣйствуетъ на здоровіе и жизненное счастіе женщинъ. Особенно сильно нападаетъ онъ на нелѣпость той теологической морали, которая спокойно смотритъ на смертность между дѣтьми, такъ какъ смерть только переноситъ ихъ свѣтлыми ангелами въ царство небесное. Мальтусъ возлагаетъ на природу должность палача; но безпечные родители являются палачами собственныхъ дѣтей, убійцами и преступниками передъ обществомъ.

Ученіе Марло о народонаселеніи заслуживаетъ величайшаго вниманія само по себѣ и въ отношеніи къ второстепеннымъ изслѣдованіямъ о призрѣніи бѣдныхъ, о колонизаціи, о переселеніи и о супружескомъ и семейномъ правѣ. Марло придаетъ также мало цѣны, какъ и Мальтусъ, лицемѣрному попеченію о бѣдныхъ въ настоящее время, но онъ нигдѣ не переходитъ въ суровый и безчеловѣчный тонъ. Проникнутый любовью къ ближнимъ, Марло горячо возстаетъ противъ слабости и несостоятельности современнаго законодательства, которое освобождаетъ отъ извѣстной части или отъ всѣхъ естественныхъ обязательствъ отцовъ незаконныхъ дѣтей, въ противуположность къ матерямъ и самимъ дѣтямъ. Въ федеральномъ государствѣ, гдѣ за всѣми должна быть обезпечена возможность болѣе равномѣрнаго пріобрѣтенія имуществъ, всѣ индивидуумы, вступающіе въ семейную жизнь, должны принимать участіе въ устроеніи страховыхъ кассъ и должны заботиться о формированіи дѣтскаго имущества; я въ дальнѣйшемъ изложеніи возвращусь къ этому предмету. Авторъ ясно сознаетъ, что для счастливаго выполненія соціальныхъ реформъ, въ государствахъ съ чрезмѣрно густымъ народонаселеніемъ исключительнымъ образомъ можетъ быть приписана, какъ вполнѣ

цѣлесообразная мѣра, система усиленной колонизаціи, но онъ рѣшительно противится хроническому переселенію и колонизаціи подъ покровительствомъ государства.

На основаніи сдѣланнаго авторомъ разбора важныхъ изслѣдованій Тюнена и на основаніи собственныхъ его предварительныхъ замѣчаній, можно было ожидать болѣе удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о взаимной зависимости между высотой процентовъ и заработной платы и ходомъ народонаселенія. Еще задолго до Лассаля, но гораздо яснѣе и спокойнѣе, указываетъ Марло на различіе между трудовымъ барышемъ (плодъ труда) и платой за трудъ. Онъ весьма обстоятельно доказываетъ зависимость дохода во первыхъ отъ плодотворности природной силы, во вторыхъ отъ плодотворности трудовой силы, и въ третьихъ наконецъ отъ надлежащаго совокупленія этихъ двухъ силъ съ капитальнымъ имуществомъ; при этомъ онъ рѣзко обнаруживаетъ всю несостоятельность ученія утопистовъ, которые въ какомъ-то непонятномъ самообольщеніи полагаютъ, что существованіе высокой заработной платы возможно даже при избыткѣ народонаселенія (др. сл. при соединенномъ съ такимъ избыткомъ пониженіи трудоваго барыша), при пагубномъ распредѣленіи имущества и при дурномъ положеніи рабочаго сословія. Съ другой стороны, Марло возстаетъ противъ либеральныхъ экономистовъ, которые пониженіе нормы заработной платы до едва хватающаго на существованіе минимума съ величайшимъ душевнымъ спокойствіемъ признаютъ за естественный законъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это есть только грустный фактъ.

Весьма интересны изслѣдованія Марло о сложеніи производства и о предпріятіяхъ.

Подъ именемъ сложенія производства авторъ понимаетъ мѣстную организацію производительныхъ силъ; онъ различаетъ комунальное и территоріальное сложенія производства. Основное производство должно быть, по мнѣнію Марло, централизировано формированіемъ крупныхъ сельскихъ общинъ; напротивъ, „оборотное производство“ (промышленность) въ большихъ городахъ должно быть децентрализировано. Марло предвидитъ слѣдующія хозяйственныя выгоды отъ крупныхъ сельскихъ

общинъ: онѣ увеличатъ раздѣленіе труда, доставятъ сбереженіе силъ и времени при обмѣнѣ трудовыхъ силъ, вызовутъ крупное производство, лучшую эксплоатацію общеполезныхъ цѣнностей (дороги, школы и т. д.), развитіе образованія, вслѣдствіе постояннаго общенія между индивидуами, и лучшія гигіеническія условія; наконецъ, свяжетъ производство основное съ производствомъ оборотнымъ и слѣдовательно осуществитъ возможно полное и равномѣрное примѣненіе трудовыхъ силъ.

Марло находитъ вполнѣ раціональнымъ комбинацію многихъ, экономически другъ друга пополняющихъ предпріятій. Преимущества такой комбинаціи очевидны: она установитъ лучшую утилизацію свободнаго времени и труда, разнообразіе дѣятельности и большую многосторонность въ формированіи труда, она доставитъ сырые продукты лучшаго качества (въ послѣднее время, въ Богеміи, на сахарныхъ заводахъ, принадлежащихъ крестьянскимъ общинамъ, получены прекраснѣйшіе сорты свеклы), доставитъ ремесленному кредиту хорошіе объекты залога, вызоветъ въ сельскомъ хозяйствѣ крупное и раціональное производство, чѣмъ будетъ выигранъ резервъ вспомогательныхъ трудовыхъ силъ, наконецъ она обезпечитъ постоянный доходъ, чрезъ соединеніе промышленной и сельско-хозяйственной ренты. Марло не упускаетъ изъ виду того, что для комбинированія съ сельскимъ хозяйствомъ пригодны только такія промышленныя отрасли, которыя не основываются на обращеніи цѣнныхъ капиталовъ; такъ какъ при комбинаціи съ сельскимъ хозяйствомъ промышленное производство часто будетъ прерываемо и слѣдовательно неподвижный капиталъ временно будетъ оставаться мертвымъ. Опытъ показываетъ, что съ сельскимъ хозяйствомъ могутъ быть удобно комбинированы такія производства, какъ вязаніе, вышиваніе, всякая искусная ручная работа съ различными матеріалами, столярное дѣло и т. д.; такъ какъ всѣ подобныя производства требуютъ мало постоянныхъ капиталовъ въ формѣ машинъ, орудій и построекъ.

Не менѣе замѣчателенъ у Марло сравнительный анализъ крупнаго и мелкаго производства. Марло указываетъ на слѣдующія преимущества крупнаго производства: оно вызываетъ самую производительную эксплоатацію природы и самое совершен-

ное техническое формированіе всѣхъ постоянныхъ и оборотныхъ капиталовъ, даетъ возможность экономизировать на орудіяхъ, постройкахъ, рабочемъ скотѣ, на матеріалахъ и средствахъ охраненія, даетъ возможность спеціализировать трудъ, дѣлать опыты, накоплять запасы для крупной продажи и тѣмъ доставлять рабочимъ постоянное занятіе, облегчаетъ кредитъ и продажу, и обезпечиваетъ предпринимателямъ лучшія средства переносить убытки. Мелкое производство также имѣетъ свои выгоды: оно ограничиваетъ область обмѣна, установляетъ болѣе легкій и тщательный контроль, увеличиваетъ прилежаніе къ труду, побуждаетъ къ болѣе тщательному сбереженію всѣхъ составныхъ частей капитала, увеличиваетъ конкуренцію, дѣлаетъ болѣе затруднительнымъ обманъ и лихоимство, болѣе равномѣрно распредѣляетъ доходъ съ предпріятія, доставляетъ многимъ производительную самостоятельность и имущественное благосостояніе, препятствуетъ фактическимъ монополіямъ, даетъ наконецъ производителямъ возможность приноравливаться къ особеннымъ потребностямъ потребителей, чрезъ личное съ ними знакомство (такъ напр. мелкій портной дѣлается „лейбъ портнымъ"). Но Марло игнорируетъ нѣсколько существенныхъ пунктовъ, экономически поясняющихъ мелкое производство, напр. невозможность мѣстнаго переложенія производства для небольшихъ массъ потребностей (деревенскія, штопальныя и починочныя мастерскія) и артистическій характеръ многихъ производствъ, который требуетъ индивидуальнаго ручнаго труда.

Марло очень хорошо сознаетъ, что за нѣкоторыми преимуществами мелкаго производства нельзя признать значенія, потому что даже тогда, когда крупное производство вообще менѣе удовлетворяетъ условіямъ хозяйственности чѣмъ мелкое, и тогда оно доставляетъ еще весьма высокій общій доходъ крупному предпринимателю, вбирая въ себя, такъ сказать, доходы многихъ соединенныхъ въ немъ мелкихъ предпріятій; причина этого заключается въ томъ, что крупный капиталистъ можетъ понизить плату до необходимаго для рабочаго минимума и жить богато даже при меньшемъ процентномъ барышѣ. Поэтому, слѣдуетъ изыскать такую форму предпріятій, которая бы доставила мелкимъ производителямъ выгоды крупнаго капитала. У Фурье асоціація является фан-

тасмой, Марло умѣренно и обстоятельно мотивируетъ въ ней главнѣйшую цѣль соціальной реформы. Во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ онъ на первомъ планѣ поставляетъ соціетарную форму производства. Онъ особенно настаиваетъ на различіи частныхъ и государственныхъ предпріятій, партикулярныхъ и соціетарныхъ предпринимателей, гдѣ главенство принадлежитъ одному лицу, и предпріятій, гдѣ главенство принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ.

Марло весьма обстоятельно анализировалъ государственныя предпріятія (правительство, школа, цеховая организація) и партикулярныя предпріятія (предпріятія частнаго лица и отдѣльныхъ обществъ), но я считаю нужнымъ замѣтить, что Марло оставилъ безъ вниманія многія существенныя экономическія условія, отъ которыхъ зависитъ примѣнимость государственной и партикулярной (одноличной и общественной) формы предпріятій; еще незнакомый съ національно-экономическими изслѣдованіями Марло по этому предмету, я указалъ на вышеупомянутыя условія частью въ моемъ трудѣ „общественная система" (Gesellschaftliches System), частью въ моей статьѣ „о примѣнимости различныхъ формъ предпріятій" [1]).

Меня въ высшей степени заинтересовала сдѣланная Марло характеристика асоціацій. Марло видитъ преимущество этой формы производства въ томъ, что въ ней всѣ рабочіе являются господами, тогда какъ въ „партикулярной" формѣ предпріятій они поставляются въ подчиненное положеніе поденщиковъ, главенство надъ которыми принадлежитъ одному (въ одноличномъ предпріятіи) или нѣсколькимъ капиталистамъ-акціонерамъ (въ общественныхъ предпріяхъ). По этому, мы можемъ назвать партикулярныя формы предпріятій деспотическими въ противуположность соціетарнымъ; въ послѣднихъ, рабочіе, съ точки зрѣнія личныхъ отношеній, находятся въ свободномъ повиновеніи связующей ихъ административной организаціи; съ другой стороны они всѣ участву-

---

[1]) «Anwendbarkeit der verschiedenen Unternehmungsformen» Tub. Ztshr. 1869.

ютъ въ доходѣ, что и составляетъ главную, въ экономическомъ отношеніи, особенность асоціаціи.

Было время, когда всѣ насмѣшливо относились къ соціотаризму Фурье вслѣдствіе его фантастическаго характера, когда практическіе результаты соціальной дѣятельности заслуженнаго Шульце Делича не были еще достигнуты, когда въ Германіи и даже, какъ кажется, самому Марло не были извѣстны плодотворные результаты кооперативнаго движенія въ Англіи; въ это время — около 1850 года — Марло, въ противуположность комунальному соціетаризму Фурье, предложилъ свое ученіе о ремесленныхъ асоціаціяхъ въ первомъ томѣ своего большаго труда (1 часть появилась въ 1850 г., 2 въ 1852 г.), въ которомъ весьма, хотя и не вполнѣ, обстоятельно указалъ на свѣтлыя и темныя стороны партикулярной и асоціаціонной формы предпріятій.

По мнѣнію нашего ученаго федералиста, въ рабочихъ асоціаціяхъ не должно было оставаться ни одного наемнаго рабочаго, и онъ выставилъ за двадцать лѣтъ до настоящаго времени слѣдующіе двадцать два выгодные въ экономическомъ отношеніи пункта такой организаціи производства:

Выгоды, доставляемыя производительной дѣятельностью, увеличатся и будутъ распредѣляться болѣе равномѣрно,—всѣ члены асоціаціи будутъ участвовать въ управленіи, будутъ повиноваться самимъ себѣ, и совершенно освободятся отъ подчиненнаго положенія наемныхъ рабочихъ (1).

Выгоды, доставляемыя правомъ на собственность (вслѣдствіе накопленія коллективной собственности, принадлежащей асоціаціи), будутъ частью увеличены, частью распредѣлены болѣе равномѣрно (2).

„Трудовая рента“ будетъ также распредѣлена наиболѣе справедливо, такъ какъ всѣ будутъ участвовать въ вознагражденіи предпринимателя (барышъ) (3).

Надзоръ за выполненіемъ работъ потребуетъ возможно ничтожныхъ издержекъ, такъ какъ всякій будетъ находиться подъ контролемъ собственнаго своего интереса и интереса всѣхъ своихъ сочленовъ (4).

Важнѣйшая причина ненормальнаго увеличенія предпріятій бу-

детъ уничтожена, такъ какъ въ асоціаціи повышеніе и пониженіе ренты съ предпріятія будетъ равномѣрно отзываться на многихъ и слѣдовательно никому не будетъ составлять выгоды подкапываться подъ своихъ сочленовъ (5).

Съ другой стороны, развитіе предпріятій въ предѣлахъ нормальныхъ размѣровъ будетъ облегчено, потому что никому не придется оставаться при мелкомъ производствѣ для достиженія самостоятельности, и такъ какъ всѣ члены асоціаціи заинтересованы въ томъ, чтобъ съ пониженіемъ плодотворности не развивать предпріятія и не повышать капитальной прибыли посредствомъ пониженія платы (6).

Лѣность и нерадѣніе, обусловленныя раздѣленіемъ интересовъ, будутъ уничтожены (7).

Уничтоженіе средствъ производства, порождаемое непалметными условіями трудовой дѣятельности, прекратится (8).

Невыгоды машиннаго производства, оставляющаго теперь многихъ рабочихъ безъ дѣла, будутъ устранены, такъ какъ выгода, доставляемая машинами, будетъ распредѣляться между всѣми рабочими, сбереженная трудовая сила будетъ обращена на дальнѣйшее пріобрѣтеніе, а конкурирующія асоціаціи, располагая колективнымъ имуществомъ, будутъ въ состояніи болѣе равномѣрно пользоваться успѣхами техники (9).

Невыгоды, обусловленныя колебаніями въ ходѣ промышленной дѣятельности, будутъ распредѣляться по возможности равномѣрно (10).

За каждымъ будетъ обезпеченъ свободный выборъ дѣятельности, наиболѣе соотвѣтствующей индивидуальнымъ способностямъ; люди даровитые будутъ поставлены во главѣ предпріятія и всякій членъ асоціаціи будетъ имѣть во всякое время возможность оставить предпріятіе, реализируя вложенныя въ него деньги продажей акцій, тогда какъ собственникъ частнаго предпріятія въ настоящее время часто является рабомъ этого предпріятія, которое de facto не можетъ быть реализировано (11).

Трудъ получитъ возможно высокую „производительную цѣнность наслажденія“; трудящійся получитъ возможность разнообразить свой трудъ, а трудовыя средства будутъ улучшены, что

достаточно подтверждаютъ отчеты Губера о производительной дѣятельности англійскихъ коопераціи (12).

Не будетъ болѣе ни интереса, ни выгоды утаивать успѣхи техники, вслѣдствіе чего промышленное развитіе приметъ широкіе размѣры (13).

Сохраненіе и формированіе капиталовъ будетъ облегчено, такъ какъ асоціація установитъ принудительныя сбереженія, а отдѣльныя лица не будутъ имѣть возможности расточать эти капиталы, являющіеся въ коллективной формѣ (14).

Заботы, неразрывно связанныя съ индивидуальнымъ веденіемъ хозяйственныхъ предпріятій, будутъ устранены (15).

Распредѣленіе дохода будетъ болѣе справедливо и равномѣрно, такъ какъ повышеніе поземельной ренты и повышеніе промышленной ренты, обусловленное успѣхами техники, будетъ доставлять выгоду многимъ (16).

Раздоры, порождаемые системой служебныхъ отношеній, будутъ прекращены (17).

Обусловленныя конкуренціей враждебныя отношенія будутъ смягчены, а разорительная и непроизводительная конкуренція, съ распредѣленіемъ прибыли между всѣми членами асоціаціи, лишится главнѣйшаго своего жала (18).

Порождаемая системой служебныхъ отношеній безчестность будетъ искоренена (19).

Утилизація личнаго кредита будетъ облегчена, частью вслѣдствіе солидарности многихъ между собою, частью вслѣдствіе гласности, которая гораздо сильнѣе будетъ проникать въ общественную жизнь (20).

Выгоды посредственнаго и непосредственнаго владѣнія собственностью будутъ по возможности связаны, такъ какъ всѣ рабочіе будутъ имѣть, какъ собственники, участіе въ средствахъ производства и при томъ будутъ имѣть возможность легко реализировать свою долю (21).

Вся промышленная жизнь получитъ болѣе гуманный характеръ (22).

Марло за 20 лѣтъ до настоящаго времени группировалъ вокругъ зарождающейся общинной формы производства всѣ ея хо-

ронія стороны, всѣ ея выгоды,—подобно прекрасному букету цвѣтовъ, положенному въ колыбель новорожденнаго младенца—но онъ не забылъ и плевелъ, которыя могли пустить свои ростки на почвѣ асоціаціи: демократическое самоуправленіе, въ противуположность автократическому строю частной организаціи производства, можетъ повести къ раздорамъ; — члены асоціаціи, поставленные во главѣ хозяйственныхъ предпріятій, могутъ предаться лѣности и нерадѣнію;—отдѣльныя лица могутъ стать во главѣ предпріятій совсѣмъ не по хозяйственнымъ мотивамъ;—асоціаціи можетъ угрожать опасность отъ рискованныхъ промышленныхъ опытовъ, также отъ обмана со стороны должностныхъ лицъ и отъ ихъ благопріятствія отдѣльнымъ своимъ сотоварищамъ; наконецъ членамъ асоціаціи можетъ показаться весьма тягостнымъ повиновеніе, которымъ ихъ обязываетъ уставъ. Указавъ на эти темныя стороны асоціаціи, Марло тотчасъ же замѣчаетъ, что онѣ съ избыткомъ восполняются свѣтлыми ея сторонами, и во всякомъ случаѣ могутъ быть легко устранены.

Невольно преклоняешься предъ глубокой національно-экономической проницательностью Марло, когда подумаешь, что онъ писалъ свою прекрасную, умѣренную критику на асоціаціи въ то время, когда въ Германіи немногіе развѣ только догадывались, что общинная форма производства можетъ имѣть значеніе.

Должно замѣтить, что авторъ, въ своемъ приговорѣ противъ асоціаціи, становится на болѣе общую точку зрѣнія. Онъ поставляетъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ согласовать въ человѣческомъ обществѣ зависимое, служебное положеніе съ индивидуальной самостоятельностью, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ анализомъ, который бы могъ напомнить намъ Аристотеля: вышесказаннаго согласованія мы можемъ достигнуть или тѣмъ, что всѣ индивидуумы одновременно будутъ управлять и будутъ управляемы, какъ въ республикѣ; или тѣмъ, что для каждаго индивидуума будетъ послѣдовательно наступать періодъ повиновенія и періодъ власти, какъ въ отношеніяхъ старости къ младости; или тѣмъ, что за всѣми будетъ обезпечена свобода обоюдныхъ услугъ съ возможными столкновеніями, какъ въ отношеніяхъ супруговъ между собою, „которые не всегда бываютъ связаны гирляндою цвѣтовъ“. Въ республикѣ,

согласно ея законодательству, за каждымъ индивидуумомъ признается обязанность повиноваться и повелѣвать; Марло, въ паралель такому порядку вещей, приводитъ хозяйственную организацію асоціацій, которая, по мнѣнію его, представляетъ гораздо болѣе свободную форму общественной организаціи, въ противуположность съ десспотическимъ главенствомъ немногихъ лицъ въ партикулярной формѣ хозяйственной дѣятельности. Асоціація дѣлаетъ своихъ членовъ гораздо болѣе свободными, чѣмъ партикулярное мелкое производство, гдѣ происходитъ постоянный обмѣнъ и смѣшеніе элементовъ самостоятельнаго и подчиненнаго, служебнаго.

Не смотря на высокое мнѣніе, которое я имѣю о сочиненіи Марло, я не могу умолчать о замѣченныхъ мною опущеніяхъ и ошибкахъ.

Марло, во первыхъ, не призналъ нѣсколько существенно важныхъ, въ экономическомъ отношеніи, сторонъ общинной формы производства: она пригодна для фасонной работы и для разрозненныхъ видовъ производства, она постоянно развиваетъ въ рабочемъ способность къ самоуправленію въ его производительной дѣятельности, она представляетъ гарантіи противъ непостоянныхъ колебаній въ хозяйственно-производительной дѣятельности вслѣдствіе затруднительности быстраго развитія капитальной силы въ асоціаціи, она дѣлаетъ невозможнымъ спекулятивное блужданіе на ощупь отъ одного объекта предпріятія къ другому, потому что каждая асоціація является весьма устойчивымъ тѣломъ въ общественной организаціи, она представляетъ отличное средство не злоупотреблять кредитомъ и не втягиваться въ долги, она дѣлаетъ наконецъ невозможнымъ слишкомъ обширное развитіе отдѣльныхъ асоціацій, такъ какъ общинная производительная дѣятельность должна основываться на взаимномъ личномъ контролѣ и на взаимномъ знакомствѣ между сотоварищами, и такъ какъ трудовая сила членовъ асоціаціи требуетъ обезпеченной дѣятельности; можно было бы указать еще на многіе важные моменты, которые Марло оставилъ безъ вниманія, и которые ему тѣмъ болѣе не слѣдовало оставлять безъ вниманія, такъ какъ они доказываютъ, что общинная форма производства стремится уничтожить именно тѣ уродливости, на которыя такъ сильно нападаютъ въ современномъ ка-

*

питализмѣ: безчестную конкуренцію, злоупотребленіе кредитомъ, неправильности и колебанія въ хозяйственной дѣятельности, наконецъ разрушительное развитіе и сокращеніе предпріятій. Если бы Марло обратилъ вниманіе на эти моменты, онъ вѣроятно остерегся бы отъ своихъ принудительныхъ плановъ.

Марло также не замѣтилъ, что общинная форма производства благопріятствуетъ развитію домашней промышленности: она устраняетъ необходимость контроля, такъ какъ никому нѣтъ выгоды утаивать матеріалы или нерадиво работать; такимъ образомъ, при общинной формѣ производства, фабричная промышленность можетъ быть во многихъ случаяхъ замѣнена домашней, чего нельзя сдѣлать при частной организаціи производства, такъ какъ система домашней промышленности, основанная на поштучной платѣ, представляетъ слишкомъ мало гарантіи, между тѣмъ общинное производство въ формѣ домашней промышленности отождествляетъ собою надлежащую оцѣнку домашнихъ трудовыхъ силъ, упроченіе нравственнаго элемента въ семействѣ, сбереженіе здоровія, и производительное наслажденіе трудомъ; по крайней мѣрѣ, общинная форма домашней промышленности можетъ привести къ этимъ благодѣтельнымъ результатамъ.

Я нахожу также, что Марло не отнесся съ достаточнымъ вниманіемъ къ видамъ частной формы производства: къ одноличнымъ предпріятіямъ и торговымъ обществамъ. Между тѣмъ — и въ этомъ случаѣ я опираюсь на собственныя изслѣдованія о различныхъ формахъ предпріятій — и частная производительность, при извѣстныхъ спеціальныхъ условіяхъ, можетъ имѣть значеніе и оставаться на долгое время примѣнимою. Можно подумать, что Марло допускаетъ дальнѣйшее существованіе частнаго производства (одноличныхъ предпріятій и торговыхъ обществъ) развѣ только по той причинѣ, что нѣкоторые отдѣльные индивидуумы могутъ предпочесть повиноваться частнымъ предпринимателямъ, чѣмъ должностнымъ лицамъ, поставленнымъ во главѣ асоціаціи. Но такое объясненіе далеко недостаточно. Замѣтимъ еще, что асоціація благопріятно вліяетъ на частное производство, основанное на заработной платѣ. На это указалъ Губеръ, но Марло оставляетъ этотъ вопросъ безъ вниманія.

Въ дальнѣйшемъ анализѣ другихъ формъ хозяйственныхъ предпріятій, Марло впадаетъ въ глубокое соціалистическое заблужденіе. Онъ требуетъ принудительнаго введенія общинной формы производства и коллективнаго имущества въ сельское хозяйство. Но это требованіе опирается на далеко несостоятельныя основанія. Существуетъ множество видовъ культуры, которые будутъ наиболѣе раціонально процвѣтать въ естественныхъ асоціаціяхъ крестьянскихъ семействъ. Къ другимъ видамъ культуры, напротивъ, можетъ быть съ величайшимъ успѣхомъ примѣнена кооперативная форма, что достаточно доказываютъ опыты Гордона въ Англіи. Тамъ, гдѣ сельское хозяйство будетъ въ томъ дѣйствительно нуждаться, найдутся гуманные люди, подобные Тюненамъ, Гордону и др., и кооперативное земледѣліе добьется само собой правъ гражданства. Слишкомъ быстрый скачокъ, излишняя ревность—могутъ только повредить дѣлу и оттолкнуть отъ него людей, тѣмъ болѣе, что общинная форма производства, для успѣшнаго своего осуществленія, требуетъ значительнаго повышенія образовательнаго уровня въ массахъ. Самое большое, что въ настоящее время государство можетъ сдѣлать въ пользу соціальной реформы — это оказать поддержку „пробнымъ асоціаціямъ". Только тогда, когда будетъ сдѣлано много опытовъ, съ почина ли государства или съ свободнаго почина частныхъ лицъ, только тогда можно будетъ говорить о новомъ аграрномъ законодательствѣ, которое бы могло способствовать развитію общинной формы производства, подобно тому какъ существующія аграрныя постановленія способствовали развитію либеральной интенсивной формы частнаго хозяйства на обломкахъ принудительнаго сельско-хозяйственнаго права феодальныхъ временъ. Во всѣхъ отношеніяхъ ошибочно начинать соціальную реформу въ сельскомъ хозяйствѣ съ всеобщаго отчужденія поземельной собственности въ пользу всеобщаго сельско-хозяйственнаго соціетаризма.

Экономическій федерализмъ не нуждается въ повсемѣстномъ принудительномъ введеніи асоціацій для хозяйственной утилизаціи основныхъ капиталовъ, и не долженъ сомнѣваться въ быстромъ успѣхѣ въ такое время, когда земельная аристократія Англіи съ собственнаго почина начинаетъ призывать наемныхъ рабочихъ къ

общинному производству, когда благороднѣйшій представитель Мекленбургскаго дворянства, Ф. Тюненъ, на собственной землѣ организовалъ кооперацін мелкихъ земледѣльцевъ, и когда одинъ изъ богатѣйшихъ аристократовъ Австріи издалъ, въ должности министра земледѣлія, постановленіе о водяномъ правѣ, по которому учреждаются обязательныя „водяныя асоціаціи" и водяная сила страны получаетъ государственный характеръ [1]). Мы можемъ быть увѣрены, что въ правѣ особенный характеръ основныхъ капиталовъ получитъ полную оцѣнку.

Очевидно, что Марло, въ своемъ стремленіи къ сельско-хозяйственнымъ асоціаціямъ, находится подъ сильнымъ вліяніемъ коммунистическаго соціетаризма Фурье; въ его воображеніи носятся именно соціетарныя сельскія общины, въ 2000 и болѣе человѣкъ. Какъ кажется, онъ желаетъ группировать такія общины въ одну, и въ рѣдкихъ случаяхъ въ нѣсколько асоціацій. Еслибъ это случилось, то, при соединеніи промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ, было бы весьма трудно экономически управлять такими массами, и весьма сомнительно, чтобы эти замкнутыя, однообразныя общины, повсемѣстно установленныя, могли чутко слѣдить за колебаніями цѣнности и могли удобно приспособляться къ различнымъ задачамъ производства.

Вышеуказанныя преимущества общинной формы производства, вѣроятно, не могли бы осуществиться при такой монотонно равномѣрной организаціи, при такихъ обширныхъ размѣрахъ и смѣшанномъ содержаніи. Я говорю: вѣроятно, потому что объ общинной формѣ производства мы не можемъ сказать ничего положительнаго, основаннаго на точномъ, многообразномъ опытѣ, какъ напримѣръ, о частной производительной организаціи, о предпріятіяхъ отдѣльныхъ лицъ и акціонерныхъ обществъ.

Я также вижу соціалистическую ошибку въ требованіи Марло, чтобъ все идеальное производство, особенно же торговля, велась государственнымъ путемъ.

[1]) Гр. Потоцкій; весьма замѣчательное австрійское законоположеніе о водяномъ правѣ 30 мая, 1869 г.

Въ своемъ мѣстѣ, я, какъ мнѣ кажется, указалъ, что передача крупныхъ администрацій путей сообщенія въ руки государства имѣетъ справедливое основаніе, но у Марло я не нахожу достаточно состоятельнаго обоснованія даже и этой формы государственной организаціи хозяйственныхъ предпріятій.

Еще менѣе обстоятельно мотивирована у Марло передача торговли въ руки государства. Изъ всѣхъ хозяйственныхъ предпріятій—торговля наименѣе подходитъ подъ управленіе правительственными должностными лицами.

Энергическое выполненіе хозяйственной оцѣнки цѣнности пользованія и цѣнности издержекъ обусловливается именно отвѣтственностью въ торговомъ производствѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ простыхъ объектовъ потребленія, торговое дѣло идетъ уже туже въ рукахъ акціонерныхъ обществъ; оно становится болѣе хозяйственнымъ въ коллективной формѣ и даже въ социстарной формѣ, именно для предметовъ ежедневнаго потребленія, качество которыхъ можетъ быть легко контролировано и спросъ на которыя бываетъ болѣе постояненъ; примѣромъ этому служатъ потребительные союзы въ Англіи и въ Германіи, которые, какъ кажется, удачно попробовали соединить оптовую торговлю въ рукахъ небольшихъ асоціацій. Во всякомъ случаѣ, большую часть торговыхъ дѣлъ постоянно придется вести отдѣльнымъ предпринимателямъ. Большая же часть неподвижнаго торговаго капитала, какъ то: дорогъ, каналовъ, биржъ и т. д., стремится, въ экономическомъ своемъ развитіи, къ государственной организаціи, подъ которую онъ частью уже подведенъ, частью, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, будетъ подведенъ въ будущемъ.

Весьма замѣчательно и непонятно, какъ Марло и Лассаль, односторонніе почитатели общинной формы производства, упускаютъ совершенно изъ виду, что и въ социстаризмѣ остается обширное поприще для эксплоатаціи, не только для эксплоатаціи слабыхъ со стороны сильныхъ, лѣнивыхъ со стороны трудолюбивыхъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ асоціацій, на что неоднократно указываетъ самъ Марло, но и для эксплоатаціи во взаимной конкуренціи асоціацій между собой. Я возвращусь еще къ этому предмету.

Марло оставляетъ совсѣмъ безъ вниманія вопросъ о совокупленіи частнаго и общиннаго производства, вопросъ о **промышленномъ товариществѣ**. При такой формѣ хозяйственныхъ предпріятій главный предприниматель доставляетъ всѣмъ рабочимъ — а не только отдѣльнымъ рабочимъ-пайщикамъ — участіе въ барышѣ. Эта форма производства начинаетъ пускать ростки въ сельскомъ хозяйствѣ и въ промышленности, и, можетъ быть, въ историческомъ отношеніи, сдѣлается связующимъ звеномъ между частной и общинной формой производства. Между тѣмъ Марло, менѣе всякаго другаго, было позволительно пренебрегать переходными формами, ему, который подмѣтилъ всѣ слабыя стороны общиннаго производства, которыя необходимо должны были сказаться въ первый періодъ его развитія.

Именно въ такихъ переходныхъ формахъ рабочіе могутъ быть мало по малу подготовлены къ федеральному хозяйственному самоуправленію, тогда какъ всякая рѣзкая попытка повсемѣстно установить, принудительнымъ путемъ, сельско-хозяйственный соціетаризмъ можетъ принести одинъ только вредъ и поколебать развитіе великаго дѣла.

Еще должно замѣтить, что Марло признаетъ за асоціацію только такую форму хозяйственныхъ предпріятій, которая обезпечиваетъ собственникамъ помѣщеннаго въ предпріятіе капитала одни только проценты, а **весь** барышъ предоставляетъ трудовому производству. Съ такой точки зрѣнія, существующія у насъ производительныя асоціаціи не будутъ асоціаціями въ собственномъ смыслѣ, потому что въ нихъ барышъ съ предпріятія въ періодъ производства раздѣляется между капитальными и трудовыми вкладами. Марло также и здѣсь высказываетъ одностороннее, однообразное понятіе о соціетаризмѣ. Можетъ быть, онъ избралъ себѣ цѣлью вполнѣ обезпечить за рабочимъ прибыль съ его труда. Но онъ не достигаетъ этой цѣли, потому что процентная норма можетъ стоять очень высоко, а слѣдовательно капитальное имущество можетъ расчитывать на несоразмѣрно большое участіе въ доходѣ. Съ другой стороны, исключеніе капитала изъ участія въ колеблющемся барышѣ можетъ принести положительный вредъ: дѣла будутъ вестись съ меньшей рачительностью, такъ какъ во главѣ предпріятій обык-

повенно стоятъ капитальные вкладчики съ развитой интелигенціей; а это весьма важный недостатокъ, особенно въ періодъ возникновенія общинной формы производства. Хозяйственное сбереженіе средствъ производства лишится всякаго контроля. Точно также для членовъ асоціаціи не будетъ расчета дѣлать капитальные вклады въ предпріятія, въ которыхъ они участвуютъ, а слѣдовательно капитальная сила асоціаціи будетъ ослаблена. Весьма справедливо замѣчаніе, что общинная форма хозяйственныхъ предпріятій будетъ всего лучше процвѣтать, когда всѣ ея члены будутъ возможно равномѣрно снабжены имуществомъ. Но общинная форма производства, по всей своей организаціи, имѣетъ стремленіе препятствовать возникновенію слишкомъ большихъ имущественныхъ неровностей, и вотъ почему она служитъ для всѣхъ членовъ асоціаціи принудительно пополняемой сберегательной кассой, она увеличиваетъ общинный капиталъ посредствомъ сбереженія части барыша, и при демократической организаціи необходимо противодѣйствуетъ денежной аристократіи.

Въ періодъ историческаго развитія формъ соціальной жизни, переходныя, посредственныя формы играютъ весьма важную роль, и если Марло пренебрегъ ими, то потому только, что не подумалъ объ асоціаціяхъ кредитныхъ, складочныхъ, машинныхъ и др., которыми велкіе частные предприниматели стараются усилить свои основные и оборотные капиталы. Въ настоящее время, именно въ этихъ переходныхъ формахъ, развивается практическій, жизненный соціетаризмъ. Для нихъ наступило уже время осуществленія, и никакія псевдо консервативныя соображенія не препятствуютъ уже ихъ развитію. Но Марло не обратилъ на это вниманіе.

Въ развиваемомъ Марло ученіи объ экономическомъ федерализмѣ есть еще другой весьма замѣтный пробѣлъ. Онъ думаетъ только о производительныхъ асоціаціяхъ, и совсѣмъ упускаетъ изъ виду вспомогательныя и страховыя асоціаціи, которыя отнюдь не совпадаютъ съ производительными. Марло, который желаетъ повсемѣстнаго воплощенія идеи германскаго права въ новыхъ формахъ, не долженъ былъ бы игнорировать этихъ этически свѣтлыхъ сторонъ общинной организаціи, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ

подумать о системѣ добровольнаго страхованія, прежде чѣмъ требовать повсемѣстнаго введенія принудительнаго страхованія.

Марло нигдѣ не упоминаетъ о взаимнодѣйствіи политическаго и экономическаго федерализма; между тѣмъ, нельзя отрицать, что это взаимнодѣйствіе весьма значительно.

Народъ, способный къ политическому самоуправленію, легко привыкнетъ и къ самоуправленію хозяйственному, и обратно, самоуправленіе въ экономическомъ мірѣ служитъ элементарной школой для самоуправленія политическаго. Фабричные пролетаріи и наемные рабочіе, при системѣ всеобщей подачи голосовъ, могутъ легко сдѣлаться безотвѣтнымъ орудіемъ въ рукахъ предпринимателей, и никогда не будутъ развитыми, достойными гражданами республики. Только такая асоціація, гдѣ отдѣльные индивидуумы принимаютъ постоянное участіе въ самоуправленіи и въ соуправленіи, гдѣ они постоянно контролируются другими и контролируютъ другихъ, только такая асоціація можетъ развить въ человѣкѣ политическую зрѣлость, необходимую для дѣятельнаго участія въ государственной жизни.

Вотъ уже долгое время господствуетъ у насъ мода считать общины, округа, графства—школами, въ которыхъ люди воспитываются для самоуправленія; сочиненіе Гнейста объ Англіи способствовало утвержденію такого мнѣнія.

Подобное воззрѣніе на воспитательную силу общиннаго самоуправленія можетъ быть до нѣкоторой степени справедливо, когда дѣло идетъ о подготовленіи владѣющихъ и образованныхъ классовъ къ аристократическому самоуправленію; но и въ этомъ отношеніи примѣръ Англіи, гдѣ все сильнѣе и сильнѣе развивается общинная бюрократія, не представляетъ ничего особенно утѣшительнаго. Для политическаго воспитанія массъ, которыя автократическая политика Наполеона и Бисмарка подготовила къ пользованію правомъ всеобщей подачи голосовъ, требуется гораздо болѣе элементарная почва, затрогивающая самые высокіе обыденные интересы массъ; въ противномъ случаѣ, одно право всеобщей подачи голосовъ не дастъ имъ еще политической зрѣлости. Такой почвой могутъ именно послужить мелкія „соціальныя республики“ асоціацій, и оказать этимъ немаловажную услугу истинному консерватизму.

Кто стремится осуществить политическую свободу, тотъ долженъ благопріятствовать развитію экономическаго самоуправленія въ свободной производительной организаціи. Наряду съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ народонаселенія, ведущимъ къ пролетаріату, къ возмутительному повышенію ренты богатыхъ людей и къ безчеловѣчному пониженію заработной платы бѣдняковъ, я долженъ поставить унижающее, деспотическое главенство, гнетущее частныхъ и государственныхъ рабочихъ, которое въ области экономической дѣятельности наиболѣе сильно противодѣйствуетъ партіи политической свободы. Отличительныя черты современныхъ республикъ: сокращеніе домашней прислуги, развитіе въ наемныхъ рабочихъ самосознанія, устраненіе холопской бюрократіи и уничтоженіе постояннаго военнаго состава. Асоціація является школой, гдѣ каждый человѣкъ не только почерпаетъ гордое сознаніе свободы, но гдѣ каждый денно и нощно пріучается свободно подчиняться свободному государственному строю.

Я укажу только на нѣкоторые пункты, гдѣ соприкасаются политическій и экономическій федерализмъ.

Экономическій либерализмъ стремится къ равномѣрному экономическому развитію всѣхъ индивидуумовъ, путемъ свободнаго соединенія силъ въ множество живыхъ и свободныхъ производительныхъ единицъ. Монополія крупнаго капитала и его стремленіе къ безчестному пріобрѣтенію также омерзительны въ глазахъ федералиста, какъ нравственное паденіе отдѣльнаго индивидуума, неспособнаго къ производству и поглощеннаго горемъ и нищетой. Цѣлью федерализма является всестороннее развитіе цѣлой страны, развитіе ея частнаго и государственнаго хозяйства. Но, съ другой стороны, ничего такъ не потворствуетъ развитію безчестныхъ предпріятій, какъ односторонняя политическая централизація и финансовое хозяйство централизированнаго государства. Немногіе главные города разростаются до болѣзненныхъ, уродливыхъ размѣровъ, а „провинціи“ чахнутъ. Внутри страны производительность основныхъ капиталовъ застаивается; хозяйственная жизнь лишается двигательной силы, духа асоціаціи, духа смѣлаго и плодотворнаго соединенія мѣстныхъ производительныхъ силъ; хозяйственный обмѣнъ прекращается, а съ нимъ прекращается производ-

ство много-и общеполезныхъ цѣнностей и основаніе плодотворныхъ государственныхъ учрежденій. Политическая децентрализація обусловливаетъ экономическій федерализмъ и обратно обусловливается имъ; само собою разумѣется, что я подъ именемъ политической децентрализаціи не понимаю раздробленія, расщепленія и разъединенія совокупленныхъ государственныхъ функцій на національные лоскутки. Неужели Марло полагаетъ, что необходимое для разумнаго развитія соціетаризма образованіе массы, что необходимое для той же цѣли устраненіе безчестнаго производства, упроченіе мира между народами и производительная утилизація государственной силы, что всѣ эти условія усиленнаго развитія соціетаризма могутъ осуществиться, если мы, на ряду съ экономическимъ федерализмомъ, не выставимъ столь же прогрессивно развивающагося федерализма политическаго, который могъ бы противодѣйствовать безнравственному военному деспотизму централизированныхъ государствъ, скрывающему иногда свою наготу подъ конституціонными лохмотьями? Ужели бы Австрія могла слѣдовать на этомъ поприщѣ своему призванію, для собственнаго спасенія и для спасенія Европы, не впадая въ націонализмъ, который оттѣснилъ бы ее къ временамъ варварства! Выше націонализма стоитъ гуманизмъ; истинный федерализмъ можетъ служить ему какъ въ области экономической, такъ и въ области политической дѣятельности.

Въ настоящее время, нигдѣ не было достаточно обстоятельно указано, что экономическій федерализмъ можетъ противодѣйствовать постыдному налоговому обману, который нынѣ пользуется правами гражданства во всѣхъ государствахъ Европы. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться въ тѣсномъ кругѣ, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ, частью государственное хозяйство, служащее подспоріемъ системы налоговъ, частью соціетарное хозяйство, доходы съ котораго общеизвѣстны, какъ напр. въ настоящее время доходы акціонерныхъ обществъ, чѣмъ болѣе съ развитіемъ такой организаціи будетъ исчезать тайная система частной производительной дѣятельности, которая рѣзко противорѣчитъ требованіямъ гласности и сильно потворствуетъ разнымъ худымъ цѣлямъ: налоговому обману, злоупотребленію кредитомъ, суетности и т. д.,

чѣмъ болѣе и успѣшнѣе будутъ выполняться всѣ эти способствующія соціальной реформѣ условія, тѣмъ болѣе прочный базисъ пріобрѣтетъ государство для справедливаго обложенія своихъ гражданъ прямымъ подоходнымъ налогомъ, тѣмъ легче можно будетъ устранить безнравственный хозяйственный принципъ системы косвенныхъ налоговъ, которая приводитъ къ всестороннимъ пагубнымъ результатамъ.

Я отнесся строго критически къ пробѣламъ и односторонностямъ федерализма, развиваемаго Марло, но это критика отнюдь не должна умалить достоинствъ его труда. Автору было особенно важно установить основную форму лучшаго соединенія производительныхъ силъ. Выступая защитникомъ одного экономическаго федерализма, онъ стремился возможно скорѣе и возможно многостороннѣе установить преимущества крупнаго капиталистическаго производства въ формѣ общинной организаціи для массы сельскаго населенія, и одновременно съ этимъ пресѣчь неоспоримое и почти повсемѣстное расточеніе силъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Этимъ-то стремленіемъ обусловливается односторонность его анализа и отчасти принудительный характеръ его реформъ, причемъ онъ сталъ въ противорѣчіе съ міромъ свободныхъ соціальныхъ формъ, которыхъ безусловно требуетъ федерализмъ. Онъ не хотѣлъ признать медленнаго tempo историческаго прогресса, требующаго извѣстнаго времени для осуществленія новыхъ формъ соціальной жизни; подобнымъ же образомъ разсуждали хладнокровные сторонники противной партіи, которые съ состраданіемъ смотрѣли на „горячечное стремленіе къ асоціаціямъ“ потому только, что одна изъ общинныхъ формъ хозяйственныхъ предпріятій, асоціація производства, развивалась весьма медленно. Но и Марло, и противники социетаризма забываютъ, что для подобныхъ процесовъ требуется нравственное перевоспитаніе и развитіе массъ, а для этого потребно много времени. Но и при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ Марло, твердыми шагами проторяющій себѣ путь къ федерально-экономической цѣли, является въ нашихъ глазахъ отраднымъ и замѣчательнымъ явленіемъ. Даже его отрицаніе частнаго вида торговли понятно и легко объяснимо. Онъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не замѣтить громаднаго развитія въ

современномъ обществѣ безчестной системы пріобрѣтеній, онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы скрыть это грустное явленіе, и вслѣдствіе этого легко впалъ въ заблужденіе, что внутренняя торговля должна быть отдана въ руки государства, что ссудный оборотъ долженъ быть ограниченъ государственнымъ путемъ,—а банковыя операціи возведены до степени государственныхъ учрежденій. Если бы Марло успѣлъ издать практическую часть своей экономической системы, онъ конечно бы представилъ въ ней самые несостоятельные банково-полицейскіе планы реформы. Послѣдователи высшей истины не будутъ строго осуждать автора за подобныя заблужденія; потому что эти заблужденія являются слѣдствіемъ строгой правдивости, которая не можетъ оставить безъ вниманія общественныя бѣдствія; весьма благодѣтельна также оборотная сторона такого заблужденія у Марло: онъ замѣчаетъ, что въ современномъ обществѣ безчестная, непроизводительная система пріобрѣтенія развилась такъ сильно не вслѣдствіе излишней, а вслѣдствіе недостаточной конкуренціи. Къ сожалѣнію, авторъ не сознаѣлъ ясно, по причинѣ несостоятельнаго ученія о цѣнности тѣхъ условій, при которыхъ, взамѣнъ недостаточной конкуренціи, можетъ осуществиться „нормированіе" цѣнности и общественный характеръ хозяйственныхъ предпріятій. Вообще, тѣ главы сочиненія Марло, въ которыхъ онъ говоритъ о „конкуренціи" и „нормированіи" можно свободно оставить безъ вниманія [1]).

Въ экономической системѣ Марло главную сущность теоретической части составляетъ вопросъ о собственности.

Авторъ признаетъ задачей раціональнаго права собственности—„наиболѣе плодотворную утилизацію естественныхъ силъ и отношеніе индивидуальныхъ плодовъ труда къ ихъ первоначальному двигателю."

Въ смыслѣ метода такое представленіе составляетъ конечно прогрессъ; такъ какъ въ этомъ случаѣ, кромѣ труда, и второй, неменѣе важный факторъ, создающій экономическія цѣнности, природный факторъ надлежащимъ образомъ и вполнѣ консек-

---

[1]) Мои воззрѣнія по этому предмету см. въ „Ges. System" и въ „Theorie der anschliessenden Absazverhaeltnisse».

вестно признается источникомъ обоснованія права собственности.

Но представленіе это страдаетъ односторонностью, такъ какъ оно ограничиваетъ экономическій принципъ имущества одной производительной хозяйственностью и вовсе исключаетъ хозяйственность потребительную. Но практическое осуществленіе даже такимъ образомъ ограниченнаго имущественнаго принципа, путемъ различныхъ соразмѣрныхъ, между собою связанныхъ имущественныхъ формъ, у Марло мотивировано крайне несостоятельно.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ о собственности, Марло естественно различаетъ нѣсколько видовъ пріобрѣтенія собственности, которая распадается на пріобрѣтеніе непосредственное (originaerer): завладѣніе и умноженіе (акцесія — спецификація и техническое переложеніе) и на пріобрѣтеніе посредственное (abgeleiteter): преданіе и наслѣдство. Марло рѣшительно защищаетъ право наслѣдства.

Весьма замѣчательно его изслѣдованіе о видахъ собственности.

Марло различаетъ вопервыхъ прямое (directes) и косвенное (indirectes) имущество, — послѣднее, какъ слагающееся путемъ эксплоатаціи.

Во вторыхъ, онъ различаетъ имущество совершенное (vollstaendig) и несовершенное; несовершенное возникаетъ тамъ, гдѣ существуетъ стѣсненіе распредѣленія ея по отношенію къ эксплоатаціи или по отношенію къ субстанціи; наконецъ, авторъ устанавливаетъ различіе между „общественной“ (коллективной) и „одноличной“ (частной) собственностью.

Въ отношеніи къ общественной собственности весьма важны, по мнѣнію автора, слѣдующія различія.

Общественная собственность можетъ быть вещественно оформлена или нѣтъ, т. е. она можетъ быть утилизирована по опредѣленію большинства голосовъ (собственность государства, общины, акціонерныхъ обществъ) или по единогласному опредѣленію.

Она можетъ быть скована, т. е. неотчуждаема или отчуждаема при извѣстныхъ условіяхъ, и нескована (т. е. во вся-

кое время можетъ быть свободно отчуждаема по усмотрѣнію каждаго изъ совладѣльцевъ).

Она можетъ быть распредѣлена на извѣстныя доли (акціи, кооперативные паи) или не быть распредѣлена.

Она можетъ быть связана (органически), т. е. формирована для этическихъ коллективныхъ цѣлей (напр. ленная система въ прежнія времена, собственность цеховая, государственная, общинная) или можетъ быть не связана (собственность эгоистичная, спекулятивная).

По мнѣнію Марло, вещное право Германіи, въ противуположность римскому праву, имѣло стремленіе формировать связанную общественную собственность, но при этомъ черезъ-чуръ „оформленную", что парализировало индивидуализацію и развитіе интенсивной индивидуальной хозяйственности, не достаточно совершенно „распредѣленную" и слишкомъ тѣсно скованную, что дѣлало невозможнымъ выдѣленіе паевъ частнымъ лицамъ, а слѣдовательно ослабляло интересъ совладѣльцевъ. Экономическому прогрессу предстоитъ выполнить слѣдующую задачу: формировать въ настоящее время общественное имущество, которое бы не получало совершеннаго воплощенія, не было бы вполнѣ сковано, было бы достаточно раціонально разложено и служило бы этическимъ цѣлямъ общества; только при такихъ условіяхъ всѣ люди стали бы на твердую экономическую почву; только при такихъ условіяхъ могла бы быть согласована высшая плодотворность и хозяйственная индивидуализація съ желаемой подвижностью и энергическимъ снабженіемъ всѣхъ совладѣльцевъ. Соціетарное имущество хозяйственныхъ предпріятій является обновленной, удовлетворяющей требованіямъ времени формой общественной собственности: потому что оно не воплощаетъ въ себѣ постоянно измѣнчивыхъ цѣлей, легко обходится безъ народно-хозяйственныхъ измѣненій, не можетъ быть переложено по произволу отдѣльныхъ лицъ, дѣлаетъ возможнымъ выходъ отдѣльныхъ индивидуумовъ путемъ реализаціи акцій и служитъ этическимъ цѣлямъ. Послѣднее тѣмъ болѣе важно, что производительный союзъ, послѣ семейнаго союза, является организаціей, установляющей наиболѣе искреннія личныя отношенія; по этому, онъ долженъ имѣть первен-

ство даже надъ государственнымъ и общиннымъ союзомъ, какъ источникъ этическаго общенія, взаимной поддержки и взаимнаго попеченія.

Съ точки зрѣнія экономической, я нахожу, что всѣ эти замѣчанія имѣютъ глубокій смыслъ, не смотря на форму рѣчи, которая мало удовлетворитъ германиста, углубленнаго въ прошедшее своего отечества. Старинная германская общественная собственность слишкомъ сильно оформленная, неподвижно скованная, недостаточно раціонально распредѣленная и неспособная быть реализированной въ паяхъ совершенно не соотвѣтствуетъ экономическимъ требованіямъ современности; она препятствуетъ высшему оплодотворенію, приспособляющемуся къ измѣняющимся обстоятельствамъ хозяйства, и ослабляетъ индивидуальный хозяйственный интересъ по отношенію къ коллективной собственности. Современнымъ „интенсивнымъ“ требованіямъ хозяйства отвѣчаетъ, въ смыслѣ германской формы предпринимательской собственности, имущество асоціаціи, но отнюдь не имущество цеховъ и корпорацій.

Весьма жаль, что Марло не развилъ этихъ мыслей въ отдѣльности, и снова обратилъ исключительное вниманіе на общинную форму производства, пренебрегая *переходными* и *смѣшанными формами*.

Онъ не долженъ былъ оставить безъ вниманія того факта, что въ самостоятельномъ развитіи вспомогательной асоціаціи, на ряду и въ связи съ асоціаціей производства, идея „этической,“ связанной“ собственности получила уже осуществленіе свободное и весьма объемлющее. Онъ долженъ былъ обратить вниманіе на то, что общественная собственность, вполнѣ вещественно оформленная, вполнѣ скованная и совершенно не распредѣленная, также можетъ быть на долгое время оправдана и обладать спеціальной примѣнимостью; и долженъ былъ выяснить тѣ условія, при которыхъ возможна справедливая утилизація общественной собственности въ вышесказанной формѣ. Онъ долженъ былъ еще подмѣтить ту особенность, что кооперативное имущество можетъ быть самымъ плодотворнымъ образомъ комбинировано съ индивидуальной собственностью, какъ напр. въ асоціаціяхъ Делича, гдѣ коллективное имущество является пополненіемъ частныхъ капиталовъ ихъ сочленовъ; нако-

нецъ, съ имуществомъ семейнымъ, общиннымъ и государственнымъ, какъ напр. въ обществахъ страхованія жизни и ренты, въ государственныхъ и общинныхъ пансіонныхъ институтахъ и т. п.

Еще замѣтить должно, что Марло не достаточно обстоятельно разсмотрѣлъ съ экономической точки зрѣнія вопросъ объ индивидуальной собственности.

Онъ признаетъ безусловно необходимымъ существованіе индивидуальной собственности въ смыслѣ средствъ потребленія. Марло замѣчаетъ совершенно справедливо, что большинство всѣхъ цѣнностей находится въ исключительномъ потребленіи отдѣльныхъ индивидуумовъ, и что слѣдовательно отрицать собственность по отношенію къ средствамъ потребленія значило бъ отрицать наше существованіе.

Но онъ не обращаетъ достаточнаго вниманія на то, что и по отношенію къ средствамъ потребленія коллективная собственность можетъ во многихъ случаяхъ являться наиболѣе хозяйственной имущественной формой; справедливость этого замѣчанія достаточно удовлетворительно доказываютъ государственныя и общинныя учрежденія и отдѣльныя асоціаціи, какъ по отношенію къ потребленію вещественныхъ цѣнностей, такъ и по отношенію къ утилизаціи общественныхъ услугъ. Марло настолько необстоятельно касается этой стороны соціальнаго распредѣленія имуществъ, что во многихъ резюмирующихъ мѣстахъ своего труда совершенно игнорируетъ имущество въ смыслѣ средствъ потребленія, а разсматриваетъ въ немъ только средства производства (капиталы); такъ напр. онъ слѣдующимъ образомъ понимаетъ принципъ собственности (II, 801): „всѣ люди имѣютъ право возможно плодотворно обработывать (только-то?) природныя цѣнности и пользоваться плодами своего труда!“

Марло совсѣмъ не анализируетъ тѣхъ случаевъ, когда частная собственность, въ смыслѣ средствъ производства, является наиболѣе хозяйственной и наиболѣе плодотворной имущественной формой. А между тѣмъ, сколько есть такихъ случаевъ!

Опираясь на общее положеніе, что то вещное право наилучшее, которое дѣлаетъ возможнымъ наиболѣе общеполезное примѣ-

неніе природныхъ цѣнностей, Марло выводитъ слѣдующія условія, изъ которыхъ слагается вещное право:

1) Свободное предоставленіе еще незанятой природной силы въ пользованіе дѣйствительно производительной трудовой силы,—пресѣченіе сѣверо-американской сельско-хозяйственной спекуляціи и уэкфильдско-австралійской системы колонизаціи.

2) Развитіе общественныхъ имущественныхъ формъ на ряду съ частными (причемъ, какъ я уже замѣтилъ, общинная форма хозяйственной дѣятельности разсматривается слишкомъ односторонне и вводится слишкомъ принудительнымъ путемъ).

3) Употребленіе капиталовъ, не подлежащихъ умноженію, на общественныя цѣли. — Причемъ право отчужденія должно обусловливать возможно полное и справедливое вознагражденіе собственниковъ.

4) Противодѣйствіе пагубному для всѣхъ расточенію основныхъ капиталовъ.

5) Отмѣна законодательства „о чрезмѣрно густомъ населеніи, т. е. противодѣйствіе безграничному размноженію вышеуказанными мѣропріятіями и установленіемъ общинной формы производства, которая должна пробудить въ массахъ болѣе разумную заботливость о будущемъ.

6) Обезпеченіе права на трудъ для всѣхъ желающихъ трудиться, что—допуская совершенную дѣйствительность мѣръ противъ чрезмѣрнаго размноженія—было бы вовсе не опасно и гораздо менѣе обманчиво, чѣмъ существующее въ либеральныхъ государствахъ законодательство о бѣдныхъ.

7) Законное притязаніе неспособныхъ къ работѣ бѣдняковъ на достаточное жизненное продовольствіе, и устраненіе лицемѣрной системы попечительства о бѣдныхъ, которая только умножаетъ пролетаріатъ и увеличиваетъ нищету.

8) Противодѣйствіе общественному расточенію средствъ потребленія, посредствомъ соотвѣтственно высокаго налога на роскошь.

9) Изъятіе всѣхъ связующихъ распоряженій прежнихъ поколѣній относительно имущественнаго пользованія позднѣйшихъ, слѣдовательно всѣхъ жертвованій и фидеокомиссій:—требованіе,

которое заходитъ слишкомъ далеко по отношенію къ капиталамъ, подлежащимъ умноженію и лишаетъ общество весьма благодѣтельныхъ учрежденій, и совершенно излишне по отношенію къ основнымъ капиталамъ, не подлежащимъ умноженію, допуская, что требованіе подъ № 4 будетъ надлежащимъ образомъ выполняться.

Марло полагаетъ, что начертанное имъ федеральное вещное право будетъ вполнѣ упрочено, разъ что всѣ предпріятія, касающіяся человѣческой культуры (преподаваніе, науки), и извѣстная часть промышленныхъ предпріятій получатъ государственную организацію.

Относительно промышленности или реальнаго производства — въ руки правительства должны перейти:

Все лѣсоводство.

Все горное дѣло (что впрочемъ отнюдь не обусловливаетъ наиболѣе плодотворной эксплоатаціи горныхъ богатствъ и является совершенно излишнимъ, принимая во вниманіе доступность большей части горныхъ сокровищъ по отношенію къ общественнымъ потребностямъ).

Охота и рыбная ловля съ арендной системой; организаціи желѣзно-дорожныя, почтовыя и путей сообщенія.

Торговля со всѣми (!) товарами, которые могутъ быть выставлены въ государственныхъ товарныхъ складахъ.

Банковая администрація, которая будетъ служить центромъ всѣхъ (!) кредитныхъ операцій и источникомъ денежныхъ и вексельныхъ дѣлъ (!) внутри страны; такая банковая администрація должна слагаться изъ одного реальнаго государственнаго банка и нѣсколькихъ государственныхъ учрежденій личнаго кредита, при изъятіи наемной системы средствъ производства и всякой ссуды предметовъ продажи.

Точные статистическіе отчеты объ общемъ ходѣ производства; призрѣніе беспомощныхъ, переселенія въ колоніи (прекрасная монографія по этому предмету помѣщена въ началѣ третьяго тома).

На ряду со всѣмъ этимъ должны существовать всѣ частныя предпріятія, съ предоставленіемъ отдѣльнымъ лицамъ права свободно вступать въ нихъ и оставлять ихъ. Но эти предпріятія должны имѣть цеховую организацію, впрочемъ ограниченную: въ

сельско-хозяйственныхъ цехахъ, размѣрами земельныхъ участковъ; въ ремесленныхъ же — числомъ сотоварищей. Въ странѣ должна быть введена покровительственная система таможенъ, которая не будетъ доставлять чрезмѣрныхъ выгодъ иностраннымъ государствамъ, но будетъ допускать свободный ввозъ предметовъ, не производимыхъ внутри страны. Оставляя въ сторонѣ всѣ возраженія, которыя можно сдѣлать на эти требованія, я замѣчу только, что Марло совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что общинная форма хозяйственныхъ предпріятій, именно вслѣдствіе приписываемой ей высокой производительности, дѣлаетъ совершенно излишними цеховыя и таможенныя ограниченія.

Марло имѣетъ въ виду покрывать издержки по государственному домоводству изъ дохода съ государственныхъ предпріятій, съ таможенъ и налоговъ.

Налоги должны быть распредѣлены между отдѣльными гражданами по отношенію къ потребленію, превышающему ихъ необходимыя потребности. Идея прогрессивныхъ налоговъ выступаетъ въ формѣ прямаго налога на предметы роскоши, но Марло не подумалъ о томъ, что прямой налогъ на предметы роскоши дастъ ничтожный доходъ, а косвенный будетъ противенъ началу справедливости. Непонятнымъ образомъ, нашъ ученый федералистъ вовсе не подмѣтилъ того подспорья, которое необходимо должна оказать системѣ прогрессивныхъ налоговъ общинная форма производства съ ея очевидными для всѣхъ формами прихода. Марло сознается также, что при болѣе удовлетворительномъ положеніи массъ, бремя военной повинности могло бы быть ослаблено. Но я не нашелъ у него достаточно значущаго примѣчанія о томъ, что денежная аристократія, въ противоположность пролетаріату, не можетъ откровенно отступиться отъ постояннаго войска.

Послѣ критическаго разбора экономическаго ученія знаменитаго нѣмецкаго федералиста, мнѣ остается, въ заключеніе моего чтенія, привести мѣсто изъ этого ученія, гдѣ Марло самъ весьма обстоятельно выясняетъ отношеніе федерализма къ монополизму, либерализму и комунизму: гражданскій строй нашихъ предковъ обосновывался отчасти языческимъ началомъ привиллегій и притѣсненій (монополизмъ), частью христіанскимъ началомъ об-

щиннаго соединенія и взаимныхъ обязанностей. Федеральное общество отбрасываетъ всѣ языческіе принципы и обосновывается исключительно христіанскими. Въ средѣ его сохраняются всѣ нравственные институты среднихъ вѣковъ, но въ лучшей, совершенной формѣ; оно имѣетъ свои привлекательныя стороны — безъ ненавистей, свой блескъ — безъ оборотныхъ темныхъ сторонъ, свой романтизмъ — безъ варварства. Это общество, съ своими цеховыми организаціями, общинами, асоціаціями производства и семейными союзами, образуетъ одну великую асоціацію, разчленяющуюся на цѣлый рядъ болѣе мелкихъ, въ которыхъ интересы отдѣльныхъ членовъ совпадаютъ съ интересами всего общества. Отсюда слѣдуетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ прежняя организація производства смѣнилась новой, либеральной, монополисты станутъ въ совершенно иное положеніе относительно федеральной организаціи. Одна часть монополистовъ, которой всего дороже языческіе элементы монополизма, выскажется въ пользу либеральной организаціи, такъ какъ въ сущности подобная организація поставляетъ только измѣнчивыя монополіи на мѣсто постоянныхъ; другая часть монополистовъ, которая признаетъ болѣе важными христіанскіе элементы своей системы, отдастъ преимущество федеральной организаціи производства. Свободный выборъ дѣятельности по призванію, конкуренція и институтъ наслѣдственной частной собственности — вотъ тѣ пункты, въ которыхъ соприкасаются либерализмъ и федерализмъ — главное различіе обѣихъ системъ составляетъ цѣлый рядъ условій, вытекающихъ изъ федеральной организаціи производства: цеховая производительная дѣятельность, формированіе производительныхъ сферъ, гарантія труда, устраненіе непроизводительнаго производства, развитіе соціальныхъ предпріятій въ государственной формѣ, расширеніе государственной и частной общинной собственности, установленіе соціетарной формы производства, обезпеченіе индивидуумовъ противъ превратностей жизни и регулированіе роста народонаселенія. Обѣ правовыя идеи отличаются еще тѣмъ, что въ федеральномъ обществѣ свободный выборъ дѣятельности и конкуренція, хотя ограничиваемыя организаціей производства, фактически гораздо шире чѣмъ въ либеральномъ обществѣ, и въ послѣднемъ участіе всѣхъ въ наслажденіи

собственностью гораздо несовершеннѣе чѣмъ въ первомъ. Свобода дѣятельности по призванію шире потому, что всякій индивидуумъ располагаетъ вспомогательными средствами, необходимыми для утилизаціи его трудовой силы и снабженъ необходимыми капиталами; а конкуренція больше потому, что институтъ производительныхъ сферъ обусловливаетъ значительное умноженіе конкурирующихъ предпріятій. Подавленіе непроизводительной конкуренціи нисколько не ослабляетъ конкуренціи вообще, такъ какъ оно обусловливаетъ соотвѣтственное развитіе производительной конкуренціи. Тѣмъ не менѣе либералы не придутъ въ соглашеніе съ федерализмомъ. Особенно сильно возстанетъ противъ него фракція совершенныхъ либераловъ, которые назовутъ его новой соціалистической химерой, признаютъ въ немъ самую отвратительную форму полицейскаго государства, и по обыкновенію начнутъ противъ него борьбу не съ научными основаніями, но путемъ краснорѣчиваго восхваленія абстрактной свободы. Полулиберальная фракція возьмется за дѣло не такъ рѣшительно; такъ какъ она въ постоянномъ столкновеніи съ собственными началами, и склонна думать съ Ламартиномъ, что самые раціональные принципы, осуществленные съ полной послѣдовательностью, могутъ оказаться впослѣдствіи ложными, то послѣдователи этой фракціи находятъ, что федерализмъ слишкомъ обосновывается принципами и отвергаетъ его, какъ проектъ реформы, который въ практическомъ осуществленіи натолкнется на непреодолимыя трудности. Всеобщее соучастіе въ пользованіи природными цѣнностями, общинная форма производства и веденіе соціально-хозяйственныхъ предпріятій государственнымъ путемъ— вотъ тѣ пункты, въ которыхъ соприкасаются комунизмъ и федерализмъ. Существенное различіе между обѣими системами составляетъ рядъ условій, вытекающихъ изъ федеральной организаціи: иной характеръ частной жизни, наслѣдственная частная собственность, допущеніе конкуренціи, уравненіе заработной платы съ трудовыми пожертвованіями и регулированіе роста народонаселенія. Но, по отношенію къ этимъ различіямъ, замѣтить должно, что въ практическихъ результатахъ федеральное и комунистическое ученіе гораздо менѣе расходятся между собою. Неодинаковость жизненныхъ условій утрачиваетъ характеризующую ее черту, вслѣд-

ствіе устраненія нищеты и болѣе равномѣрнаго распредѣленія предметовъ потребленія; конкуренція, направленная не къ доставленію чрезмѣрныхъ доходовъ, а къ умноженію благосостоянія, перестанетъ дѣйствовать разрушительно; пагубное вліяніе капитала парализируется стѣсненіемъ производства, соціальная самостоятельность упрочивается примѣненіемъ общинной формы производства, а соединеніе всѣхъ членовъ общества, насколько такое соединеніе не противорѣчитъ ихъ индивидуальной самостоятельности, осуществляется путемъ ихъ включенія въ различныя асоціаціи, имѣющія цѣлью сплетеніе интерессовъ. Но не смотря на это, всѣ вышесказанныя особенности не примирятъ комунистовъ съ федерализмомъ. Обѣ комунистическія фракціи будутъ согласно утверждать, что федерализму не достаетъ мощи возвыситься до великой идеи совершеннаго братства; онѣ будутъ обвинять его въ стремленіи сдѣлаться посредствующимъ звеномъ между двумя идеями, по существу своему совершенно несогласимыми.

Положеніе, которое три большія напполистическія партіи приняли, въ силу своихъ принциповъ, другъ противъ друга, обусловливаетъ ихъ взгляды на развитіе исторической жизни. Либералы, основываясь на побѣдахъ, уже одержанныхъ надъ монополизмомъ, надѣятся не только окончательно его побороть, но и съ успѣхомъ противодѣйствовать нападеніямъ соціалистическихъ сектъ, къ которымъ они причисляютъ и комунистовъ, и федералистовъ, и всѣхъ вообще послѣдователей общинной формы производства. Но должно замѣтить, что либералы нападаютъ на различныя секты съ весьма различной точки зрѣнія. Комунисты сознали характеръ либеральнаго строя. Они поняли, что либерализмъ не разрушаетъ въ основѣ монополизмъ, но только стремится замѣнить прежнее сцѣпленіе монополій инымъ, не менѣе вреднымъ, а потому придаютъ весьма ничтожную цѣну побѣдамъ, одержаннымъ надъ монополизмомъ либеральной партіей. Они не отрицаютъ заслугъ либерализма по отношенію къ установленію демократическаго государственнаго строя и къ умноженію и расширенію производства, но признаютъ настолько неудовлетворительнымъ установленный либералами гражданскій строй, что подводятъ какъ либеральную, такъ и монополистическую систему подъ названіе „отжившей"

соціальной организаціи, и признають жизненное значеніе только за развиваемымъ ими самими строемъ общества. Не смотря на понесенныя ими пораженія, они исполнены рѣшимости продолжать открытую ими противъ монополизма и либерализма борьбу, и увѣрены въ конечномъ своемъ торжествѣ. Безсознательные комунисты воодушевляются идеей, истинную цѣнность которой не санкціонировалъ еще ни одинъ приговоръ опыта, а сознательные комунисты рвутся въ борьбу подъ впечатлѣніемъ озлобленнаго чувства приниженія. Если мы примемъ во вниманіе, что монополизмъ близится къ концу, что самый либерализмъ лишенъ всякаго зародыша живучести; если мы далѣе обратимъ вниманіе на настроеніе комунистовъ и на возрастающіе наравнѣ съ обнищаніемъ размѣры ихъ лагеря, то мы должны будемъ признаться, что комунисты не лелѣятъ черезъ чуръ смѣлыхъ надеждъ. Федералисты того мнѣнія, что либералы не въ состояніи долго противиться съ каждымъ годомъ усиливающемуся натиску ихъ противниковъ, и что ихъ союзъ съ монополистами, которымъ они окончательно себя демаскировали, отнюдь не усилитъ ихъ партіи. Далѣе, федералисты убѣждены, что побѣда комунизма надъ либералами и ихъ союзниками осуществится въ весьма отдаленномъ будущемъ, что она не будетъ продолжительна и что ей будетъ предшествовать длинный рядъ кровавыхъ пораженій. Они смотрятъ на либерализмъ и комунизмъ, какъ на двѣ враждующія изъ за главенства партіи, изъ которыхъ каждая способна исторгнуть у другой власть, но неспособна ее удержать. Исходъ революціи, по мнѣнію федералистовъ, можетъ быть двоякій: или полулиберальное общество преобразуется въ федеральное, вслѣдствіе того, что противники соціальной реформы устрашатся грозной картины комунизма и изъ чувства самосохраненія рѣшатся на установленіе федеральной организаціи; или же комунизмъ побѣдитъ существующія организаціи, но, неспособный отстоять выработанный имъ строй, только подготовитъ матеріалъ для федерализма, который воздвигнетъ новое зданіе на развалинахъ стараго общественнаго порядка. Хотя для всѣхъ борющихся партій мирный ходъ реформъ оказалъ бы гораздо болѣе благодѣтельное вліяніе, хотя насильственное разрушеніе существующаго соціальнаго строя озна-

менуется страшной картиной слезъ и крови, тѣмъ не менѣе федерализмъ не надѣется, что ихъ собственныя стремленія къ мирной реорганизаціи общества увѣнчаются успѣхомъ. Упрямство и ослѣпленіе высшихъ сословій заглушаетъ въ нихъ голосъ разсудка. Они будутъ приносить истинные свои интересы въ жертву воображаемыхъ и въ борьбѣ за удержаніе безчестнаго пріобрѣтенія утратять всякую собственность. Но торжество ихъ побѣдителей будетъ кратковременно; послѣднимъ не удастся воздвигнуть новаго зданія на обломкахъ общества; у нихъ не хватитъ силы установить соціальную организацію, противорѣчащую неизмѣннымъ законамъ природы,—и въ этомъ безсиліи федералисты видятъ лучшій залогъ своего собственнаго успѣха въ будущемъ. Какъ бы не была измѣнчива судьба, окончательный исходъ великаго міроваго движенія останется постоянно однимъ и тѣмъ же. *Исторія соціальной революціи есть исторія пораженія монополизма со стороны либерализма и комунизма; есть исторія взаимной борьбы за существованіе между либерализмомъ и комунизмомъ и которая должна окончиться торжествомъ федерализма* [1]).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

---

[1]) Федералистическая схема современнаго міроваго развитія.

Монополизмъ.

Либерализмъ. — Комунизмъ.

a) Совершенный либерализмъ. — a) Совершенный комунизмъ.

b) Полулиберализмъ. — b) Полукомунизмъ.

Покровительственная система таможенъ. — Система асоціацій.

Федерализмъ.